МУРАЦАН
ГЕВОРГ МАРЗПЕТУНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. В крепости Гарни

Замок родоначальника Айказа, перестроенный и богато украшенный Трдатом Великим[1], был неприступной крепостью во времена славных войн, хранилищем царских сокровищ в мирные годы, безопасным убежищем для княжеских семейств и надежным местом зимовок армянского войска. В то время, с которого начинается наше повествование, крепость, подвергшаяся в дни Вардана[2] по вине коварного Васака[3] великим разрушениям, была еще цела и невредима.

Твердыня эта высилась на одном из отрогов горы Гех, разделяющей области Мазас и Востан в араратской земле, на кряже, получившем позднее название Гегардасара в честь монастыря св. Гегарда, расположенного на его склоне.

Грозна и величественна была природа вокруг плоскогорья, увенчанного крепостью. Гигантские скалы, причудливые утесы, бездонные пропасти, глубокие ущелья, суровые горы с гордыми зубцами вершин тянулись от ближайших окрестностей крепости до самого горизонта. Перед крепостью, низвергаясь с высоты, мчал вспененные

воды поток, впадающий в реку Азат. Прорвавшись сквозь теснину, он соединялся с другой рекой и, лениво змеясь, выходил на просторную долину Двина, орошая и питая прохладой сады Востана.

Старинная крепость с пятью церквами, многочисленными строениями и башнями стояла на плоскогорье, где утесы чередовались с крутыми обрывами. Ее охраняли со всех сторон и природные, и созданные человеком твердыни. С севера нависали утесы, которые вдали сливались с горой Гех. С востока и запада крепость была защищена стенами и башнями, сложенными из гладко обтесанных глыб базальта, скрепленных свинцом и железом. С юга и севера поднимались природные укрепления из сплошных скал. Громоздясь, как гигантские башни над ущельями, они делали эту часть крепости грозной и неприступной.

На юго-восточном холме, почти у крепостных стен, как поднебесные великаны, высились мрачные строения царского замка с зубчатыми башнями и великолепный летний дворец Трдата, портики которого поддерживались двадцатью четырьмя ионическими колоннами. Еще целы были статуи и высокие резные своды дворца — творенья римского искусства. Из-под его портиков как на ладони был виден замок с уходящими вдаль величественными в своей суровой красоте горами. Летняя царская резиденция — чудесное место для прогулок — была одновременно отличным наблюдательным пунктом.

Наступила осень 923 года. Скудная зелень, покрывавшая скалистые склоны Гегардасара, давно уже сошла. Обнаженными стояли каменистые громады утесов и скал. Строгого величия Гегардасара не могли нарушить даже великолепные дворцы Гарни.

Смеркалось. На горных дорогах, пролегавших через ущелья, не было ни души. Те, кому приходилось идти через долину Двина, давно уже вернулись домой или заночевали в пещерах Айриванка; монахи давали кров и пищу запоздалым путникам-армянам, не решавшимся после наступления темноты появляться в ущелье Гарни, где хозяйничали шайки разбойников. Над окрестными ущельями и пропастями царила грозная тишина. Только изредка ее нарушало завывание горного осеннего ветра и доносившийся с высот шум реки.

Даже в многолюдном Гарни все будто вымерло. Сырой холод горной осени загнал обитателей крепости в жилища. Бодрствовали только часовые. В железных шлемах, с тяжелыми мечами у пояса, с медными щитами и длинными копьями в руках, они ходили взад и вперед у ворот крепости, перед башнями, вокруг замка, где в это время жила супруга Ашота Железного, царица Сааканyйш.

Хотя царь только что помирился со своим двоюродным братом Ашотом Деспотом и, захватив столицу Двин, изгнал оттуда чужеземцев, времена все еще были неспокойные. Арабские захватчики могли в любой момент напасть на столицу, ставшую в те дни яблоком раздора.

Царь был занят подавлением восстаний, вспыхивавших то здесь, то там, и царской семье оставаться в столице было опасно. Вот почему царица Сааканyйш и вместе с нею много других знатных семейств переехали в замок Гарни.

Несмотря на холодную погоду и наступающие сумерки, царица все еще оставалась во дворце Трдата. Последнее время она проводила здесь долгие часы почти одна, сидя на террасе, обращенной к ущелью. Она задумчиво смотрела на бурлящие внизу волны Азата, которые неслись, омывая прибрежные ивы и разбиваясь о камни, или же глядела на спускающуюся с горы Гех дорогу, где каждый всадник

привлекал ее внимание. Она следила за всадником до тех пор, пока тот, спустившись к ущелью Азата и свернув на гарнийскую тропу, не скрывался из виду.

Уже вторую неделю царица тревожно ждала кого-то, но — увы! — его все не было. Это мучило и беспокоило царицу, усиливая тоску, и без того терзавшую ее сердце.

Раньше царица сама избегала людей, чтобы никого не видеть, ни с кем не говорить. Ей хотелось быть одной со своими мучительными думами. Она раздражалась, если кто-нибудь осмеливался нарушить ее одиночество. А теперь? Она чувствовала себя такой усталой и одинокой, что сама искала человека, которому могла бы поведать о своем горе. Но — увы! — во всем замке среди приближенных женщин не было ни одной, кому она могла бы доверить свою сердечную тайну. Да если бы даже такая наперсница и нашлась, царица не рассказала бы ей ничего. Она не верила в женскую искренность, тем более в прямодушие женщин княжеского рода, равных ей по рождению. Царица была уверена, что каждая из них, посочувствовав ей для вида, в душе обрадуется ее несчастью; у всех были на то свои тайные причины. Она надеялась только на одного человека: он, думалось ей, не только посочувствует ей, но даже, быть может, облегчит ее страдания. Его-то и ждала она теперь с такой тоской. Однако вопреки своему обещанию и вести, привезенной гонцом, он все не появлялся.

Но вот к царице приблизилась пожилая женщина среднего роста. Лицо ее светится добротой, ласковые глаза улыбаются; она как будто боится своим приходом вызвать гнев повелительницы. Ей известно, почему так страдает ее госпожа, она все обдумала и все решила. Она искренне горевала о несчастье царицы еще тогда, когда та, ничего не подозревая, развлекалась со своей свитой в Сюнийских и Гугарских горах.

Это — Седа, кормилица царицы, обожающая свою молочную дочь, добрейшая и благороднейшая женщина. Она давно знала о несчастье, постигшем Сааканyйш, но ничего не говорила, ибо если нельзя помочь горю, то уж лучше не растравлять душу.

Но теперь, когда госпожа сама обо всем узнала, могла же Седа поговорить с ней, поплакать вместе и утешить ее? Она выкормила и вырастила Сааканyйш на своих руках.

Так думала порою Седа, но тотчас же возражала себе: «Нет! Сааканyйш — дочь гардманского князя, не только ее питомица, но и ее царица. Седа может целовать ей ноги, но говорить с ней как равная она, конечно, не имеет права».

С того дня как Седа поняла, что царица знает о своем несчастье, бедная женщина не находила покоя. Она была не в силах помочь царице и все же пыталась облегчить ее участь. Она как тень следовала за Сааканyйш, стараясь как можно чаще прерывать ее печальные думы.

— Уже смеркается, моя дорогая повелительница. Не соблаговолишь ли вернуться в замок? — подойдя к террасе, спросила Седа.

— Это ты, Седа? — с беспокойством обернулась Сааканyйш.

— Да, великая царица, я пришла сказать…

— И давно ты здесь? — подозрительно прервала ее царица, будто опасаясь, что кормилица могла подслушать ее тайный вздох или про себя сказанное слово.

— С тех пор как солнце зашло за гору.

— Но ведь я приказала, чтобы никто не нарушал мое одиночество…

— Да, преславная царица, и я не посмела бы ослушаться твоего приказа, но уже темнеет, поднялся ветер; ты можешь простудиться; я пришла напомнить, что пора возвращаться в замок.

— Напомнить? Что это значит, Седа? — спросила царица.

Добрая женщина смутилась, не смея сказать то, что было у нее в мыслях. Она почувствовала свою оплошность и в смущении опустила глаза. Легкий румянец, как бледная зимняя заря, тронул ее поблекшие щеки. Она поспешила скрыть свою неловкость под ласковой улыбкой, неразлучной с материнской нежностью и теплотой. Строгий пристальный взгляд царицы, устремленный на нее и, казалось, требовавший объяснения, постепенно смягчился. Седа почувствовала себя смелее. Она всей душой любила царицу и следила за ней не для того, чтобы узнать ее тайну, а чтобы сохранить ее здоровье, о котором она пеклась, как любящая мать. Разве искренняя любовь — преступление? Конечно нет. Поэтому она заговорила более уверенно:

— Я пришла напомнить, что холодно и царица может простудиться.

— Это мне и самой известно, — возразила Сааканyйш.

— Нет, госпожа, когда ты погружаешься в грустные думы, ты обо всем забываешь.

— Седа, мать Седа, ты бредишь! — прервала ее удивленная царица.

— Нисколько, моя дорогая госпожа, — заговорила Седа твердо. — Прошлый раз, во время сильной грозы, все укрылись в домах, даже воины, стоявшие на страже перед

замком. А ты все ходила, как будто вокруг тебя весна и ты находишься в нашем раю, там, в Гардмане.

Царица встрепенулась. Ей показалось, что кормилица укоряет ее в напрасной скрытности. Почудилось, что, может статься, она делает это в угоду какой-нибудь из княгинь, что ее несчастье известно уже всем и завистливые соперницы рады унизить теперь ее царское достоинство при помощи ее же слуг. Эти мысли взволновали ее, но, скрывая свои чувства, она спокойно спросила:

— Седа, кто тебе сказал, что царица, погружаясь в грустные думы, не замечает, что совершается вокруг?

— Никто, моя дорогая госпожа, это я вижу сама. Седа была бы слепой, если бы не заметила на лице своей повелительницы постоянной тоски, а на лбу — скорбных морщин. Давно, давно знаю я, какое горе терзает твое благородное и доброе сердце.

Царицу охватило волнение. Прежняя подозрительность сменилась внезапно чувством теплого доверия к кормилице. В ее голосе она услышала такую искренность и ласку, как будто с ней говорила родная мать. Не ответив, она задумчиво поднялась со скамьи и, выпрямившись, посмотрела на старуху глазами, в которых светилась доверчивая нежность. В эту минуту она желала бы выслушать от нее все, что та знала о ее страданиях, желала бы проверить сызнова все, что давно было известно ей самой. Но царская гордость не терпит слабости. До этого она никому не поверяла своих дум, значит, не будет говорить о них и с кормилицей. В то же время ей хотелось, чтобы Седа, не спрашивая разрешения, сама продолжала разговор.

Седа не поняла, о чем говорил задумчивый взгляд царицы. Ей показалось, что дерзкими речами она огорчила

свою госпожу. Избегая ее взгляда, она поспешила накинуть на нее пышную соболью накидку, которая соскользнула с ее плеч, когда царица встала со скамьи.

— Для таких услуг, мать Седа, ты уже стара. Где мои прислужницы? — мягко спросила царица.

— О, позволь мне одной служить тебе, моя нежная, моя бесподобная! Неужели Седа так постарела, что уже ни на что не годна?

— Мать Седа, я не это тебе хотела сказать…

— Или мое присутствие неугодно царице?

— Седа, ты прерываешь меня.

— Или своими неосторожными словами я огорчила свою госпожу?

— Нет, нет, моя Седа, твое присутствие мне приятно. Ты знаешь, что во время прогулок я никому не разрешаю сопровождать себя. Ты же всегда здесь и всякий раз, когда тебе хочется, прерываешь меня, не считаясь с тем, желает этого твоя царица или нет.

— Так я буду поступать и впредь, моя повелительница! Сердись на меня, если тебе угодно, но я не могу позволить, чтобы ты на долгие часы погружалась в тоскливые думы. Это может повредить твоему драгоценному здоровью.

— «Драгоценному»? Да, быть может, для тебя, моя добрая Седа, только для тебя… — прошептала тихо царица и, снова обращаясь к кормилице, сказала: — Ты имеешь право спорить со мной, мать Седа, я на тебя не сержусь… Да и впрямь я очень долго остаюсь на воздухе. Где мои прислужницы?

— Ты приказала, чтобы они не являлись без твоего зова.

— Так зови их, и пусть подадут мне носилки.

— Сказав это, царица прошла к концу колоннады и, остановившись там, стала смотреть на багровую луну, которая медленно поднималась из-за гор. Хотя было уже довольно холодно и дул ветер, но небо оставалось ясным и безоблачным. Загорались звезды, и диск луны, опустившийся на вершину горы, как волшебный светильник слабо озарял скалистые хребты и холмы. Пенистые волны Азата, несущиеся с высот, местами сверкали, как серебро.

Царица, плененная красотой лунного вечера, вновь погрузилась в раздумье. Еще немного, — она вернулась бы на свое место и вновь отдалась бы мучительным думам, но голоса прислужниц и свет факелов, которые несли слуги, вывели ее из оцепенения.

Царица обернулась. Вместе с прислужницами и кормилицей шла владелица крепости, княгиня Гоар Марзпетуни. Приблизившись, она почтительно поклонилась царице и мягко выразила свое неодобрение по поводу ее чрезмерной любви к одиночеству.

— Отсюда я слежу за дорогой, чтобы первой сообщить тебе весть о приезде князя Геворга, — ответила царица, ласково улыбнувшись.

— Я буду тебе благодарна, если только он привезет нам радостные вести, — сказала княгиня Гоар и протянула царице руку, чтобы помочь ей спуститься со ступеней.

— А если он не привезет их? — спросила царица.

— Тогда пусть крепостные ворота останутся для него закрытыми, — шутливо заметила княгиня.

Царица улыбнулась и ничего не ответила.

Внизу стояло четверо рослых слуг. Они держали в руках носилки, убранные цветным шелковым покрывалом с золотыми кистями. Прислужницы помогли царице сесть на носилки. Слуги факелами освещали путь к замку, до которого было несколько десятков шагов. Носилки двинулись вперед в сопровождении княгини и прислужниц.

Перед широкими сводчатыми воротами замка горели светильники. Вооруженные воины охраняли вход. Когда царица приблизилась, воины стали в ряд и в знак повиновения склонили копья так низко, что наконечники коснулись земли.

— Где ваш начальник? — спросила царица, поравнявшись со стражами.

— Здесь, преславная царица! — С этими словами к ней приблизился высокий, красивый молодой воин, выделявшийся среди других своим богатым вооружением и развевающимся на шлеме пером.

— Есть известия от начальника крепости?

— Господин начальник приказал сообщить: лучники и копьеносцы отправлены к бойницам; караульные стерегут стены; отряды стражей находятся на башнях.

— А крепостные ключи?

Мы ждем приказания царицы, чтобы запереть ворота.

— Почему так поздно? Уже темно.

— Из Айриванка приехал гонец. Он сообщил, что этой ночью сюда прибудет его святейшество католикос[4]. Начальник желает знать, могут ли остаться у него ключи до прибытия его святейшества.

— Скажи ему, чтобы он наложил засовы и явился ко мне.

Воин почтительно поклонился и зашагал по улице, ведущей к главным воротам.

У входа в замок царица спустилась с носилок и вошла в сводчатый круглый зал. Направо и налево четыре маленькие резные двери вели в покои нижнего этажа и в тайники замка. Посредине поднималась широкая гранитная лестница, которая наверху разветвлялась на две узкие лесенки. Левая вела в средний этаж, где были комнаты приближенных княгинь, правая — в верхние покои; там жила царица со своими прислужницами. Лестницы были сверху донизу покрыты сюнийскими коврами и освещены свисавшими со сводов медными лампадами.

Царица с помощью прислужниц поднялась наверх и, повернув направо, вошла в увенчанную куполом красивую палату с колоннами и нишами, резным карнизом и мозаичным полом. Отсюда сводчатые двери вели в другие покои этого этажа.

Царица миновала две маленькие комнаты, стены которых были выложены цветными изразцами, ярко блестевшими при свете серебряных лампад. Убранные коврами и подушками, эти комнаты предназначались для прислужниц. Отсюда царица проследовала в великолепный зал, освещенный четырьмя большими люстрами. Стены его были целиком облицованы шлифованным белым камнем, украшены колоннами из красного мрамора и арками.

Потолок из резного камня был выложен по углам мозаикой из цветных камней. Пол устлан коврами. У стен стояли тахты, покрытые шелком, с парчовыми подушками и валиками. Царица села в конце зала на парчовый диван. Одна из прислужниц, склонившись, подложила ей под ноги шелковую подушку, украшенную кистями.

2. Неприятное известие

— Не догадывается ли царица, зачем в нашу крепость едет в ночное время его святейшество? — спросила княгиня Марзпетуни, желая нарушить неловкое молчание, воцарившееся в зале. Сидя на покрытой шелком скамье против дивана царицы, она посмотрела на нее пристальным взглядом в ожидании ответа.

— Без сомнения, святейший владыка желает сообщить нам что-нибудь важное, — ответила царица многозначительно.

— А может быть, он просто хочет навестить царицу?

— Для этого нет нужды ночью выезжать из монастыря. Слава богу, Айриванк от нас недалеко.

— Меня чрезвычайно беспокоит его посещение.

— А меня беспокоит продолжительное отсутствие князя Геворга. Уже две недели, как он уехал. Если приезд католикоса связан с каким-нибудь новым несчастьем, то отсутствие князя подвергает нас двойной опасности.

— Неужели ты, преславная царица, сомневаешься в победе государя?

— Покорить наместника Утика невеликое дело, но победу посылает бог. Если бы государь победил, то князь Геворг был бы уже здесь. В крайнем случае он прислал бы

гонца с известием о том, что Цлик-Амрам разбит или взят в плен.

— Не приведи господь, дорогая царица, чтобы государь в войне с Цлик-Амрамом потерпел поражение. Это будет большим позором и для государя и для войска.

— И прежде всего для тех князей, которые оставили государя без помощи и заботятся только об укреплении собственных замков, — с горечью заметила царица.

— Конечно, охрану крепостей они могли бы поручить даже женщинам, — заметила княгиня, желая исправить свою ошибку.

— Значит, нам нечего ждать удачи.

— Но если будет угодно богу…

— Да, если только ему будет угодно, — с горькой усмешкой заметила царица.

Вошла прислужница и доложила царице, что начальник крепости просит разрешения войти.

— Пусть войдет, — приказала царица.

Через несколько минут вошел начальник. Это был высокий пожилой мужчина с серьезным благородным лицом, с проседью в волосах. На его туго стянутом поясе висел меч; в руках он держал медный шлем. Четким твердым шагом он подошел к царице и, низко поклонившись, попросил принять ключи от крепости, которые вошедший за ним слуга нес на серебряном блюде. Царица взяла ключи и передала их стоявшей неподалеку кормилице. Седа отнесла ключи в опочивальню царицы. Это был обряд, совершавшийся каждый вечер. Пока князь Марзпетуни, доверенный царя Ашота, был в Гарни, службу

начальника крепости нес он сам, и ключи от крепости находились у него. Но с того дня, как по приказу царицы он уехал в Утик, чтобы собрать сведения о походе царя и в случае нужды послать ему на помощь войска, должность начальника была передана старому воину по имени Мушег, который хотя и не был княжеского рода, но принадлежал к верным и испытанным слугам царского дома. Царица смело могла доверить ему крепостные ключи. Время было тревожное: то и дело приходили печальные вести, враг брал то одну, то другую крепость. Причиной была слабость гарнизонов или измены военачальников. Царица при всем доверии к Мушегу, заслужившему своею верностью столь высокую должность, все же для собственного спокойствия приказала, чтобы вечером ей отдавали ключи от крепостных ворот.

— Ты хотел, чтобы до прибытия его святейшества ключи оставались у тебя? — спросила царица.

— Да, преславная царица.

— Почему?

— Чтобы ночью не нарушать сон моей повелительницы.

— А разве ты не знаешь, что открыть крепостные ворота можно только с ведома царицы?

— Знаю, преславная царица, извини простодушие твоего слуги.

— Простота не преступление, мой добрый Мушег; это — слабость. Мы живем в злое время. На каждом шагу нужно проявлять осторожность. В котором часу прибудет его святейшество?

— Гонец не назвал часа, он сказал только, что католикос прибудет в эту ночь и просит открыть ему крепостные ворота.

— Ты не догадываешься о цели его приезда?

— Наверно, он хочет навестить царицу.

— Но почему ночью?

— Его святейшество очень скромен. Он избегает пышных встреч.

В эту минуту снова вошла прислужница и доложила, что князь Гор желает видеть царицу.

— Пусть войдет, — оживилась Сааканyйш.

Княгиня Марзпетуни весело посмотрела в сторону двери. Оживились и девушки-прислужницы. Можно было догадаться, что князь Гор всеобщий любимец. Вошел двадцатилетний юноша, высокий, красивый, вооруженный с головы до ног. На нем был меч, украшенный золотом, такие же налокотники и наколенники. В руке он держал блестящий шлем. Гор, улыбаясь, подошел к царице и поцеловал у нее руку. Потом, склонясь к своей матери, княгине Марзпетуни, он поцеловал и ей руку и стал рядом с начальником крепости.

— Каждый раз, как я тебя вижу, Гор, мне кажется, что ты или идешь на войну, или возвращаешься с поля боя. Почему ты всегда вооружен? — улыбнулась царица.

— Таков приказ моего отца, мать-царица.

— В такой поздний час и в запертой на все засовы крепости? Едва ли в этом есть нужда. Ведь ты находишься в хорошо защищенном царском замке.

— Каждую минуту я должен быть готов к защите. Кто знает, может быть, здесь, в одном из помещений замка, нас подстерегает злодей.

— О, да ты опасный человек, князь Гор! — заметила царица.

— Да, для врагов моей царицы и царя.

— Врагов, которых ты не знаешь?

— И которых я желал бы никогда не видеть в этом замке.

Княгиня Марзпетуни, глядевшая на него с материнской нежностью, пришла в восторг от этих слов.

— Ты прав, мой дорогой, однако один из таких врагов находится сейчас в нашем замке, — сказала царица с притворной серьезностью.

— Его имя?! — горячо воскликнул Гор.

— Притаившись в одном из внутренних покоев, он ждет удобного случая, чтобы нанести нам удар.

— Но кто же это? — нетерпеливо спросил юноша.

— Княжна Шаандухт…

Юный князь вспыхнул, а царица и княгиня рассмеялись.

— Откуда ты? Надеюсь, с добрыми вестями? — спросила затем царица.

— Да, вести неплохие, — ответил князь. — От католикоса прибыл второй гонец и сообщил, что его святейшество передумал. Он сюда не приедет.

— Почему?

— Этого гонец не сказал. Ворота крепости были заперты, я говорил с ним из окна башни.

Лицо царицы омрачилось. «Желала бы я знать, что заставило католикоса, ехавшего ночью в Гарни, изменить свое решение, — подумала она. — Может быть, он получил неприятные известия из Утика или узнал о скором наступлении врага?»

— Почему ты назвал это известие приятным? Разве тебя не радовал приезд его святейшества? — спросила царица.

— Нет, повелительница, — отрывисто ответил князь.

— Странно… — сказала Сааканyйш, внимательно посмотрев на юношу.

По лицу начальника крепости проболтала тень. И, словно испугавшись дальнейших объяснений Гора, которые могли оскорбить его религиозные чувства, он, испросив у царицы разрешение удалиться, отвесил поклон и вышел из зала.

Княгиня Марзпетуни заметила это. Огорченная невежливым ответом сына, она спросила его:

— Почему тебе неприятен приезд католикоса?

— Если царица прикажет говорить правду…

— Говори. Откровенность — наименьшее из преступлений, — заметила царица.

— Он едет к нам не для того, чтобы навестить царицу и дать ей свое благословение.

— Гор, говори осторожней! — прервала его княгиня Гоар, покраснев от волнения.

— Княгиня Гоар, оставь его, пусть он скажет то, что думает, — строго сказала Сааканyйш.

— Правдивость — враг осторожности. Я говорю перед моей царицей и матерью. Я повторяю: католикос едет сюда не ради благословения. Он хочет укрыться в Гарни.

— Укрыться? От кого? — спросила царица.

— Вероятно, он слышал, что на наш край готовится нападение, и хочет найти пристанище в Гарни.

— Если это так, он поступает благоразумно, переезжая в нашу крепость, — заметила княгиня Гоар.

— Нет, мать, он не должен бросать беспомощную братию в Айриванке и думать только о спасении собственной особы.

— Кто тебе сказал об этом? — с беспокойством спросила царица.

— Никто. Это мое предположение.

— Нельзя говорить, основываясь на одних предположениях, — вставила княгиня Гоар.

— Мать-царица, прикажешь продолжать?

— Говори.

— Это не только предположение: его святейшество, испугавшись Нсыра, преемника Юсуфа, оставил свои покои в Двине и укрылся в пещерах Айриванка. Нсыр рано или поздно пойдет на Двин и может захватить дворец католикоса и его поместья.

— Если востикан[5] готовится овладеть столицей, которую покинул сам царь, то нечего удивляться, если

Нсыру удастся захватить дворец католикоса. Разве может его защитить безоружное духовенство? — взволнованно сказала княгиня, не думая, что этими словами она огорчает царицу.

Сааканyйш, уязвленная словами княгини, медленно поднялась с дивана и, не глядя на княгиню, спокойно сказала кормилице:

— Седа, я устала, готова ли опочивальня?

— Да, дорогая царица, — ответила кормилица.

Холодно улыбнувшись княгине Гоар и молодому князю и пожелав им спокойной ночи, царица направилась в опочивальню. Седа и прислужницы последовали за ней.

— Что ты наделала, мать? Учила меня осторожности, а сама вонзила нож в сердце царицы! — воскликнул Гор.

Княгиня Гоар, утратившая на минуту свою обычную сдержанность, теперь опомнилась и застыла, словно пораженная громом.

— Я не хотела ее огорчить… Я не подумала… Эти слова вырвались помимо моей воли, — упавшим голосом сказала глубоко опечаленная княгиня.

Гор сердито ходил по залу. Вдруг он остановился:

— Скажи, все женщины так же забывчивы, как ты?

— Почему ты это спрашиваешь?

— Почему? А помнишь, на прощанье отец сказал, что у царицы тяжелое горе, и просил отвлекать ее от грустных дум. Ты забыла наказ отца и огорчила царицу.

— В этом ты виноват, Гор. Разве можно, основываясь на одном предположении, утверждать в присутствии царицы, что католикос бежит из Айриванка.

— Это не предположение, — прервал Гор, — а горькая истина.

— Ничего не понимаю.

— Я скрыл правду от царицы, не желая ее волновать.

— Какую правду?

— На нас готовится нападение.

— Гор, что ты говоришь? Какое нападение?

— Нсыр уже вышел из Нахиджевана и идет на Двин.

— Боже мой! Что ты сказал! — воскликнула княгиня.

— И как раз в тот момент, когда в столице нет ни царя, ни войска.

— Что же нам делать?

— Ты должна скрыть от царицы это известие. Мы же сделаем все, чтобы отразить нападение врага. Я иду к начальнику крепости.

Сказав это, юноша простился с матерью и быстрыми шагами вышел из зала. Растерянная и задумчивая, княгиня Гоар направилась в свои покои.

3. Рассказ кормилицы

Выйдя из зала, царица в сильном волнении прошла в опочивальню. Свет серебряной лампады, подвешенной к потолку, показался ей слишком слабым. Обычно по ее

желанию здесь зажигали только один светильник, но сегодня полумрак ей был невыносим.

— Прибавьте свету, на сердце и без того темно! — воскликнула царица, подходя к узкому сводчатому окну, обращенному к вершине горы Гех. Из окна, освещенного луной, веяло прохладой. Сааканyйш жадно вдыхала свежий воздух, словно желая умерить жар, пылавший в ее груди.

Одна из прислужниц внесла золотой пятисвечник и поставила его на круглый стол орехового дерева с инкрустациями из перламутра и слоновой кости. Из мрака выступила прекрасная комната, некогда опочивальня вечной девственницы, любимой сестры Трдата. Могущественный царь, любитель искусств, украсил эту комнату искусной художественной отделкой. Стены ее, облицованные цветными каменными плитами, поддерживались пятью парами каменных колонн. Их ионические капители соединялись арками. Гладкие части стен были из белого камня, а базы и капители из огненно-красного мрамора. Сводчатые ниши между арками были выложены цветными изразцами и обрамлены узким мраморным пояском. Пространство между нишами украшали резные гирлянды и орнамент. Карниз оживлялся резьбой из красного и черного камня. Стены по углам были покрыты узорчатой золоченой мозаикой. Дневной свет проникал через узкие сводчатые окна; убранство комнаты завершалось ложем царицы, занимавшим правый угол опочивальни; оно было задернуто пурпурным занавесом с золотой бахромой и кистями.

Кормилица, подойдя к ложу, отодвинула тяжелый полог, за которым стояла постель, убранная тончайшими тканями, парчой и персидскими цветными подушками. Затем ласково спросила:

— Не желает ли царица отдохнуть?

— Да, я очень устала, — ответила Сааканyйш и, отвернувшись от окна, приказала прислужницам снять с себя одежды. Но лицо царицы выражало в эту минуту не усталость, а душевное волнение, что, впрочем, придавало особую прелесть ее глазам и всему ее царственному облику. Две прислужницы сняли с нее обычные украшения: массивные византийские запястья и серьги. Затем сняли золотое ожерелье, которое обвивало ее шею цвета слоновой кости, и пояс из драгоценных камней, стягивавший тонкий стан. Потом отстегнули рубиновую пряжку, — она сдерживала у левого плеча златотканое одеяние. Прислужницы развязали жемчужную повязку в волосах царицы, причесанных по греческой моде. Тяжелые косы, освобожденные от золотых пут, покрыли волнами полуобнаженную грудь и плечи Сааканyйш. Царица села на постель и потребовала псалтырь. Одна из прислужниц подошла к изголовью, достала из маленького ларца книгу в золотом переплете, украшенную каменьями, поцеловала ее и подала царице, придвинув к ней светильник.

— Мне больше ничего не нужно, идите отдыхать. На ночь со мной останется Седа, — сказала царица прислужницам.

— Не отведаешь ли чего-нибудь? — с нежной заботой спросила Седа.

— Нет.

— Может быть, выпьешь чашку фруктового сока?

— Хорошо, принесите что-нибудь освежающее, — сказала нехотя Сааканyйш.

Прислужницы вышли. В опочивальне воцарилась тишина. Царица раскрыла псалтырь, но глаза ее не видели букв. Она не читала, она только прятала свой взор от Седы, чтобы та, до ухода прислужниц, не начала разговора.

Наконец девушки вернулись, неся на серебряном блюде золотую чашу с напитком, приготовленным из фруктового сока и меда, и отборные фрукты из араратских садов.

— Можете идти, — сказала им царица, когда они поставили блюдо на стол.

Прислужницы низко поклонились и, пожелав царице спокойного сна, удалились. Царица облегченно вздохнула. Положив книгу на стол, она повернулась к Седе, стоявшей у изголовья, и спросила:

— Седа, ты слышала, что сказала княгиня Гоар?

— Да, царица, слышала.

— Ты поняла намек, относившийся к твоему государю?

— То, что его нет в Двине?

— Да. И что он все время проводит в Утике…

— Нет, царица, об Утике ничего не было сказано.

— Как? Значит, я ослышалась?

— Все, что сказала княгиня Гоар, я могу повторить дословно. Утика она не называла.

— Что ты говоришь, женщина? Значит, я… Но нет! Я же помню, что она намекнула на Утик. Неужели ты не заметила моего волнения?

— Да, дорогая госпожа, я заметила, что намек на отсутствие царя расстроил тебя. Но об Утике речи не было. Вероятно, из слов княгини «государь покинул столицу», ты заключила, что государю угодно быть в Утике. Тебе показалось, что ты слышала эти слова, но я помню хорошо, что она их не произносила…

Слова кормилицы успокоили царицу, она пришла в себя. Ей стало стыдно, что она поддалась игре воображения, но тут ей вспомнилось, что она еще ничего не сообщила Седе о своем горе. Зачем же она так откровенно говорит с ней об Утике? Эта мысль подействовала на нее угнетающе. Поняв, что чаша переполнилась и что она не в силах больше вынести тайных страданий, она неожиданно спросила Седу:

— Седа, что ты знаешь об Утике?

Седа посмотрела на царицу взглядом, выражающим удивление и неуверенность, и ничего не ответила.

— Седа, тебя спрашивает царица, почему ты молчишь?

— Об Утике, дорогая повелительница, я знаю многое, я знаю все.

— Да, помню, часа два тому назад, на террасе, ты сказала то же самое; ты сказала, что мое горе давно известно тебе, но ты не осмеливаешься тревожить меня разговорами и не хочешь растравлять моих ран. Не так ли, Седа?

— Да, дорогая царица, я именно так и сказала.

— Ну, говори теперь смелее. Своими словами ты не разбередишь моих ран, а можешь успокоить боль.

— Но если…

— Нет, нет! Мне нужен теперь верный друг, подруга, кому я могла бы открыть свое сердце. Будь моим другом, мать Седа, я больше не в силах одна переносить свое горе.

— Но ведь тебе уже все известно. Почему ты хочешь еще раз выслушать рассказ о своих горестях?

— Не спрашивай об этом, Седа. Я хочу услышать снова все, что знаю, и то, что до сих пор скрывали от меня.

— Но… я не знаю, с чего начать.

— С начала, с самого начала. Ночь длинна, а я все равно не смогу уснуть.

— Разговор мой короткий, царица, все можно высказать в нескольких словах: «Государь любит жену Цлик-Амрама». Вот и все.

Царица вздрогнула, будто молния пронзила ее сердце. Душа ее пришла в волнение, подобно морю, в которое упала сорвавшаяся с высоты скала. Лицо ее порозовело, лоб увлажнился. Она не ждала такого краткого и прямого ответа. Она хотела услышать все, но не так быстро и не так обнаженно… Чтобы какая-то кормилица посмела при ней непочтительно говорить о ее супруге, государе? Неужели подобает царице выслушивать такие речи?

— Замолчи, Седа! — неожиданно приказала она, сама не зная, что ей нужно от бедной женщины.

Седа смутилась. Испуганными, немигающими глазами смотрела она на Сааканyйш, не понимая причины ее гнева. Но царица молчала. Опустив глаза, она сурово смотрела вниз. Прошло несколько минут. Волнение уступило место здравому рассудку. Царица подняла глаза. Робкий взгляд и искаженное страданием лицо кормилицы заставили сжаться ее чуткое сердце. «Стоит ли из-за него обижать бедняжку? Зачем так упорно лицемерить?» — подумала царица и, протянув руку кормилице, ласково сказала:

— Седа, подойди, дай мне твою руку.

Седа подошла нерешительными шагами, не осмеливаясь протянуть своей руки.

— Подойди, дай мне руку!

Седа протянула царице свою мягкую белую руку.

Сааканyйш взяла ее и нежно, глядя в глаза кормилице, произнесла:

— Мать Седа, я тебя обидела, прости меня! — Сказав это, она поцеловала руку кормилицы так быстро, что Седа не успела ей помешать.

— Моя царица, моя славная повелительница, что ты делаешь? — вздрогнув, воскликнула Седа и, опустившись перед Сааканyйш на колени, прильнула к ней. Не в силах сдержать себя, она расплакалась.

— Не волнуйся, Седа, я поцеловала руку, которую много раз целовала в детстве, она так часто ласкала меня и оберегала. Я поцеловала руку женщины, которая выкормила меня своим молоком и была мне второй матерью. Встань, Седа, обними свою Сааканyйш. Помнишь, ты не раз говорила, что имя Сааканyйш очень длинное и тебе хочется называть меня Саанyйш? Как безвозвратно умчались нежные дни детства и сколько радостей бесследно исчезло вместе с ними! Из всего прошлого ты одна осталась у меня, моя добрая Седа. Встань, обними и поцелуй меня.

Седа поднялась и, взяв в свои руки прекрасную голову царицы, стала покрывать поцелуями ее светлый лоб и обнаженные плечи, наполовину прикрытые густыми волнистыми волосами.

— Ах, как нежны материнские поцелуи! — прошептала Сааканyйш и, прильнув к кормилице, зарыдала. — У меня нет матери, Седа! Будь же мне матерью.

— Не плачь, моя бесценная Саануйш, я твоя мать, твоя служанка, твоя раба! Не плачь, моя дорогая повелительница!

Они долго плакали в объятиях друг у друга. Потом кормилица встала и подошла к столу. Взяв чашу, она наполнила ее фруктовым соком и подала царице.

— Выпей, это успокоит тебя.

Но Сааканyйш, не видя и не слыша ничего, вдруг заговорила словно в забытьи:

— Ах, Седа, почему я не вышла замуж за какого-нибудь пастуха?..

— Что ты говоришь, царица? — в недоумении спросила Седа.

— Да, тогда наши князья стали бы высмеивать Саака Севада. Сказали бы, что могущественный князь Гардмана выдал свою дочь за горного пастуха. Я не была бы армянской царицей, супругой Ашота Железного, меня бы не украшали великолепные драгоценности, золотая парча, серебро и слоновая кость. И войска не склоняли бы передо мной знамена и копья. Но в пастушьей хижине моя душа и сердце были бы спокойны, мой отец и любимый брат не лишились бы зрения, и я тайными слезами и вздохами не оплакивала бы беспрестанно старость одного и цветущую молодость другого… И все из-за наглой и низкой женщины… Ах, я теряю рассудок, как подумаю об этом…

— Царица, ты опять волнуешься. Выпей, умоляю тебя! Напиток успокоит твое сердце, — просила Седа.

Царица взяла чашу и отпила немного. Освежающий напиток умерил огонь, горевший в ее сердце. Она умолкла. Седа, воспользовавшись этим, выбрала из принесенных

прислужницей фруктов кисть золотистого винограда и подала ее царице.

— Это тоже успокоит тебя, отведай несколько ягод, — предложила она.

— Хорошо, но присядь ко мне и расскажи все, что знаешь, — велела Сааканyйш.

Седа повиновалась. Придвинув к постели скамью, она села.

— Так. Теперь начинай.

— Ты взволнована, моя царица. Зачем говорить о наших несчастьях? — взмолилась Седа.

— Я желаю знать все, что знают другие о моем горе. Это необходимо, это может помочь делу, и потому ты должна рассказать мне не только то, что знаешь сама, но и все, что слышала от других.

— Если это поможет тебе…

— Да, непременно поможет, — сказала царица повелительным тоном.

Седа склонила голову и погрузилась в раздумье. Она, видимо, старалась воскресить в памяти прошлое. Это было нетрудно. То, о чем она должна была рассказать, произошло в течение последних четырех-пяти лет. Седа ничего еще не успела забыть. Но ее мучила мысль, рассказать ли царице все, что было ей известно, или только то, что могло удовлетворить любопытство Сааканyйш и не причинить ей новых огорчений. Царица догадалась о сомнениях Седы и сказала с грустной улыбкой:

— Знаю, моя добрая Седа, почему ты не решаешься говорить. Ты не хочешь волновать меня, не так ли? Но

скрытая рана доставляет больше страданий, чем открытая. Говори свободно и искренне. Этим ты принесешь облегчение моему сердцу, а я обещаю тебе, что буду слушать спокойно.

— Да, моя славная царица, я боялась, не взволнует ли тебя мой рассказ. Но теперь, раз ты угадала мои мысли и обещаешь слушать спокойно, я поведаю все, что знаю, не утаив ничего, если это, как ты говоришь, может помочь тебе.

Седа уселась поудобнее, поправила полы своей одежды и, устремив взгляд на полную ожидания Сааканyйш, начала мягким спокойным голосом свой рассказ.

4. О том, как решалась судьба Сааканyйш

— То, о чем я должна рассказать тебе, милая царица, относится к недавнему прошлому. Многое из этого, вероятно, помнишь и ты, — так начала Седа. — Прошлое умерло и не воскреснет, но в нем скрыт корень наших печалей, и, если мы хотим смягчить их, нам надо вернуться к прошлому.

— Да, Седа, ты должна начать с прошлого, потому что мое настоящее схоронено в могиле. Может быть, в твоих рассказах я найду то, что оправдает его передо мной. О, как бы я хотела, чтобы он был невинен!

— Ты говоришь о государе?

— Продолжай, Седа! Об этом после.

— Ты была тогда еще юной девушкой и порхала во дворце отца весело и беззаботно, как бабочка в весеннее утро. Твоя покойная мать горячо любила тебя, а князь Гардмана нежно ласкал и баловал. Ты была единственной радостью своих братьев. Какие только развлечения не

придумывались для тебя! Во дворце Саака Севада было одно только украшение — прекрасная Саакануйш; во всем Агване одна звезда — княжна гардманская. Ты помнишь праздники и игры, которые так часто устраивались во дворце твоего отца, скачки и состязания, которые происходили перед нашей крепостью? Все это делалось ради тебя.

— Почему ради меня, мать Седа? Ведь отец мой был человек веселого нрава.

— Нет, моя дорогая, таким его считали другие. Соседние князья даже порицали его за неуместную расточительность. Но владелец Гардмана не был ни мотом, ни гулякой. Он был единственным князем армянской земли, который наряду со скромностью, умеренностью и смелостью любил и ценил знание. В своем княжестве он основывал школы, приглашал учителей, и в монастырях Гардмана процветала наука. Все это тебе хорошо известно.

— Конечно.

— Вместе с тем он был и большим хлебосолом. Его часто посещали арцахские, сюнийские, васпураканские и многие другие именитые князья и даже члены царской семьи. Разве мог владелец Гардмана отказать им в подобающем приеме? Тем более что многие из них посещали Гардман с тайной целью добиться права называться женихом его прекрасной дочери. Родители об этом тебе ничего не говорили, но все праздники, турниры и скачки устраивались для того, чтобы ты имела возможность выбрать среди соперничавших между собой князей милого сердцу и достойного твоей любви жениха. Отец твой не хотел отдавать предпочтения никому из тех, кто просил твоей руки. Все они были храбрые, красивые, богатые и доблестные князья. Принимая одного и отказывая другому, он мог возбудить зависть и вражду

между ними. Он видел, что большая часть гибельных распрей в нашей стране происходила от подобных причин. Вот почему он всем говорил: «Моя Сааканyйш станет невестой того князя, которого она сама выберет». Этому условию безропотно покорились все. Но если ты помнишь, ты не выбрала ни сюнийского князя Смбата, ни государева брата Гургена Арцруни, ни храброго Ашота Андзевского, ни владетельного князя могцев Григора и никого из сепухов[6] из рода агванцев.

— Да, помню, никто из них не пришелся мне по сердцу. О, как я жестоко наказана за свою гордость…

— Царица, если ты волнуешься, прикажи мне замолчать.

— Нет, Седа, говори, но не начинай так издалека.

— Так надо, дорогая госпожа, лучше рассказать все по порядку, чем торопиться и не упомянуть о главном.

— Ты, верно, хочешь, чтобы я заснула, не дослушав главного? — улыбнулась царица.

— Нет, я… все расскажу, — произнесла Седа, улыбаясь через силу.

— Поняла, поняла твою хитрость. Добрая женщина, как ты заботишься обо мне!.. Но все равно я не буду спать в эту ночь, а поэтому расскажи все, что знаешь. Я жду.

— Итак, милая царица, ты отказала всем женихам и этим повергла нас в печаль. Мать твоя была недовольна тем, что князь предоставил тебе право выбора. Да и я, что греха таить, была согласна с княгиней. Но отец твой качал головой и говорил: «Моя Саанyйш выберет себе достойного жениха. Ее супруг, вероятно, будет иметь титул выше княжеского».

— Несчастный! Он предвидел мою судьбу… Но если бы он мог также предугадать, что этот жених, имеющий титул выше княжеского, принесет ему, моему бедному отцу, такое несчастье…

— Прекратим беседу. Как бы я осторожно ни говорила, я взволную тебя. Ты не можешь слушать спокойно. Хочешь, я расскажу тебе об умерщвленных мучениках Давиде и Гургене, князьях Гнуни? О, какая это потрясающая и вдохновенная повесть… Это произошло в Двине, восемь лет тому назад, по приказанию Юсуфа, этого исчадия ада.

— Продолжай, Седа! У меня нет желания слушать рассказы об убийствах. Продолжай, я буду молчать.

— Хорошо, посмотрим… Итак, пророчество князя сбылось. Помню, как сегодня. Счастливые то были дни… и вот они прошли. Но что не проходит в этом мире? «Суета сует и всяческая суета», — сказал Соломон.

— Как ты медленно рассказываешь, Седа!

— Сейчас, сейчас, моя повелительница, больше не буду медлить, — сказала Седа, тоже улыбаясь. — Но не томись, если я начинаю издалека. Что делать? Не могу забыть этих памятных событий.

— Говори, мне не скучно.

— Да, когда царя Смбата распяли перед Двином… какие тяжкие дни нам пришлось пережить, даже вспомнить страшно… Тогда царевич Ашот находился еще в Утике.

— Опять Утик? Ах, Седа, не произноси этого названия, я не хочу его слышать…

— Царица…

— Пусть сгинет Утик, чтоб мне не слышать больше о нем! — воскликнула царица, и от внутреннего волнения так изменилась в лице, что Седа съежилась, как человек, совершивший преступление. Она умолкла и робким взглядом следила за Сааканyйш. Царица не смотрела на кормилицу. Ее прекрасные, тоскующие глаза были устремлены в окно, сквозь которое проникал в комнату молочный свет луны. Казалось, царица разглядывала лунные блики на оконной нише, смотрела на смутно виднеющиеся вдали темные горы. Но это было не так. Она не видела ничего. Сердце ее было взволновано, душа смущена, а мысль витала в темном, пустом пространстве. Неясные картины ее горестей не занимали ее. Мысленно она была в темной, беспросветной дали, где царили одиночество и молчание.

Царица долго оставалась в таком состоянии. Наконец она глубоко вздохнула. Утомленная, как, после тяжелого труда, она посмотрела на Седу и кивнула головой. Бедная кормилица, не дыша, скрестив руки на груди, смотрела на царицу. Ей казалось, что ее любимая Сааyйш, не имея сил вынести тяжести горя, сходит с ума. Она растила ее бережно и нежно, словно прекрасную лилию в царском цветнике. Только весенний ветерок мог касаться и колыхать ее, только утренняя роса могла омывать ее лепестки. И вот этот цветок, эта белоснежная лилия сломлена жестокой бурей, ударами тяжкого горя. «Как перенести ей это?» — думала Седа. Заметив устремленный на нее безмятежный и спокойный взгляд царицы, Седа перевела дух и опустила руки.

— Продолжай, Седа, — сказала царица мягким, умиротворенным голосом.

— Продолжать? Но… не знаю, не помню, где я остановилась… Меня так смутило твое волнение…

— Ты рассказывала о царе Смбате и о том, как его распяли перед Двином.

— Да, вспомнила, но зачем говорить?.. Моя царица, мой ангел, ты огорчаешься. Твоя Седа постарела, рассказы ее причиняют тебе боль. Что мне делать?

— Нет, Седа, так лучше. Я теперь вижу, что твой рассказ помогает мне. Это хорошо. Я, вероятно, скоро примирюсь со своей участью. Продолжай!

— Конечно, конечно, нельзя же все время страдать. Бог никого не создал для страданий. Мой ангел, отпей немного сока, он успокоит тебя, — сказала Седа, осмелев от слов царицы, и, встав с места, принесла ей питье. Царица нехотя выпила и, чтобы не огорчить Седу, не выказала своего недовольства. Вернув чашу, она оперлась о бархатные подушки и продолжала молча слушать рассказ.

— Итак, этот ужасный, позорный удар обрушился на нас. Нашего святого, доблестного государя распяли на кресте перед самой столицей. Если б армянские князья объединились и поддержали своего героя-государя, они общими силами могли бы противостоять врагу родины. И не случилось бы несчастья, если бы изменник Гагик Арцруни, ослепленный тщеславным желанием царствовать, не присоединился к востикану Юсуфу, лютому врагу нашей родины, и не удвоил бы его губительной силы. Он помог Юсуфу вторгнуться в нашу страну; гибли армянские воины, превращались в руины замки и дворцы. Все это видел доблестный царь, находящийся в крепости Капуйт. Враг был бессилен взять крепость. Но царь не мог равнодушно смотреть на тысячи жертв, на беспрестанно льющуюся кровь. Он сказал: «Враг преследует только меня. Неужели я допущу, чтоб родина моя погибла? Не лучше ли спасти ее своей кровью, раз изменники-князья притупили наши мечи и мы силой оружия не можем противостоять врагу?» Он

вышел из крепости и отдал себя в руки врага, совсем как Христос, учитель любви и мира, отдал себя дикой, озверелой толпе, чтобы быть позорно распятым на Голгофе…

При этом присутствовал и Гагик Арцруни, армянский Иуда. Нет, его нельзя назвать даже Иудой. У Иуды была хоть какая-то совесть. Когда Иуда понял, что предал своего невинного и доброго учителя за тридцать сребреников, он повесился. А Гагик Арцруни, увидев, что самоотверженный и храбрый царь погиб от руки врага, сел на лошадь и поспешил в свою страну, чтобы там увенчать себя короной, полученной от Юсуфа и проклятой народом. И это чудовище еще живет на свете, устраивает в Васпуракане празднества, а на острове Ахтамар воздвигает, говорят, великолепный храм. Зачем? Неужели он хочет усыпить гнев предвечного или спасти себя от проклятий будущих поколений? Почему, о милосердный господь, ты не разрушишь над ним церковные своды? Неужели ты примешь молитвы и литургии, которые будут служить тебе в храме, воздвигнутом рукой изменника?..

Воспоминания растревожили Седу. Губы ее задрожали.

— Род Арцруни богат изменниками, — сказала царица, — добра ждать от них нечего. Меружан Арцруни вступил в сговор с Шапухом, чтобы уничтожить христианство в Армении и похитить престол у Аршакуни. Но тогда народ был силен, и изменник был жестоко наказан. Вače Арцруни со своими сторонниками присоединился к Враму и, предав армянского царя Арташира, погубил царство Аршакуни. А теперь Гагик Арцруни вступил в союз с арабами в надежде уничтожить все, что имели Багратуни, — и только потому, что царь Смбат не отдал ему Нахиджеван, который является родовым владением сюнийского князя Смбата. Не надо

волноваться: не может шиповник приносить виноград, а терновник — смоквы.

— Как же не волноваться, когда видишь, что после всех этих преступлений он собирается воздвигнуть себе памятник для обмана грядущих поколений?

— Его храм не будет стоять вечно, — сказала царица, — но имя предателя останется за ним навсегда. Гагик позаботился о своем имени. Говорят, монах из его рода, Фома Арцруни, пишет историю дома Арцруни. Конечно, этот монах причислит своего родича к героям. Но напишут и другие, Седа. Правда обнаружится. Однако о чем мы с тобой говорили?..

— Я рассказывала о том, как твой супруг-герой, услыхав о мученической смерти своего отца, царя Смбата, о падении Ерынджака, о взятии в плен Юсуфом сюнийской княгини и других знатных женщин, с быстротой молнии спустился в Багреванд. Он был охвачен пламенной жаждой мести. Надо было видеть его, когда он с войсками проезжал через Гардман. В те дни ты с матерью-княгиней гостила в Хачене. Подобно горному потоку, подобно весенней грозе, пронесся он через наши равнины. Войско его было невелико, всего шестьсот человек, но каждый из них победил бы сотню арабов. Все воины были высокие, статные, в броне, они были вооружены железными щитами, могучими копьями, тяжелыми мечами. Глаза их метали искры. А сам царевич!.. Разве я в состоянии его описать? Он был как древний бог. Когда трубы возвестили о появлении царевича и он на сюнийском коне подъехал с передовым отрядом к крепости, Гардман дрогнул. Народ, затаив дыхание, следил за ним. И сколько уст в эту минуту благословляли его, желая ему удачи!

Около замка он сошел с коня. Все увидели, что это настоящий витязь — высокий, широкоплечий, смуглый, с

красивыми живыми глазами, которые светились добротой, когда он говорил с нами, и сверкали огнем, когда он отдавал приказания войску. По случаю смерти отца он был еще в трауре. Он не носил золотых и серебряных украшений. Даже шлем его был из вороненой стали. Лицо его было печально. Но это ничуть не умаляло его мужественной красоты.

С князем Сааком они обнялись у входа в замок. Они расцеловались и прослезились, вспомнив смерть несчастного государя. Царевич оставался у нас всего несколько часов. Все усилия князя задержать его хотя бы на день оказались тщетными. «Не время угощать и угощаться, князь, — сказал он твоему отцу, — враг унижает нашу страну, надо спешить ей на помощь».

— Я дам тебе отряд моих храбрецов, если ты обещаешь после удачного похода вернуться в Гардман и погостить у меня хотя бы неделю, — сказал князь царевичу.

— Обещаю вернуться после спасения моей страны, — ответил царевич. — А за твою помощь я в долгу перед тобой. На храбрость гардманского войска я могу положиться.

И князь дал царевичу отряд из пятисот храбрецов, которые охраняли границу Гардмана.

На закате царевич уехал с войском, полученным от князя. Никогда не забуду минуты, когда он, расцеловавшись с князем Сааком, пришпорил своего словно окрыленного коня. Сотни гардманских девушек впились в него глазами. Сверкнув в воздухе стальным мечом, он громко воскликнул: «Вперед, мои храбрецы!» Ущелье Гардмана ответило таким гулким эхом, словно крикнуло сто человек. «Да здравствует царевич! Да здравствует на многие лета!» — загремело войско и помчалось вперед.

Князь проводил царевича до гардманского моста, а вернувшись, сказал мне:

— Седа, я рад, что Сааануйш не было сегодня. Этого, видно, хотел бог.

— Почему? — спросила я князя.

— Царевич красивее всех князей, которые просили руки моей дочери. Если бы Сааануйш была здесь, этот богатырь, наверное, покорил бы ее сердце.

— Ну, что ж? — сказала я князю. — Неужели ты отказал бы будущему армянскому царю?

— Нет, Седа, я бы не отказал. Но еще не известно, наследует ли он престол отца. Ему предстоит трудная борьба с внутренними и внешними врагами. Для этого нужна гигантская сила, великий труд и большой опыт. И кто знает, удастся ли царевичу одержать победу?

— А если царевич будет побежден? — спросила я.

— Тогда он потеряет престол. В этом случае моя дочь была бы несчастна. Теперь же она свободна от этого страха. Если Ашоту удастся унаследовать престол отца, я сделаю его своим зятем.

— А может быть, гардманская княжна не покорит его сердце? — спросила я князя.

— Тогда это сделает за нее поддержка могущественного Саака Севада, — сказал князь уверенно. — Отряд храбрецов, который я ему дал, — залог обручения. Он сказал: «Я в долгу перед тобой». Мы поняли друг друга, и царевич вспомнит свое обещание, тем более что и в будущем ему нужна будет моя помощь.

— Значит, моя Саануйш будет царица? — спросила я твоего отца.

— Да, я решил это, как только царевич въехал в Гардман, — ответил князь твердым голосом.

— В этот день, моя дорогая Саануйш, была решена твоя судьба.

5. О том, какие препятствия угрожали судьбе Сааканyйш

— Войско царевича уже до прихода в Гардман, — продолжала Седа, — вступило в бой с отрядом арабов, находившимся в Бердадзоре. Царевич разбил и рассеял их. В этом сражении один из соратников царевича оказался ранен и вынужден был остаться в нашей крепости до выздоровления. Это был князь Геворг Марзпетуни. Князь был ранен в правую руку. Его лечил опытный лекарь. Хотя рана и не была опасной, но нуждалась в длительном лечении. По приказу Севада, я стала ухаживать за больным, и, чтобы он не скучал, сидя около него, подолгу беседовала с ним. Князь Геворг был милым и добрым человеком. Вскоре мы подружились. Он рассказывал о военных событиях и поведал о царевиче много такого, что внушило мне добрые чувства к нашему будущему государю. Во время одной из бесед я сказала князю Геворгу:

— Мне кажется, что гардманская княжна будет супругой царя.

— Почему ты так думаешь? — спросил он.

— Князь Севада высказал такое желание, — сказала я. — Если бы князь не имел твердой надежды, он не стал бы говорить об этом.

— Его желание не осуществимо, — загадочно ответил Марзпетуни.

— Почему? — спросила я изумленно.

— Это тайна, выдать которую я не могу, — ответил он.

Говоря откровенно, я очень опечалилась. Князь Геворг был другом царевича и, насколько я его узнала, серьезным и скромным человеком. Он не мог говорить необдуманно. Его слова встревожили меня. «Что же может воспрепятствовать этому союзу?» — думала я. После тревожных размышлений я решила во что бы то ни стало узнать от князя эту тайну. Однажды, когда я, наложив на рану прописанное врачом снадобье, стала ее перевязывать, князь сказал мне улыбаясь:

— Чем мне отблагодарить тебя, сестра Седа?

— Благодарить меня, князь, не надо, — сказала я. — Если армянина ранят на поле боя, долг каждой армянки исцелить его раны.

— Нет, сестра Седа, я в долгу перед тобой и буду очень рад, если ты скажешь, чем я могу тебя отблагодарить.

Я улыбнулась.

— Ведь ты мне скажешь, сестра Седа? Не правда ли? — снова спросил князь.

— Я не сделала ничего, заслуживающего благодарности, — ответила я. — Но если ты хочешь оставить меня в долгу перед тобой, то, пожалуй, я скажу, чего мне хочется.

— Говори, умоляю тебя, — сказал князь.

— Открой мне тайну, которая мешает царевичу жениться на дочери князя Севада.

Князь улыбнулся и ничего не ответил.

— Разве это так трудно сделать? — спросила я.

— Очень трудно, сестра Седа. И я вдвойне буду тебе обязан, если ты возьмешь обратно свою просьбу.

— Нет, или это, или ничего!

Князь покачал головой:

— Эту тайну не знает даже моя жена, княгиня Гоар. Прости меня, сестра Седа, ты, конечно, почтенная женщина, но я вообще боюсь доверять тайны женщинам.

— Ах, князь, это старое заблуждение, переходящее от отца к сыну, — сказала я. — На самом деле женщины умеют молчать лучше, чем мужчины.

Князь рассмеялся.

— Ты с этим не согласен?

— Мы с тобой друзья, сестра Седа, и потому мне нет надобности скрывать от тебя свои взгляды, — сказал князь. — Женщины крепко хранят только свои любовные тайны, а для всего остального уста их раскрыты.

Я засмеялась, потому что в душе была согласна с ним.

— Но я в этом отношении совсем не похожа на других женщин.

— Все женщины говорят о себе то же самое, — заметил, смеясь, князь. — Ни одна из них не хочет походить на другую. Но в жизни я еще не встречал хотя бы двух женщин, не схожих между собой. И как раз лучшая из них оказывалась самой слабой.

— Ты так плохо говоришь о нас, что я могла бы обидеться и взять свою просьбу обратно, — сказала я

князю. — Но я не обижаюсь, в твоих словах есть доля правды. Своим примером я хочу доказать, что существуют на свете и такие женщины, которые умеют молчать.

— Я ждал, когда ты это скажешь, сестра Седа. Теперь я могу исполнить твою просьбу, не нарушая своего долга, — серьезно произнес князь. — Я сообщу тебе тайну, которая известна только мне, как другу и соратнику царевича. Надеюсь, что эта тайна умрет в твоем сердце.

— Да, — подтвердила я.

— Царевич не может жениться на дочери князя Севада потому, что он любит другую, которой он предан душой и сердцем, — сказал князь почти шепотом.

— Кого, Седа, кого? Жену Цлик-Амрама, да? Скажи скорей, ее назвал князь? — вскочив с места и почти задыхаясь, воскликнула царица.

— Сейчас, милая, сейчас. Не торопись. Этим ты ничего не изменишь, не мучай же зря себя.

— Ах, Седа, ты испытываешь мое терпение… Что ты медлишь?

— Я вовсе не медлю.

— Значит, жену Цлик-Амрама?

— Нет.

— Но кого же?

— Цлик-Амрам тогда не был женат.

— Кого же он любил?

— Дочь князя Геворга, родоначальника севордцев.

— Князя Геворга, который вместе со своим братом Арвесом был замучен в Пайтакаране начальником евнухов князя Апшина?

— Да, царица.

— Но ведь это она, Аспрам! Дочь князя Геворга была когда-то невестой царевича, а теперь жена Плик — Амрама.

— Да, это так.

— И любовница царя, моего мужа.

— Тише, милая царица! Прислужницы часто подслушивают.

— Ах, Седа, к чему эти предосторожности?.. Мое горе и без того известно всем!

— Нет еще, царица, еще нет…

— Хорошо, рассказывай, что сказал затем князь.

— Он сказал, что царевич любит эту девушку.

— Это я уже слышала. А ты не спросила, как началась эта злосчастная любовь?

— Как же, спросила; и он рассказал мне следующее. Еще до смерти князя Геворга царевич Ашот был заложником у Апшина. Начальник евнухов, убивший родоначальника севордцев, был близким человеком царю Смбату. Царь, узнав о смерти князя Геворга, написал обвинительную грамоту, требуя кары за его убийство. Начальник евнухов, чтобы смягчить сердце царя, тайно от Апшина освободил царевича Ашота вместе с несколькими армянками княжеских фамилий и отправил их к царю. Смбат, конечно, выразил ему свою благодарность, а царевича Ашота отправил в Утик, чтоб утешить вдовую княгиню

севордскую. Вот тут-то молодой Ашот и встретил прекрасную севордскую княжну.

— И влюбился в нее?

— Да. В доказательство этой любви князь Марзпетуни привел один случай, достойный внимания.

— Какой же именно?

— Когда, по приказу Юсуфа, тиран Гагик Арцруни со своими и арабскими войсками напал на царя Смбата, чтобы взять в плен и убить его, царь поставил во главе войск своих сыновей Мушега и Ашота и послал их против Гагика. Братья, встретив тирана, вначале разбили арабов, но в конце боя отряд севордцев, которыми командовал Ашот, изменил своему начальнику, оставив поле битвы. Армянское войско потерпело поражение, а Мушег, сражавшийся, как лев, попал в руки врагов. Но даже эта измена не охладила Ашота к севордцам. Он вместе с ними вернулся в Утик, несмотря на то, что брат его был пленником в Двине.

— Как давно началось мое несчастье…

— Я же говорила, что корни твоих невзгод скрыты в прошлом.

— А потом? Почему же потом Ашот оставил севордскую княжну и женился на мне?

— Государственные расчеты, моя царица! Этого брака требовали интересы царства. Ашот оказался один против сильных врагов. Саак Севада со своим гардманским войском был выгодным союзником.

— И дочь Севада была принесена в жертву…

— На то божья воля…

— Какая там божья воля? Не бог, а ты, Седа, причина моего горя!

— Я? Что ты сказала, царица? Я причина твоих несчастий?! О, не говори так! Твои слова — проклятье для меня! — взволнованно воскликнула Седа.

— Да, Седа, ты сделала меня несчастной! Если бы ты сейчас же рассказала обо всем моему отцу, он не стал бы жертвовать своей дочерью во имя интересов Ашота.

Седа многозначительно посмотрела на царицу и ничего не ответила.

— Разве я не права?

Кормилица молчала.

— Почему ты не отвечаешь?

— Моя вина гораздо тяжелее, чем ты думаешь.

— Что ты еще сделала?

— Я не сдержала слова, данного князю Марзпетуни, и в тот же день, как он покинул нашу крепость, сообщила обо всем твоему отцу. Я не могла молчать. Речь шла о твоей судьбе.

— Что же отец?

— Рассмеялся. Особенно когда я заговорила о том, что замужество с Ашотом сделает тебя несчастной.

— Почему же он рассмеялся?

— Он сказал, что молодые люди имеют до женитьбы тысячи связей, которые порываются после законного брака. Любовь царевича — случайность и вызвана жалостью, которую он почувствовал, увидев севордскую

княжну, одетую в траур в дни горя. «Любовь часто рождается там, — сказал он, — где живет сострадание. Придет время, царевич займется государственными делами и забудет княжну. Я же, — продолжал он, — постараюсь направить события так, как мне этого хочется».

— И что он сделал?

— Немедленно поехал в Утик и уговорил вдову князя Геворга выдать свою дочь за достойного человека, который мог бы управлять их владениями, так как княжна была единственной наследницей Геворга.

— Ну, а дальше?

— Княгиня приняла с благодарностью его совет. Мало того, она попросила князя Севада, чтобы он сам устроил этот брак… И князь Севада, не теряя времени, уговорил тайского сепуха Цлик-Амрама жениться на княжне.

— И эта девушка могла променять такого героя, как царевич, на Цлик-Амрама? Я начинаю презирать моего супруга, когда подумаю, что он способен любить такую женщину.

— Не суди поспешно, царица! Не каждая княжеская дочь растет так вольно, как гардманская княжна, которой дано было даже право выбирать себе жениха. К тому же сепух Амрам не был простым человеком. По храбрости, красоте и богатству он не уступал самым могущественным князьям. Но если бы даже севордская княжна любила царевича как безумная, то ведь князь Севада своей искусной и убедительной речью мог охладеть ее пламенное чувство.

— Настоящую любовь нельзя охладить. Женщина, полюбившая Ашота, не может забыть его. Вероятно, эту

девушку довели до отчаяния, уверяя, что брак ее с царевичем невозможен.

— Может быть.

— Вот почему их любовь продолжается, несмотря на то, что оба они связали себя брачными узами.

— Может быть.

— Саак Севада собственной рукой разрушил свой дом, недаром говорит пророк: «Тот, кто роет яму для ближнего, сам в нее попадет».

— Да, конец оказался таким… Но кто мог предвидеть?

— Ах, Седа, если бы ты вовремя открыла мне эту тайну…

— Царица, а мое обещание? Разве я могла его нарушить?

— Ты нарушила ведь его, сообщив тайну отцу.

— Это другое дело. Он мужчина и человек дальновидный.

— Где же его дальновидность? Ты сама видишь, чем это кончилось…

— Мы, женщины, очень забывчивы. Небольшие горести настоящего заставляют нас забывать радости прошлого. Князь Севада уготовил для своей дочери большую славу, и ты этой славой насладилась, моя царица.

— И все же настоящее затмило для меня все хорошее.

— Справедливость требует, чтобы мы смягчали наши горести воспоминаниями о радостях прошлого.

— Где они, Седа, эти радостные воспоминания? В моей брачной жизни я не видела счастья.

Седа загадочно улыбнулась.

— Ты смеешься, Седа? Попробуй напомнить мне о нем. Быть может, тогда я забуду свою тоску.

— О, для этого потребуется много времени! Раньше отдохни.

— Нет, говори… Твои рассказы успокаивают меня. Этой ночью сон не коснется моих глаз. Рассказывай, я слушаю. — Сказав это, Сааканyйш легла, облокотившись обнаженной рукой о подушки. Седа накрыла ее тонким покрывалом.

— Итак, ты забыла все, моя дорогая повелительница? Если позволишь, я тебе кое-что напомню.

— Говори.

— Ты помнишь день, когда ты вернулась с княгиней из Хачена?

— Помню. Это было вскоре после того, как князь Марзпетуни покинул крепость.

— И я рассказала тебе все, что произошло в Гардмане.

— Да, и я очень жалела, что не застала царевича.

— А помнишь, как мои рассказы о нем заинтересовали тебя?..

— Помню.

— Как раз в этот день прибыл гонец из Багреванда. Гонец сообщил, что Юсуф, узнав об удачном походе Ашота, отступил в Атрпатакан. Царевич же, дойдя до Багреванда, вступил в жаркий бой с остатками полчищ Юсуфа и

окончательно их разбил. Со старших князей он содрал кожу, сделал чучела и вывесил их на башнях крепостей. Это была его первая месть убийцам отца. Весть об этом навела ужас на арабов.

— Помню, как это нас всех воодушевило!.. Я наградила гонца дорогим подарком за добрую весть.

— После этого стали приходить одно за другим сообщения о том, что царевич вступил в Ширак, прошел в Гугарк, что он одерживает всюду великие победы над арабами, разбивает их войска, берет города и замки, освобождает пленных, восстанавливает разрушенные крепости.

— Рассказывали, как испугался Юсуф, услыхав о боевых подвигах царевича. Он боялся, что Ашот обратит свой меч против него.

— Да, говорили так. Но царевич предпочел сначала очистить страну от арабских насильников. Поэтому, овладев Гугарком и передав его князьям Васаку и Ашоту Гнтуни, он перешел границу Грузии, чтоб освободить Тпхис[7]. Там у арабов были сосредоточены большие силы. Грузинские племена стонали под игом арабов. Как грозный ураган, пронесся Ашот до самого Тпхиса. Арабы не устояли перед его могучей армией, которая все возрастала. Армяне разбили их и, взяв в плен арабских князей, заковали их в цепи. Освободив Тпхис, армянские войска вернулись в Утик. А там, как тебе известно, в это время восстали утикцы. Не много времени понадобилось царевичу для подавления восстания. После разгрома нескольких мятежных отрядов утикцы успокоились, в особенности когда наместником над Утиком был назначен исполин Мовсес. А разве ты забыла блестящую победу царевича в ущелье Агстева, где он с шестьюстами воинами разбил наголову последний арабский отряд? Говорят, не осталось в живых ни одного

араба и некому даже было принести Юсуфу известие о нанесенном ему поражении.

— Я все это знаю, Седа. Зачем ты говоришь об этом? — сказала царица.

— Чтобы показать путь, приведший к несчастью гардманскую княжну, — многозначительно ответила Седа.

6. Радостные воспоминания о коронации и обручении

— Продолжай, — сказала царица.

Седа придвинула скамью и, переменив позу, продолжала:

— Победы царевича воодушевили тебя. Еще не видя его, ты восхищалась его геройством. Как часто ты заставляла меня повторять рассказы, которые я слышала от князя Марзпетуни! Какая-то неведомая сила влекла к нему твое сердце. Каждый новый успех царевича наполнял тебя ликованием. Помнишь, ты велела подарить участок земли гардманскому воину, который привез весть о победе у Агстева? Конечно, все это не могло укрыться от проницательного взгляда князя Севада. И он, единственной радостью которого было исполнять твои желания, не мог оставаться равнодушным к твоим чувствам, тем более что они не противоречили его тщеславным надеждам. Вероятно, поэтому он и поспешил уничтожить все препятствия на твоем пути, женив Цлик-Амрама на севордской княжне. И вместе с тем это было доказательством его любви к родине. Царевич, избавившись от чар этой девушки, стал с еще большим пылом заниматься государственными делами. Цепи любви часто мешают мужчине стать победителем на арене славных дел.

— Но они же часто и окрыляют его, — прервала царица.

— Любовь окрыляет только слабых, только тех, в ком погас природный огонь и кого к действию может толкнуть лишь искусственное возбуждение. Так вино придает храбрость трусливому воину. Но царевича не сломила любовная утрата. Он продолжал свое победоносное наступление до тех пор, пока не увлек за собой даже самых нерешительных. Его пример ободрил и тех князей, которые в страхе перед арабскими мечами искали спасения в крепостях. Царь Гагик и владельцы Сюника выступили из своих замков, чтобы преследовать врага. Арменией овладело всеобщее воодушевление, солнце мира взошло над страной, и народ вздохнул свободно.

— Счастливые то были дни…

— Да, особенно когда после этих блестящих побед царевич унаследовал престол отца и его скипетр.

— Ах, не напоминай мне этого, Седа… О незабвенные часы, которые я провела там!..

— Где? В Двине?

— Как я была счастлива! О Седа, зачем бог дает человеку счастье, а потом отнимает его?

— Пути господни неисповедимы!

— Помню, я чуть не лишилась рассудка от радости, когда отец сообщил мне, что все армянские князья вместе с грузинским царем и Гургеном абхазским должны съехаться, чтобы короновать на царство царевича Ашота, и что мы как владельцы Гардмана тоже должны присутствовать на этих торжествах. О, если бы я могла вернуть эти часы или хотя бы несколько мгновений… Ты не можешь себе представить, с какой радостью, с каким необычайным воодушевлением готовилась я к царской коронации! Когда мне принесли заказанные отцом для этих

торжеств драгоценности, я обрадовалась как ребенок и бросилась ему на шею, покрывая его лицо поцелуями. Ты знаешь, я не нуждалась в украшениях, драгоценные камни не имели в моих глазах никакой цены, но я обрадовалась, так как знала, что благодаря им я буду казаться еще наряднее и величественнее на празднестве, куда съедутся все армянские князья и где должны будут блистать пышной роскошью цари Грузии и Абхазии. О, как мне хотелось превзойти красотой всех знатных женщин, быть предметом всеобщего внимания и восхищения и чтобы это видел Ашот Железный!

— Отец угадал твои мысли. Он постарался, чтобы дом Гардмана превосходил своим богатством и могуществом другие армянские княжеские дома в Двине. Ради этого он привел с собой в столицу все свои войска, оставив в Гардмане только сторожевые отряды.

— Ты права, Седа, в Двине нам был оказан царский прием. Родители мои ничего не говорили, но мне казалось, что приближенным царя была уже известна тайна нашего будущего союза. Из всех княжеских семейств только для нас были приготовлены покои в царском дворце. Даже грузинского царя Атырнерсеха приняли в покоях католикоса, а абхазского князя Гургена во дворце царского брата, князя Абаса.

— Вероятно, здесь и завязалась дружба католикоса с царем Атырнерсехом.

— Да, как и дружба моего деверя Абаса с абхазским князем Гургеном. Но дружба первых не принесла нам вреда, между тем как вторая стала причиной тяжких бед.

— Да, если бы Абас, царский брат, не женился на дочери князя Гургена, не произошло бы многих горестных событий.

— Конечно, армянка не стала бы сеять рознь между родными братьями. Впрочем, оставим это… На чем я остановилась?

— Ты говорила, что вам оказали царский прием.

— Да! Не могу описать, как страстно я желала видеть молодого государя, героя, который в такой короткий срок разбил и уничтожил врага, освободил народ от рабства, привлек и полонил сердца князей. Забыв междоусобные войны, князья объединились вокруг него, чтобы увенчать царской короной его благородную голову. В первый раз, когда мы должны были представиться ему, сердце мое готово было разорваться от радости и страха. Я была рада, что наконец увижу обожаемого героя, и… боялась, что он будет ко мне равнодушен. Седа, ты не знаешь, какая я тогда была гордая! Я со стыда могла бы умереть…

— Но почему же, царица? Разве царевич мог быть непочтителен к своим знатным гостям?

— Я не хотела оказаться в числе простых гостей. Я ждала иного приема. Не знаю почему, но я была уверена, что непременно буду его женой. Тщеславная и дерзкая мысль, не правда ли? Но моя мечта осуществилась…

Он нас встретил у главных дверей тронного зала. И ты знаешь, что со мной случилось? Увидев царевича, я остановилась за несколько шагов от двери. Он обнялся с моим отцом, поцеловал у моей матери руку, но я не подошла к нему. Я ожидала, пока он сам приблизится ко мне. Что это было, Седа? Можешь ты мне объяснить?

— Вероятно, чувство родовой гордости гардманских князей, и ничего больше.

— Ты ошибаешься. Душа моя вдруг ощутила, что сердце, которое я хотела покорить, занято другой. Встреча с

этим величественным и славным героем меня совершенно не смутила. Вначале, правда, я загляделась на него. Он был еще прекраснее, чем я его себе представляла. Но как только он посмотрел на меня, я снова приняла свой прежний неприступный вид. Он подошел ко мне, ласково и любезно улыбаясь, и приветствовал меня с такой тонкой почтительностью, что я была покорена. И мы осмеливаемся говорить о гордости!.. Мы! Женщины! Разве может быть женщина гордой, разве может она похвастаться чувством собственного достоинства? Нежный взгляд, улыбка мужчины, которого она любит, и все кончено! Женщина становится пленницей и рабой… Не так ли, Седа?

— К сожалению, так, милая царица, — сказала Седа, глубоко вздохнув.

Бедная женщина, видимо, вспомнила свое прошлое и подобный же случай из своей жизни.

Царевич повел нас в зал, где сидела царица-мать. Это была добрая, милая женщина. Хотя убийство государя, ее супруга, сильно надломило ее, но следы былой красоты еще сохранились на ее благородном лице. «Подойди ко мне, моя гордая княжна. Давно я хотела видеть ту, которая с таким упорством отказывает всем нашим князьям», — сказала она и, обняв меня, горячо поцеловала. Золотое ожерелье, которое она мне подарила в залог обручения, — самая любимая моя драгоценность. Дай мне его, Седа, я хочу полюбоваться им! — попросила царица.

Седа встала и принесла ожерелье, которое незадолго до того прислужницы сняли с царицы.

— Никогда, никогда я не расстанусь с ним. И когда я умру, Седа, непременно скажи, чтобы его положили со мной в гроб.

— Милая царица, почему такие грустные мысли? Пусть умирают твои враги или те, кто понапрасну обременяет мир.

— Увы, оно принадлежит не мне!.. Но та минута, когда это ожерелье обвило мою шею, была самой счастливой в моей жизни. Я никогда ее не забуду.

— Значит, царица-мать подарила тебе его в первую же вашу встречу? — спросила Седа с любопытством.

— Нет, я еще не все рассказала. Через два дня происходила царская коронация. Собор святого Григория был переполнен. Там находились: католикос Иоанн, старейшие епископы, весь царский род, нахарары[8] княжеские семьи и вся армянская знать. Но среди них самым прекрасным был царевич Ашот. Все взгляды были устремлены на него, все мысли были заняты им. С начала торжества и до его конца прекрасные девушки не сводили с него глаз. Я тогда еще не знала, какие у меня права на него, но уже начала ревновать, так он был прекрасен. Только возвышенные молитвы и обряд коронации охладили немного мой пыл и заставили молиться вместе со святыми отцами о здравии новокоронованного царя и даровании ему побед. О, какие это были возвышенные молитвы и сколько в них было горячей веры!

— Блаженны глаза твои, царица, что видели это торжество, и уши твои, что слышали эти молитвы. Дождаться бы и мне когда-нибудь… Ах, что я говорю… да продлит господь жизнь моего государя.

— Да, Седа, это было возвышенное и трогательное зрелище. Я удивляюсь, как царь, помазанный с таким торжеством, мог сойти с пути истинного и как присутствующие на подобном празднестве князья могли

изменить ему… Когда католикос, после опроса государя, обратился к народу и спросил: «Хотите ли вы находиться под властью сего человека так же, как он обещал хранить вас, и хотите ли вы верой и правдой утвердить его царствование и исполнять покорно его приказания?» — вся церковь в один голос воскликнула: «Да, да, он наш владыка и царь!» А теперь, кто из князей остался ему верен, кто не восстал против него?..

— Ах, милая царица, расскажи, умоляю тебя, как происходил обряд коронования? А из молитв ты ни одной не помнишь?

— Они очень длинные, Седа, пересказать их невозможно. Надо их слышать, видеть торжество. Прежде всего царю вручают меч, потом царский перстень, затем корону.

— А молитвы?

— Каждый раз читают особые.

— Что, например, говорят при вручении меча? Это очень любопытно. Дают ему право разить?

— Конечно. Но… что я хотела вспомнить? Забыла… Подожди. Да, его взгляд… Он ни на кого не смотрел. Все ловили его взгляд, но никто не знал, на кого он посмотрит. Когда епископы вручили ему меч и католикос высоким и ясным голосом прочел: «Прими меч сей из рук апостольских епископов. Сим воцаришься ты во спасение церкви и всего народа, который твоей державной рукой опекается. Опояшь меч вокруг чресел своих, и царствуй в духе истины, и да возвысишься сим над нечестивыми и неверующими… и да спасешь сим народ свой и церковь и будешь споспешником вдов и сирот, освободителем пленных и утешителем сокрушающихся…» Тут государь поднял в первый раз свой взор и остановил его на мне. Мне

казалось, будто он говорит: «Это все я должен совершить вместе с тобой». Все присутствующие это увидели, и многие мне позавидовали. За этот единственный, возвышающий и внушающий гордость взгляд многие высокорожденные княжны отдали бы свою жизнь. Но он оказал эту честь только гардманской княжне. Не могу выразить, что я почувствовала в это мгновение: небо опустилось, или я поднялась в небесные высоты…

— Ах, царица, и ты все это забыла!..

— Подожди, не прерывай меня. Я больше ничего не слышала, все мое существо было проникнуто каким-то блаженным и восхитительным чувством… Слова матери-царицы привели меня в себя. Я стояла рядом с ней. «Опустись со мной на колени и моли бога, чтобы он продлил дни моего и твоего государя», — сказала она мне голосом, полным материнской любви. И мы вместе опустились на колени. Я молилась с таким жаром, как никогда в жизни. Слезы текли из моих глаз, как из родника. Были ли это слезы радости или предчувствие будущих страданий, — не знаю.

Когда кончилось торжественное служение и хор певчих запел молитвы, к руке государя подошли сначала епископы, затем мать-царица, царь Грузии, армянские князья и, наконец, знатные женщины. Из девушек я первая приложилась к руке государя, и губы мои дрогнули. Мое лицо горело. Я поспешила вместе с матерью пройти сквозь толпу, которая расступилась перед нами и стала посылать мне вслед благословения. Государь вышел из церкви, окруженный епископами и князьями. Он сел на покрытого золотой броней коня, над которым высоко держали пурпурный балдахин. Перед государем ехал спарапет[9], по сторонам князь-знаменосец и князь — налагатель венца, а затем вооруженный отряд телохранителей. За ними следовали царская семья и высшая знать. А то, что

творилось на улицах города, не поддается описанию. Весь Двин, обратившись в одно дыхание и в один взгляд, ожидал выхода своего государя. Когда показалось знамя спарапета, Двин дрогнул от радостных возгласов. Гремели улицы, площади, бойницы, башни и даже находящиеся за городом бастионы. Народ благословлял и величал Ашота Железного.

По возвращении во дворец мы тотчас же отправились поздравлять государя. Здесь были все князья и княгини. После наших поздравлений мать-царица посадила меня рядом с собой на расшитый золотом диван и стала занимать разговорами. Чем я ей понравилась, не знаю, но видно было, что душой и сердцем она привязалась ко мне. Вопреки принятому обычаю, царица очень долго задержала нас у себя. Когда мы уходили, она сняла с шеи вот это ожерелье и, надев его на меня, сказала: «Это дар императора Василия супруге Ашота Первого. Я получила от нее это ожерелье. Тебе же я дарю его как будущей царице. Твоя преемница унаследует это ожерелье от тебя, и дар последней ветви аршакунских царей останется в царском роде Багратуни». Сказав это, она обняла меня и горячо поцеловала. Все было решено. Я стала невестой царя. После этого можешь себе представить, как счастлива я была в царских палатах Двина.

Но, увы, от всего этого остались лишь одни светлые воспоминания и это ожерелье, обвившее мою шею в самые счастливые минуты моей жизни…

7. О неизвестных царице бедствиях, перенесенных армянским народом в течение трех лет

Царица умолкла на полуслове. Радостные воспоминания не успокоили ее, а, наоборот, усилили страдания. Положив голову на руки, царица молчала

несколько мгновений. Потом, не в силах преодолеть душевного волнения, она заплакала.

Седа, увидев ее слезы, встревожилась:

— Дорогая царица, ты плачешь? Эти воспоминания о счастливых днях должны радовать тебя, а ты грустишь…

— Все минуло, Седа. Витязь, чей взгляд внушал мне гордость, чья улыбка делала меня счастливой, больше не мой и никогда не будет моим…

— Не говори так, царица. Если счастье не бывает длительным, то и несчастье не вечно. Они постоянно сменяют друг друга. Каждое начало имеет конец, и вслед за грустью приходит радость. Твой любимый герой вернется к тебе…

— Молчи, Седа!

— Надо только иметь терпение. Бери пример с нашего государя и твоего супруга. Какие только испытания не посылала ему судьба! Какие только неудачи не постигали его, но он терпением и стойкостью побеждал все трудности.

— Ах, Седа, как ты мало понимаешь!.. Такого горя, такой потери, как у меня, у него не было.

— Нет, царица, ты мало знаешь, прости меня за смелость…

— О чем ты говоришь?

— О тяжких испытаниях, которые он перенес. Ты сейчас говорила о том счастливом дне, когда в Двине короновали победителя Ашота, а знаешь ли ты, какие ужасные несчастия обрушились на него через несколько месяцев?

— Об этом времени я почти ничего не знаю.

— Потому, что многое от тебя скрывали.

— Я вспоминаю, как по возвращении из Двина в Гардман отец однажды сказал, что нужно послать несколько отрядов государю во внутренние провинции для подавления восстаний.

— Да, ты знала только это и больше ничего.

— Иногда я спрашивала, почему Ашот не приезжает в Гардман и…

— «Когда же будет наша свадьба?» Этот вопрос ты однажды задала и мне и при этом покраснела.

— Я помню.

— А князь Севада то обнадеживал, то разочаровывал тебя, однако так, чтобы не слишком огорчить.

— Это тоже верно. Но мне не рассказывали ничего и позже, когда все вокруг обсуждали какие-то важные события.

— Поэтому тебе неизвестно, с какими бедствиями пришлось бороться бедному государю в течение трех долгих лет. Сколько героических усилий потребовалось, чтобы залечить раны, нанесенные его стране жестокими насильниками!

— Расскажи мне, что же случилось после коронации?

— После коронации? О, многое! И причиной некоторых раздоров была моя юная госпожа.

— Я?

— Да, моя царица, ты.

— Как, Седа? Это интересно.

— Ты видела сама, как армянские князья, объединившись, собрались в Двине, чтобы короновать Ашота Железного.

— Да, и как все были веселы во время этого народного праздника.

— Но очень скоро радость некоторых сменилась печалью. Они радовались воцарению Ашота, но воспротивились твоему замужеству. Многим хотелось, чтобы гордая дочь Саака Севада, отказавшая им, стала женой простого дворянина, а не армянской царицей. Но мать государя среди многочисленных княжен, съехавшихся в Двин, выбрала именно тебя. Кроме отвергнутых тобой женихов, против царя были настроены и те князья, которые имели дочерей-невест и обольщали себя надеждой, что царь станет их зятем. Ожерелье, которое так дорого тебе, разрушило эти надежды. Князья вернулись в свои страны, затаив неприязнь к царю. Княгини, матери невест, кололи самолюбие мужей и разжигали их ненависть. В конце концов в нескольких областях Армении вспыхнули восстания. Некоторые из князей, не смея идти против царя, затеяли войну между собой, рассчитывая хотя бы таким путем нарушить покой в стране. Так, Гурген, брат царя Арцруни, воспользовавшись отсутствием сюнийского князя Смбата, подговорил своего брата, тирана Гагика, осадить Нахиджеван и взять его. Гагик так и сделал. Узнав об этом, князь Смбат с многочисленным войском пошел на Арцруни, чтобы освободить свои владения. Обе стороны в яростных боях понесли большие потери. Погибло множество народа. Остальные князья, вместо того чтобы помочь царю и в случае надобности присоединиться к нему со своим войском, оставили его. Некоторые попытались даже восстать против царя. Государь вынужден был вновь отвоевывать города и крепости и вести войну в собственной стране. Грузинский царь Атырнерсех,

подстрекаемый враждебно настроенными к государю армянскими князьями, попытался захватить некоторые из наших северных областей. Впрочем, эти действия были направлены скорее против тестя царя Ашота, князя Севада. Государь вынужден был пойти против Атырнерсеха и разорить несколько грузинских провинций. Раздоры вызывали все новые и новые смуты. Многие князья, воспользовавшись трудным положением царя, поднялись друг против друга, кто с целью утолить жажду старой родовой мести, кто завладеть землями другого.

В стране началась смута, и государь остался почти один. Весть об этом дошла до востикана Юсуфа. Напуганный победоносными походами Ашота, он сидел в Атрпатакане и скрежетал зубами от злобы, не будучи в силах забыть поражения своих полчищ. Он ждал лишь случая, чтобы отомстить Ашоту. Но царь в ту пору одерживал победу за победой, и все князья были сплочены вокруг престола. Юсуф ничего не мог сделать. Теперь же, когда ему стало известно о междоусобных войнах армянских князей и о том, что они отошли от царя, Юсуф воспользовался случаем, чтобы напасть на наши земли. А что сделали арабы с нашей страной, описать невозможно… Не приведи бог, чтобы когда-нибудь повторились эти времена.

— Что же они сделали, Седа? Я тебе сказала, что очень мало знаю о событиях того времени.

— О, столько надо вспомнить и столько рассказывать… История этих злосчастных лет заполнит целые книги. Разве я в силах все припомнить? Как голодные звери, вторглись арабы в Армению. Не встречая сопротивления, они завладели нашими землями. Они разрушили села и деревни, разорили города, сожгли церкви, часть народа вырезали, других заставили отречься от веры. Сопротивляющихся убивали, многих увели в плен. Ни одна красивая женщина, ни одна девушка не спаслась от

насилия. Матерей убивали на глазах дочерей, отцов на глазах сыновей. Грудных детей вырывали из материнских объятий, бросали оземь головой. Всюду кровь, огонь и осквернение. Не было угла, защищенного от зверств этих чудовищ. Разорив беззащитные города и села, арабы устремились на замки и крепости. Кое-где, правда, осажденные геройски защищались и уничтожали их отряды, но во многих местах арабы изменой и силой овладевали замками и беспощадно вырезали жителей.

— Что же делал в это время государь?

— Что он мог сделать? Часть князей соединилась с врагом или сдалась ему, другая была занята братоубийственной войной с родственниками и соседями. Они сами разоряли страну не хуже арабов. Некоторые из наиболее сильных князей отсиживались в замках и не выходили на поле битвы. Царя не оставили лишь твой отец с гардманским войском, князья Сисакян с сюнийскими отрядами и князь Марзпетуни с царскими полками. Но их силы по сравнению с полчищами арабов были ничтожны. Ты спрашиваешь, что делал царь? Что он мог сделать в этих условиях? Передав часть своего войска союзным князьям, он с небольшим отрядом, как раненый лев, метался по всей стране. Воевать лицом к лицу с врагом ему было не под силу; внезапным нападением он вносил смятение в ряды противника, разбивал небольшие отряды и оказывал помощь осажденным крепостям. Он действовал один, надеясь, что не сегодня-завтра князья образумятся и вместе с ним пойдут на врага, чтобы изгнать его из пределов родины. Самый ужасный удар нанес государю его двоюродный брат, спарапет Ашот Деспот, который с подначальными ему войсками сдался Юсуфу и вместе с ним вступил в Двин как верноподданный тирана. Наш католикос, вместо того чтобы призвать князей к единению и сплотить их вокруг царского престола, оставил страну в

смятении, народ в отчаянии, войска в нерешительности и, думая только о собственной безопасности, уехал в Грузию к царю Атырнерсеху. Что же оставалось делать царю?

— Боже мой, а ведь я об этом ничего не знала! Теперь я понимаю, почему моего отца почти никогда не было в Гардмане. Он ездил то в Сюник, то в Гугарк, то к Востану в сопровождении отряда, а иногда и большого войска…

— А на твои беспокойные вопросы уклончиво отвечал, что царь занят укреплением Карсской крепости и Еразгаворса, что он окапывает новыми рвами Двин. Сам же князь со своими отрядами будто бы объезжает границы государства…

— Да, и его ответы меня успокаивали.

— Князь запретил сообщать тебе грустные вести и особенно рассказывать об ужасах войны. Однажды служанки, забывшись, кое-что тебе разболтали, но мы постарались смягчить их рассказы.

— Помню, это был рассказ о замученных в Двине юношах. Но почему же вы всё от меня скрывали?

— Ты отличалась чрезвычайной чувствительностью. Узнав о самом незначительном бое, ты часами плакала, а иногда даже болела.

— Да, Седа. Хорошо, что вы держали меня в неведении, иначе я могла бы умереть от огорчения.

— О, если бы ты знала, что мы скрывали от тебя…

— Что же именно, Седа? — испуганно спросила царица.

— Голод, появление диких зверей, волков и гиен, в городах и селах.

— О голоде я слышала.

— Что ты могла слышать, царица? Разве можно было сказать тебе всю правду? У тебя бы сердце разорвалось от ужаса. Ты знала о голоде в Гардмане, но это был не голод, а простое подорожание хлеба. Река Тырту и храбрецы Гардмана не позволили голоду проникнуть в наш край. Зато голод свирепствовал по ту сторону Гардмана. Целых два года Армения оставалась полем кровавых битв. За все это время крестьяне не могли пахать, сеять и жать. Да и как им было работать, когда поля и ущелья, горы и леса кишели арабскими разбойниками. А в тех местах, где не было арабов, армянские войска истребляли друг друга, армянские князья враждовали между собой. Хлебопашцы разбежались, сады и поля остались без ухода, а последние запасы у народа были уничтожены войсками варваров. Нужда, как чума, из хижин бедняков проникла в палаты богачей. Всюду царил голод — худшее из всех несчастий. О, счастлив тот, кто не видел этого бедствия. Люди, уничтожив все в городах и селах, разбрелись по полям, ущельям и горам, чтобы утолить голод травой и овощами. Многие умирали от ядовитых растений, но, несмотря на это, вся зелень полей и гор была съедена. После этого принялись за нечистых животных: ослов, лошадей, кошек, собак и даже червей…

— Ах, Седа, что ты говоришь! Перестань, я не могу этого слышать!

— Да, госпожа, люди съедали все, что попадало им под руку. Но это еще не самое страшное… женское ухо не может этого выдержать…

— Что, Седа?

— Ты ужаснешься, я не решаюсь рассказывать.

— Рассказывай, Седа, ты уже приучила меня к ужасам.

— По городским площадям бродили полунагие, едва прикрытые лохмотьями люди. Многие из них умирали тут же на улицах от голода. Более сильные набрасывались на трупы и пожирали их, разрывая зубами. Над каждым трупом собиралась толпа хищников, подобно злым духам ада…

— О, это ужасно!..

— А что ты скажешь о грудных детях, которые слабыми ручонками отталкивали высохшие груди матерей? Те, что постарше, просили хлеба, наполняя воздух жалобными стонами. Многие, обессилев, падали на землю и умирали…

— Ты истерзала мое сердце, Седа! Довольно!

— Я еще не досказала самого страшного. Были и такие матери, что, подобно диким зверям, съедали своих детей…

— Замолчи, Седа! Больше ни слова!

И царица, побледнев от волнения, откинулась на подушки.

8. Воспоминания невесты и ее ликование по поводу приезда жениха

Ночь была на исходе. Давно пропели петухи. Седа ждала, когда царица, устав от ее рассказов, ляжет наконец в постель и прикажет ей уйти. Но тщетны были ее надежды. Конец повести, видимо, сильно взволновал царицу, и потому разговор на время умолк. Когда же Седа, поправив фитили светильников, снова опустилась на скамью, царица спросила:

— Это не тогда ли, Седа, царь уехал в Константинополь?

— Да, царица, как раз во время этих бедствий, — ответила Седа. — Я ведь говорила, что печали не вечны, что темную ночь сменяет светлый день, а бурю и грозу — яркое

солнце. Ты говорила о своих скорбях и страданиях, но разве можно сравнить их с теми мучениями, которые перенес царь? Рассказ о прошлых войнах и ужасах голода поразил твое сердце. А каково же было ему, царю и отцу народа? К нему обращались все страждущие, к нему простирали руки тысячи несчастных. Он геройски претерпел все бедствия в надежде на милосердие бога, который и впрямь не оставил его.

Узнав о том, что наши князья покинули царя и что страна стонет от ужасов голода и войны, греческий император и патриарх написали государю сочувственное послание. Написали они и католикосу, увещевая его объединить армянских князей и общими усилиями изгнать врага из страны. Католикос много сделал для этого, но князья не послушались его советов. Его святейшество спустился в Таронскую долину и попытался примирить с царем несколько могущественных князей. Однако и эта попытка потерпела неудачу. Тогда он вынужден был написать императору и патриарху о позорном сопротивлении князей и просить помощи. Греческий император пригласил к себе царя и католикоса. Католикос уклонился от этой поездки, опасаясь, что ему попутно будет сделано предложение о соединении армянской и греческой церквей. Царь же, не имея причин для отказа, выехал с приближенными князьями и свитой в Константинополь. Остальное тебе известно. Ты знаешь, какой роскошный прием оказали ему в Византии, какие праздники давались в честь армянского царя, как его венчали царской короной и мантией и какими ценными дарами одарили царя и князей.

— Да, об этом мне рассказывал князь Геворг, — заметила царица.

После этих событий армянские князья воспрянули духом и воодушевились. Гагик Арцруни, могские и

андзевские князья изгнали полчища Юсуфа из своих владений. Наши войска вытеснили арабов из северных областей. Юсуф не мог прийти в себя от неожиданности. Когда же пришла весть, что царь Ашот возвращается в Армению с греческими войсками, ужас охватил его. Не теряя времени, Юсуф собрал остатки своих войск и бежал из Двина в Атрпатакан. Царь вернулся, увенчанный славой. Без труда он овладел снова землями, занятыми арабами. Кое-где ему было оказано сопротивление, но перед объединенными силами греков и армян враг был бессилен. В стране воцарился мир. Народ ожил, поля и сады зазеленели, земля покрылась плодами, а люди стали наслаждаться покоем. Начались празднества.

— Кажется, начало празднествам положил мой деверь Абас?

— Да. Еще до возвращения государя он женился на дочери князя абхазов Гургена. Они давно любили друг друга.

— Со времени коронации. Их дружба началась на моих глазах.

— Но народ порицал Абаса. Он женился раньше старшего брата, своего государя.

— За что же его порицать? Вероятно, абхазская княжна была привлекательней дочери Саака Севада!

— Нет, моя царица, вашу свадьбу пришлось отложить из-за непредвиденных событий. Тиран Юсуф, узнав о союзе царя с греками, поспешил натравить на царя сильного внутреннего врага. Хитрый, как сатана, он короновал спарапета Ашота Деспота и послал его в Армению, чтобы братоубийственной войной ослабить армянскую страну и овладеть ею.

Так поступил он в свое время с Гагиком Арцруни, чтобы ослабить силы царя Смбата. На этот раз, видя, что Гагик отошел от него, он выдвинул спарапета. Нашим врагам выгодно, чтобы армяне сами уничтожали себя. Что Юсуфу? Одному он подарит корону, другому даст княжество. Титулами возбудит тщеславие князей и восстановит их друг против друга. Достигнув же цели, он отнимет у них и корону и княжество. Так поступали все коварные властители. А изменники, готовые предать родину ради личных выгод, всегда найдутся.

— Да, царица! Спарапет понимал коварство Юсуфа, но все же не остановился перед тем, чтобы изменить родине в угоду своим тщеславным замыслам. Он начал братоубийственную войну против своего двоюродного брата и законного царя. Он устроил резню, разорил города и села, но потерпел жестокое поражение под Вагаршапатом, где царские войска разбили его. После этого он вынужден был бежать в Двин. Вот эти злодейства Ашота Деспота и мешали вашей свадьбе. Государь хотел восстановить мир в стране, а потом уж заняться подготовкой праздничных торжеств.

— Седа, ты все помнишь?

— Помню, как вчерашний день.

— Так мало времени прошло… всего два года. Боже мой… Столько пережить за такой короткий срок!

— Бедная моя повелительница, как ты страдала…

— Да, Седа, я много страдала. Мне кажется, что прошли долгие годы. Мне нет еще двадцати пяти лет, а я уже чувствую себя старухой.

— Ты и сейчас хороша, как ангел.

— Хороша… Кому нужна красота твоей царицы?..

— Ты опять начинаешь грустить…

— Помню, точно это было сегодня… Я находилась в верхних покоях замка. Со мной были молодые служанки. Внизу, во дворе, отец отдавал приказания отряду гардманской конницы, который ночью должен был отправиться в Агстев, чтоб повести находившееся там войско в Вагаршапат, на помощь царю. Вдруг вдали, по ту сторону гардманского моста, я заметила красный флаг, парящий в воздухе. «Девушки, что там такое?» — спросила я служанок. Все посмотрели в ту сторону. Вдруг самая зоркая из них крикнула: «Гонец!» — «Гонец», — повторила я, и сердце у меня забилось. «Это от царя», — подумала я. От радости перехватило дыхание. Если ты помнишь, незадолго перед этим восстали владетели Гугарка — князья Гнуни. Царь с моим деверем Абасом подавил это восстание. Потом оба брата отправились навестить князя Абхазии Гургена. Отсутствием царя воспользовался Ашот Деспот и занял Вагаршапат. Царь и брат его Абас немедленно вернулись из Абхазии и направились в Вагаршапат. Гардман они проехали ночью. Царь говорил с отцом лишь несколько минут. Меня он велел не тревожить. Никто из вас не знал о приезде царя.

— Царь предполагал напасть на Ашота Деспота врасплох. Никто не должен был этого знать.

— Верно. Перед отъездом царь сказал отцу: «Если святой кафедральный собор поможет мне изгнать Деспота, я пошлю к тебе гонца с красным флагом и вернусь в Гардман праздновать свадьбу». Отец говорил мне об этом. Можешь себе представить, как я ликовала, когда заметила красный флаг! От волнения у меня отнялся язык, я ничего не могла сказать отцу, и только когда одна из служанок крикнула: «Князь, едет гонец!» — и отец вопросительно

посмотрел на меня, я, еле живая от радости, закричала: «Да, да, с красным флагом!» — и сбежала вниз. Лицо мое пылало. Ты помнишь этот день, Седа?

— Разве можно забыть его? Вся крепость ликовала. Князь подарил воину-вестнику прекрасный меч, коня и горсть золота. Это был Мушег, нынешний начальник крепости.

— Да, он самый. Мне хотелось, чтобы ему сделали еще более ценный подарок, но я не решилась сказать об этом отцу.

— За два дня, — продолжала Седа, — Гардман принял праздничный вид. Конные воины, которые должны были ехать в Агстев, отправились в Гугарк, Сюник, Арцах и другие города приглашать армянских князей на свадьбу. Государь намеренно запаздывал. Когда он приехал, все князья, сепухи, главы нахарарских родов и княжеские семьи находились уже в Гардмане. Князь Абхазии приехал за день, а царь Грузии задержался в Гандзаке, чтобы одновременно с нашим царем прибыть в Гардман. Князь Гурген Арцруни, когда-то отвергнутый тобой, не только приехал на свадьбу со своей свитой, но, желая доказать свои дружественные чувства к царю, поскакал в Гандзак, чтобы привезти грузинского царя Атырнерсеха в Гардман за день до прибытия Ашота. Это ему удалось. Атырнерсех приехал вечером, а государя мы принимали утром.

— Да, вы все принимали своего государя!.. Гардман помолодел, даже горы и холмы ликовали. Народ был ослеплен роскошью армянских князей, а Саак Севада поразил всех пышностью своих одежд и доспехами. А я? Я, Седа, принимала не только царя Ашота, гордость армянского государства, но… Мне не стыдно сейчас сказать об этом!.. Да, Седа, я принимала того, кто был венцом моих надежд, моим безграничным счастьем, небом моего

блаженства… Я принимала того, кто был моим пламенным сердцем, моей жаждущей душой, чей взгляд покорял меня, чей голос звучал в моих ушах как мелодии херувимов. И этот витязь, этот бог, Седа, был моим женихом, моим будущим мужем… О, разве можно было вынести столько счастья? Все пышные приготовления, почести, оказываемые князьями, воодушевление гардманцев и всех армянских войск казались мне недостаточными. Мне хотелось для Ашота Железного чего-то большего… Ведь он был лучшим из лучших, выше и великолепнее всех армянских князей. Ах, Седа, если бы мужчины знали, как мы, женщины, ими гордимся! Хрупкое женское сердце превращается в алмаз, когда оно полюбит героя. Они тогда не сходили бы с пьедестала, перед которым наше любящее сердце поклоняется им.

«Бедная женщина…» — прошептала про себя Седа.

— Отец мой, прежде чем ехать с телохранителями навстречу царю, распорядился, чтобы я, как царская невеста и дочь могущественного гардманского князя, не выходила из своих покоев и не показывалась народу до того, как государь по приезде в замок пригласит меня к себе. «Этого требует обычай», — сказал он. Но я… о невозвратные минуты счастья… не могла устоять и нарушила правила благопристойности. Весь Гардман собрался чествовать государя. Разве я могла отказаться от этого удовольствия? Я распорядилась, чтобы заперли вход в мои комнаты, приказала служанкам никого не принимать и вместе с одной из них поднялась по тайной лестнице на вершину самой высокой башни. Ты бывала там, Седа?

— Нет. Как может подняться туда женщина? Караульные стрелки и те еле карабкаются по этим проходам.

Мы взобрались, как серны. Окрестности Гардмана оттуда видны как на ладони. Долина, река, горы — все было перед нами. Всюду стояли толпы народа. Посмотрев на мост, я увидела передовой отряд конницы, который мчался как ураган, распустив белое знамя. За ним следовал государь, окруженный телохранителями. Его блестящее оружие, сверкая на солнце, казалось, рассыпало вокруг искры… Государь был на белом коне, покрытом золотой броней, в золотых доспехах и таком же шлеме, над которым возвышался орел, увенчанный белоснежным пером. За царем ехал мой отец с гардманскими всадниками, затем князь Сисакян, агванский сепух, гугарский бдешх[10], князья могские, арцрунские, владетели Арцаха и Хачена и множество других. Затем следовали царские и княжеские отряды, придворные, столичные и сепухские полки и, наконец, бесчисленные толпы народа, собравшиеся со всех окрестностей.

Когда передовой отряд конницы подъехал к крепости и трубы возвестили о прибытии государя, Гардман со всеми князьями, войском и толпами народа исчез из моих глаз. Мой быстрый, ненасытный взгляд видел только его, моего жениха и любимого государя. Отряд телохранителей, подъехав к крепостным воротам, выстроился по обе стороны. Государь проехал вперед. Его прекрасный конь, гордый своим всадником, выступал с особенной торжественностью, оглашая воздух громким ржанием. Братья мои с приближенными встретили государя у главных крепостных ворот, а мать моя, окруженная знатью Гардмана, приняла его у входа в замок.

Если бы в эту минуту я не была уверена, что вскоре должна приобщиться к этому ослепительному блеску, если бы я не знала, что мне принадлежит тот, к кому все стремились приблизиться, чей взгляд все ловили, то, чувствуя себя далеко от него, пленницей на башне, я

бросилась бы вниз с этой высоты. Но когда я вспомнила, что он — мой, что повелитель этого огромного войска и народа — мой будущий супруг, что когда-то отвергнутые мной князья с бесконечным почтением и подобострастием склоняются перед ним, от ликования мое сердце готово было вырваться из груди. Если бы оно было у меня в руках в ту минуту, поверь, моя добрая Седа, я бросила бы его к ногам моего героя…

9. О том, как открылась неверность

Царица прервала свой рассказ, желая немного успокоиться, и продолжала с оживлением:

— Да, Седа, ты права. Вспоминая радостные картины прошлого, можно на время забыть горести настоящего. Как мне дорого это прошлое… Я вспоминаю счастливую минуту, когда предстала перед государем. Он сидел в большом зале замка, окружённый придворными и князьями. Все ждали меня. Как только мы с отцом показались в дверях, государь направился ко мне и почтительно меня приветствовал. Я вспыхнула. Как ясно запомнилась мне эта минута… Отец соединил наши руки и сказал: «Вот, государь, моя дочь и твоя невеста…»

Государь, радостно улыбаясь, взял мою руку, нежно ее поцеловал и повел меня к трону, около которого стояло покрытое пурпуром кресло. «Представляю вам, князья, вашу будущую царицу», — торжественным голосом сказал государь, и все в один голос воскликнули: «Да здравствует царь! Да здравствует царица!» Затем все князья подошли ко мне и приветствовали меня в порядке старшинства. Здесь были, Седа, все отвергнутые мною когда-то князья-женихи. О, как хотелось мне тогда быть единственной красавицей в мире, чтобы все восхищались мною и говорили, что армянский царь выбрал себе достойную невесту!

— Ты была прекрасна, как херувим.

— Я радовалась, что достойна своего жениха.

— Да, он говорил потом князю Марзпетуни, что считает себя счастливым, так как ты превосходишь красотой жену Абаса. «Князь Абхазии, — говорил царь, — не может больше похваляться, что его дочь — единственное украшение армянского двора».

Во время венчания епископ взял мою руку и вложил ее в руку государя. Я подняла глаза и посмотрела на него. О, каким величественным показался он мне в эту минуту, как возвеличена была я сама… «Вот наконец осуществились мои мечты, и я счастлива», — думала я, и дерзкие мысли носились у меня в голове: «Ашот, железный царь, теперь мой, и никто не сможет отнять его у меня. Мы обвенчаны, союз наш скреплен божественной печатью…» «Что бог сочетал, того человек не разлучит», — сказал епископ. А теперь, Седа, я лишена его. Он уже не мой. Как горько поверить в эту истину… А ведь бог нас соединил… Кто же разлучил нас? Как это случилось? Говори, Седа, ты же все знаешь…

— Я и так уже многое сказала, милая царица.

— Нет, ты не рассказала мне, как началось наше несчастье. Почему из потухших искр разгорелось новое пламя?

— Причиной оказался опять наш враг.

— Кто же?

— Юсуф.

— Каким образом?

— Ты помнишь, в день вашей свадьбы он прислал царю много дорогих подарков?

— Царскую корону, меч, осыпанный драгоценными камнями, арабских коней в золотой броне и много других драгоценных подарков.

— И большой отряд арабской конницы, предназначенный для царского войска.

— Зачем он это сделал?

— Говорили, что Юсуф намерен восстать против халифа, чтобы единолично править Персией. Армянский царь тогда был в силе. Греческий император вступил с ним в союз, армянские князья объединились вокруг его престола. Он примирился даже с Гагиком Арцруни, а его единственный враг, Ашот Деспот, окончательно побежденный, бежал в Двин. Вот почему Юсуф старался снискать дружбу царя. Ваша свадьба была удобным предлогом. Своими богатыми дарами Юсуф покорил сердце царя. Но за всем этим скрывался тайный умысел. Арабский востикан не мог, конечно, желать удачи армянскому царю. Он искал его дружбы только потому, что царь был силен. Конница, которую Юсуф послал царю, оказалась причиной большого несчастья.

Царь после свадебных торжеств решил двинуться на Двин и изгнать оттуда Ашота Деспота. Если ты помнишь, этому не противился и князь Саак. Они собрали большое войско, объединив царские полки с гардманскими отрядами и конницей Юсуфа. С этими силами царь двинулся на Двин. Католикос был против этой войны, считая ее братоубийственной. Он пытался предотвратить бедствие. Но его старания примирить противников ни к чему не привели. Царь, полагаясь на свои силы и подстрекаемый, говорят, твоим братом Григором, начал

войну. В самый разгар боя конница Юсуфа бежала с поля битвы. Эта внезапная измена привела в смятение царские войска, и они потерпели жестокое поражение. Коварство Юсуфа было причиной того, что царь стал готовиться к новой войне. Он вызвал на помощь войска абхазского князя и, соединившись с ними, намеревался дать грозный бой противнику. К счастью, католикосу удалось мольбами и увещеваниями примирить врагов.

— Все это мне известно. Но какое это имеет отношение к моим несчастьям?

— Очень большое. Эта неудачная битва была прямой причиной того, что наместник Утика, князь Мовсес, восстал против царя. Царь и князь Саак отправились в Утик подавлять восстание.

— И подавили его. Царь в бою снес мечом голову Мовсесу.

— Да, но на место восставшего Мовсеса он назначил наместником Утика Цлик-Амрама.

— Цлик-Амрама? Значит, вот откуда все началось?

Царица взволнованно приподнялась и, выпрямившись, села на постели, устремив глаза на кормилицу. Седа молчала. Она, видимо, боялась продолжать, не желая вновь огорчить свою госпожу.

— Что же ты замолчала, Седа?

— Не знаю, о чем и говорить, — ответила кормилица, грустно улыбнувшись.

— Ты сказала, что царь назначил наместником Утика Цлик-Амрама?

— Да.

— Почему именно его, а не другого? Что ты знаешь об этом?

— Царь слышал об Амраме только хорошее.

— Да, он был сильным и могущественным человеком. Недаром его прозвали Цлик[11]. Но какое это имеет значение?

Седа молчала.

— Расскажи, не утаивая, все, что знаешь, — строго приказала царица. Седа не смела ослушаться.

— После того как восстание в Утике было подавлено, брат твой, князь Григор, вернулся в Гардман один, без князя Саака. На вопрос княгини-матери, где князь Севада, Григор ответил, что князь с царем отправились в Еразгаворс навестить царицу. Вскоре твой отец вернулся в Гардман, грустный и удрученный. Княгиня сильно забеспокоилась, думая, что он получил какое-нибудь печальное известие, касающееся тебя. Спросить князя она не решалась. Ты знаешь, что отец твой всегда гневался, когда к нему приставали с расспросами. Два дня он не выходил из замка. На третий день состоялось тайное совещание с матерью-княгиней и братьями. После этого весь дом погрузился в печаль. Это меня чрезвычайно взволновало. Впрочем, княгиня не имела от меня никаких тайн, и вскоре я узнала обо всем. «Моя Сааканuйш несчастна», — сказала княгиня. «Почему?» — спросила удивленно я. «Предосторожности, принятые князем, не помогли, — продолжала она сокрушенно. — Князь думал, что, выдав замуж севордскую княжну за Цлик-Амрама, он вычеркнет из сердца государя воспоминания о прошлой любви. Но он жестоко ошибся. Искры любви разгораются и грозят превратиться в пламя». — «Каким образом?» — испуганно спросила я. «Покорив мятежника Мовсеса, царь

спустился в Севордское ущелье, чтобы дать отдых войскам. Там его встретил Цлик-Амрам с севордскими князьями и пригласил в свою крепость Тавуш. Севада, предчувствуя несчастье, сделал все, чтобы царь не принял этого приглашения, но его усилия были тщетны. Царь, до этого дня торопившийся выполнить обещание, данное царице, и вернуться в назначенный срок в Еразгаворс, охотно принял приглашение Цлик-Амрама и поехал в Тавуш». — «Что же дальше?» — спросила я. «Князь присоединился к нему, — продолжала княгиня, — и вот что он рассказал: «Там, говорит, жила бывшая возлюбленная царя, жена Цлик-Амрама. Она встретила государя у крепостных ворот. Княгиня так похорошела, была так прекрасна, что на нее нельзя было смотреть без восхищения. Я видел, как при встрече с царем она вздрогнула и покраснела. Могло казаться, что она оробела перед государем, но мне все было ясно. От моих зорких глаз, — сказал князь Севада, — не скрылось и волнение государя. Жена Амрама в ту минуту была так хороша, что меня не удивило бы, если бы царь обнял ее. Я видел, как в их глазах вспыхнули искры прежней любви. Их взгляды незаметно для присутствующих сказали друг другу многое. Но царь сдержал себя и больше ни разу не посмотрел на княгиню. Цлик-Амрам, видимо, был недоволен, что жена его не привлекает внимание государя. Однако скоро мои предчувствия сбылись. Государь, который намеревался наместником Утика назначить моего сына Григора, вдруг решил передать эту должность Цлик-Амраму. Я не противился, видя, что молчаливый взгляд прекрасной княгини убедительнее, чем все мое красноречие. На следующее утро царь подписал грамоту о «княжестве Утика», назначив Амрама своим наместником. Княгиня пришла лично благодарить государя. Пришла во всеоружии своих чар и своей красоты. Что касается Цлик-Амрама, он от радости готов был целовать царю руки. В тот же день вечером я напомнил государю обещание, которое он дал

царице — возвратиться в Еразгаворс, — и был удивлен, когда он объявил, что желает провести в Тавуше еще два дня, чтобы дать распоряжения и указания Цлик-Амраму. Я больше не мог оставаться там, — сказал мне князь, — и быть свидетелем того, как возрождается старая любовь. Я вернулся сюда, потому что у меня не было сил ехать в Еразгаворс. Какими глазами я посмотрел бы в глаза дочери и как объяснил бы ей пребывание царя в крепости Тавуш?»

Через два дня князь Севада вызвал меня к себе и сказал: «Седа, моя Саануйш одинока. Теперь она больше, чем когда-либо, нуждается в твоих заботах. Готовься завтра же ехать в Ширак». Я с радостью согласилась, так как есть ли большее счастье для меня, чем служить тебе? Князь знал, что княгиня рассказала мне обо всем. Перед моим отъездом он в присутствии княгини сказал мне: «Седа, ты знаешь, какая опасность угрожает счастью моей дочери. Она еще молода и может сама ускорить надвигающуюся развязку. Поезжай и следи за каждым ее шагом. Ты женщина опытная, знаешь жизнь. Постарайся, чтобы твоя царица всегда была во всеоружии, чтобы каждый ее шаг, слово, взгляд пробуждали любовь мужа и заставляли его забыть чары жены Амрама. Никакое искусство не в состоянии воспламенить любовь, но оно может погасить искры старой любви и помешать им разгореться. Брак еще не обеспечивает любви, супруги должны всеми мерами ее охранять. В брачной жизни надо продолжать ту же борьбу, при помощи которой человек овладевает любимым существом. Об этом нужно думать постоянно. Так уж создан человек; добившись желанной цели, он теряет к ней интерес. Настает время испытаний. Твоя царица этого не знает, и хорошо, если никогда не узнает. Она искренне любит государя и верит ему безгранично. Но такая любовь часто приводит к ошибкам. Иногда достаточно бывает неосторожного слова, грубого движения, небрежности в одежде, чтобы в любящее сердце просочился яд

отвращения. За первой каплей следует вторая, третья, и чувство умирает. Все это ты знаешь, Седа. Поезжай и оберегай свою Саануйш от надвигающихся бед. Чувства царя уже не прежние, я это видел ясно. Позаботься, чтобы моя дочь не нанесла его любви последнего удара. Я же со своей стороны постараюсь найти способ предотвратить опасность».

С такими наставлениями князь отправил меня. После этого, как тебе известно, я приехала в Ширак. Государь был уже у тебя, в Еразгаворсе. Он продолжал окружать тебя нежной заботой. Ты была довольна судьбой. Подозрения князя не оправдались; по крайней мере, я не замечала никакой перемены в государе, видя его с тобой всегда нежным и любезным. Но когда в это же лето он стал устраивать для тебя увеселительные выезды в Сюнийские и Гугарские горы и, приставив к тебе сюнийских княгинь, сам, под предлогом неотложных дел, уезжал в севордскую область, мною овладели сомнения. Я тебе ничего не говорила; ты была так весела и счастлива, что надо было иметь каменное сердце, чтобы отравить подозрением твою чистую душу. Но я уже видела, что над сердцем царя властвует жена Амрама. Поездки в Утик стали повторяться. Ты ничего не подозревала, но мы, то есть родители твои в Гардмане и я во дворце, совсем измучились. Вскоре посещения царя так участились, что женщины во дворце и даже телохранители царя стали говорить: «Видно, наш государь влюбился в севордскую страну».

— Скажи мне, они догадывались, зачем царь посещает Утик? — спросила царица, дрожа от волнения.

— Нет. Это было известно только двум его телохранителям.

— Ах, Седа, зачем ты меня обманываешь? Двух человек достаточно, чтобы оповестить двухсот. А кому из дворцовых женщин было известно о моем несчастье?

— Тогда, кажется, никому. Вскоре брат царя Абас со своим тестем, князем абхазским Гургеном, попытался взять в плен государя и убить его. Царь скрылся от них. Заговорщики искали его в Ширакe, а потом с войсками двинулись на Еразгаворс. Ты, конечно, помнишь, что еще до их прихода царь всех нас отправил в Утик, в Севордское ущелье. Мы укрылись в крепости Тавуш у Цлик-Амрама. Вот тогда-то две из придворных женщин заметили близость царя с княгиней Аспрам. Они порицали его за то, что он укрыл нас в доме своей возлюбленной, а не в одной из сюнийских крепостей.

— Кто эти женщины, Седа? Говори, я хочу знать, — спросила царица.

— Одна — мать нашей Шаандухт, другая — княгиня Гоар.

— Они говорили с тобой об этом?

— Да, но тайно. Кроме нас, никто этого не знал. Впрочем, я со своей стороны старалась рассеять их подозрения.

— Напрасно. Этим ты не могла закрыть им глаза. Почему ты тогда же не открыла мне этой тайны? Если бы я знала, что, кроме меня, она известна и другим, я вонзила бы нож в сердце этой низкой женщины, а потом убила себя. Ашот Железный избежал бы той опасности, в которой он сейчас находится, Саак Севада и его сын не были бы ослеплены.

— Как, царица? Неужели и ты узнала об этом в крепости Тавуш?

— Да, Седа, во дворце этой низкой женщины, через несколько дней после нашего приезда.

— Каким образом?

— Ты помнишь, как однажды князь Амрам, возбужденный вином, забыв о своем достоинстве, принялся любезничать с княгинями. Я удалилась из зала. Какая-то непонятная тоска овладела мною. Я не знала, чем рассеять ее. Я не хотела, чтобы кто-нибудь из княгинь сопровождал меня, и пошла одна бродить по дворцу. Я надеялась встретить царя, который уединился для чтения писем, полученных из Еразгаворса. В одном из покоев я вдруг услышала его голос и радостно пошла к двери, которая вела в покои княгини Аспрам. Здесь я услышала голос княгини. Я думала, что она занята хозяйственными делами, и очень удивилась, что они оказались вместе. Ужасное предчувствие стеснило мое сердце. Дыхание прерывалось… Я подошла к дверям со страхом и надеждой, открыла их, и что же я увидела?.. Седа… О, зачем в эту минуту я не задохнулась, зачем не умерла?.. Княгиня Аспрам… в объятиях царя…

— Боже мой!..

— Да, мой Ашот, властелин моего сердца, сидел, обнявшись с женой Цлик-Амрама… Ах, Седа, понимаешь ли ты, как я была потрясена?.. Гром и молния не могли бы столь безжалостно поразить мое сердце…

— Что же ты сделала?

— Ничего. Они оба побледнели, как мертвецы. Я же молча вышла оттуда и уединилась в одной из соседних комнат.

— Тогда-то ты и заболела?

— Да, от страданий, причиненных мне этой роковой встречей… Я болела тогда целых два месяца.

— И ты никому ничего не сказала?

— Не сказала, чтобы не разрушить семью армянского царя. Я не хотела рукой дочери Саака Севада нанести удар армянской короне и престолу. Ах, зачем скрывать, Седа? Я не сказала никому, чтобы не возрадовались мои соперницы, чтоб завистливые княгини не ликовали, а мои бывшие женихи не насмехались над моей гордостью.

— Бедная моя госпожа… — прошептала Седа.

— И все же за свою гордость я жестоко наказана…

— Бог милостив, царица. Не может быть, чтобы та, что так геройски перенесла свое горе, не вкусила бы вновь прежнее счастье.

— Милая Седа, как ты добра… Но разве мертвые в наши дни воскресают? Встань, мать Седа! Пойди отдохни. Я тебя утомила, прости меня.

Седа, давно ожидавшая этого приказания, помогла царице снять оставшиеся на ней одежды, поправила постель и, пожелав доброй ночи, удалилась в комнату рядом с опочивальней.

Царица легла. Но грустные думы долго терзали ее. Уже светало, когда глаза ее сомкнулись. Старая Седа давно уже мирно спала.

10. Слепой мститель

Солнце заходило. Два всадника мчались по Гандзакской равнине. Один из них — пожилой мужчина с благородным лицом, в легком медном шлеме — был вооружен мечом в серебряных ножнах и блестящим маленьким щитом.

Позади него ехал рослый молодой человек в латах, в стальном шлеме, с тяжелым щитом, с мечом на бедре и длинным копьем в руках. По взмыленным лошадям было видно, что они проделали долгий путь. Когда всадники, миновав широкую равнину, въехали в ущелье Гардмана, князь обратился к телохранителю:

— Солнце зашло, Езник, надо поспеть в крепость до темноты. Я не хочу, чтобы караульные подняли шум, открывая ворота.

— Что тебя смущает, господин мой? — спросил телохранитель.

— Князь Саак не должен знать о нашем приезде. Я хочу предстать перед ним как незнакомец.

— Неужели в замке никто тебя не знает?

— Думаю, что никто. Я не был в Гардмане больше восьми лет. Даже на бракосочетании государя я не мог присутствовать. Кто может помнить меня? Из старых княжеских слуг — одна Седа, да и та находится у нас, в Гарни. Меня бы узнала княгиня, но ее нет в живых. Сын князя, Давид, в лагере Амрама. Сейчас в замке только сам князь и его сын Григор. Они оба слепые и не узнают меня.

— В таком случае я не стану подниматься в крепость, а переночую в селе.

— Почему? — спросил князь.

— Потому что меня знают не только слуги князя Севада, но и караульные.

— Что за беда?

— Им ведь известно, что я служу у князя Марзпетуни, и по слуге узнают и господина.

— Если так, оставайся в селе.

— Хорошо, господин мой.

— Может быть, тебе удастся собрать сведения о князе Севада и узнать, в какой мере он причастен к восстанию.

— Я не успокоюсь, пока не разузнаю всех подробностей. Здешний священник большой говорун. Я остановлюсь у него.

— Не болтай сам, а больше слушай.

— Буду молчать, но оставлю ему побольше денег за благословение.

— И это дело. У тебя есть серебро?

— Для сельского священника годятся и медяки.

Всадники, беседуя, доехали до речки Гардман.

— Не задерживайся, переправляйся через речку, — приказал князь.

Телохранитель поклонился и, пришпорив лошадь, повернул влево, в село Гардман, а князь направился по дороге к крепости. Когда он доехал до склона крепостной горы, перед ним предстал Гардман со своими белыми стенами и грозными башнями. Они примыкали на севере к неприступной горе, а на юге и на востоке к высоким крутым скалам. Вид этой грозной твердыни, казавшейся в сумерках еще более суровой, наполнил сердце князя глубокой печалью. Он вспомнил приезд царевича Ашота в эту крепость восемь лет тому назад. В сердце князя и тогда было мало радости. Армянского царя распяли, князья погрязли в междоусобных войнах, царевич был беспомощен, сам он ранен. До радости ли было! Но в ту пору Гардман вселял надежду. Саак Севада сидел в крепости, как

могущественный лев. Имя его повергало врагов в ужас и ободряло сердца слабых. А сейчас в замке царили скорбь и отчаяние.

Смеркалось. Конь князя выбился из сил, дорога шла в гору, но все же всадник погонял бедное животное, чтобы поскорее доехать до замка. Напрасный труд! У подножия горы он услышал звуки трубы. Это был сигнал к закрытию крепостных ворот.

— Проклятые! Нашли время закрывать ворота, — пробормотал князь и отпустил поводья. Животное, словно почуяв, что у хозяина иссякла энергия, замедлило шаг. В замке уже зажглись огни, когда князь приблизился к воротам, находившимся между двумя западными башнями. Сойдя с лошади, он подошел к наружной нише и, взяв лежащий там большой деревянный молот, три раза ударил им по доске, прикрепленной к стене.

— Кто там? — хриплым голосом крикнул караульный.

Князь молчал, не зная, как назвать себя.

— Кто стучит? — снова спросил караульный не без досады, высунув на этот раз из узкого окна башни голову.

— Царский гонец, — ответил князь.

— Царскому гонцу нечего делать в нашей крепости! — возмущенно воскликнул караульный. — Разве царь не знает, что Гардман принадлежит его старому владельцу? — И он скрылся в окне.

Князь был поражен. Он не ожидал, что гардманцы открыто объявят себя союзниками утикцев. Он знал, что в восстании Цлик-Амрама замешан Саак Севада и что его сын Давид — союзник Амрама. Но все же он рассчитывал, что начальник крепости Гардмана, назначенный царем, не изменит своему повелителю, которому он верно служил в течение долгих лет. Из слов караульного князю стало ясно, что вся область охвачена восстанием. «Что же теперь делать?» — подумал князь и решил прибегнуть к хитрости. Он снова взял молот и сильнее прежнего ударил по доске.

— Дружище! Видно, слуги твоего царя любят висеть на башнях! — резко крикнул сверху караульный и добавил: — Ты хочешь, чтобы я проткнул тебя стрелой?

— Глупец! Я испытывал тебя. Только такое животное, как ты, может служить незаконному царю.

— Кто ж ты такой? — спросил караульный более спокойно.

— Приближенный князя Амрама. Я привез важные вести князю Севада.

— А если это неправда?

— Чего ты боишься? Неужели вашу крепость может взять один человек?

— Подожди! Надо получить разрешение у начальника крепости. — Сказав это, караульный скрылся.

Через некоторое время на башне замерцал огонь. Это спускали зажженный факел, чтобы проверить, нет ли людей перед крепостью. Убедившись, что внизу только один всадник, стражи открыли ворота и, увидев князя, а не простого воина, оказали ему подобающие почести. Затем попросили его представиться начальнику крепости. Князю только этого и нужно было. Стражи проводили его к одной из ближайших башен, в верхнем этаже которой его ждал начальник крепости. Пройдя через низкую дверь, князь стал подниматься по узкой винтовой лестнице. Идущий впереди воин остановился и попросил князя сдать ему меч. Тот подчинился и, передав воину меч и щит, направился к начальнику крепости. Это был высокий мужчина с добродушным лицом и глазами, которые светились умом. Стоя посреди маленькой сводчатой комнаты, он ждал таинственного гостя. Завидев князя, он поспешил к нему навстречу и воскликнул:

— Князь Геворг, это ты? Какой ветер занес тебя сюда?

Они обнялись и расцеловались. Такой радушный прием показал князю, что сепух Ваграм не заодно с восставшими. Он знаками указал на стража, стоявшего за дверью, и попросил удалить его.

— Кто там? — крикнул начальник, направляясь к двери.

— Я, господин, — ответил воин.

— Положи сюда меч и щит князя и иди вниз.

Воин исполнил приказание.

Когда они остались одни, Ваграм сказал:

— Я догадался, что к нам в крепость прибыл посланец государя. Караульные доложили, что ты сперва назвал себя царским гонцом, а затем приближенным Цлик-Амрама. Сначала я смутился, но потом понял, что приехал один из наших союзников. Ну, теперь скажи, откуда ты и зачем пожаловал? Почему один? Где твои телохранители? Какие вести от государя? Есть ли надежда на егеров[12] или надо объявить набор войска в Востане?

Ваграм забросал князя вопросами. Было видно, что князь Марзпетуни для него — авторитетное лицо. Князь не торопился отвечать. Опустившись на единственную в комнате деревянную скамью, он предложил начальнику занять место на подоконнике.

— Ты еще молод, Ваграм, а я уже прожил свое. Долгий путь меня утомил, дай сначала прийти в себя, — сказал Марзпетуни.

— Ах, прости меня, князь, я так обрадовался при виде тебя, что забыл обязанности хозяина и даже не предложил

сесть. Прости. Но зачем нам оставаться здесь? Сделай милость, пойдем ко мне домой. Там ты отдохнешь, и мы спокойно поговорим.

Начальник поднялся и жестом пригласил князя следовать за собой, но князь не двинулся.

— Ваграм, — сказал он, — меня не должны видеть в твоем доме. Я хочу кое-что узнать у тебя и в свою очередь сообщить тебе кое-что. После этого пойду к князю Севада. Сейчас не до обычаев гостеприимства.

Князь Марзпетуни устремил взгляд на начальника и, многозначительно оглядев его с головы до ног, спросил:

— Князь Ваграм, можно ли на тебя положиться так, как мы когда-то полагались на сепуха Ваграма?

— Благодарю за откровенный вопрос, князь. Мы живем в такое суровое время, что князь Марзпетуни вправе спросить, способен сепух Ваграм стать предателем, особенно теперь, когда он служит под знаменем мятежников. Но поверь мне, ни годы, ни обстоятельства не изменили меня. Я был верноподданным государя и остаюсь его слугою. Интересы царя требуют, чтобы я был в стане мятежников. Я не мог поступить иначе.

— Я тебя не понимаю.

— Когда прошел слух, что Цлик-Амрам поднял знамя восстания, князь Севада решил воспользоваться этим и осуществить давно задуманный план. Он позвал к себе гардманскую знать и старейшин народа. Был приглашен и я. Князь произнес перед нами такую речь, что гардманцы обезумели.

— Что же он говорил?

Я не помню всего, но постараюсь рассказать, что могу. Знать Гардмана собралась на террасе замка, а народ во дворе. Двое слуг вывели под руки князя Севада, двое других — князя Григора. Тяжелое впечатление произвело на нас появление слепых отца и сына. Не успел князь Севада открыть уста, как в толпе раздались проклятия по адресу царя. Князь подошел к перилам, оперся о свой посох и сказал следующее:

«Князья и народ! Вы видите сами, что могущественный Севада, гордость гардманцев и гроза врагов, ослепленный коварным зятем, может выйти к вам только с помощью слуг. Не желал бы я, чтобы последний из моих подданных подвергся такому увечью, которое нанесла старику отцу и его юному сыну родственная рука. О, тяжкое горе! Вы видите Гардман, его небо и солнце, горы и долины, весну и цветы. Я лишен этого… Но не в этом беда. Я не могу заботиться о своем народе, исцелять его печали, посещать больных, осушать слезы вдов и сирот, освобождать пленных. Севада зависит от милости своих слуг, Если они не захотят, о гардманцы, я не смогу даже согреть лучами солнца свое холодеющее тело… Мой дом, который был когда-то источником жизни, превратился в жилище слепых сов. Но вы, храбрецы Гардмана, вы, у которых зрячие глаза, сильные руки, железное здоровье, как вы можете переносить позор, который нанес вам Ашот Железный, ослепив вашего отца и предводителя, отняв у вас вашу свободу? Народ Гардмана! — воскликнул он. — Я возвысил твое имя победами, а ты унизил его своей рабской покорностью. Если у тебя не хватает сил сбросить с себя это позорное иго, то имей хотя бы мужество пронзить мое сердце мечом, чтобы горести Саака Севада исчезли вместе с ним из этого мира, чтоб твои дети не слышали его ропота и не прокляли тебя…»

Князь еще не кончил говорить, как вся знать, а с ней и весь народ воскликнули:

«Пусть сгинет тиран! Гардман свободен, а Саак Севада наш князь!..»

Через несколько минут замок превратился в бушующее море. Народ высыпал с оружием в руках, будто царская армия уже осадила крепость. Из бастионов изгнали ванандских воинов, угрожая в случае неповиновения уничтожить их. Возмущенная толпа сорвала с вершины замка царское знамя и вместо него водрузила гардманского вишапа[13].

— О, это уж слишком! — воскликнул Марзпетуни.

— Могло быть еще хуже, если бы я сейчас же не собрал своих воинов и не поклялся в верности Севада.

— Не лучше ли было бы покинуть замок, чем клясться в верности мятежнику?

— Нет. Тогда я лишился бы возможности действовать в пользу государя, следить за действиями утикцев. А теперь, находясь среди мятежников, я могу видеть и знать многое.

Рассказ начальника произвел тяжелое впечатление на Марзпетуни; он склонил голову и задумался.

— Неужели ты считаешь меня изменником? — спросил Ваграм после недолгого молчания.

— Да, — ответил князь, поднимая голову.

— Но ведь я только уступал обстоятельствам.

— Всегда и всюду возможны такие обстоятельства. Если каждый начальник крепости будет уступать

обстоятельствам, то все царские замки перейдут в руки врага.

— Не мог же я идти со своим небольшим отрядом против многочисленного войска и начинать братоубийственную войну? Я не хотел кровопролития!

Последние слова он произнес с большим пылом. Марзпетуни посмотрел на него и покачал головой.

— Ты сердишься на меня и считаешь мой ответ не искренним?

— Наоборот, я нахожу его очень искренним. Я хорошо понимаю трудность положения. Враг ждет удобного момента, чтобы ворваться в нашу страну, и мы сами облегчаем ему путь. Ты, мой друг, не хочешь братоубийственной войны? Что можно возразить против этого? Братоубийство — это то же самоубийство.

— Благодарю, что ты меня понял. Вонзи в мое сердце меч, если я проявил слабость по отношению к врагу. Но — что греха таить — я не могу поднять руки на ближнего.

— И никогда не поднимай. Быть может, рассудок еще в силах пресечь эти раздоры. Для сохранения единства страны не следует проливать кровь ближнего; а чтобы обезоружить врага, можно прибегнуть к хитрости. Толпа похожа на овец, которые, обманутые волком, предали ему сторожевых собак, чтобы снискать волчью дружбу. Волк же, передушив собак, начнет истреблять глупое стадо. Князья, которые подстрекают к бунту неразумную толпу, достойны смерти. Каждый из нас должен противодействовать этому всеми силами. Того, кто является врагом законного престола, каждый армянин должен считать и своим личным врагом. Потеряв царство, добытое такими тяжелыми жертвами, мы снова превратимся в рабов.

— Мне это известно, но я не умею хитрить, дорогой князь.

— Я тебя не виню. Что сделано — то сделано. Надо думать о том, как прекратить эти раздоры. Подумал ли ты об этом? Ведь мы идем к гибели.

— Я много об этом размышлял. Прикидывал даже, как следует действовать. А теперь, князь, расскажи, в каком положении Востан? Кто в союзе с царем? Сколько войска можно получить из крепостей? Почему ты прибыл один? Словом, расскажи все, что знаешь, и подробно: в этой глуши вести до меня доходят редко. Затем и я выскажу свои соображения. Если найдешь их приемлемыми, следуй им, если нет, я сделаю то, что ты прикажешь.

Любопытство начальника и заданные им вопросы повергли князя в сомнение. Он заподозрил Ваграма в желании разузнать планы приверженцев царя и помешать их выполнению. Эти мысли мешали князю начать откровенный разговор с начальником. Ваграм догадался о сомнениях князя и, улыбнувшись, проговорил:

— Не омрачай своего сердца подозрениями, дорогой князь! Не суди о моей верности по положению, в котором ты меня застал. Суди по прошлому, которое известно тебе и государю. Я тебе сказал, что подчинился Севада только в интересах царя. Не ищи другой цели в моем поведении. Если бы даже мне подарили весь Гардман, то и этот дар не превысил бы позора измены государю.

Эти слова были произнесены с такой искренностью, что все сомнения князя Марзпетуни рассеялись.

— Да, Ваграм, не скрою от тебя своих опасений. Я боюсь говорить откровенно. Время и люди разрушили мою веру. Но с этой минуты я вполне доверяю тебе. Буду, однако, краток, так как в моем распоряжении очень мало времени:

я тороплюсь к Севада. Постараюсь снова вернуться сюда, а если мне это не удастся, я буду знать, что в Гардмане у царя есть верный человек.

— И самый преданный слуга.

— Благодарю. Выслушай теперь меня. В столице сейчас спокойно. Как тебе известно, царь давно примирился со своим братом Абасом благодаря сюнийскому князю Васаку. Единственным злом были распри между государем и Ашотом Деспотом, но и этому положен конец. Мы вместе с католикосом приложили все усилия для примирения и преуспели в этом деле. Государь и Ашот Деспот совместно осадили Двин и взяли его, изгнав оттуда арабов. Мы полагали, что в стране отныне воцарится мир. Устроили даже празднества в Двине; несколько дней все только предавались веселью. Но вдруг до нас доходит весть о восстании Цлик-Амрама. Царь не предполагал, что оно примет такие размеры: он выступил из Ширака только со своим личным полком. Государю казалось, что по прибытии в Утик ему без большого кровопролития удастся усмирить мятежников. Но, приехав туда, он нашел всю область охваченной восстанием. Государь сообщил мне об этом в Гарни, куда я доставил царскую семью, — на укрепления Еразгаворса нельзя было рассчитывать; Абас и Гурген абхазский дотла разрушили их. Я не сообщил царице, как велика опасность; чтобы не взволновать ее, и повел разговор так, что она сама предложила мне отправиться в Утик к царю и, в случае надобности, доставить ему вспомогательное войско. Я поехал. И что же я вижу: не только весь Утик, но и большая часть Арцаха и Гугарка в руках мятежников. Государя я встретил в Гаргарском ущелье. Отчаявшись в успехе, он собирался вернуться в столицу, что явилось бы оплошностью. Вступи он в Ширак, не усмирив Цлик-Амрама, я уверен, что мятеж

принял бы еще более широкие размеры и царство наше окончательно бы распалось.

Что было делать? Войска у нас не было. Крепостями овладели мятежники. Даже те, кого мы считали верными престолу, присоединились к Амраму. Все же следовало показать, что царь не беспомощен в Утике, а для этого нужно было усмирить мятежников. На совещании мы решили, что государь, не останавливаясь в Утике, должен продолжать путь в страну егеров, будто бы с целью посетить их царя. Мы надеялись, что царь егеров даст государю войска в оплату за ту услугу, которую оказал ему Ашот, изгнав из пределов Егерии абхазского князя Гургена.

Итак, царь со своими телохранителями двинулся в путь. Я же с верным человеком остался в Утике; объехал все населенные местности, оглядел крепости, выяснил масштабы мятежа и пришел к заключению, что в этих краях нет такого места, где мы могли бы найти пристанище хотя бы для того, чтобы вести мирные переговоры. Оставалось одно — открытая война с мятежниками. В это время из Егерии прибыл царский гонец, который сообщил мне, что царь егеров дал нашему государю войско и что государь явится скоро в наши края.

— Значит, царь идет с егерскими войсками? — обрадовался Ваграм.

— Да. Несколько дней тому назад я известил царицу, что мятеж Амрама вскоре будет подавлен, но не сообщил, что царь прибегнул к помощи егеров.

— Ты поступил осмотрительно. Как скоро будет здесь государь?

— Через несколько дней. Но мне до его приезда надо выяснить, что заставило Цлик-Амрама восстать против своего благодетеля? Ведь только благодаря бесконечной

доброте Ашота Железного он сегодня наместник Утика и командующий северными войсками. Что побудило его отплатить злом за добро?

— Да, этот поступок Амрама удивляет и меня.

— Как? И тебе ничего не известно? — спросил князь Марзпетуни с какой-то деланной наивностью.

— Нет.

— Мне кажется, что он поднял восстание по совету Севада.

— А я, наоборот, думаю, что дерзость Амрама поощрила князя Саака.

— Ты не ошибаешься?

— Мне кажется, нет. Севада был далек от таких намерений.

— Я приехал узнать, как все это произошло. Я и раньше подозревал Севада, а кое-какие сведения, которые я собрал по пути, подтвердили эти подозрения. Но все же я не знал, что он возмутил Гардман. Что греха таить, мне не верилось, что Ваграм позволит ему совершить этот шаг.

— Я уже объяснил тебе, какие обстоятельства заставили меня так поступить.

— Не прерывай. Я ни в чем не обвиняю тебя. Положение выяснилось: Гардман на стороне мятежников; единственный наш друг — начальник крепости Ваграм, на которого царь может положиться.

— Это так.

— А теперь оставайся здесь и прикажи кому-нибудь проводить меня во дворец Севада. Я представлюсь ему как чужестранец и так или иначе найду разгадку этой тайны.

— Какая в том польза? Не все ли тебе равно, кто кого подстрекал? Восстание налицо, надо действовать.

— И притом решительно. А для этого важно знать все.

— Что ж, спрашивать о большем я не имею права; поступай, как находишь нужным. Ты мудр и не нуждаешься в моих советах, — ответил начальник и, позвав одного из стражей, приказал проводить князя до дворца Севада.

Стемнело. Узкие извилистые улочки крепости терялись во мраке. Жители разошлись по домам. Всюду стояла тишина, и в пустынных переулках слышался только топот княжеского коня, заставлявший сторожевых псов с лаем бросаться на ездока. Приблизившись ко дворцу, князь приказал воину вернуться и один поехал вперед. Ворота дворца, представлявшего собою грозный замок, не были заперты. Его слепые владельцы не ожидали, видно, никакого нападения и не думали, что найдется такой коварный враг, который нарушит ночной покой двух несчастных.

Князь въехал во дворец через главные ворота. Огромное двухэтажное здание с просторными залами, бесчисленными комнатами и двумя грозными башнями по бокам было погружено во мрак. Хотя Севада и объявил себя повелителем страны, в его дворце не было никаких признаков жизни. Ни звука, ни шороха. Лишь в одном из крыльев замка в нескольких узких окнах чуть брезжил свет, а в комнатах нижнего этажа бродили слуги. Князь с грустью смотрел на дворец. Он вспомнил тот счастливый день, когда впервые переступил порог этого дома. Жизнь и радость били в нем тогда через край. А ныне? Какой

мертвый покой! Казалось, что разрушительная рука смерти занесена над княжеским замком. «И причиной всему один нецеломудренный шаг, совершенный из-за женщины…» — прошептал князь, глубоко вздохнув.

Подъехав к одному из помещений нижнего этажа, он рукояткой плети постучал в дверь. Вышел слуга со светильником. Марзпетуни сразу же узнал его: это был один из старых дворовых. Эта встреча была князю неприятна. Если его узнают, все планы могут рухнуть. Одна надежда — что его забыли.

Увидев, что приезжий не простой человек, слуга сейчас же созвал дворцовую челядь. Слуги зажгли установленный во дворе для таких случаев факел и начали прислуживать князю. Потом послали доложить господину, что к нему прибыл именитый гость. Севада приказал передать, что он с радостью ждет своего старого друга, благороднейшего Марзпетуни.

Князь от изумления застыл на месте.

— Откуда князь узнал, что его гость — Марзпетуни? — спросил он слугу.

— Это я доложил ему, хотел обрадовать своего господина, — с довольной улыбкой ответил слуга.

— А ты, юноша, разве знаешь меня?

— Это мой сын, князь, — подойдя к Марзпетуни, заговорил старый слуга. — Я сказал ему что наш гость — славный князь Марзпетуни. Видишь, князь, как вырос мой сын. Когда ты лежал у нас больной, он был еще маленьким. Он у меня толковый…

— Оно и видно! Да хранит его бог, — быстро ответил князь болтливому слуге и, скрывая недовольство, поднялся

в верхние покои. «Бесплодное посещение… Возможно, что эта встреча будет роковой для меня», — подумал он и вошел в комнату Севада.

В углу на бархатной тахте, в черной одежде, поджав под себя ноги, сидел князь Гардмана. В руках у него были четки. Высоко подняв голову и, как все слепые, напрягая слух, он повернул лицо к двери и, улыбаясь, спросил:

— Князь Марзпетуни?

— Да, твой покорный слуга, — ответил Марзпетуни, быстрыми шагами направляясь к хозяину.

— Подойди ко мне, мой дорогой гость. Я не могу пойти к тебе навстречу. Бог лишил меня этой радости. Подойди и обними меня. — С этими словами он раскрыл объятия и, прижав к своей груди Марзпетуни, поцеловал его несколько раз, проговорив сквозь рыдания: — Лица твоего не вижу, мой благородный друг, но душа слышит тебя и подсказывает мне, что сердце твое смущено несчастьем Севада, а глаза твои плачут…

И действительно, князь Марзпетуни не выдержал: он молча плакал в объятиях Севада. Сильный и непобедимый, князь Геворг обладал чувствительным, как у молодой женщины, сердцем.

— Сядь ближе, мой дорогой (сказав это, Севада усадил князя рядом с собой). Будь мужественным, презирай удары судьбы. Но… не презирай никогда добродетели. В мире ничто не остается безнаказанным. Верно, и Севада совершил преступление, достойное этой кары…

— Я не ожидал, что ты встретишь меня такими горькими речами, — заметил Марзпетуни, чтобы заставить несчастного хозяина переменить разговор.

— Нет, друг, в моих словах не может быть горечи, с тех пор как я узнал о твоем приезде. Итак, князь Геворг, ты у меня, в моем доме… Мы опять вместе. Как я счастлив! А как твой дом, как семья, сын? Гор, конечно, вырос, носит меч и щит? Все ли здоровы?

— Да, князь, твоими молитвами.

— Божьим благословением… Они в Еразгаворсе?

— Нет в Гарни, у царицы.

— У царицы? У моей Сааканyйш? — Лицо князя Севада омрачилось. Но сейчас же, сдержав себя, он принял прежний спокойный вид и продолжал: — А моя Сааканyйш тоже здорова?

— Да, князь. Я ее оставил в Гарни вполне здоровой.

— Вполне здоровой?.. Так, так… Я не думал… — прервал неприятный для него разговор Севада. Ему было тяжело при мысли, что его Сааканyйш хорошо в то время, как ее отец и брат, лишенные зрения, страдают в Гардмане. А ведь причиной этого несчастья явилась она сама. Все случилось из-за желания устранить препятствия, мешавшие ее счастью.

Человек, совершивший благородный поступок, редко не ждет за него благодарности. Большинство ждет одобрения даже за исполнение своих прямых обязанностей. И словно именно для того, чтобы подавить это естественное чувство, люди не только никогда не бывают признательны, но часто платят черной неблагодарностью. Князю Севада трудно было поверить, что Сааканyйш может быть спокойна хоть на минуту с того дня, как ее отец и брат ослеплены. Неужели она может улыбаться, смеяться, радоваться?.. Неужели каждое утро золотые лучи восходящего солнца не наполняют ее сердце грустью при

воспоминании о несчастных страдальцах, навсегда лишенных зрения? Вот почему слова Марзпетуни произвели на Севада такое гнетущее впечатление. Но князь Геворг не заметил на его лице хоть тени волнения. Князя сейчас занимали не переживания Севада. Он раздумывал о том, как ответить, если князь Севада спросит его о цели приезда. Говорить ли неправду или откровенно признаться во всем?.. Он еще колебался, когда князь Саак сказал:

— У нашего народа есть хороший обычай, князь. Когда приезжает гость из дальней страны, у него не спрашивают ни имени, ни названия края, откуда он прибыл, ни о деле, по которому он приехал, пока не угостят его сытным обедом или ужином. Но к нам этот обычай не применим. Мы не чужие, и было бы странно, если бы мы не захотели как можно скорее узнать о делах, нас интересующих. С того дня, как со мной случилось несчастье, я стал раздражительным и нетерпеливым… Ты не удивляйся. Слепой имеет на это право. Это доказывает, что дух мой еще бодр и непобедим. Вынужденное бездействие вызывает во мне жажду деятельности. Поэтому, милый князь, скажи, какой случай или какое несчастие привели тебя в мою крепость в эту позднюю пору? Не сомневаюсь, что ты пришел в мой дом с благой целью. Я знаю, что князя Марзпетуни не занимают личные дела. Только мысль о родине и ее печалях может придать ему силы или повергнуть в отчаяние. Теперь скажи, какие беды родины тревожат тебя, что ты пожаловал к нам?

Лицо князя Геворга прояснилось. Ему показалось, что Севада протягивает ему руку помощи и извлекает из мрачной бездны. И он решил говорить начистоту.

Спасибо, сиятельный князь, за такое высокое мнение обо мне. Ты уже догадался о причине моего приезда и хорошо сказал, что личные дела меня не занимают. Да, не по своим делам я прибыл в Гардман. Страна в опасности,

князь. Наши близкие снова расчищают дорогу алчным врагам. Я приехал просить твоей помощи для пресечения будущих бедствий.

— Моей помощи, князь?

— Да.

— У тебя здоровые глаза, князь Марзпетуни, и потому трудно поверить, чтобы ты сбился с пути, — улыбаясь, сказал Севада.

Эта насмешка задела Марзпетуни, но он остался спокоен.

— Если бы даже я был лишен этого земного дара, своим духовным зрением я сумел бы найти дорогу, которая ведет в замок мудрого гардманского князя, горячо любящего родину.

— Князь гардманский не сумасшедший; и, конечно, ты бы не поверил, если бы он так назвал себя. Но он больше не патриот. Не приписывай ему этой чести.

— Саак Севада не пожелает, чтобы армянский престол подвергался опасности. Я это знаю твердо, и, если даже сам Севада будет это отрицать, я не придам веры его словам.

— Севада отныне преступник, поверь мне.

— Нет, он только взволнован, он возмущен несправедливостью… Но из-за минутного гнева он не предаст родину, не откажет ее верным слугам в своих мудрых советах.

— Советах? Ты ко мне приехал за советом, князь? — удивленно спросил Севада.

— Да! Цлик-Амрам, наместник Утика, восстал против государя. Весь Утик и большая часть Арцаха и Гугарка взялись за оружие. Я приехал просить совета у старого военачальника. Какие нам принять меры, чтобы подавить восстание без братоубийственной войны?

— Ты смеешься надо мной, князь? — спросил серьезно Севада.

— Могу ли я осмелиться?..

— Слушай, князь Марзпетуни. Я не вправе рассчитывать на твою откровенность. Ты человек преданный родине и верный слуга царя. Севада обязан тебя уважать. Я не обижаюсь даже на то, что ты меня не упрекаешь за союз с Цлик-Амрамом. Я знаю, что учтивость свойственна наследнику марзпетунского нахарарского дома. Но Саак Севада не намерен скрывать своих действий. Владетель Гардмана презирает притворство. Да, я в союзе с Цлик-Амрамом. Ты в доме своего друга, но у врага царя. Говори со мной как с противником царя. За это я буду только признателен тебе.

Князь Марзпетуни облегченно вздохнул. С его сердца, казалось, спала последняя тяжесть.

— Итак, значит, владетель Гардмана заодно с мятежниками? — спросил князь спокойным голосом.

— Больше того, он сам поднял и разжег это восстание.

— Этого не может быть! В пылу гнева Севада мог поддаться злу, но не породить его сам.

— Нет, я сам породил его.

— Ради чего?

— Чтобы утолить жажду мести.

— Но…

— На что рассчитывал Ашот Железный, когда ослеплял Севада? Неужели он думал, что слепота помешает душе Севада видеть перед собой окровавленные руки преступника и возгореться пламенем мести? Какое зло я причинил ему? Почему он лишил меня зрения и обрек живого блуждать в могиле?..

— Но ведь ты, князь, восстал против него и поднял все северные области. Ты угрожал целостности государства, подрывал основы царского престола. Разве царь не обязан защищать свою страну от честолюбивых притязаний? Прости, что я так говорю, но ведь ты требовал откровенности…

— Да, да, будь откровенен. Человеку княжеского происхождения не подобает лицемерить. Но смотри, чтобы чрезмерная искренность не довела тебя до грани клеветы.

— Клеветы? Сохрани меня бог!

— А между тем ты уже оклеветал меня!

— Как? Скажи, и я готов просить прощения.

— Ты сказал, что царь защищал страну от моих честолюбивых притязаний?

— Да! Ты презрел данную тобой клятву и восстал во второй раз. Разве не честолюбие руководило тобой в этом клятвопреступлении?

— Твоя смелость радует меня. Я не переношу трусливых людей. Но мне жаль, что ты так далек от истины. Меня не огорчает, что Армения так плохо обо мне мыслит. Мне больно, что так же думает человек, близкий ко двору, друг царя Ашота, князь Геворг Марзпетуни. Итак, по-

твоему, Севада восстал против царя, повинуясь своим честолюбивым замыслам? Неужели монахи, пишущие армянскую историю, заклеймят позором мое имя? О, это очень тяжелое обвинение, князь!

— Но если это неправда, то почему же ты дважды восставал против царя?

— Да, ты должен был спросить об этом. Ты обязан это знать, если не знаешь! Но прежде скажи мне, князь, мог ли я желать несчастия своей дочери, армянской царице, которую любил больше света своих очей.

— Нет.

— Мог ли я смутить ее покой, внести раздор в ее семью и подвергнуть опасности трон моего зятя-царя? Разве это не преступление, равное самоубийству?

— Потому-то мы и были поражены, что князь Севада поднял восстание против своей дочери и зятя.

— И считали причиной тому мои честолюбивые мечты?

— У нас не было основания думать иначе.

— Но какая мне еще нужна была слава? Дочь — царица, зять — царь, сам я — свободный, богатый и могущественный князь Гардмана. Чего мне еще требовать от судьбы?

— Как будто нечего.

— И наконец, неужели у князя Севада меньше любви к родине, чем у простого воина? Неужели он не знаком с историей своего народа, не знает, ценою каких дорогих жертв были приобретены трон и корона Багратуни, чтобы позволить себе тщеславными притязаниями колебать этот трон?

— Почему же тогда ты восстал?

— Теперь нет необходимости скрывать это. Но, мне кажется, ты и сам уже кое-что знаешь.

— Я еще ничего не знаю.

— Ну так слушай. В первый раз я восстал против твоего государя, чтобы предостеречь его от ложного шага. Во второй раз восстал, чтобы спасти честь царского престола. Ныне же я восстал и повел за собой Цлик-Амрама, чтобы отомстить за себя и своего сына.

— Нет, нет… сначала объясни мне подробнее причины первого восстания. Что значит: «Я хотел предостеречь царя от ложного шага»? Какой это был ложный шаг?

— Тебе, конечно, известно, что царь был когда-то влюблен в дочь севордского родоначальника Геворга?

— Да. Но это было очень давно.

— До его брака, не так ли?

— Да.

— Когда человек женится, он берет на себя обязанность относиться с уважением к своему браку и клятве, данной перед богом и людьми.

— Несомненно.

— Если так поступает простой человек, крестьянин, то тем более обязан так поступать царь, отец народа, его руководитель, тот, кому при венчании на царство, надевая перстень, епископ говорит: «Возьми перстень, залог праведного царствования твоего, ибо в сей день благословен ты князем и царем над всеми людьми. Будь твердым споспешником христианства и веры

христианской, дабы ты прославился царем царей». Тот, кто призван быть не только верным христианином, но и стражем и хранителем христианской веры, тот, кто должен быть для своего народа образцом справедливости и добродетели, — может ли он презреть эту веру и стать примером соблазна для народа?

— Конечно нет.

— А царь поступил именно так. Он женился на моей дочери, но не забыл бывшую севордскую княжну. С того дня, как он назначил Цлик-Амрама наместником Утика, он попрал свою клятву, данную перед богом и людьми. Он забыл свою законную супругу, презрел ее чистую, нежную любовь и стал любовником жены Цлик-Амрама. Неужели тебе это неизвестно?

— Известно, но…

— Но ты не придаешь этому значения?

— Избави бог, чтоб я стал поощрять беззаконие! Я хотел только сказать, что нельзя столь строго судить людей, не разобрав причины их преступлений.

— Не торопись защищать своего государя. Слушай дальше. Я не только армянин, но еще человек и любящий отец. Не скрою своей гордой мечты: я хотел, чтобы армянский царь стал моим зятем, тем более что я видел, как им увлечена моя красавица дочь. Я горячо любил ее, и ее радость была моей радостью. Я хотел, чтобы Ашот Железный женился на моей дочери. Ашот мог отказаться от этого союза, никто не принуждал его. Но раз уж он связал себя с моей дочерью узами священного брака, он обязан был оставаться верным этому союзу, благословенному богом и людьми. Но он презрел этот союз. Простит ли ему бог, я не знаю. Вы все, как я вижу, не склонны судить его строго. Но я, я — отец; у меня есть сердце и человеческие

чувства. Во мне есть отцовская жалость и любовь. Вместе с тем я — князь Гардмана, я горд своим родом. Я не мог равнодушно смотреть на несчастье моей дочери и не позволил бы даже самому могущественному человеку в мире опозорить себя.

Я мог бы одним ударом рассчитаться с человеком, осмелившимся опорочить мое чистое имя, но послушался голоса благоразумия. «Несчастье моей дочери еще никому не известно, — подумал я. — Она сама тоже ничего не знает об этом. Зачем же обнажать перед людьми гнойную рану? Ее надо лечить втайне. Пусть сердце моей дочери останется спокойным, а честь царского трона незапятнанной». Подумав так, я обратился к царю. Я беседовал с ним, как отец, уговаривал его обуздать свои страсти и сойти с пути бесчестия. Я просил, я умолял пощадить нежное, хрупкое, не привычное к печалям сердце моей дочери. Я убеждал его пощадить честь армянской царской короны… Он не хотел признаться в своей вине, он смеялся над моими подозрениями и ловкими речами старался усыпить их. Тогда я привел доказательства. Он не мог их опровергнуть и смутился. О, нет тяжелее наказания для честного человека, чем видеть перед собою преступным и пристыженным мужчину, в ком некогда ты уважал добродетель, честность, верность, в ком были заключены твои лучшие чаяния, мужчину, которого ты считал героем и рыцарем. Это тяжкое горе я испытал как армянин, а потом исстрадался как отец, когда взвесил тяжесть удара, который должен был обрушиться на мою дочь.

Наконец царь признался мне в своей слабости и обещал порвать все с женой Цлик-Амрама. Обрадованный, я вернулся в Гардман. Но вот наступает лето, и он отправляет царицу на Сюнийские урочища, а сам едет гостить в Севордские горы к княгине Аспрам. Я не стерпел — написал ему укоризненное послание с требованием немедленно

удалиться из страны севордцев. В противном случае я угрожал силой изгнать его из милых ему мест. Твой царь не только оставил без внимания мое письмо, но даже посмеялся над моими угрозами. «Что это? Неужели гардманцы воюют против влюбленных?» — спросил он моего посланца. Тогда я, вообще не переносивший насмешек, решил проучить своего обнаглевшего зятя, но сначала хотел подготовить к этому свою несчастную дочь. Это было нелегко для любящего отца.

В это время пришло известие о заговоре царского брата и его тестя. Ты знаешь, что царь из-за этого переехал в Утик. И вот в один злополучный день я получаю письмо от кормилицы моей дочери, в котором она сообщает, что царица опасно больна, находится в крепости Тавуш и хочет меня видеть. Я спешу в Тавуш и застаю свою дочь в тяжелых душевных муках. Спрашиваю ее о причине болезни, и она, горько плача, рассказывает о своем горе. Что мне было делать? Терпение мое истощилось. Я просил дочь не волноваться, если между мной и царем произойдет столкновение. «Я прибегаю к этой мере, — сказал я, — чтобы проучить твоего мужа, но кровопролития не допущу». С этой целью я тут же, в Тавуше, обратился к царю с суровой речью и уехал, пригрозив начать против него войну.

Вернувшись в Гардман, я собрал войска и направился в Утик, чтобы занять несколько областей. Но, дабы убедить тебя в том, что я это сделал с единственной целью проучить царя, скажу, что не успел он вывести свою армию из Ширака, как я тайно подговорил сюнийских князей Смбата и Бабкена выступить между нами посредниками мира. К ним присоединился и ты, а также несколько других князей. Я придумал способ оттянуть столкновение до вашего приезда, и потому у деревни Ахаян не произошло кровопролития. Подоспели вы, и дело приняло другой

оборот. Сюнийские князья ничего не сообщили вам о наших тайных переговорах. Вот почему многие из вас были того мнения, что Саак Севада, движимый честолюбием, восстал против царя. Я нашел нужным не опровергать это мнение, так как предпочел прослыть честолюбцем, чем сделать несчастье дочери достоянием княжеских семей и запятнать имя царя.

Я всенародно поклялся в вечном мире и подписал соглашение. Все вы были свидетелями. Но вы не слышали исповедь царя Ашота. Вы не слыхали и той клятвы, которую он дал мне и сюнийскому епископу, обещая навсегда порвать связь с княгиней Аспрам и с открытым сердцем и чистой любовью вернуться в объятия своей законной супруги. И так же, как истинной причиной моего восстания было не честолюбие, а желание исправить царя, истинным условием мира и святым договором была клятва, данная царем сюнийскому епископу и мне.

— Теперь я вполне ознакомился с причинами твоего первого восстания. Чем же было вызвано второе? — спросил князь Марзпетуни.

— Причины его еще более веские.

— Расскажи вкратце, если тебе не скучно.

— О нет. Разговор с князем Марзпетуни не может быть скучным, — ответил Севада, прежде чем начать свой рассказ. — Мне кажется, что всегда можно простить виновного, который совершает преступление в силу стечения роковых обстоятельств или по собственной слабости, если только он имеет совесть, чуткое сердце, сознает свою вину и искренне в ней кается. Но простить преступника, который не только не признает своей вины, а возводит ее в добродетель, который совращает невинные души или, чтобы скрыть тяжесть своего преступления,

клевещет на других, такого преступника, говорю я, не только нельзя простить — его надо покарать. В противном случае одно зло может породить сто других…

— Мой и твой царь, о друг мой, оказался таким преступником. Я обязан был наказать его. Этого требовали моя честь, родительский и человеческий долг. Я должен был стереть его с лица земли. Тогда соблазн был бы уничтожен. Мне нетрудно было это сделать. Ты думаешь, что мы понесли бы при этом большой урон? Нет! Царский престол не остался бы свободным. У царя нет наследников. Рано или поздно трои все равно унаследует Абас, его брат. Чем скорее, тем лучше. Быть может, это даже поправило бы положение в стране. Но я совершил оплошность. «Прежде всего надо спасти престол от опасности, — думал я. — Покарать преступника всегда можно, подумаем сначала о спасении престола». И я отложил наказание, полагая, что нетрудно «переменить барсу пестроту свою и эфиопу — черноту свою». Мне казалось, снисходительностью и незлопамятностью можно смягчить даже каменное сердце, воскресить давно умершую совесть. И вот в эти дни Ашот Железный заключил в крепость Каян моего друга, князя сюнийского Васака. Почему он так поступил, скажи, князь? Несомненно, тебе как близкому другу царя известна эта таинственная причина.

— Неужели она неизвестна тебе?

— Я хочу это услышать от тебя.

— Князь сюнийский Васак был замешан в заговоре против государя.

— В каком заговоре?

— В том, в котором участвовали Ашот Деспот, брат царя Абас и тесть Абаса — Гурген абхазский.

— Друг мой, оставим в стороне чувства и будем судить здраво. Абас и Гурген давно были в союзе против царя. Это всем известно, как известен и повод для этого союза. Дочери Гургена абхазского, жене царского брата Абаса, хотелось стать армянской царицей еще при жизни моей дочери. Гордая абхазка не могла примириться с мыслью, что армянская царица — девушка из армянского княжеского дома, в то время как ей самой приходится довольствоваться званием великой княгини и жены царского брата. Ей хотелось во что бы то ни было стать царицей. Мужчины, как тебе известно, рабы женщин. Условия этого рабства подписаны еще праотцем Адамом. И вот молодой Абас соединяется с своим тестем, чтобы низвергнуть или убить своего родного брата. Он очень любил жену и не мог не исполнить ее просьбу. К этому прибавь молодое честолюбие, и тогда причина заговора станет тебе ясна. Зять и тесть, как тебе известно, со своими войсками двинулись в Еразгаворс, чтоб захватить в плен или убить царя. Это им не удалось. Ашот, предупрежденный о заговоре, переехал со своей семьей в Утик. Заговорщики, видя, что просчитались, разорили Еразгаворс и удалились. Так это или нет?

— Да, это так.

— Мог ли Ашот Железный снести такое оскорбление? Он двинул войска в страну абхазского князя. Война продолжалась долго. Победителем оказался царь Ашот, но от этого было не легче. Армянские войска несли потери, тем более что Абас был в союзе со своим тестем, а войска тестя состояли тоже из армянских воинов. Вот тогда-то князь Васак и выступил посредником между воюющими сторонами, чтобы прекратить гибельное кровопролитие. Он приложил много, усилий, чтобы примирить царя с его братом и тестем. Так это или нет?

— Да, это правда.

— Теперь подумай, мог ли князь Васак, так много сделавший для дела мира, убеждавший, уговаривавший врагов и, наконец, примиривший их, — мог ли такой человек примкнуть к новому заговору?

— Казалось бы, что это невозможно, все мы так думали, но на деле оказалось другое. У князя Васака нашли письмо Ашота Деспота. Он благодарил князя за примирение, единственной целью которого было дать возможность противникам лучше подготовиться для победы над царем Ашотом.

— Пусть так. Но теперь я спрашиваю, князь, можно ли верить в подлинность этого письма? Ашот Деспот выступил против царя потому, что сам хотел царствовать. Абас и Гурген воевали по той же причине. Но что же могло побудить князя Васака враждовать со своим государем и дядей? Не все ли равно ему было, кто из его родственников царствует — Ашот или Абас? Скорее всего он мог быть на стороне старшего брата и законного царя.

— Это так, но я сам читал письмо. Оно было написано Ашотом Деспотом. Его нашли в ларце князя Васака.

— Выслушай меня! Все это ложь, злая, черная клевета. Царь хотел опорочить царицу, мою дочь, хотел очернить ничем не запятнанное имя гардманского дома. Чтобы достичь этой цели, он оклеветал князя Васака, человека столь беззаветно преданного своей родине.

— Каким образом? В этом деле имя царицы совершенно не было замешано.

— Вам говорили только о заговоре Васака, для меня же было уготовано другое.

— А именно?

— Царь сообщил мне, что Васак находится в близких отношениях с царицей.

— В близких отношениях?

— Да, в любовных, князь Марзпетуни, в любовных отношениях! Моя дочь, моя святая, непорочная Сааканyйш… Ты слышишь, князь!

— Это невозможно!

— Только ли невозможно? Это самая возмутительная, самая ужасная клевета!

— Страшно даже слушать.

— И эту клевету придумал царь, ты понимаешь? Он изобрел ее, и совесть не истерзала его сердца… Намерение это зародилось в нем давно. Ты помнишь, как вскоре после упомянутого мною примирения князь Васак перестал посещать дворец? На вопрос католикоса, почему он не бывает у государя, Васак ответил: «Государь сомневается в моей верности». То была правда. Однажды князь был с царицей на прогулке в окрестностях Двина, и после этого царь сделал ему замечание: «Княгиня Мариам жалуется, что ты не любишь гулять и никогда не присоединяешься к ней во время прогулок. Передай от меня княгине, что причина этого кроется в том, что она менее красива, чем царица».

— И царь мог произнести эти слова?..

— Князь Васак с болью в сердце сам рассказал мне об этом.

— Так вот почему католикос взял у царя охранную грамоту для князя Васака!

— Да, князь Васак сказал его святейшеству: «Пока государь не даст клятвенного обещания, что доверяет мне как родному и верному человеку, ноги моей не будет во дворце». И католикос действительно взял с царя клятву. Только после этого князь Васак стал спокойно посещать дворец. Но неожиданно царь приказал заключить князя в крепость Каян. Услыхав об этом, я возмутился и написал царю, спрашивая его о причине опалы моего друга и его родственника. Вот что ответил мне царь, — и, не договорив, князь ударил в ладоши.

Вошел слуга.

— Позови сюда писца, — приказал князь.

Минуты через две вошел писец.

— Достань из моего ларца и принеси царское послание, перевязанное черной тесьмой и запечатанное воском.

Писец вышел и вскоре вернулся со свитком, который вручил князю Севада.

— Можешь идти, — сказал князь.

— Вскрой это послание и прочти его. Я не хочу, чтобы в твоем сердце осталась хоть тень сомнения, — сказал князь, передавая письмо Марзпетуни.

— Мне достаточно и твоего слова. Зачем нам рыться в старых пергаментах? — ответил Марзпетуни, стараясь уклониться от чтения царского послания.

— Нет, князь, ты близкий царю человек и мой искренний друг. Ты должен знать об истинных причинах нашей вражды. Тогда для пресечения зла ты, быть может, прибегнешь к более решительным мерам, чем поездка за советами к Сааку Севада.

— Если ты желаешь, я прочту, — сказал князь и, сломав печать, развернул пергамент.

— Читай вслух, я хочу еще раз послушать.

Князь прочел следующее:

«От Ашота Шааншаха, царя армянского,

владетелю Гардмана, князю Сааку Севада,

привет!

Получил твое дружеское послание, в котором ты просишь уведомить тебя о причине заключения в крепость Каян моего родственника и твоего друга Васака Сисакяна. Причину эту, как она ни прискорбна, я вынужден тебе сообщить, так как об этом просит меня отец моей царицы. Князя Васака я пленил и должен предать смертной казни за его недостойное поведение, которым он опорочил честь моего царского дома, будучи издавна в неподобающих отношениях с твоей дочерью и моей супругой. Я убедился лично в его преступлении и приказал заключить его в крепость, чтобы злом отплатить за зло. Не желая порочить перед миром честь царской семьи и имя могущественного гардманского князя, я объявил князя Васака участником заговора Абаса. Ты должен быть благодарен, что я так забочусь о сохранении чистоты твоего родового имени. А право наказать соучастницу князя Васака — твою дочь — я передаю тебе как справедливому отцу.

Ашот Второй, царь армянский».

Царское послание произвело на князя Марзпетуни удручающее впечатление. Царь в мгновение ока потерял для него все свое величие и стал простым, жалким человеком. Он никогда не поверил бы, что Ашот Железный только для того, чтобы скрыть свою преступную страсть, способен оклеветать невинную, добродетельную царицу, которую он, князь Марзпетуни, знал очень хорошо; более того, царь заключил в крепость беззаветно преданного родине князя Васака, обвинив его в не совершенных преступлениях!

— О чем ты думаешь, князь? — спросил Севада.

— Ни о чем.

— Это удивительно.

— Когда меч пронзает сердце, ум перестает размышлять. Ты вонзил меч в мое сердце, князь.

— Ты сильно огорчен?.. Ты, соратник царя и воин своей отчизны! А если бы ты, кроме того, был еще любящим отцом? Если бы ты вдруг увидел, что счастье твоей любимой дочери, добытое ценою великих трудов и жертв, развеяно в прах… Если бы вместе с этим были разбиты твои лучшие надежды, навсегда потеряны покой сердца, радость души и опорочена честь рода, — что бы тогда ты сделал?

— Неужели страдания за родину не горше, чем все это?

— А если бы к страданиям за родину прибавились еще и эти мучения?

— Это было бы невыносимо.

— Я, князь, не меньше тебя люблю родину. Только любовь к родине остановила меня в то мгновение. О, как меня жгло желание сейчас же сесть на коня и полететь в

Ширак, чтобы за такое жестокое и клеветническое послание снести преступнику голову. Я во второй раз развернул знамя восстания, решив на этот раз строже обойтись с царскими владениями и с населением, чтобы хотя бы этим подействовать на окаменевшее сердце царя и вернуть заблудшего на путь истины. Я хотел спасти царский престол от неминуемой гибели.

Как тебе известно, я взял восемь тысяч человек и направился в Дзорапор. Первым моим делом было осадить и взять крепость Каян. Здесь вместе с князем Васаком находились жены восставших нахараров. Я освободил их, думая до возвращения царя из Абхазии ограничиться только этим. Но воины, бежавшие из крепости Каян, вместе с крестьянами окрестных сел укрепились в ближайших городах и стали своими набегами беспокоить мои войска. Отряды наши встретились, и я вынужден был истребить несколько сот человек, так как они не пожелали сложить оружие. У крестьян же, чтобы они в другой раз не осмеливались вмешиваться в распри своих князей, мы пожгли посевы. После этого я ушел со своим войском в Гугарские горы. Тогда наши князья стали обвинять меня в жестокости, хотя сами в подобных случаях поступали более жестоко.

— Мы обвиняли тебя в том, что ты восстал в тяжелое для страны время, когда государь был занят в Абхазии войной с Гургеном. Мы победили абхазского царя. Грузинский царь Атырнерсех явился посредником, и мы должны были уже подписать соглашение, как вдруг гонец привез известие, что князь Саак снова восстал и разоряет земли. Государь и мы все были поражены. Никто не хотел верить, что ты нарушил клятву, данную в присутствии всех. Тогда царь Атырнерсех сам посоветовал государю оставить незаконченным дело о мирном соглашении с Гургеном и

поспешить в Гугарк, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие.

— Вы напрасно торопились. Я поднял восстание в отсутствие царя, чтобы не сражаться с его войсками. Я даже надеялся, что царь Атырнерсех или вы, князья, отговорите царя Ашота двинуть войска против меня, а посоветуете ему увидеться со мной наедине и помириться, как сыну с отцом.

Тогда я, конечно, поговорил бы с ним, как подобает, и дело, возможно, приняло бы другой оборот. Но разъяренный царь ураганом налетел на Гугарк, и встретить его миром было уже невозможно.

— Ты не прав, князь. Прежде всего мы двинули против тебя не все войска, а пришли только с несколькими полками.

— Это мне не было известно. Я полагал, что большая часть войска оставлена вами в засаде.

— А я повторяю, что мы пришли только с несколькими полками. Затем царь прислал к тебе епископа для переговоров. Но ты не захотел мириться, сказав епископу: «Останься в моем шатре, а я пойду и отвечу царю своим мечом».

— Да, я ответил епископу именно так. Сейчас я раскаиваюсь в этом. Но ведь и я человек, и я мог выйти из себя. Епископ напомнил мне о клятве, которую я дал на холме, у подножия креста, водруженного перед царскими войсками. «Смотри, — сказал мне епископ, — ты изменяешь клятве. Если ты не примиришься, мир тебя осудит, как клятвопреступника». Я обезумел от ярости. Твой царь имел в руках доказательство моей клятвы… Он хотел очернить меня перед всем миром. Что мне было делать? Где мне было найти сюнийского епископа, чтобы подтвердить клятву, принесенную царем в его присутствии? Тогда бы

стало ясно, кто из нас клятвопреступник. У царя в руках были веские доказательства, а у меня не было ничего. Оставалось одно: извлечь из сердца его слова клятвы и возвестить их миру. И вот я, обезумев от гнева, вместо того чтобы двинуть свое многочисленное войско и разбить наголову царские полки, один, с обнаженным мечом взбежал на холм. Ваш отряд, находившийся на вершине, окружил меня. Сын мой оставил поле битвы и помчался вслед за мною. Он видел, что я иду навстречу смерти, и поспешил мне на помощь. Ванандские разбойники расстроили ряды гардманцев. Господь предал меня в руки врага. Господь, а не царь Ашот покорил Севада! Ты сам говоришь, что вы пришли только с несколькими полками. Разве могли они разбить войско в восемь тысяч человек? Но бог предал меня и моего сына в ваши руки, а войско мое рассеялось, потеряв предводителя. Так это или не так?

— Да, это так.

— А теперь скажи мне: если царь действительно хотел помириться со мной, если он избегал кровопролития, то почему же он обагрил свои руки кровью? Ведь ему уже не угрожала опасность. Я и мой сын были его пленниками. Почему же он ослепил меня и Григора? Человеческое или звериное сердце билось в его груди?

— Он опасался нового восстания, он боялся вашей мести.

— Почему же он боялся? У армянского царя, слава господу, много крепостей. Он мог заключить нас в одну из них и держать под стражей. Зачем было нас ослеплять? Как мог он дать палачу такой безжалостный приказ? Дело не во мне. Я стар, видел много счастливых дней и совершил проступки, за которые, быть может, и заслужил кару. Но мой бедный сын, цветущий юноша, еще не изведавший славы, недавно женившийся, с сердцем, полным надежд…

Зачем, зачем он ослепил и его? Ведь Григор был невиновен, он не знал тех адских мук, которые терзали наши сердца, — несчастное мое и жестокое сердце царя. Неужели у царя не нашлось хоть капли жалости к своей царице и жене, моей бедной дочери, столь горячо его любившей?.. Ты говоришь, он боялся нового восстания? Но разве слепой не может мстить?

— Об этом он не подумал.

— Не подумал? Хорошо же, пусть убедится сейчас, что может сделать слепой мститель. Пойди и скажи своему царю, что вести о его победах причиняли мне страдания. Когда я узнал, что он примирился с братом Абасом и Ашотом Деспотом и вместе с ними, захватив Двин, устраивает там празднества, чувство ненависти охватило меня. Сердце мое кричало: «Мщение!» — и я послушался голоса сердца. Я вызвал к себе Цлик-Амрама и, рассказав о любовной связи царя с его женой, разжег в нем неугасимый огонь ревности, ненависти и мести. Я поднял его против царя. К нам скоро присоединятся и многие другие. Вот теперь пусть твой царь удержится на троне. Он скоро увидит, смогут или нет руки слепого мстителя поколебать его могущество.

— Этим вы отомстите только своему народу, а не царю, — заметил опечаленный князь.

— Нет, мы отомстим только царю.

— Царя вам не победить. Он идет с воинственным егерским войском и, несомненно, разобьет Цлик-Амрама. Он истребит его войско, которое, к сожалению, состоит также из армян… Может быть, убьет и твоего сына Давида, союзника Амрама.

— Нет! Правосудный господь не допустит этого! Я это предчувствую, и ты увидишь, что на этот раз десница божия покарает его…

11. Слепой глаз простит, но слепое сердце — никогда

Слова князя Севада произвели гнетущее впечатление на Марзпетуни. Несмотря на то что он, под влиянием минутной вспышки, пригрозил князю разгромом мятежных войск, все же предсказание слепца встревожило его. Наряду с храбростью князь Геворг был наделен благочестием, он верил, что бог внимает праведникам… Поэтому какое-то неведомое дотоле смятение овладело его сердцем. Было ли это предчувствием или суеверием, он не знал, но, убедившись в виновности царя, теперь верил в кару божию. Он думал о том, что Ашот может оказаться побежденным. Это было бы бесчестием для армянского царя, который призвал чужестранцев воевать в собственной стране. А за поражением последовали бы новые войны, новые бедствия…

Эти мысли ужаснули князя. Он молча ждал, что еще скажет Севада. Ему не хотелось волновать опечаленного старика, он решил говорить с ним мягче. «Быть может, этим я трону его ожесточенное сердце, пробужу совесть и отведу опасность, угрожающую родине от его справедливого гнева», — думал он.

В это время вошел слуга и принес чашу для умывания. Марзпетуни сделал ему знак, предлагая поднести ее сначала князю Севада. Как более молодому, ему не подобало умываться первым. Севада, от которого это не укрылось, улыбнувшись, заметил:

— Меня удивляет, что царь, с которым ты рос, не научился у тебя правилам приличия.

— Но у него так много достоинств, что ради них можно простить его недостатки, — мягко возразил Марзпетуни.

Когда они омыли руки, двое слуг внесли ужин на серебряных блюдах, украшенных резьбою, поставив одно из них перед Марзпетуни, другое перед Севада.

Молодой слуга опустился на колени перед князем Сааком, чтобы подавать ему еду, а другой, с серебряным кувшином в руках, подносил вино своему господину и гостю. Марзпетуни был взволнован и почти ничего не ел. Севада понял это из замечания слуги и, улыбаясь, сказал:

— Видишь, князь, простой народ мудрее нас. В народе не принято спрашивать гостя о причине его приезда, пока гость не насытится. Но я не захотел следовать этому обычаю и теперь вижу, что допустил ошибку. Если б я не спросил о причине твоего приезда и не ответил на твои вопросы, ты поужинал бы с бóльшим аппетитом.

— Верно, князь, не могу лгать, — ответил Марзпетуни. — Нехорошо вообще, что мы не следуем заветам наших предков.

— Ты прав. Заветы их священны. Мы никогда не должны их забывать.

— Но мы забываем как раз самые главные. Один из этих заветов гласит: «Объединение — мать добра, несогласие — родитель зла».

— Ты упрекаешь меня, князь, и имеешь на это право; но я прошу тебя — поужинай. Это меня порадует больше, чем блага, происходящие от ложного «объединения», которое часто хуже всякого зла.

Князь, вспомнив о своем решении не волновать старика, замолчал.

Ему тяжело было видеть, что князь Севада может есть только при помощи слуг. Он помнил князя здоровым, гордым и полным величия. А теперь… теперь он сидел, сгорбившись, — дряхлый, худой, бледный старик, и только мятежный дух его все еще не хотел смириться.

После ужина Марзпетуни спросил, почему князь Григор не желает выйти к ним.

— Григор находится у Амрама, — ответил Севада. — Сын мой Давид командует там агванскими полками, а Григор — гардманскими.

— Командует гардманцами? — изумленно спросил Марзпетуни.

— Да. Ты, вероятно, удивляешься, как может командовать слепой? Но у моих войск имеется и другой полководец. Присутствие же Григора необходимо, чтобы гардманцы видели все время перед собой своего слепого князя и хранили в сердцах неугасимый огонь мести.

Марзпетуни удивлялся, что Севада так откровенно раскрывал перед ним свое сердце и свои сокровенные мысли. Он нисколько не боялся, что князь Геворг как соратник и приближенный царя может помешать осуществлению его планов. Поведение Севада внушало большие опасения.

— Итак, ты сделал все, чтобы месть гардманцев была неугасимой, а восстание губительным? — спросил князь безнадежно.

— Князь Марзпетуни! Я не мог поступить иначе. Прокляни меня, если хочешь, но знай, что когда чаша переполнена, она проливается…

Князь Геворг почувствовал, что настало время пустить в ход средство, которым можно было смягчить сердце непреклонного Севада. Этим средством могла быть только его мольба. Чужого он не стал бы умолять, если б даже речь шла о спасении родины, но своего родича просить не стеснялся, потому что знал, что этим не унижает себя в глазах Севада.

— А если бы я опустился на колени перед тобою, князь Севада, стал бы целовать твои ноги, умоляя, чтобы ты, щадя кровь своих братьев и сыновей, запретил эту резню, которая погубит бесчисленные семьи, сделает сиротами тысячи детей, вдовами — жен и лишит радости невест? Если бы я напомнил тебе священный долг христианина «не воздавать злом за зло» и не утолять жажду личной мести ценою гибели родины, — что бы ты сделал тогда, князь Севада? Неужели и тогда бы ты остался глухим к моей мольбе и слезам?

— Ни слова об этом, князь Марзпетуни! Природа создала человека иначе, чем мы думаем. Возмущенное сердце не подчиняется разуму. Напрасно мы называем себя христианами. Мы рабы своих страстей, а не ученики Христа. Христиан нет на свете. Заветы Христа выполняют только те, кто не терпел лишений от неблагодарного друга или, испытав их, не действовал по древней заповеди: «Око за око, зуб за зуб». Это более естественно, чем прощать по-христиански.

— А те, кто могут мстить и все же прощают?..

— Если есть такие люди, то они высшие существа, настоящие Христовы ученики. Я таких не знаю.

— Будь ты одним из них, князь Севада! Неужели твое сердце не возгордится сильнее при мысли, что ты мог отомстить, но простил, чем если ты отомстишь и породишь

вокруг себя разорение и смерть? Тот, кто знает, в чем высшее благо, но действует наперекор этому благу, — тот преступник. Владетель Гардмана не пожелает, чтоб кто-нибудь из нас осмелился назвать его так.

— Владетель Гардмана, к сожалению, простой смертный. Природа одарила его таким же сердцем, как и других людей. Он не может не чувствовать того, что чувствуют ему подобные.

— Нет! Владетель Гардмана знает, что такое добродетель. Он знает, как радостно прощать, и, конечно, простит. Я прошу у тебя этой милости во имя тех матерей и жен, чьих сыновей и мужей ты готов принести в жертву мести.

— Князь Марзпетуни, ты меня обезоруживаешь. Твои слова смущают меня, потому что ты сидишь передо мною и я слышу твою речь. Но когда ты уйдешь, и в этой огромной комнате только летучие мыши будут свидетелями моей скорби, когда утреннее солнце принесет мне тот же мрак, какой приносит ночь, когда для того, чтобы передвигаться, я должен буду прибегнуть к помощи слуг, как тогда мне быть? Когда мне захочется услышать хотя бы одно ласковое слово моей любимой жены, и я его не услышу и вспомню, что неумолимый приказ твоего царя унес ее в могилу; когда до меня донесутся грустные песни моей несчастной невестки, оплакивающей черную судьбу слепого мужа, когда сын Григора, маленький Севада, в сотый раз спросит меня: «Дедушка, бог тебя ослепил, потому что ты старый, но почему он ослепил моего отца?..» — скажи, князь, когда все эти мысли и чувства нахлынут на меня и смутят душу, когда сердце беспрестанно будет кричать: «Месть, месть злодею!» — что мне делать тогда?

— Ты хочешь знать, что тебе делать?

— Да, скажи; я хочу победить самого себя.

— Что сделал царь Смбат, увидев разорение своей страны? Он вышел из крепости Капуйт и предался в руки врага. Когда палачи заткнули ему рот платком, приставили тиски к подбородку, стянули веревками шею, навалились, а затем стали истязать его и, наконец, распяли на кресте, царь-мученик сказал: «Господи, прими эту жертву, которую я приношу своему народу, и избавь его от бедствий…» И ты, князь, внуши себе, что тебя ослепил один из злодеев-арабов, и тогда без ропота сможешь повторить те же слова, когда грустное одиночество, вечный мрак, воспоминания о любимой супруге, рыдания твоей невестки и лепет маленького Севада будут волновать твое сердце… Арабских зверей умолять было невозможно. Их злобу могла утолить только кровь, но армянскому князю бог дал иную душу. Он должен прислушаться к голосу своей совести, должен внять моей мольбе и верить, что моими устами говорит с ним весь многострадальный армянский народ.

Севада молчал. Вдруг он поднял голову и спросил:

— Чего же ты требуешь от меня, князь Геворг?

— Чтобы ты отозвал из лагеря Амрама своих сыновей и вернул из Утика агванские и гардманские войска.

Севада вновь опустил голову и задумался. В комнате воцарилась тишина. Князь Геворг чувствовал, что его слова произвели впечатление на Севада, и с трепетом ждал ответа.

Наконец Севада заговорил:

— Ты меня убедил, князь Марзпетуни. Я не желаю, чтобы ты превзошел меня в любви к родине. Да будет по-твоему. Я отказываюсь от мести! Но есть еще одно препятствие, которого я не могу устранить.

— Какое препятствие?

— Я уговорю своих сыновей и верну их вместе с войсками, но убедить Цлик-Амрама я не могу. Я сам разжег в его сердце огонь мести.

— Этот труд я возьму на себя, — сказал Марзпетуни.

— Но знай, что пока Амрам не откажется от своих намерений, я не отзову своих войск. Я дал слово помогать ему во всем и не могу нарушить своего обещания. Поезжай к Амраму и постарайся уговорить его, чтобы он покорился царю. Если твое начинание увенчается успехом, пошли ко мне гонца, и я тогда сейчас же велю моим сыновьям вывести из Утика войска. Но если твоя попытка окончится неудачей, знай, бог не пожелал, чтобы чаша испытаний миновала нас, и кто-то должен ее испить…

Князь Марзпетуни несказанно обрадовался. Желая выразить свою благодарность, он взял руку Севада и поцеловал. Казалось, что он преодолел самое трудное препятствие. Он был убежден, что ему легко удастся уговорить Амрама, по натуре добродушного и покладистого человека.

С этими мыслями князь покинул Севада и в сопровождении слуги прошел в одну из лучших опочивален замка. Мягкая постель и окружающая тишина благотворно подействовали на него, и он вскоре крепко уснул.

Рассвет еле брезжил, когда князь Марзпетуни, одевшись, спустился во двор. Он разбудил одного из слуг и приказал ему оседлать коня. Погода была холодная и пасмурная. Осенний иней покрывал землю, напоминая о приближении зимы. Слуга, только что вставший с теплой постели, ежась от холода, еле двигал руками. Князь не вытерпел. Каждая минута была ему дорога. «У вас всегда

так работают?» — упрекнул он слугу и, выведя своего коня, быстро закрепил подпруги.

Затем, поднявшись снова наверх, он разбудил привратника, чтобы узнать, можно ли видеть князя. Их разговор услышал дворецкий и вышел в прихожую. Он удивился, увидев князя Геворга в такой ранний час.

— Что прикажет князь? — спросил он Марзпетуни.

— Если можно, разбуди князя и доложи ему, что я уезжаю и хотел бы его видеть, — сказал князь Геворг.

Дворецкий вышел и, вернувшись через несколько минут, сказал, что Севада его ждет.

Марзпетуни последовал за ним и, пройдя через две маленькие комнаты, вошел в опочивальню князя Севада. С шлемом в руке он приблизился к постели. В комнате еще горела серебряная лампада. Князь сидел в постели в ночном одеянии.

— Почему так рано, дорогой князь? — спросил Севада.

— Я хочу сегодня же попасть в стан Амрама. Время не терпит, надо спешить.

— А ты знаешь, где он находится?

— Когда я проезжал Утик, мне сказали, что Амрам прошел Агстев и находится недалеко от крепости Тавуш. Но где он сейчас, я не знаю и хотел об этом спросить у тебя.

— Два дня тому назад гардманцы стояли на берегу Сагама, а сам Амрам находился у Тавуша. Если они узнали о приближении царя, то, вероятно, уже соединились. Поезжай туда, ты их там найдешь.

— А не можешь сказать, где они должны соединиться? — спросил, улыбаясь, князь.

— Нет. Я не имею права. И ты, князь, не должен требовать от меня этого. Ты убедил меня, и я дал тебе согласие примириться с царем. Это моя личная воля. Отправляйся теперь и уговори Цлик-Амрама. Если удастся — хорошо. Если нет — война неизбежна, и я не имею права открывать тебе военные тайны.

— Пусть будет так. Я благодарен тебе за твое решение. Благослови же меня, и я уеду. Это принесет мне удачу в пути.

— Да благословит бог твою дорогу. Ты апостол мира. Провидение должно тебе помочь. Но если оно решило покарать виновного…

— Я сделаю все, что прикажут мне долг и родина, а волю божию мы можем только прославлять.

Сказав это, князь подошел к Севада, обнял его, поцеловал и вышел. Через четверть часа он был уже у начальника крепости.

Закутавшись в плотный длинный плащ, в стальном шлеме, Ваграм ходил взад и вперед перед сторожевой башней.

— Я знал, что ты рано простишься с князем Севада, потому и вышел из дому на рассвете, чтобы открыть тебе крепостные ворота, — сказал Ваграм.

Князь вкратце передал ему свой разговор с Севада, не касаясь, конечно, семейных дел и любовных тайн, послуживших причиной восстания. С этим он не считал нужным знакомить посторонних.

Добродушный Ваграм удивился, что, живя так близко от Севада, он не знал, что старый князь сам побудил Цлик-Амрама поднять восстание.

Князь решил воспользоваться этим, чтобы снискать полное доверие Ваграма.

— Что ты думаешь, дружище? — сказал он смеясь. — Если бы Севада не знал тебя, разве он позволил бы тебе находиться на этой службе?

— Как? Неужели он знает, что я остался верен царю?

— Ему все известно. Но он знает и тебя.

— Что это значит?

— Он знает, что ты не можешь принести ему вреда.

— Почему не могу? Смелости не хватит или руки мои ослабели от старости? — вспыхнул начальник.

— Севада уверен, что ты не будешь защищать царя, — добавил Марзпетуни, желая его подзадорить.

— И он об этом говорил с тобой? — взволнованно спросил Ваграм.

— Нет, определенного ничего не говорил…

— Понимаю. Тебе это стало понятно из его намеков. Хорошо! Я заставлю этого человека уважать себя. Князь Геворг, ты можешь мной распоряжаться, — обратился он к Марзпетуни решительным тоном. — Поезжай и постарайся, чтобы примирение состоялось. А если это не удастся, немедленно шли мне гонца. На следующий же день я буду у тебя. Мой меч откроет моему государю дорогу не только в Утик, но и в Гардман! — Сказав это, он распахнул

широкополый плащ и опустил свою сильную руку на рукоятку меча.

Марзпетуни был рад, что сумел воодушевить Ваграма и взять с него обещание. Царь нуждался в помощи таких верных людей. Ваграм принадлежал к числу храбрецов, которые не действуют безрассудно, но, раз решившись, больше не отступают.

— Дай мне руку и поклянись, что, где бы я ни был, ты явишься по первому моему зову, хотя бы тебе пришлось идти навстречу смерти, — сказал Марзпетуни, пристально глядя на Ваграма.

— Клянусь святой десницей Просветителя[14], — ответил Ваграм и протянул руку Марзпетуни.

Князь Геворг горячо пожал ее.

— Благодарю, князь Ваграм. Теперь я могу рассчитывать на тебя.

— Да, сепух Ваграм принадлежит тебе. Принеси его в жертву на алтарь отечества, если это потребуется.

— Итак, с этой минуты я полагаюсь на тебя.

Сказав это, князь обнял начальника и горячо поцеловал его. Сделав еще несколько распоряжений, князь Геворг пришпорил коня и выехал из крепости.

Телохранитель князя, узнавший в селе Гардман неблагоприятные новости, провел беспокойную ночь и чуть свет направился в крепость. Он старался ехать как можно скорее, чтобы предотвратить опасность, которая могла грозить его господину со стороны восставшего князя. Но каковы были его изумление и радость, когда он увидел князя, спускавшегося по склону горы.

— Куда и почему так рано, Езник? — спросил князь, когда они подъехали друг к другу.

— Господин мой, если б можно было проникнуть в крепость ночью, я сделал бы это, — ответил Езник. — Но я знаю, что в гардманской крепости нет лазеек.

— Почему ты так торопился?

— Я узнал новости и спешил к тебе, так как боялся, чтобы с тобой не случилось беды.

— Я, слава богу, жив и здоров и сижу на своем коне. Но какие ж ты узнал новости?

— Неприятные новости. Вначале мой гостеприимный священник отмалчивался.

— А потом?

— Деньги развязали ему язык. Часть я ему отдал за благословение, часть подарил попадье, остальное — дочке, якобы за то, что она помыла мне ноги.

— А дочка хороша?

— О мой господин, верно, на душе у тебя весело, раз ты шутишь с Езником. Впрочем, дочка и впрямь хороша: черноглазая, румяная, с длинной косой…

— Почему же ты с ней не обручился?

— Я подкупил священника другим. Обещал, что попрошу князя перевести его в Двин. Смешно! Этот крестьянин хочет служить в столице.

— Разве ты не хочешь, чтобы тебя сделали сотником?

— Почему же нет? Я стал бы драться как лев.

— Ну, а священник хочет в столице крестить, венчать, хоронить… Люди там так же родятся и умирают, как в селах.

— Это верно, господин мой.

— Что же ты узнал от священника?

— Против царя восстали агванцы и гардманцы. Их поднял Севада. Священник рассказал, как однажды пришел сельский староста и по приказу князя созвал всех крестьян на церковный двор. Он заставил их дать клятву, что в случае надобности они возьмутся за оружие против царя, и все поклялись в верности князю. В других деревнях и селах произошло то же самое. За три дня, сказал священник, четыре тысячи человек собрались под знамя князя Давида. С этим войском он двинулся на Утик. А народ, оставшийся в деревнях, поклялся не давать царским войскам даже сухой корки.

— Все это я уже знаю. Ты зря раздарил деньги, — сказал князь.

Потом, сообщив ему необходимые сведения, Марзпетуни спросил:

— Может быть, ты что-нибудь узнал о движении войск? Где гардманцы должны соединиться с утикцами и в каком месте они должны встретиться с царскими войсками?

— Это мне не удалось выяснить. В харчевне я встретил воина, бежавшего из ущелья Тавуша. Он рассказывал, что несколько отрядов Амрама рыскают в тростниках Куры и намереваются убить царя во время переправы через року, потому что Амрам боится егеров и не хочет биться с ними в открытом поле.

— Ну, это им не удастся, — заметил спокойно князь. — Телохранители царя — ванандцы. Против их щитов и молния бессильна, не только стрелы утикцев.

— Воин говорил, что, если подоспеют абхазские войска, Амрам смело сразится с царем.

— Абхазские войска? — не веря своим ушам, переспросил князь.

— Да, абхазские войска! Цлик-Амрам обещал Гургену Утик в благодарность за помощь против Ашота.

— Откуда твой воин узнал об этом?

— Он бродил несколько дней в тростниках с разведчиками. Утикцы обещали ему, что князь Амрам возьмет его вместе с ними в Абхазию, куда переедет сам Цлик после того, как передаст Гургену Утик и получит в Абхазии другую область. Этот воин не захотел оставаться с утикцами именно поэтому. Он честный армянин! «Если Амрам собирается уйти в Абхазию, почему мы ради него должны воевать с нашим царем?» — сказал он мне.

Лицо князя омрачилось. Рассказ телохранителя встревожил его. До этого он успокаивал себя надеждой, что появление царя с большим войском заставит Амрама отступить в свои земли и прекратить войну. Узнав, что в этом деле замешан и абхазский царь, он чрезвычайно опечалился. Амрам, уверенный в помощи чужеземцев, мог причинить стране большие бедствия.

У Марзпетупи оставалась надежда только на собственное красноречие: быть может, ему все же удастся уговорить мятежника? Он не знал иного способа, которым можно было бы предотвратить надвигающуюся опасность.

— Господин мой! Этот старый абхазский волк причинил нам много бедствий — когда же мы с ним рассчитаемся? — спросил Езник.

— Когда богу будет угодно, — коротко ответил князь и стал подгонять коня.

— Куда мы едем? — спросил телохранитель, следуя за ним.

— Мы сегодня должны прибыть в стан Амрама. Каждый потерянный час чреват опасностью.

— У лошадей не хватит сил пробежать в один день такое расстояние.

— Сколько миль до Тавуша?

— Больше ста. Сегодня мы едва-едва, да и то к вечеру доберемся до ущелья Сагама.

— А завтра утром?

— На рассвете будем в Тавуше.

— Надо торопиться! — сказал князь и взмахнул плетью. Конь помчался вихрем. Телохранитель последовал за ним.

К вечеру путешественники были уже в ущелье Сагам. Крестьяне, отдыхавшие на берегу реки, сказали им, что лагери князей Давида и Григора уже снялись и что войска Амрама находятся у слияния рек Агстева и Куры.

— Хотелось бы знать, почему Амрам так отдалился от своей крепости? — спросил Езник князя, когда они, переехав реку, двинулись по равнине.

— Это признак того, что приближаются абхазцы. Гардманцы тоже снялись отсюда. Они, вероятно, хотят соединить свои войска.

— Значит, они получили известие о приближении государя?

— Конечно, иначе им незачем было объединяться. Ведь такое войско в течение нескольких дней уничтожит в окрестностях весь запас продовольствия.

— Мне кажется, господин мой, что мы будем участвовать в войне, а не в примирении. А каково твое мнение? — с беспокойством спросил Езник.

— Это известно только богу. Увидим, что принесет нам утро, — ответил князь с притворной беспечностью. Но черные думы терзали его. Тяжелое предчувствие теснило его сердце, и, не желая поддаваться ему, князь все быстрее погонял коня.

Князь и телохранитель провели ночь в одной из деревень Севордского ущелья. Здесь они узнали, что Цлик-Амрам укрыл свою семью и семьи восставших князей в крепости Тавуш, а сам двинулся к Агстеву. В случае поражения Амрам мог уйти в горы и там готовиться к новым битвам. А если бы царь осадил его крепость, он мог напасть на него с тыла. Все эти планы стали ясны Марзпетуни, когда он узнал об отходе Амрама из Тавуша.

— Значит, нам нечего делать в крепости, — сказал князь телохранителю. — К утру мы должны быть в Агстеве.

— Еще до восхода солнца мы переправимся через реку Асан, — ответил Езник.

Они прилегли немного отдохнуть.

Утром, едва солнце на несколько аспарезов[15] поднялось над горизонтом, князь и его телохранитель были уже в долине Агстева.

Шатры восставших союзников занимали всю долину, начиная с берега Агстева до подножья ближайшей горы. На солнечной стороне были разбиты палатки утикцев и севордцев, немного дальше расположились гардманцы и агванцы. Все шатры были выстроены по прямым линиям и представляли несколько обширных квадратов. В середине каждого находился шатер военачальника или князя. Нигде ограждений не было. Очевидно, войско не собиралось тут долго оставаться. Абхазцы, видимо недавно подоспевшие, в беспорядке разбивали свои палатки на равнине, ведущей к Куре. Видя внушительные размеры войска противника, князь Марзпетуни с горечью воскликнул:

— Вот как они сплотились для уничтожения своих единокровных!

— Ты не ожидал этого, господин мой?

— Никогда! Презренные! Они хорошо воюют только против своих.

— Мы поедем в стан? — спросил телохранитель.

Князь не ответил. Натянув поводья, он стоял в тени развесистого дерева и смотрел на стан мятежников. Воины хлопотали вокруг шатров. В стороне происходили упражнения конницы и военные игры.

После долгих наблюдений он повернулся к Езнику.

— Видишь вдали четырехугольник, посреди которого разбит княжеский шатер?

— Тот, над которым развевается двухцветное знамя?

— Да, это знамя сепуха Амрама. Поедешь туда прямо через стан.

— Не лучше ли подъехать с края долины?

— Нет, севордцы — дикари, они могут изрешетить тебя стрелами. Поезжай через стан, но мчись, не глядя по сторонам, прямо к княжескому шатру. Ты знаешь князя в лицо?

— Как же, видел много раз.

— Войдешь и скажешь, что я приехал к нему по важному делу.

— Прикажешь сообщить ему причину, если спросит?

— Нет, это не твое дело.

— Хорошо, господин мой, — сказал Езник и, пришпорив коня, поскакал в лагерь.

Шатры, о которых говорил князь, были разбиты в два ряда четырехугольниками. Посредине стана находился просторный шатер Амрама, над которым развевалось знамя военачальника. Княжеский герб красовался над входом, а внутри шатер был обит красными полотнищами. На столбах, поддерживающих шатер и украшенных блестящими медными кольцами, висели обложенные серебром мечи, богатые резьбой щиты и колчаны со стрелами, покрытые серебром луки. В одном углу шатра были прислонены палицы и копья.

Вход охраняла вооруженная стража, в железных шлемах, с копьями и со щитами в руках. По шатру задумчиво расхаживал взад и вперед Цлик-Амрам.

Это был высокий, рослый мужчина крепкого телосложения, с крупными чертами энергичного лица.

Высокий лоб, покрытый морщинами, острые, проницательные глаза под густыми, почти сросшимися бровями, большой орлиный нос, длинные густые усы и пышная с проседью борода, закрывавшая наполовину грудь в медных латах, придавали ему суровый и даже грозный вид. Он был вооружен с головы до ног. На нем была стальная кольчуга, на руках и ногах налокотники и наголенники, на бедре меч в выложенных серебром ножнах. Стальной шлем, украшенный блестящим медным орлом и увенчанный пышным черным пером, лежал тут же на маленьком столике.

Вдруг сепух прислушался: кто-то шепотом пререкался около шатра.

— Кто там? — крикнул он.

— Воин из Востана хочет тебя видеть, господин мой, но не желает снять с себя оружие, — ответил страж, приблизившись ко входу.

— Кто этот упрямец? Пусть войдет, — приказал Амрам.

Вошел Езник. Свое длинное копье он передал стражу и, войдя в шатер, низко поклонился князю.

— Кто ты? — грозно спросил Амрам.

— Телохранитель сиятельного князя Геворга Марзпетуни, — ответил Езник.

— Разве тебе неизвестно, что никто не смеет входить в княжеский шатер вооруженным?

— Я никогда не расставался с оружием, господин мой.

— Значит, тебе никогда не приходилось бывать гонцом?

— Делаю это в первый и последний раз, если для этого надо разоружаться, — ответил несколько смущенный Езник.

Сепух улыбнулся.

— Что имеешь сообщить мне? — спросил он.

Князь приказал доложить, что он приехал к тебе по важному делу и желает говорить с господином сепухом.

— Князь Геворг здесь, в нашем стане?

— Здесь, ожидает за станом твоего ответа…

— Проси пожаловать, — приказал сепух и распорядился выслать воинов для встречи князя. Сейчас же несколько вооруженных севордцев, вскочив на коней, помчались навстречу князю и препроводили его в шатер сепуха.

— Не ожидал увидеть в своем шатре князя Марзпетуни, — сказал сепух, тепло приветствуя князя и усаживая его на небольшую скамью.

— К счастью, я всегда там, где меня не ждут, — улыбнувшись, ответил князь.

— К счастью? Что это значит?

— Это значит, что я никогда не посещаю друзей со злым умыслом.

— Друзей — да, но ты в шатре врага.

— У Марзпетуни нет врагов среди армян!

— А враги царя?

— Ты когда-то был другом царя и опять станешь им.

— Другом? Пусть его поглотит ад! Я помирюсь скорее с сатаной, чем с ним! — гневно воскликнул сепух.

Марзпетуни умолк и нерешительно посмотрел на сепуха, побледневшего от внезапного волнения.

— Если бы я знал, что это так взволнует тебя, я не предпринял бы такого длинного путешествия, — мягко и спокойным голосом заметил князь.

— Царь от нас недалеко, — начал сепух, немного успокоившись. — Завтра, быть может, мы уже сразимся. Если ты приехал нас мирить, мне жаль тебя. Ты взялся за бесполезный труд.

— В Востане никто не верит, что сепух Амрам может восстать против своего государя.

— Я не восставал против государя, — прервал князя сепух. — Я служил ему самоотверженно! Сколько раз я воевал против его мятежных союзников, в скольких опасных боях защищал его… А помнишь, как я водрузил знамя на Шамшулте? Всего и не перечислишь…

— Царь не остался в долгу. Он назначил тебя правителем над всеми странами Утика и Севорда, возложил на тебя командование северными войсками. Ты же воспользовался данной тебе властью и войском, чтобы поднять восстание и обнажить меч против своего благодетеля и государя.

— Против моего благодетеля? Никогда больше не говори этого! Против моего врага!

— Врага? Разве царь может быть врагом своего слуги? — заметил князь, как бы не поняв слов сепуха.

— Князь! Если тебе ничего не известно о причине моей вражды, довольствуйся тем, что я тебе сказал, больше мне добавить нечего.

— И не надо. Я знаю сам, какие причины побуждают наших князей враждовать с царем и восставать против него.

— Тщеславие, жадность, сребролюбие?.. — прервал его сепух. — Ты думаешь, одна из этих причин и побудила меня восстать против государя?

— Не знаю и не желаю знать. Но я хочу, чтобы ты свернул знамя восстания и меч, обнаженный против своего государя, вложил в ножны.

— Это угроза?

— Нет, только просьба, мольба…

— Удивляюсь. Князь Марзпетуни просит и умоляет сепуха Амрама? Такой покорностью не отличались до сих пор марзпетунские нахарары. Нет ли тут какой-нибудь тайны или загадки?

— Счастлив тот, кто может самоотверженно служить родине. Только благо родины заставляет меня склонить перед тобой мою гордую голову. Можешь ли ты презреть такую покорность или искать в ней тайну?

— Нет.

— Так выслушай меня. Смягчи свое сердце и предотврати кровопролитие, которое может произойти через день-два.

— Не могу.

— Значит, тысячи армянских женщин родили в муках сыновей и вырастили их в многолетних страданиях для того, чтобы вы, князья, в течение одного дня принесли их в жертву вашим личным страстям?

— А когда вы ведете народ против арабов и предаете его магометанскому мечу, тогда вы не вспоминаете о муках и страданиях армянских матерей?

— Воевать против врагов родины, умереть ради ее свободы — священный долг каждого. Никто не вправе уклониться от этого. Но братоубийство — преступление, проклятое богом и людьми.

Амрам, который во время разговора встал с места, снова сел и стал задумчиво разглядывать копья, прислоненные в углу шатра. Затем, поглаживая свою пышную, шелковистую бороду, мягко сказал:

— Князь Марзпетуни, хорошие слова произносить легко, но совершать благие поступки трудно. Я бы не хотел прослыть преступником, но обстоятельства сильнее меня. Отныне мне все равно, что обо мне будут говорить. Надо мной только один судья, это — моя совесть.

— Совесть не позволит тебе подвергать опасности жизнь твоих братьев…

— Не прерывай! Моя совесть — судья мне. Но не в этом дело. Если даже я смирю свой справедливый гнев, усыплю свою совесть — я все же не смогу исполнить твою просьбу. Я не один иду против царя. Со мной гардманский и абхазские князья со своими союзниками. Ты видел многочисленные шатры, разбитые на равнине. Здесь собрались все князья, которые хотят свести с царем старые счеты. Если я уведу отсюда утикские отряды, за мной не последуют ни севордцы, ни гардманцы, ни агванцы, ни князь тайский, ни абхазский царевич.

— Князь Бер? И он здесь?

— Да, и он, кровный враг армянского царя.

— К которому ты присоединился?

— Да, я поклялся ему и другим союзникам воевать с царем до последнего издыхания.

— А если ты примиришься с царем?

— Тогда мечи всех обратятся против меня. Таково наше условие.

— Из упомянутых тобой союзников, дорогой Амрам, только молодой абхазский царевич останется недоволен примирением, потому что он пришел убивать и грабить. Ты сам сказал, что он кровный враг царя. Естественно, что он не захочет вернуться к своему отцу с пустыми руками. Но другие князья не будут противиться, если ты примиришься с царем и предотвратишь кровопролитие.

— А князь Севада и два его сына, а разъяренные гардманцы, которые пришли мстить царю за своих ослепленных им князей?

— Князь Севада простил царя.

— Как? Севада простил?! — вскочив с места, воскликнул Амрам.

— Да, я был у него. Он простил и отзовет свои войска, если ты великодушно вложишь свой меч в ножны.

Гневный огонь сверкнул в глазах Амрама, лицо его исказилось. У него захватило дыхание. Он сделал несколько шагов, опять вернулся и, остановившись перед князем, снова спросил:

— Итак, Севада простил и отзовет войска, если я примирюсь с царем?

— Да. Он исполнил мою просьбу и этим еще раз доказал свою горячую любовь к родине.

Амрам тронул руку князя Геворга и тихо сказал:

— Здесь нас могут подслушать, пойдем на другую половину. — Раздвинув полог, он прошел во внутреннюю половину шатра. Князь последовал за ним.

— В надежде на какие блага дал согласие на примирение Севада, этот гордый гардманец, поклявшийся покарать своего палача? — обратился Амрам к Марзпетуни.

— Он это делает не из личных выгод. Он не хочет проливать кровь своих братьев.

— А он рассказал тебе, почему я взялся за меч?

— Рассказал. Я знаю все.

— Рассказал? И ты все знаешь? — задыхаясь, спросил Амрам.

— Да. Но не приходи в отчаяние…

— Разве это в моей власти? Разве можно приказать льву, чтобы он не рычал, когда коварный меч вонзается ему в ребра?

— Терпение самое мощное оружие.

— Не время говорить о терпении, князь. Ты говоришь, что Севада простил царя… Зачем, зачем же этот старик разжег адский пламень в моем сердце? Зачем он смутил покой моей души? Зачем отравил мою жизнь… если сам может прощать?

— Когда душа человека ослеплена страстью мщения…

— Ни слова больше, князь Марзпетуни! Пусть прощает Севада, пусть простят его сыновья, пусть простит весь мир… сепух Амрам не простит. Мир? С Ашотом? Никогда! Если бы я мог, я вступил бы в союз с самим сатаной, чтобы свергнуть с престола и уничтожить этого недостойного царя. Если бы ты заглянул мне в душу и увидел, как жестоко я страдаю, ты содрогнулся бы от ужаса…

— Вот здесь-то герой, любящий родину, и может доказать, что его мать родила не простого смертного.

— Только низкий человек может примириться с бесчестием, а благородная душа не перенесет этого…

— Севада — не маленький человек. Ашот ослепил его, ослепил и его сына. Все же он, забывая об этой невозвратимой потере, прощает своего безжалостного зятя только из любви к родине.

— Ашот лишил его зрения, а меня сердца. Слепой глаз может простить, слепое сердце — никогда.

— Но…

— Князь! Человек, знающий, какое бесчестие нанес мне царь и все же советующий мне примириться с ним, — мой враг… Если бы ты не находился в моем шатре, я вызвал бы тебя на бой.

— Я вижу, что мне тут больше нечего делать, — сказал князь. Встав с места, он поклонился и вышел из шатра.

Едва он сделал несколько шагов, как сепух приподнял завесу шатра и позвал его:

— Князь Марзпетуни!

Князь обернулся.

— Что ты еще хотел мне сказать?

— Пока я тебе еще ничего не сказал, — ответил Амрам.

В сердце князя зародилась надежда. «Может быть, он раскаивается и согласен исполнить мою просьбу?» — промелькнуло у него в голове. Он с готовностью вернулся и вошел во внутреннее помещение шатра.

— Что скажешь?

— Присядь на минуту, — сказал сепух, указывая на свою постель.

Князь сел.

— Князь, если ты пришел ко мне ходатаем, то тебе надо доставить исчерпывающий ответ тому, кто тебя послал, — начал сепух.

— Меня никто не посылал. Царь, как ты знаешь, недавно вернулся из Егерии, а в Утике я его не видел.

— Я думал, что царица…

— Ни царица, ни католикос. Я видел своими глазами, какое разорение грозит нашей стране. Я был всюду, видел все и решил поехать к вам обоим — к тебе и к Севада, просить вас пощадить свою многострадальную родину. Князь Севада — велика моя благодарность ему — послушался меня, забыл о своем несчастье, о своей мести… И ты, я уверен…

— Нет, князь Марзпетуни, — прервал сепух. — Твои слова не тронут мое сердце. Сепух Амрам сейчас не способен думать о благе родины.

— Зачем же тогда ты вернул меня?

— Я вернул тебя, чтобы раскрыть свое сердце, показать его гнойные раны, чтобы ты при встрече с царем рассказал ему, почему Амрам обнажил свой гибельный меч.

— Это тебя не оправдает.

— Я и не ищу оправданий.

— Зачем же говорить ему о причине твоего восстания?

— Если бог поможет мне сломить могущество твоего царя, разорить его страну, сжечь города, покрыть скверной и пеплом его трон и корону, пусть знает тогда он, что Амрам отомстил ему за свое бесчестие…

— Он узнает об этом, но и ты знай, что за такие жестокие дела тебя проклянет весь мир.

— Эти проклятия будут мучить мою душу не больше, чем она мучается сейчас из-за бесчестия, нанесенного мне нечестивым царем. Даже благословения бессильны исцелить раны, которые снедают мое сердце…

— Но если бы ты мог на мгновение рассуждать хладнокровно, если бы твой юношеский пыл уступил место благоразумию и мудрости, если бы ты забыл о мести и твое сердце загорелось любовью к родине, тогда, я уверен, ты не захотел бы из-за женщины заслужить имя изменника родины.

Сепух подошел к князю, устремил на него горящий взгляд и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Из-за женщины?.. О, как бы я хотел услышать эти слова от тебя на чужой земле, а не в собственном шатре!.. Поверь мне, князь Марзпетуни, каким бы ты ни был могучим и храбрым, я поразил бы твою грудь мечом, будь

она прикрыта даже стальной броней. Как ты посмел пренебрежительно отзываться о той, которая была царицей моего дома, богиней моего сердца?..

— Прости меня, дорогой Амрам, если я тебя обидел. Я не думал унижать княгиню Аспрам.

— Молчи, умоляю тебя. Не называй ее по крайней мере при мне. Не говори об унижении, я могу сойти с ума… — прервал князя Амрам.

— Я должен еще и еще раз просить у тебя прощения за то, что ступил в твой шатер, — мягко сказал Марзпетуни.

Сепух ничего не ответил. Он взволнованно шагал взад и вперед, время от времени потирая лоб, точно желая разогнать гнетущие мысли. Прошло несколько минут. Оба молчали. В шатре глухо раздавались шаги Амрама. Князь следил за ним, размышляя о том, как поступить, чтобы его посещение не пропало даром. Он видел, что его слова не действуют на сепуха. Но Марзпетуни было особенно тяжело уйти ни с чем от Цлик-Амрама, после того как удалось убедить такого упрямца, как Севада. Он не мог смириться с мыслью, что умный и сердечный человек мог пожертвовать благом родины ради личных чувств, ради мести. Поэтому он ждал, когда уляжется гнев Амрама, чтобы еще раз поговорить с ним.

Наконец сепух, усталый от волнения, сел на край постели и устремил пристальный взгляд на дверь.

— Сепух Амрам! Как бы ты назвал человека, который, желая согреться, поджег бы собственный дом? — спросил вдруг князь Геворг.

— Назвал бы безумцем… — ответил сепух, не отводя глаз от входа.

— Мне кажется, что для каждого из нас родина является родным кровом и если мы из-за наших личных интересов подвергаем ее опасности, то мы похожи на человека, который, разжигая пожар, не думает о том, что, когда погаснет огонь и бревна кровли превратятся в пепел, он останется без дома и без убежища, под буйным ветром и знойными лучами солнца…

— Это так, — ответил сепух, — но есть холод, от которого можно избавиться только пожаром своего дома. Все мы люди из плоти и крови. Дай мне вонзить в тебя меч, и ты увидишь, как ужас смерти овладеет тобой.

— Но душа с радостью расстанется с телом, если я буду умирать за родину.

— А когда нож вонзится в душу и душа предастся страданиям?..

— Если у тебя есть сердце и чувства, если в твоих жилах течет благородная кровь, невозможно, чтобы твоя душа не страдала, видя, как ты наносишь родине бесчестие, как льется кровь твоих братьев, как подвергается опасности царский престол и враг по дороге, которую ты ему открываешь, вступает в твою страну, чтоб разорить ее дотла.

— Князь Марзпетуни!

— Говори, я слушаю.

— Ты знаком с греческой наукой лучше, чем я. Говорят, что во время твоего пребывания с царем в Византии в императорском дворце были поражены твоими познаниями в греческой литературе. Верно это или нет?

— Верно. Но почему ты вспомнил мое знание греческого языка?

— Ты, конечно, читал Гомера?

— Многие из его стихов я знаю наизусть.

— Тогда ты знаешь, почему погибла Троя и почему под ее стенами полегло множество греческих полководцев со своими войсками?

— Знаю, из-за женщины, из-за неверности Елены.

— Нет, ты ошибаешься, из-за предателя Париса.

— Я не так понимаю Гомера.

— А древние греки понимали его именно так. «Елена — женщина, — говорили они, — а женщина слабое существо, которую одинаково привлекают добродетель и порок. Долг честного мужчины беречь женщину, защищать ее, а не пользоваться ее слабостью». Парис поступил как раз наоборот. Он изменил гостеприимному Менелаю, очаровал его жену полученной от Афродиты кифарой, похитил ее и увез в Трою. Вот почему все греческие герои поднялись и с многочисленными войсками двинулись к Понту. Десять лет продолжалась осада столицы Приама. Наконец она была разрушена за бесчестие, которое нанес изменник Парис семье греческого царя, поправ священный обычай. Две тысячи лет назад люди так мстили за поругание семейной чести. Через две тысячи лет они будут поступать точно так же. Каково твое мнение?

— Из-за одной Елены я не пролил бы крови и десяти греков, не то что множества полководцев и царей…

— Да? Значит, ты великий человек. Но Греция рассудила иначе. Она сказала: «Если сегодня оставим безнаказанным Париса, завтра придет Гектор… Лучше поразить первым ударом первого преступника».

— Значит, ты оправдываешь убийство несметного количества людей из-за одного человека?

— Из-за его чести — да!

— И ты можешь поступить так же?

— Да, я должен и поступлю так же.

— И спокойно будешь смотреть, как на поле битвы копья егеров будут пронзать грудь армянских воинов, как их сверкающие мечи будут рубить им головы, как армянское войско для спасения чести своего знамени будет воевать, не отступая, и гибнуть без конца?.. И потоки крови, трупы убитых, проклятия умирающих, стоны раненых не будут разрывать тебе сердце, особенно когда ты подумаешь, что все это делается из-за одной женщины?

— Князь, ты говоришь, как монах, а я воин…

— Сепух Амрам, ты забываешься! — вскочив с места, воскликнул Марзпетуни. — Ты должен отличать воина, преданного родине, от монаха.

— Прости. Я употребил слово монах, подразумевая «миротворец». Нам известна храбрость потомка рода Марзпетуни.

Князь сел.

— Ты сказал, что ужасы войны должны терзать мое сердце, когда я подумаю, что все это происходит из-за одной женщины, — начал снова Амрам. — Это было бы верно, князь, если бы во мне осталась хоть искра любви к родине… Но если угасла эта последняя искра и сердце мое бьется только для мести?..

— Значит, ты недостоин имени воина! — взволнованно воскликнул Марзпетуни.

— Не обижаюсь на эти слова. Я обязан уважать звание и возраст князя Марзпетуни. Но я вернусь опять к Гомеру. Ахиллес был не только храбрецом, но и героем, не так ли, князь?

— Да.

— Кто из греческих героев был равен ему?

— Никто.

— И все-таки он, сидя на своем корабле, спокойно наблюдал за победами Гектора, смотрел, как троянцы убивали греков, сжигали греческие корабли, надругались над трупами. Он видел, как гордые эллины отступают к берегу и как побеждает троянский меч. Он знал, что одно его появление на поле битвы поднимет дух и бодрость греков, положив конец войне. Но он не двинулся с места, не слушал увещеваний полководцев. Что было причиной? Почему избиение братьев не трогало его?

Князь молчал.

— Причина крылась опять-таки в оскорбленном чувстве… — продолжал Амрам. — Царь Агамемнон, глава греческих союзников, похитил у Ахиллеса его возлюбленную Бризеиду. Ахиллес не перенес этого бесчестия, он вложил меч в ножны… покинул поле битвы, и из-за одной Бризеиды погибли тысячи греков. А ты требуешь, чтобы сепух Амрам был выше и доблестней, чем сын Фетиды, герой Ахиллес?

— Разве ты не хотел бы прославиться так же, как он?

— Хотел бы…

— Забудь ради любви к родине нанесенную тебе обиду, и слава твоя затмит Ахиллеса.

— Ты меня прерываешь. Я хотел бы, но не могу. Мое сердце окаменело… Я не виноват.

— Что ж ты решил делать?

— Воевать, ибо нет другого пути, чтобы наказать недостойного царя. Ашот Железный не вернется живым в столицу. Я так порешил, и так будет.

— А ты не боишься стать первой жертвой?

— Мне это безразлично. Я пли он. Один из нас должен умереть. Вдвоем нам нет места на божьем свете.

— А не подумал ли ты, если останешься жив, сможешь ты наслаждаться этим светом?

— Нет! Радость померкла для меня. Даже врагу я не пожелал бы страдать так, как я страдаю. Это невыносимое мучение. Ты ведь знаешь меня! Знают и все армяне. Меня прозвали Цлик-Амрамом не за жестокость и злость, а за силу и храбрость. Ты бывал со мной в битвах. Ты видел, каким я был бесстрашным и грозным для врагов. Но с армянским народом, с моими братьями, кто был более кроток, более добр, более самоотвержен, чем Цлик-Амрам?

Замечал ли ты когда-нибудь хоть малейшую злобу во мне к любому армянину? Но сейчас я стал диким зверем. Во мне горит целый ад. Я больше не различаю армянина от чужеземца. Мои глаза ищут только одного человека, и этот человек — Ашот Железный. Душа моя стремится только к одной цели. Это — месть, безжалостная, смертельная месть! Самую незначительную причину, отдаляющую час этой мести, я готов устранить огнем и мечом. А ты предлагаешь примирение… Ты меня просишь простить его, как простил Севада. Ты удивляешься, что слепец забывает о ненависти и прощает преступника, а я не прощаю?

— О, что мне делать, как объяснить тебе, насколько мое горе тяжелее горя Севада? Выколите мне глаза, отнимите у меня княжество, богатство, мои владения, все блага жизни, но верните то, что отнял у меня Ашот! Верните мою честь, мою Аспрам… Можете вы это сделать?

О, как это тяжко, как невыносимо!..

Амрам, который во время разговора встал с места, усталый от волнения, упал на постель и закрыл лицо руками. Прошло несколько минут.

За шатром послышалось ржание лошади.

Вошедший воин доложил, что к сепуху едет князь Бер.

Собеседники одновременно подняли головы. Когда воин вышел, Марзпетуни встал с места и, протянув руку Амраму, грустно сказал:

— Прощай, друг! Верно, богу не угодно на сей раз пожалеть наш народ, поэтому он так ожесточил твое сердце. Теперь мне остается одно — исполнить свой долг перед родиной и царем, и я его исполню.

— Иди с миром! С этой минуты мы враги. Ты вправе защищать своего царя. Я буду уважать тебя даже в ту минуту, когда ты вонзишь свой меч в мое сердце. Но я бы хотел, чтобы потомок благородного рода Марзпетуни был защитником более благородного царя…

— Что делать? Сейчас на престоле Ашот Железный, а я слуга престола и родины… Прощай!

Князь Геворг пожал руку Амрама и с тяжелым сердцем вышел из шатра. Амрам проводил его до выхода. Здесь Марзпетуни встретился с абхазским царевичем, князем

Бером. Это был стройный, красивый юноша. Сойдя с лошади, он собирался войти в шатер.

Князь смерил его взглядом и, не приветствуя, прошел мимо.

«Презренные! Почуяли запах падали и налетели как коршуны. Подождите, мы еще встретимся с вами!..» — прошептал князь Геворг с горькой улыбкой и, пришпорив коня, выехал из стана. Езник последовал за ним.

12. Неожиданный исход

Войско царя Ашота, состоявшее почти исключительно из конницы егеров, продвигалось к армянской границе. Передовые отряды достигли уже равнины, где кончались севордские леса и, сливаясь с речкой Дзорагет, бурливый Храм впадал в Куру. Здесь, расположившись на берегу реки, они готовились к наступлению.

Вот уже несколько дней, как девственные дзорагетские леса редели. Старые кедры и буковые деревья, подрубленные громадными секирами, падали со страшным треском, давя и ломая своими тяжелыми стволами молодые деревья и кусты. Пригнанные из окрестных деревень волы вереницей возили к берегу Куры гигантские бревна. Здесь егеры-паромщики связывали их ивовыми прутьями, сооружая из них огромные илоты, и спускали на воду. Когда число илотов достигло нескольких десятков, паромщики соединили их канатами и, привязав к забитым на берегу кольям, образовали надежный мост, по которому конница перешла армянскую границу.

Скоро подоспел и царь Ашот с тыловыми полками егеров. После однодневного отдыха он устроил смотр войскам. Конница, состоявшая из нескольких тысяч всадников, расположилась вдоль реки. Каждая часть имела своего полководца княжеского происхождения. Здесь были

егеры, халды, куриалцы, мегрелы, абаски и храбрые обитатели долины Чороха. К ним присоединились армянские всадники из области Тайк. Таким образом у царя образовалась могучая конница, перед которой мятежники не смогли бы устоять.

Все это были сильные и мужественные воины, в железных латах, в больших шлемах с забралами. Они были вооружены дротиками, кольями и длинными алебардами. У каждого были небольшие щитки и тяжелые четырехугольные щиты, сабли и мечи. Имелись отряды лучников с большими луками и отравленными стрелами. Царь хотел удостовериться, соответствует ли грозный вид конницы ее военной подготовке и может ли она противостоять силе утикцев и севордцев. Проведенный смотр убедил его, что егеры заслуженно пользуются славой отличных воинов. Он был рад, что сможет в союзе с давними врагами абхазцев проучить князя Бера, приехавшего из Абхазии в Утик на помощь восставшим князьям.

Несмотря на то что поездка царя в страну егеров увенчалась успехом, тоска щемила сердце Ашота. Сознание, что он вступает в свою страну с чужими войсками, вступает для войны со своим народом, мучило царя. Еще одна мысль угнетала его; при нем не было хотя бы нескольких армянских князей, которые вместе с ванандскими телохранителями могли бы составить его свиту. Несмотря на это, царь старался казаться веселым и спокойным. Его беспокоило отсутствие Марзпетуни. В каком положении остальные области? Не вспыхнуло ли где-нибудь еще восстание? Не было ли нападений на его крепости?

Вернувшись в свой шатер после военного смотра, царь погрузился в эти думы, когда телохранитель из верных ванандцев доложил о прибытии Геворга Марзпетуни. Царь

радостно поднялся с места, как человек, получивший в минуту опасности неожиданную помощь.

— Где он? Проси пожаловать! — приказал он и в радостном волнении стал ходить по шатру.

Марзпетуни вошел и почтительно поклонился, но царь обнял его так, как можно обнять только друга после долгой разлуки.

— Никто в жизни не ждал тебя так страстно, как я, — сказал, улыбаясь, царь. — Откуда ты? Как доехал? Один или с войском? Что делают мятежники? В каком положении наши области? — засыпал царь князя вопросами. Затем, усевшись, он предложил и князю сесть. — Ты, верно, устал. Отдышись, передохни, потом расскажешь, — добавил он, вопросительно глядя на князя.

— Я приехал один, преславный царь, — ответил Марзпетуни, садясь на скамью. — Единственного своего телохранителя я послал в Гардман, чтоб вызвать сюда начальника крепости Ваграма с отрядом верных ванандцев.

— Начальника крепости Ваграма? — взволнованно прервал царь. — Он собирается приехать сюда? На кого же он оставит Гардман? Севада там начнет строить козни…

Марзпетуни стал рассказывать царю о своем путешествии, начиная с того дня, как они расстались в Гардманском ущелье. Он рассказал о своих поездках к Севада и Цлик-Амраму, сообщил о размерах восстания, о силах мятежников и об их военных планах. Но ни словом не обмолвился об истинных причинах восстания. Царь внимательно слушал князя. На душе его было тревожно. Он чувствовал, что Марзпетуни от него что-то скрывает. Когда князь кончил свой рассказ, царь молча стал ходить по шатру. Он знал об истинных причинах восстания Амрама, но ему не было известно, насколько осведомлен об этом

Марзпетуни. Поэтому он колебался, говорить ли князю и просить его дружеской помощи или хранить молчание, соблюдая царское достоинство. В первом случае он будет иметь верного друга, который поможет ему в минуты опасности делом и советом. Во втором — он избегнет унижения. Царская гордость взяла верх, и после долгих размышлений он решил молчать.

— Итак, значит, завтра мы двинемся в Агстев, — заговорил царь. — Если мятежники не хотят себя утомлять, этот труд мы должны взять на себя. Моя конница более выносliва.

— Но все же надо избегать внезапных нападений. Необходимо послать разведчиков для наблюдения за действиями противника, — заметил Марзпетуни.

— Мои разведчики давно в лагере мятежников. Двое из них три дня тому назад вернулись и сообщили, что отряды Амрама ждут меня у реки Кохба, в тростниках Куры. Потому я и веду армию с этой стороны. Не доезжая до Агстева, я получу сведения о дальнейших намерениях противника.

— Каковы военные планы государя? — спросил князь.

— Будем наступать. Но ввязываться сейчас в бой невозможно, — ответил царь. — А потому надо избегать встреч с противником в гористой местности. Наша конница, несомненно, одержит победу, если мы будем биться в открытом поле.

В тот же день царь пригласил на совет егерских князей и вместе с ними Марзпетуни. Он решил на следующее же утро двинуть войско к Агстеву. К полудню царские войска перешли реку Кохба и расположились на отдых у подножья ближайшей горы. Здесь царя встретил сепух Ваграм со своими ванандцами. Он сообщил, что враг в двух часах езды от них и стоит в трех пунктах. Часть войска противника

заняла западную долину с целью принять на себя удар царских войск. Другая укрылась в прибрежных тростниках, третья — в лесах ближайшей горы. В случае столкновения с первой армией, две других могли напасть с тыла и окружить войска царя.

Сведения, привезенные сепухом, подтвердили и царские разведчики. Собрали военный совет. Царь предложил полководцам хитроумный план: отступить на несколько аспарезов якобы с целью проникнуть в Утик с противоположной стороны. Это заставит мятежников выйти из засады и следовать за царем. Тогда царское войско повернет назад и пойдет на них. Неожиданное нападение застанет неприятеля врасплох и принудит его к бегству. Предложение царя одобрили все, но сочли более благоразумным отложить отступление на день, чтобы дать войскам отдых. Так как местность, где они сейчас расположились, была неудобна для защиты, царь и полководцы решили заночевать в большой заброшенной крепости на склоне горы.

Эта крепость не восстанавливалась местными князьями из-за ее неудобного стратегического положения. Она находилась на одном из отрогов горы Кохб и занимала большое пространство. Ее полуразрушенные стены и башни навевали грусть, но они еще сохранили множество жилищ и бастионов, которые могли служить убежищем для войска. Неумолимый меч врага скосил однажды всех ее жителей, и с тех пор никто не хотел селиться в крепости из-за ее опасного местоположения. За крепостью ступенями громоздились непроходимые скалистые горы. Они были недоступны и нападающему с тыла врагу, и тому, кто пожелал бы бежать отсюда. Перед крепостью тянулось безводное ущелье, покрытое зарослями диких кустов и огромными камнями.

В сопровождении князей ехал царь по теснине — единственной дороге к ущелью и замку, чтобы найти место для привала. Обозрев разрушенную крепость, егерские князья нашли ее самым надежным местом. Их привлекли крепостные строения, которые могли защитить войска от осеннего ночного холода. Марзпетуни и сепух Ваграм выразили сомнение в безопасности ночлега. Противник мог ночью занять теснину и таким образом запереть их в ущелье. Царь был того же мнения, но, идя навстречу желанию егерских князей, решил заночевать в ущелье. Он не полагал, что враг может ночью пойти в наступление. Тайное беспокойство не покидало сепуха и Марзпетуни, недовольных решением царя.

К вечеру конница вступила в ущелье и стала подниматься к разрушенной крепости. Сюда подоспел и царь со своими и егерскими князьями. У входа в ущелье оставили сторожевой отряд, который должен был дать знать о приближении врага.

Немного спустя крепость оживилась. Повсюду замелькали огни. Воины разожгли костры и, накормив коней, закололи баранов, подаренных царем. Царь отдал приказ отметить канун битвы обильным ужином. Он пригласил к своему столу князей. Царь был в хорошем настроении и считал это предзнаменованием победы.

Прошли часы ужина и дружеских бесед. Погасли огни. Крепость погрузилась в сон. Не спали только караульные и воины, охранявшие царский шатер. Стояла глубокая тишина. Лишь изредка молчание прерывалось ржанием лошадей, доедавших свой корм.

Князю Марзпетуни не спалось. Он было задремал, но, проснувшись от ржания коней, больше не мог уснуть. Князя мучили все те же сомнения: он боялся неожиданного нападения мятежников, и не без основания. В открытом

поле они были бессильны перед царскими войсками. Но в этих теснинах, среди крутых скал и пропастей, враг мог окружить царские полки и жестоко их разбить. Князь долго ворочался, наконец встал, накинул плащ и вышел из низенького домика. Езник, находившийся тут же, вскочил с места.

— Куда, господин мой? — спросил он, протирая глаза.

— Я не спокоен, Езник. Не могу спать. Хочу пройтись к ущелью, — сказал князь.

— Разреши мне следовать за тобою.

— Ты устал, ложись и отдохни. Утром у тебя будет много дела.

— Нет, господин мой, я отдохнул, разреши мне пойти с тобой.

Они вышли вместе.

Стояла холодная осенняя ночь. Луна плыла по ясному безоблачному небу, заливая серебристым светом окрестные горы, обрывы и полуразрушенные строения огромной крепости. Вокруг лежали, закутавшись в плащи, воины, положив под головы сумки и седла. Стреноженные кони щипали траву. Караульные, покачивая длинными копьями, ходили взад и вперед перед развалинами и по склону ущелья. Откуда-то издалека доносился крик филина, тревожно отзываясь в сердцах бодрствующих.

Князь и Езник неслышно пробирались мимо спящих. Никто не проснулся. Несколько человек из стражи окликнули их и, узнав Марзпетуни, почтительно приветствовали его. Миновав стан, они стали спускаться в ущелье.

— Мы отойдем далеко от стана, господин мой? — спросил Езник.

— Нет, только до выхода из ущелья, и вернемся, — ответил князь. — Я хочу посмотреть, бодрствуют ли наши караульные.

Не успел Марзпетуни договорить, как со стороны ущелья послышался конский топот.

— Что это? Не караульные ли подрались? — сказал князь, останавливаясь.

— К нам едут конные, господин мой. Кто бы это мог быть? — взволнованно сказал Езник.

В эту минуту отряд всадников стремительно влетел в ущелье.

— Это наши караульные, — встревожился князь.

— Значит, враг близко, — заметил телохранитель.

Князь бросился к всадникам и громко крикнул:

— Куда вы?

— Враг перед нами, сиятельный князь, — ответил начальник отряда, узнав Марзпетуни.

— Враг? — переспросил князь, не веря ушам.

— Да, — повторил всадник. — Его отряды уже вступили в теснину.

Марзпетуни замер на месте. Его подозрения подтвердились.

— Каким образом? Почему же вы раньше не известили нас? — спросил он после минутного молчания.

— Господин мой, на равнине мы их не видели.

— Что же они, с неба свалились?

— Верно, что с неба. Они спустились с вершины горы, закрывающей вход в ущелье.

— Надо поднять войско, господин мой, — быстро сказал Езник.

— Лишнее. Мятежники сюда не придут. Они осторожнее нас, — заметил Марзпетуни и спокойным шагом повернул к крепости.

И действительно, караульных никто не преследовал. Вероятно, остальное войско Амрама подходило на помощь передовым отрядам. Теперь Амрам мог спокойно ждать, пока противник сдастся.

Князь Геворг, дойдя до царского шатра, остановился у входа. Он не решался будить царя.

«Предсказание Севада сбылось, — подумал он. — На этот раз бог покарал виновного. Напрасно мы надеялись избежать его гнева. Он настиг нас и предал врагу».

Топот коней караульного отряда разбудил часть войска. Весть о приближении врага с быстротой молнии облетела крепость, и через несколько минут все были на ногах.

Шум разбудил царя. Тогда к нему вошел князь Геворг и сообщил неприятную весть.

— К оружию! — воскликнул царь, вскочив с места. Быстро надев шлем и опоясавшись мечом, он хотел выбежать из шатра.

— Напрасно торопишься, великий государь. Враг стоит у входа в ущелье, — спокойным голосом сказал князь.

— Что ты говоришь, князь? Ты все еще спишь, — заметил царь, видя медлительность своего соратника.

— Я не спал совсем. Я ждал этого несчастья каждую минуту.

— Какого несчастья? Нам не впервые идти в наступление.

— Нет, великий государь, но теперешнее наше местоположение…

— Пустяки! — прервал его царь. — Иди и объяви князьям, чтобы немедленно готовились к бою.

Князь Марзпетуни вышел из шатра и объявил начальникам приказ царя.

В несколько минут войско было наготове.

Но как могла наступать конница среди этих ущелий и скал?

Князья и военачальники пришли к царю на совет.

— Наступать надо сейчас же, нельзя давать противнику время для отдыха, — сказал царь князьям. — Если мы будем ждать до утра, мятежники займут горные высоты и осадят нас с двух сторон. Тогда сражаться будет гораздо труднее.

— Мы не знакомы ни с местоположением ущелья, ни с его окрестностями, — сказали егерские князья. — Мы не можем ночью идти на врага. Дождемся утра, тогда поступим так, как вы найдете нужным. Сейчас мы можем

только обследовать окрестности, чтоб с рассветом начать наступление.

Князь Геворг и сепух Ваграм были того же мнения, и царь вынужден был уступить.

Было решено, что сепух Ваграм и один из егерских князей тотчас же отправятся со своими телохранителями обследовать ближайшие окрестности. Если они найдут какую-нибудь дорогу к равнине, войска покинут ущелье. В противном случае — утром сами пойдут в наступление, чтобы не быть отрезанными.

Восток только заалел, когда разведчики вернулись и сообщили царю о результатах разведки.

— Мы заперты со всех сторон, — сказал сепух. — Горы впереди нас не имеют прохода. Если даже мы откроем дорогу, разрубая кустарники, все же конница не сможет пройти, так как другой склон горы сплошь скалист. Такой же преградой являются холмы и горы, находящиеся за нами. Единственный выход из ущелья занят сейчас противником. Нам остается только поднять на вершины холмов отряды лучников и постараться беспрестанным градом стрел отогнать врага. Может быть, таким путем удастся расстроить ряды противника и прорваться на равнину.

— Но на это потребуется несколько дней, — прервал сепуха ходивший с ним на разведку егерский князь.

— Наши лучники могут продержаться на высотах целую неделю, — заметил царь. — У нас большой запас стрел.

— Да, государь, у нас большой запас стрел, но у нас нет воды, — сказал князь.

— Как нет воды?

— Это верно, — подтвердил сепух. — В окрестностях нет ни речки, ни родника. Единственная речка, откуда вчера войско набрало воды, берет начало из теснины. Противник уже отвел воду к равнине.

— Невозможно, чтобы в этих горах мы не нашли другого источника, — повторил царь.

— Мы обошли всюду, искали везде, но даже дождевой воды не нашли, — ответил егерский князь.

— Значит, мы пропали! — в один голос воскликнули егерские князья.

Царь в недоумении посмотрел вокруг.

— Что нам делать, государь? — спросил молодой князь.

— То, что велит нам долг, — ответил царь спокойно.

— Но что именно? — повторил юноша.

— Армяне в таких случаях сражаются. Не знаю, что делают егеры, — заметил царь, желая уязвить неловкого юнца.

— Ни одна конница, о государь, не сражается на горных склонах и в ущельях, — ответил предводитель егеров, желая защитить честь своих товарищей.

Царь не ответил ему и, обращаясь к князю Марзпетуни и к сепуху Ваграму, сказал:

— Пойдите и соберите сейчас же ванандских и тайских всадников. Скажите им, что их поведет сам царь и что через несколько минут мы должны начать наступление.

Князь и сепух вышли.

Царь несколько минут молча прохаживался по шатру, а затем, обращаясь к князю, предводителю егеров, сказал:

— Император Константин, прощаясь со мной, сказал, что дает мне в союзники лучших и храбрейших из егерских князей вместе с самыми бесстрашными полками. Я не требую, чтоб вы мне помогли в эту трудную минуту. Жизнь — ценный дар, нельзя ее понапрасну подвергать опасности… Но я требую, чтобы, вернувшись в свою страну, вы сказали своему славному императору, что его князья не решились воевать с армянскими мятежниками… Пусть император Константин определит сам степень храбрости своих князей.

Сказав это, царь вышел из шатра. На егерских князей его слова произвели тяжелое впечатление. Они молча и растерянно смотрели друг на друга.

— И мы должны снести это оскорбление? — спросил наконец своего начальника один из молодых князей.

— Тот, кто оскорблен, должен взять свой отряд и следовать за армянским царем, — медленно произнес начальник.

Никто не ответил ему, никому не хотелось участвовать в осуществлении дерзкого плана, задуманного царем.

Между тем царь Ашот, выйдя из шатра, нашел уже готовыми ванандских и тайских молодцов с князем Марзпетуни и сепухом Ваграмом во главе.

Пришпорив своего коня и проехав вперед, он громко крикнул:

— Храбрецы! Кто из вас хочет сражаться и умереть вместе с вашим государем?

— Мы все! — в один голос ответили армянские воины, и эхо загремело в далеких горах.

— Так вперед! — крикнул царь и, обнажив меч, поскакал к ущелью.

Конница последовала за ним.

Отряд мятежников продвигался вверх по ущелью, наблюдая за движением царских войск. Увидев мчавшуюся конницу, мятежники стали отступать. Царь ураганом ринулся на них и столкнулся с противником в глубине ущелья. Он хотел неожиданным натиском обратить в бегство передовой отряд и рассеять вражеские полки, закрывающие выход на равнину.

Ванандцы и тайцы яростно сражались. Они топтали лошадьми, пронзали длинными копьями бессильного противника, который бился только короткими дротиками. Столкновение длилось не более получаса; удар был так силен, что отряд мятежников не мог долго сопротивляться. Оставив несколько десятков жертв, противник бежал. Царская конница преследовала его.

Казалось, судьба улыбается царю. Беглецы рассыпались по склонам гор. Конница напала на новые встречные отряды, пришедшие в смятение от криков отступавших, и начала громить их. Наконец и эти отряды вынуждены были бежать, расчистив дорогу перед царской конницей, как вдруг на конях появились Цлик-Амрам и гардманский князь Давид. Один из них был окружен свирепыми севордцами, другой грозными гардманцами. Картина боя мигом изменилась. Сепух Амрам, ободряя криками своих бойцов, с обнаженным мечом стремительно врезался в царское войско. Его голос гремел в ущелье, как шум весеннего ливня. К нему присоединились крики многочисленного войска. Последовав примеру противника,

также стали ободрять свои отряды царь и князь Марзпетуни.

Воины обеих сторон проявляли чудеса храбрости. Ни один из полков не уступал другому. Царское войско пыталось вытеснить противника из ущелья, а тот стремился отбросить его назад. Так, в непрерывных стычках, войска Амрама постепенно закрывали дорогу из ущелья. Положение царского войска делалось все более тяжелым. Воины не имели возможности нападать, а для боя со снующей вокруг пехотой врага им пришлось, бросив длинные копья, биться мечами. Но и в этом положении царские отряды продолжали упорствовать и не отступали. Несмотря на то что число воинов противника постепенно росло, а ряды царских сторонников, наоборот, редели, царская конница непоколебимо стояла перед этим грозным потоком и билась с отчаянной храбростью.

Но вдруг со склона правой горы на них посыпался град стрел. Это было делом рук абхазцев. Князь Бер, видя упорное сопротивление царских воинов и резню, которую они устроили среди копьеносцев, поднял своих лучников на склон горы и оттуда стал поражать противника стрелами. Царские воины не имели возможности защищаться щитами, ибо они держали их в левой руке, а стрелы сыпались справа. Они оказались между двух огней. Царь, видя отчаянное положение своих верных воинов, взвесил неравные силы и, считая бесполезным дальнейшее сопротивление, подозвал князя Марзпетуни и приказал трубить сигнал к отступлению.

Этот приказ поразил храброго князя как удар грома. Он, всегдашний противник братоубийственных войн, сейчас и слышать не хотел об отступлении. Кровавый угар боя опьянил и его. В эту минуту он не думал уже о том, что воюет против своих братьев. Он наказывал мятежников, врагов престола и родины. Он защищал своего государя,

великого наследника армянского престола; этой мысли было достаточно, чтобы в нем проснулся лев. Но когда царь приказал отступать, по его телу прошла дрожь, могучая рука его дрогнула, и окровавленный меч бессильно повис. Он тяжело вздохнул; этот вздох больше походил на глухое рычание. Проехав в тыл конницы, князь приказал трубить сигнал к отступлению.

Царские воины стали отходить шаг за шагом, не поворачивая спины. Углубившись в ущелье, они заметили егеров, спускающихся из крепости к ним на помощь. Союзные князья, видя успех царской конницы, решили выступить. Но, увидев затем отступающие отряды, остановились на склоне.

Мятежники, испугавшись нападения егеров, оставили поле боя. Поредевшие царские отряды беспрепятственно вернулись в лагерь.

— Мы идем к вам на помощь, великий государь, — сказал начальник егеров, когда царь достиг склона горы.

— Напрасно беспокоились, князь: ведь егерские храбрецы не привыкли сражаться в ущелье, — горько заметил царь.

— Но мы должны были исполнить свой долг. Мы запоздали, так как приводили в порядок наши отряды.

— И сделали полезное дело. Вы спасли честь своего войска, избавив его от участия в нашем позорном поражении.

Сказав это, царь, насмешливо улыбаясь, отъехал от князя.

Начальник егеров проводил его злобным взглядом и, возмущенный, вернулся в свой шатер.

Дух раздора, который следует за всякой неудачей, расторг союз между царем и егерами.

Егерские князья охотно повиновались приказу императора Константина и пошли на помощь царю Ашоту в надежде на победу и богатую добычу. Сейчас, разочарованные, они уныло собрались в шатре своего начальника, думая уже о расторжении союза или бегстве. О чем же еще могли думать эти чужеземцы, которых привлекло сюда не желание защищать нерушимость армянского престола, а жажда наживы? Теперь же вместо этого им угрожала неминуемая гибель или голодная смерть. Кроме того, стало роптать егерское войско. У них был недельный запас продовольствия, но им не хватало воды. Жажда мучила и людей и лошадей. И вот отряд за отрядом направлялся к шатрам князей, требуя либо воды, либо разрешения разоружиться и покинуть лагерь. После долгого совещания старший егерский князь решил обратиться к царю и просить у него указаний.

Он вместе со своими князьями вошел в царский шатер в то время, когда царь совещался с Геворгом Марзпетуни и сепухом Ваграмом.

— В войсках, великий царь, начался ропот, который все растет и принимает угрожающие размеры. Как прикажете действовать? — спросил он царя.

— Я понимаю. Ропщут воины-егеры? — спросил царь.

— Да, великий царь.

— Какие же у них требования?

— Требование самое простое и естественное.

— А именно?

— Они просят воды, государь, воды или…

— Или?

— Или приказа сдать оружие противнику и выйти из этой ловушки.

Царь после минутного молчания проговорил:

— Это требование неосуществимо и несправедливо.

— Как? Великий царь, неужели люди не имеют права на глоток воды, если они испытывают жажду? — удивленно и насмешливо спросил князь.

— Нет, — ответил царь сурово. — Вас, вероятно, удивляет мой ответ, — продолжал он, — но я не сказал ничего удивительного. Тот, кто в безводном месте требует воды, предъявляет неосуществимое требование. Тот, кто ценой сдачи оружия ищет свободы, совершает низкий поступок.

— Что же нам делать? Погибнуть? Лучше унижение, чем смерть!

— Нет! Лучше умереть, чем унизиться, — ответил медленно царь.

В шатре на минуту воцарилось молчание. Ответ царя смутил начальника, он осекся. Но из группы князей выступил вперед юноша:

— Великий государь! Честь воина состоит не только в его храбрости, но и в его искренности. Поэтому прошу тебя не огорчаться, если я осмелюсь высказать правду, сокрытие которой равно, по-моему, измене.

— Говори, — сказал царь.

— Мы пришли сюда помочь тебе по приказу нашего императора, и мы выполнили бы свой долг, если бы имели возможность. Но судьба, а может быть, наша недальновидность, загнала нас в эту западню. Жажда мучит многочисленное войско, меч врага разит нас. Прорваться мы не можем, потому что нет дороги. А умереть мы, конечно, не хотим. Остается только одно: сдать оружие и этим спасти себя для наших семей…

— Спастись ценой позора? — прервал князя царь.

— Этот позор нас не коснется. Мы гости в вашей стране и должны воевать ради чужой славы. Следовательно, ни слава победы, ни позор поражения нас не коснутся.

— Так что же?..

— Вы или должны указать нам путь, как мы можем выполнить свой долг, или согласиться с нами — сдать оружие противнику.

Царь долго смотрел на молодого князя, затем обвел глазами присутствовавших. Все молчали в ожидании его ответа.

— Вы пришли сюда по повелению вашего императора, пришли под егерскими знаменами, — начал царь тихим, спокойным голосом. — Вы явились помочь армянскому царю, как этого требует договор, заключенный между вашим императором и моим покойным отцом. Выполнив свой долг, вы докажете, что умеете уважать себя. Бежав же отсюда, вы оскорбите вашего императора и опорочите свое знамя. Что касается сдачи оружия, то этого я сделать не могу. Царь Ашот много раз сталкивался с неудачами, много раз его осаждали враги и изменники, но никогда ему не приходила в голову мысль о том, чтобы сдаться врагу. Я могу с мечом в руке и копьем в груди пасть и умереть, но унизиться и сдать оружие врагу — никогда! Вы заботитесь

о спасении вашей жизни, а я — о спасении моей чести. Как видите, цели у нас разные. Поэтому мы не должны мешать друг другу. Если человек падает, удержать его невозможно. С этой минуты вы свободны в своих решениях. У армянского царя найдется еще несколько десятков храбрецом, которые готовы будут умереть вместе с ним. Но когда вы невредимыми доберетесь до своей страны, скажите вашим женам и детям, какой ценой вы купили себе жизнь. Эта новость, наверно, порадует егерских женщин.

— Государь, ты оскорбляешь своих союзников! — взволнованно воскликнул предводитель егеров.

— Те, которые думают о сдаче, не могут быть моими союзниками.

— Следовательно, мы не твои союзники больше! — возмущенно ответил начальник и, обращаясь к своим товарищам, сказал:

— Князья! Отчаявшиеся воины ждут нас. Исполним же свой последний долг.

Сказав это, он холодно поклонился царю и вышел. Остальные последовали за ним.

Царь, не обративший внимания ни на последние слова егерского начальника, ни на поклоны князей, устремил взор в угол шатра и погрузился в раздумье. Очнувшись, он обернулся к своим князьям и сказал:

— Да, егеры спасут себя. Всякий трус достоин того блага, которое он предпочитает чести. Но что вы думаете об армянском воине?

— Он готов биться до последнего вздоха, — сказал сепух Ваграм.

— Но какая польза от этого? — заметил князь Марзпетуни. — Наши войска так малочисленны, что противник в несколько минут может нас истребить.

— Ты говоришь, они готовы биться до последнего вздоха? — переспросил царь.

— Да, государь, — ответил сепух.

— Надо, значит, воспользоваться этим. Ночью мы сильным натиском должны рассеять противника.

— Чтобы его победить? — спросил удивленно сепух.

— Нет, чтобы пробиться сквозь лагерь.

Лицо Ваграма просветлело. Этот способ спасения был самым легким и достойным. Марзпетуни был тоже согласен с этим решением. Нужно было только подготовиться так умело, чтоб егеры не помешали его осуществлению.

По распоряжению царя князья вышли, чтобы сделать необходимые приготовления.

К вечеру несколько егерских отрядов, покинув крепостные стены, спустилось в ущелье. Это движение привлекло внимание князя Геворга. «Видимо, между противником и егерами состоялось соглашение», — подумал он, предполагая, что егеры переходят в лагерь Амрама. В это время к нему подошел Езник и шепотом сказал:

— Господин мой! Егерские князья замышляют изменнический заговор. Надо спасти государя.

— Какой заговор, Езник? — встревожился князь.

— Они обещали Цлик-Амраму предать ему царя. Амрам согласился взамен не отбирать у них оружия.

— Откуда ты узнал об этом?

— От егерских воинов. Князья приказали им внимательно следить за каждой тропой, ведущей в ущелье, и стеречь царя, внушив, что иначе им не выбраться живыми из этой ловушки. Теперь воины приложат старание, чтобы закрыть нам дорогу и получить обещанную свободу.

Эта новость заставила царского друга глубоко задуматься. Он видел, что всякая надежда на спасение исчезла, и опять вспомнил слова Севада о том, что на этот раз бог покарает виновного. Вот и исполнилось его пророчество. Разве может простой смертный избежать гнева всевышнего?..

С этими мыслями он направился к сепуху Ваграму и вместе с ним поспешил в царский шатер, чтобы сообщить царю печальную новость.

Но каково было их удивление, когда царь беспечно рассмеялся, услышав эту весть.

— Этот несчастный жаждет моей крови, — сказал он спокойно. — Я давно знаю Цлик-Амрама. Он восстал против своего государя не из тщеславных помыслов. Ему нужна только моя особа. Загадка разрешается просто.

— Твоя особа, великий государь? Почему Цлик-Амрам должен враждовать лично с тобой? — удивленно спросил сепух Ваграм.

Царь смутился. Он почувствовал неосторожность своих слов и постарался избежать объяснений.

— Итак, значит, наше небольшое войско тоже спасено. После меня противник оставит в покое и армян и егеров, — сказал он, как бы не расслышав слов Ваграма.

Князь Геворг не понял царя и попросил объяснить, каковы его намерения.

— Этой ночью я уеду, — сказал царь.

— Ты? Один? — спросил князь.

— Да.

— По какой дороге?

— Через сторожевые егерские отряды и вражеский стан.

Сепух и князь изумленно уставились на него.

— Я докажу егерам и севордским князьям, что задержать Ашота Железного и предать его Цлик-Амраму не в их власти.

Сердце князя затрепетало, а на лице сепуха блеснула довольная улыбка.

— До сих пор я думал о безопасности своих близких, сейчас же вижу, что своим отъездом я спасу их.

— Уезжай, но только ради того, чтобы спасти свою жизнь, дорогую всем твоим слугам. Страна ждет своего государя. А мы можем и умереть. Армянская земля немного от этого потеряет, — сказал горячо сепух.

— Но зато армянский царь потеряет многое, — добавил Ашот.

Настал вечер. Намерение царя было известно только князю Марзпетуни и сепуху Ваграму.

Они вызвали к себе двух самых бесстрашных воинов из числа царских телохранителей и приказали им быть готовыми сопровождать царя.

Глубокой ночью царь вышел из своего шатра. Он был закован в стальные латы. Два рослых телохранителя подвели его могучего коня.

Царь с легкостью двадцатилетнего юноши вскочил в седло.

— Мы должны пронестись, как ураган, через вражеский стан. Мы должны рассечь полки, сокрушить все на своем пути. Через четверть часа мы должны быть в долине Куры, — приказал царь. Обнажив меч, он воскликнул: «Вперед, мои храбрецы!» — и, пришпорив коня, полетел к откосу.

Телохранители помчались за ним.

Через несколько мгновений все три всадника исчезли во мраке.

На счастье, ночь была безлунная и темная. Издали никто не мог их заметить. Однако в ущелье конский топот разбудил сторожевые посты егеров, которые, сгрудившись, загородили беглецам дорогу. Но царский конь и удары грозного меча заставили их расступиться, а крики телохранителей и натиск копий рассеял их ряды. Егеры поняли, что это был Ашот Железный, и с дикими криками бросились в погоню. Царь и его спутники, доехав до мятежных отрядов, тоже принялись кричать. Те от неожиданного разноголосого крика решили, что на них напали егеры, и, смешав ряды и топча друг друга, бросились бежать к лагерю.

Царь воспользовался этой суматохой. Размахивая мечом направо и налево, сокрушая все встречное, он пронесся вместе с телохранителями через ущелье, пробился сквозь последний сторожевой отряд и, вылетев на равнину, молнией сверкнул мимо лагеря Амрама и исчез в темноте.

Только через час узнали мятежники о бегстве царя. Севордские и егерские князья были пристыжены, а Цлик-Амрам с абхазским князем Бером обезумели от ярости.

На следующее утро войска мятежников ворвались в крепость. У егеров отняли все их оружие, оставив им только лошадей, а малочисленных армянских всадников не тронули. Геворг Марзпетуни и сепух Ваграм упросили Амрама пощадить своих собратьев. Амрам, несмотря на свой гнев, исполнил просьбу князей и расстался с ними мирно.

Часть вторая

1. В Айриванке

Этот чудесный древний памятник, издавна почитаемый армянским народом сначала как языческий храм, затем как святыня христианской веры, находился на скалистом склоне Гегардасара, на северо-востоке от крепости Гарни. Перед ним протекал один из притоков реки Азат, который, падая с огромной высоты, бурлил и шумел, наполняя веселым гулом ущелье и окрестности. Лава древних

вулканов образовала тут каменистые холмы, громадные утесы, сплошные массивы базальта, которые, возвышаясь друг над другом, окружали Айриванк, делая его недоступным для нежеланных посетителей. Природа, собрав могучей рукой обломки титанических гор, слила воедино грозное и чудесное, дабы показать простому смертному свою непобедимую силу.

Здесь, в сплошных каменных массивах, были с давних времен высечены многочисленные пещеры, часовни и кельи. Некоторые из них служили когда-то армянским царям сокровищницами, другие — местами молитв и капищами. Именно здесь впервые водрузил знамя христианства Григорий Просветитель. Под сенью этого знамени собралось много отшельников, которые превратили Айриванк в обитель мира и покаяния. Здесь после многолетних трудов, отданных благоденствию родины, искал покоя благодетель Армении Нерсес Великий. Здесь уединился и его достойный сын Саак Великий со своими шестьюдесятью учениками, чтобы меж этих скал ковать дело просвещения своего народа.

В описываемое нами время здесь также находилась многочисленная духовная братия, которая привела Айриванк в цветущее состояние. Здесь же пребывал и армянский патриарх, католикос Иоанн. Испугавшись преследований арабского востикана, он оставил Двин и с верными служителями и патриаршими сокровищами нашел приют в укреплениях Айриванка.

Два дня тому назад патриарха известили, что востикан Нсыр, назначенный наместником после Юсуфа и проживающий в Атрпатакане, дошел уже до Нахиджевана и продвигается к Двину. Востикану было известно о поражении армянского царя, о распрях между князьями, о беспомощном положении страны. И вот он поспешил воспользоваться удобным случаем.

Католикос знал, что Нсыр поставил себе целью занять патриаршие покои и овладеть церковными имениями. Для этого Нсыр решил сначала задержать католикоса, присвоить принадлежащие патриарху сокровища, а затем, обвинив католикоса в вымышленных преступлениях, завладеть его поместьями.

Поэтому католикос, который пребывал во внутренних пещерах Айриванка, где находились высеченные в скалах часовни и общие жилища монахов, перешел со своими приближенными в верхний храм, где ранее держали скот. Здесь, укрывшись в безлюдных и темных пещерах, католикос надеялся избежать преследования Нсыра и спасти привезенные с собой сокровища, состоявшие из реликвий и унаследованных от предков драгоценностей. Католикос думал, что враг не обратит внимания на мрачные пещеры, где кормили скот и жили бесприютные нищие люди. Но доходившие вести усиливали тревогу, и приближенные посоветовали ему уехать из Айриванка и укрыться в крепости Гарни, где в это время жила царица. Католикосу этот совет пришелся по душе. Однако его придворный епископ Саак, человек осторожный и умный, был против этой поездки.

— Народ и без того порицает тебя, святейший владыка, за то, что ты покинул патриаршие покои в Двине и для спасения собственной особы укрылся в Айриванке, а если ты еще переедешь в Гарни, это вызовет возмущение не только народа, но и всего духовенства.

— Раз уж я покинул патриаршие покои, почему мне не переедать в Гарни; почему это должно возмутить духовенство? — спросил католикос.

— Для пребывания в Айриванке у тебя есть предлог: ты охраняешь знаменитую и многочисленную братию, а в Гарни живут лишь царица и знатные женщины, они не нуждаются в твоем покровительстве.

Католикос понурил голову и задумался. Возражения епископа были справедливы. Он обязан оберегать свою братию. Но страх близкой опасности лишал его воли. В его большом и сильном теле жило робкое сердце и трусливая душа. Он любил свою паству и искренне заботился о ней, но вместе с тем любил и собственную особу и не склонен был

жертвовать ее интересами. Он был родным сыном своего народа и от души желал ему благоденствия. Но если для приобретения этого благоденствия нужно было жертвовать дружбой кого-нибудь из членов царского дома или могущественного князя, он начинал колебаться и в конце концов приносил в жертву интересы народа. Он творил благие дела не столько для завоевания популярности, сколько для того, чтобы не омрачить эту популярность, и не противился постигающим страну бедствиям. У него не было ни сильной воли, ни твердого характера; на него имели влияние и великий, и малый, и слабый, и сильный, и коварный клеветник, и мудрый советчик. Одно влияние уничтожалось другим, более сильным. Часто случалось и обратное, смотря по тому, кто последний пробовал над ним свою силу.

С епископом Сааком католикос очень считался. Он уважал его как добродетельного и мудрого человека. И потому, несмотря на то что слухи о бесчинствах арабов беспокоили его, он все же решил прислушаться к совету епископа и остаться в Айриванке со своей братией. Но вот прибыл диакон Геворг из Двина и сообщил грустные и неприятные известия.

— Нсыр находится в Двине; сюнийских князей Саака и Бабкена он заточил в темницу. Он лишил свободы даже сорок арабских князей, пребывающих в Двине…

Католикос побледнел. Сюнийские князья были видные владетельные особы. Как мог Нсыр их арестовать? Из арабских же князей некоторые были любимцами халифа. Это значило, что востикан получил большие полномочия.

— Где и почему он задержал сюнийских князей? — спросил католикос диакона.

— В бытность востикана в Нахмджеване, — начал диакон, — князь Бабкен явился к нему с дарами жаловаться на своего брата Саака, будто бы тот лишил его наследства, и просил Нсыра помочь ему. Востикан охотно выслушал Бабкена и пригласил к себе князя Саака. Ничего не подозревая, князь Саак гоже с дарами прибыл к нему. Востикан оставил князей у себя на несколько дней, а затем предложил сопровождать его в Двин, чтобы там закончить дело о наследстве. Князья согласились, но как только они прибыли в Двин, востикан заключил их в темницу.

— Не для того ли он это сделал, чтобы захватить владения сюнийских князей, как ты думаешь, владыка? — обратился католикос к епископу Сааку.

— Да, это так, святейший владыка. Востикан не занял бы Сюника, если б его владетели не были устранены.

— Князья Сюника пленены; это большое несчастье не только для страны, но также для царя и для меня.

— И тебе грозит опасность, святейший владыка… — начал диакон.

— Опасность? Откуда ты знаешь? — тревожно спросил католикос.

— Востикан вызвал к себе надзирателя патриарших покоев и велел ему послать сюда гонца.

— Зачем?

— Чтобы вызвать тебя в Двин.

— Что нужно от меня востикану? — спросил католикос епископа.

— Одному богу известно, — ответил епископ.

— Нсыр сказал надзирателю, что католикос должен находиться в патриарших покоях, а не укрываться в горах, — добавил диакон.

— Ему, следовательно, известно мое местопребывание?

— Да, святейший владыка.

Католикос помертвел от ужаса.

— Если я не уеду отсюда, он не сегодня-завтра пошлет за мной своих воинов, — сказал он, обращаясь к епископу.

Епископ молчал.

— Каково твое мнение, святой брат? — спросил католикос.

— Он пошлет войско и после твоего ухода.

— Да, но тогда он не сможет задержать меня.

Тогда он истребит все духовенство Айриванка, — медленно произнес епископ.

Католикос понял значение этих слов и замолчал.

— Но ведь ты, владыка, минуту тому назад сказал, что востикан не смог бы занять Сюника, если б не пленил сюнийских князей, — заговорил католикос после недолгого молчания.

— Да, святейший владыка, я сказал это.

— Значит, и патриаршие покои он займет лишь в том случае, если отстранит меня?

— Несомненно.

— Ну так, значит, оставаясь здесь, я предаю себя палачам Нсыра?

Епископ ничего не ответил.

Вскоре прибыл гонец из Двина, который от имени Нсыра предложил католикосу вернуться в столицу. Католикос не стал больше раздумывать. Он решил уехать в Гарни. Он послал диакона Геворга в крепость Гарни, чтобы известить царицу о своем приезде.

Диакон поторопился выполнить приказ его святейшества.

Это известие взволновало духовенство Айриванка. Многие стали роптать, не осмеливаясь, однако, открыто высказать свое недовольство, тем более что молчал и епископ Саак. Это означало, что у него нет надежды повлиять на патриарха. Намерение католикоса поощряли только те из его приближенных, которые заботились прежде всего о своей безопасности.

Вечером католикос со своими приближенными спустился в нижний монастырский храм для молитвы и прощания с братией. Местный игумен попросил католикоса отложить свой отъезд хотя бы на час, чтобы последний раз вкусить трапезу вместе с монахами.

Во время трапезы молодой монах по имени Мовсес читал, по обыкновению, священную книгу. К концу ужина он раскрыл Евангелие от Иоанна и громким голосом прочел следующее:

«Аз есмь пастырь добрый. Пастырь добрый душу свою полагает за овцы; а наемник, иже несть пастырь, ему же не суть овцы своя, видит волка грядуща и оставляет овцы и бегает: и волк расхитит их, и распудит овцы. А наемник бежит, яко наемник есть и не радит о овцех…»

Не успел монах дочитать последние слова, как католикос, побледнев, отбросил утиральник, встал с места и воскликнул:

— Боже меня упаси стать «наемником», о отцы Айриванка! Я собирался убежать от волка, верно, но не для того, чтобы предать вас в его руки, а для спасения святынь. Если же мне присвоено имя «наемника», то с этой минуты я оставляю эти святыни на волю судьбы и поручаю их вам. Я не уйду из этой обители!

Игумен, не ожидавший от молодого монаха такого смелого шага, был потрясен. Слова патриарха еще больше смутили его, и бедняга, подбежав к католикосу, упал перед ним на колени.

— Божественный владыка! — воскликнул он. — Этот монах известен своей скромностью и добродетелью, но искуситель, видно, совратил его. Прикажи сейчас же лишить его сана и изгнать из-под крова, который он оскорбил своею дерзостью.

— Нет, дорогой брат, — ответил католикос. — Этот монах не сказал ничего нескромного. Он повторил правдивые слова Евангелия. Он напомнил мне о моем долге, доведя до меня завет божественного и бесстрашного пастыря… Предводителей грешного Израиля бог звал на путь истины устами пророков. Может быть, он пожелал воскресить пророка и среди нас. Не будем осуждать человека, который имел смелость огласить истину.

Инок Мовсес продолжал стоять молча и недвижимо перед аналоем. Лицо его дышало миром и спокойствием. Все духовенство, поднявшись на ноги, смотрело на него, но молодого монаха это не смущало. Он знал, зачем он прочел Евангелие Иоанна, и был уверен, что выполнил свой долг. А что ожидало его в дальнейшем, ему было безразлично.

Но игумена не успокоили слова католикоса (он боялся, что католикос припишет этот случай его коварству), и он громко спросил монаха:

— Брат мой, кто вразумил тебя прочесть эти слова из Евангелия?

— Тот, кто невидимый восседает среди нас, кто руководит нашими сердцами и душами, — ответил монах спокойно.

— Несомненно, это его веление, — прибавил епископ Саак. — Если верно, что без его воли и лист на дереве не шелохнется, то говоривший на этом священном собрании также вдохновлен им. Бог хочет, чтобы его святейшество оставался со своей братией и разделял с ней печали и радости. Кто может противиться его воле?

— Я не противлюсь, — сказал католикос. — Я действительно хотел незаметно для врага уехать ночью, но благодаря этой вечере мой отъезд отменяется. Я остаюсь. Святыни, которые я хотел спасти от надругательства и расхищения, сами защитят себя. Если богу будет угоден мой отъезд, он ниспошлет для меня мрак и среди бела дня.

Сказав это, католикос удалился в свою опочивальню. А епископ Саак отправил нового гонца в Гарни сообщить начальнику крепости, чтобы католикоса не ждали.

На следующий день рано утром патриарх позвал к себе старейших из братии, чтобы посоветоваться о спасении монастырских и патриарших сокровищ. Решено было прежде всего все ценности — церковную утварь и реликвии, в особенности священные книги и древние рукописи — спрятать в далеких, темных пещерах. Затем отслужить молебен и весь остаток дня провести в бдении и молитвах, чтобы бог пощадил беззащитное духовенство и не предал его в руки врага. И действительно, у монахов не

было другой защиты, как упование на бога и возможность укрыться в пещерах. Царь был занят войной с восставшими князьями, остальные же князья укрепились со своими войсками в крепостях. Монастыри и духовенство оставались беззащитными. Убегающий от врага простой люд, не пользовавшийся защитой царских войск или какого-нибудь князя, укрывался в тех же монастырях и этим еще больше затруднял положение духовенства. Приходилось думать не только о защите этих людей, но и заботиться об их прокормлении, что часто было связано с очень большими трудностями.

Было погожее осеннее утро. По ясному небу скользил огненный диск солнца, казалось, более светлый и лучистый, чем в другие дни. Склоны и высоты гор Гех, на которых уже поблекли и пожелтели пастбища и рощи, пестрели яркими цветами. Скалы, утесы и башни Айриванка, сжимающие в своих каменных объятиях печальную обитель, освобождались постепенно от теней скалистой горы. Утренняя нежная прохлада со склонов Геха спускалась в ущелье Айриванка и вместе с волнами Азата смягчала зной, который был здесь уже чувствителен. На деревьях, растущих вокруг монастыря, и в прибрежных кустах слышалось щебетание птиц, сливавшееся с журчанием речки.

Но вот из высеченного в скале храма вышел хор певчих. За ним следовали псаломщики, диаконы, монахи и, наконец, преосвященные епископы, окружавшие его святейшество. Спиной к процессии выступали два диакона с серебряными кадилами, которыми они беспрестанно кадили пред католикосом. Начиная с иноков и кончая епископами, все были в черных мантиях, потому что златотканые ризы вместе с дорогой утварью были укрыты в пещерах. Лишь один католикос шествовал в белой ризе, что придавало особую величавость его осанке и

благообразному лицу, украшенному пышной седой бородой.

Дойдя до середины двора, духовенство стало полукругом, чтобы приступить к молебну. Но не успели они кончить вступительную молитву и начать чтение священных книг, как на небе показалось чудесное знамение. Ясный небесный свод покрылся серо-зеленой тенью, замерцали звезды. В воздухе вдруг повеяло холодом, и загудел ветер. Птицы, до того звонко и весело щебетавшие, замолкли и испуганно стали метаться из стороны в сторону. Все стояли, объятые ужасом, а монах, читавший книгу, почувствовал, что у него помутилось в глазах.

Тогда католикос, воздев руки к небу, воскликнул:

— О грозный и всемогущий бог! Что за чудо являешь ты своим слабым созданиям?..

Потрясенные его голосом, все присутствующие взглянули вверх и с ужасом увидели, как сверкающий солнечный диск наполовину покрылся тенью и огненный круг стал меркнуть. Через несколько минут дневной свет померк совсем. Все оцепенели, лишь изредка слышались возгласы страха и изумления. Епископ Саак выступил вперед и громко воскликнул:

— Святейший владыка! Бог ясно возвещает свою волю обители Айриванка, которая хотела оставить тебя здесь в своем лоне охранять священные богатства армянской церкви. Ты не противился и сказал: «Если богу будет угоден мой уход, он и при ярком солнце создаст для меня ночь». Бог услышал твои слова. Его всемогущая длань создала желанную ночь, затмив яркое дневное светило. Он хочет, чтобы ты удалился из этой обители и спас от опасности себя и патриаршие сокровища.

— Удались, святейший владыка, удались отсюда, ибо такова неисповедимая воля господня!

— Удались, удались, мы благословляем твой путь! — закричали со всех сторон монахи.

— Покоряюсь воле господней, — сказал католикос и, опустившись на колени, стал молиться.

Все духовенство последовало его примеру.

Когда затмение солнца кончилось, монахи ревностно продолжали молебен. А по возвращении в храм монах, читавший за ужином Евангелие от Иоанна, упал к ногам патриарха и стал просить прощения.

— Я согрешил перед тобою, святейший владыка, — сказал он плача. — Мне казалось, что бог внушил мне мысль помешать твоему отъезду. Сейчас я вижу, что это было дьявольским наущением. Прости меня и помолись, чтобы твой покорный раб избавился от власти искусителя.

— Ты действовал по внушению бога, дорогое мое чадо, — мягко ответил ему католикос. — Господь сам внушил тебе то, что ты совершил, чтобы показать нам свою великую силу. Иди и прочти благодарственную молитву тому, кто сделал тебя достойным этой благодати.

Монах, успокоенный этими словами, склонил голову и удалился. Вскоре католикос со своими приближенными выехал из Айриванка в Гарни.

После отъезда патриарха тревога в обители еще больше усилилась. Монахи были уверены, что бог сотворенным чудом давал знать о близком нападении врага. Поэтому те из них, которые особенно боялись жестокости арабов, ушли в горы и укрылись в далеких пещерах. За ними последовал и ютившийся в Айриванке нищий люд.

В обители остались старик игумен и несколько мужественных и самоотверженных монахов, которые сочли за лучшее умереть в монастырских стенах, на пороге святого храма, чем, спасая собственную жизнь, отдать монастырь врагам. Хотя они не могли и думать о сопротивлении арабам, но, зная, что эти варвары, найдя монастырь пустым, жестоко осквернят его и ограбят, — решили остаться, чтобы принять на себя удар и спасти храм от разрушения. В числе оставшихся был и молодой монах Мовсес. Укрыв в пещерах беглецов, он вернулся в монастырь.

Вечером прибыл гонец и сообщил о приближении врага.

— Востикан направил сюда несколько отрядов, чтобы задержать католикоса и истребить всю братию, — сказал он игумену. — Надзиратель патриарших покоев послал меня сообщить вам эту печальную весть.

— Бог уже сообщил нам об этом, сын мой, — ответил игумен. — Католикос и большая часть братии спасены. А мы остались, чтобы умереть здесь на паперти храма.

После отъезда гонца игумен собрал оставшихся монахов и направился в церковь для бдения и молитвы.

Они еще молились коленопреклоненные, когда от ужасных криков дрогнули своды каменного храма.

Игумен поднялся и спокойным голосом произнес слова Христа: «Встаньте, пойдем, вот приблизился час».

Он не смог больше продолжать и твердым шагом прошел вперед. Монахи последовали за ним. Когда они дошли до церковной паперти, игумен с глубоким волнением обратился к братии:

— Мы посвящены в монахи, чтобы служить нашему народу и святой церкви. Мы дали обет перед богом и людьми и изменить ему не вправе. Пойдем же безропотно к жертвенному алтарю, твердо веруя, что, расставшись с жизнью в этом преходящем мире, мы обретем ее вновь в вечном царствии.

— Пойдем исполним наш священный долг! — воскликнул монах Мовсес. — Мы ничем не жертвуем и ничего не теряем. Рано или поздно мы все должны умереть, наша жизнь не вечна. Возблагодарим господа за то, что он уготовил нам достойную кончину. Если стены этого храма, обагрившись нашей кровью, станут еще крепче, если грядущие поколения, найдя целыми эти своды, будут молиться под ними и эта молитва ниспошлет на армянскую землю благословение предвечного, — мы должны быть счастливы, что стали «избранным сосудом» и в этом бренном мире прожили мудро, предпочтя вечное благо преходящему!

— Идем, идем, враг нас не устрашит! Выполним свой долг! — воскликнули монахи и направились во двор.

Арабы уже окружили монастырские стены. Найдя ворота закрытыми, они рассвирепели. Такой дерзости они не ожидали от кучки монахов. «Вероятно, в монастыре есть войско», — решили они.

Они кричали, угрожали, ругались. Громадные камни ударялись о ворота. Метатели камней, взобравшись на скалы, скатывали оттуда целые глыбы. Часть воинов, приставив к стенам лестницы, поднимались по ним, чтобы спуститься в монастырский двор. Во дворе же, как стая затравленных зверей, стояла кучка беззащитных монахов. Дикие крики варваров и грохот обитых железом ворот наполняли трепетом их сердца. Как ни были они готовы принести себя в жертву, все же каждый молил бога, чтобы

его миновала чаша страданий. Только монах Мовсес стоял спокойно. Крики арабов, грохот ворот, шум ударяющихся о стены камней — ничто его не ужасало. Он словно желал, чтобы скорее настал его последний час.

— Мы напрасно раздражаем их, — обратился он к игумену. — Лучше открыть ворота. Рано или поздно они все равно ворвутся сюда.

— Нет, нет! Быть может, бог еще захочет спасти нас. Быть может, минует час испытаний, — ответил бледный от страха игумен.

В это время поднявшиеся на стены и башни арабы с удивлением увидели во дворе только несколько монахов. Там не было ни войска, никаких приготовлений к бою и защите. Это неожиданное открытие охладило их пыл. Кое-кто метнул в монахов свои копья, но скорее для того, чтобы напугать их, чем убить. Когда ворота, не устояв под ударами камней, упали и арабы с дикими криками ворвались во двор, монахи отбежали к паперти. Воины бросились за ними и в одно мгновение окружили. Засверкали сабли и копья. Еще минуту, и все монахи были бы истреблены. Но один из начальников выступил вперед и громко крикнул:

— Никого не убивать! Таков приказ. Бешира!

Казалось, из пасти разъяренных волков вдруг вырвали добычу.

— Почему нам запрещают истребить их? — закричали арабы, рыча от гнева и осыпая руганью и угрозами монахов.

Вскоре прибыл военачальник Бешир. Это был высокий мужчина с широким смуглым лицом, с горящими глазами, с пышной седеющей бородой, спускающейся до пояса. На

голове его была белая чалма с золотым султаном. Одежду из дорогой шерсти прикрывали медные латы. Сбоку висела кривая сабля, выложенная золотом. В руке он держал небольшой блестящий щит.

— Кто здесь старший? — спросил он, подъехав к монахам.

— Я, твой покорный слуга, — сказал, выступив вперед игумен.

— Где ваш католикос? — спросил Бешир.

— Его святейшество уехал в Гарни.

— Как он смел? Разве он не получил приказа пасть к стопам великого востикана?

Игумен не ответил. Он колебался.

— Да, приказ был получен, — выступив вперед, сказал монах Мовсес.

— Почему же он ослушался?

— Католикоса можно просить, но ему нельзя приказывать.

— Как ты смеешь так разговаривать со мной?

— Каждый человек имеет право говорить правду.

— И ты не боишься, что я вырву с корнем твой правдивый язык?

— Мы все готовы к смерти.

— Презренный! Видно, жизнь тебе надоела!

— Жизнь становится не только утомительной, но и унизительной, если человек должен покоряться врагу. Мы предпочитаем смерть такой жизни.

— Господин, прикажи размозжить голову этому наглецу! — крикнул один из воинов, сверкнув саблей над головой молодого монаха.

— Пусть он один из всех останется жить, — сказал Бешир и, обращаясь к игумену, спросил:

— Где монастырские и патриаршие сокровища?

— У нас нет сокровищ, — ответил игумен.

— Не лги!

— Я говорю правду не из страха перед тобой, а потому, что наша религия запрещает лгать. У нас нет сокровищ, потому что мы монахи, а у монахов ничего не может быть. Мы лишь охраняем наследие нашего народа, завещанное нам.

— Ну, так укажи место, где спрятано это наследство! — приказал начальник.

— Я не имею права, — ответил игумен.

— Я приказываю тебе!

— Я должен ослушаться твоего приказа.

— Свяжите их всех и отгоните в сторону! — велел начальник. — А вы обыщите их жилища, молельни, ищите всюду, в каждом углу, принесите все спрятанное, вытащите всех укрывшихся!

Воины сорвались с мест и бросились к храму. Но Бешир остановил их. Он знал, что его воины расхитят

монастырские сокровища. Поэтому он отобрал несколько самых надежных и послал их на поиски. Арабы ворвались в храм, обшарили часовни, монашеские кельи, поднялись в горные пещеры, искали во всех щелях, разрывали землю, раскидывали кирпичи, но не кашли ничего ценного. В яростном ожесточении они выносили и собирали во дворе лишь простые церковные облачения, ризы, старые тряпки и рваные ковры.

Бешир, увидя это, разъярился. Воины не нашли даже обиходной монастырской утвари, которая, по его сведениям, была в обители в большом количестве.

В богатом Айриванке, где обитало несколько сот монахов, где жил сам католикос, не нашлось ни одной медной чаши, ни одного блюда. Во дворе валялись лишь несколько деревянных мисок, блюд и глиняных чашек.

— Значит, вы все спрятали? — спросил гневно Бешир.

— Мы спрятали то, что принадлежит обители, — ответил игумен.

— Ты немедленно укажешь место, где спрятаны сокровища! — вскричал Бешир, и тяжелый удар плети опустился на голову старика.

Плеть из бычьих жил хлестнула по изможденному лицу старика, оставив на нем багрово-синюю полосу. Игумен зашатался и прислонился к церковной стене. Возмущенный молодой инок бросился вперед и бесстрашно воскликнул:

— Если у тебя хватило духу ударить дряхлого старика, ты не достоин имени военачальника! Бог накажет тебя! Берегись его гнева!

Бешир не успел ему ответить, как тяжелый удар сабли сразил инока, и он, окровавленный, упал на землю.

Озверелый араб, нанесший удар, заслужил одобрение начальника.

— Такой конец ждет каждого, кто откажется указать, где спрятаны сокровища, — пригрозил Бешир, — Скажите мне, где они, и вы избавитесь от смерти.

— Мы не предадим вам ни своих братьев, ни наших святынь. Делайте с нами что угодно, — ответил другой монах.

— А что ты скажешь мне, юный монах? — обратился Бешир к Мовсесу.

— Господин, предательство — презренное ремесло, и никто из нас на это не способен. Скрытые сокровища — наши реликвии и достояние народа. Мы не имеем права отдавать их вам. Нам принадлежит только наше тело, вы можете его умертвить, но унизить наш дух вы не сможете никогда!

— Берите этих людей! Предайте их самым жестоким пыткам, пока они не укажут, где скрыты сокровища, — приказал начальник и отъехал в сторону.

Он знал, что Айриванк очень богатый монастырь, и во что бы то ни стало хотел завладеть его богатствами. Упрямство монахов еще больше разожгло его. Схимники же сопротивлялись главным образом потому, что в тайниках, где были собраны монастырские и патриаршие ценности, укрылись многие из их братии. Указав на них, они тем самым предали бы их мечу врага.

Безжалостные воины поволокли монахов в разные стороны. Одного жгли каленым железом, другого кололи копьями, у третьего вырывали мясо клещами, четвертого, привязав к хвосту лошади, волочили по земле. И все же никто из них не вымолвил ни слова. Подъехал Бешир и,

увидев изуродованные и окровавленные тела несчастных, велел немедленно прикончить их. Приказ начальника был выполнен, и всех монахов обезглавили… Остался в живых только Мовсес, которого Бешир пощадил. Он приказал ему немедленно отправиться в Гарни, показать свое истерзанное клещами и каленым железом тело католикосу и сказать, что и ему грозит та же участь, если он не поедет в Двин и не принесет востикану клятву в верности.

Воины Бешира разграбили монастырь и захватили все, что нашли: домашнюю птицу, ульи с пчелами и даже пищу, заготовленную для скота. Замучив монахов и утолив этим свою ярость, они не произвели разрушений в храме и часовнях. Монахи ценою своей жизни спасли старинные памятники зодчества Айриванка.

2. Новые предложения

Затмение солнца удручающе подействовало на обитателей Гарни. Княгини, собравшись у царицы, делали разные предположения по поводу этого таинственного явления природы. Они были уверены, что затмение предвещает какое-то большое несчастье.

— Царю грозит поражение, и это принесет новые бедствия, вот что означает затмение солнца, — решила наконец царица.

Княгини не согласились с ней, чтобы не огорчать ее.

— Солнце всходит над многими странами, но не всем же затмение предвещает несчастье, — заметила сюнийская княгиня Мариам. — Если царь будет побежден, а Цлик-Амрам победит, это значит, что одному затмение принесло несчастье, а другому счастье.

— И возможно, счастье на этот раз суждено нам, — прибавила княгиня Марзпетуни.

— Возможно, — ответила царица. Но у нее не было на это надежды. Она верила в то, что бог карает виновного. Ее царственный супруг был виноват перед Амрамом и должен потерпеть поражение. Но она смолчала.

Через несколько часов в Гарни прибыл католикос Иоанн. Вся крепость во главе с духовенством вышла встречать патриарха. Начальник крепости Мушег вывел в полном боевом порядке навстречу католикосу все крепостное войско. Царица с приближенными женщинами встретила католикоса у крепостных ворот и вместе с ним вошла в церковь. После молебна царица пригласила его святейшество в свой замок. Там для патриарха и его спутников были приготовлены покои.

Приезд католикоса чрезвычайно обрадовал жителей Гарни. Но когда католикос сообщил царице причину своего прибытия, в замке встревожились. Княгинь ободрял и успокаивал князь Гор.

— Гарни не могут взять не только Нсыр, но и войска халифа, — говорил он. — Если даже наши сторожевые отряды будут бездействовать, Гарни останется незыблемым. Возведенные Трдатом стены и башни могут противостоять и самострелам и баллистам.

Начальник крепости Мушег не принимал участия в этих разговорах. Он даже не пошел к католикосу, хотя готов был часами слушать его мудрые речи. Он был человек долга и всегда готов был пожертвовать удовольствиями во имя его. Поэтому, услышав вести, привезенные католикосом, он, не теряя времени, занялся укреплением замка. Из долголетнего опыта ему было известно, что враг часто нападает совершенно неожиданно. Вот почему он хотел подготовиться заблаговременно, чтобы, даже будучи застигнутым врасплох, не подвергнуть опасности царицу и католикоса.

Он вооружил всех воинов, разбил их на отряды, расставив одних на бастионах, других на башнях и стенах, и велел неотступно следить за приближением врага. Были сделаны запасы сала, смолы и других легко воспламеняющихся веществ, дабы обрушить поток огня на головы осаждающих. Воины собирали огромные камни, чтобы поражать ими арабов, если те начнут взбираться на стены. Словом, предпринималось все необходимое для отпора неожиданному нападению.

Прошло два дня, но враг не показывался. Это не ослабило рвения начальника крепости. День и ночь продолжал он свои оборонительные приготовления.

Однажды вечером он заметил небольшой отряд всадников, спускавшийся с горы Гех.

«Неприятель собирается напасть на крепость с нескольких сторон», — подумал он и послал людей на разведку. Всадники тем временем спустились в ущелье Азата и повернули к Гарни. Какова же была радость начальника, когда он узнал среди них князя Марзпетуни! Будто небесная сила пришла ему на помощь в эту тяжелую минуту.

Царице тотчас же дали знать о прибытии князя.

Отряд во главе с князем Марзпетуни и сепухом Ваграмом состоял из нескольких десятков ванандцев, ездивших с сепухом в Агстев на помощь царю. Князь Геворг оставил ванандцев у начальника крепости, а сам с сепухом отправился к царице.

Весть о приезде князя взволновала, но не обрадовала царицу. Несколько дней тому назад она в самом деле с нетерпением ждала его; часами сидела на террасе дворца Трдата и следила за дорогой, по которой должен был прибыть князь.

Тогда царице хотелось увидеться с ним, раскрыть ему свое сердце, попросить совета, потому что только в нем она видела преданного царской семье человека. Но теперь, когда Седа рассказала ей все и она узнала, что Марзпетуни давно было известно ее горе, она перестала верить в него. Царице казалось, что и князь Геворг, как, вероятно, все дворцовые женщины и прислужницы, смеялся над ее наивностью. Эта мысль угнетала ее, унижая в собственных глазах.

«Неужели он сейчас придет ко мне, как к своей царице, как к супруге своего государя? Неужели он не знает, что я больше не имею права носить это имя, раз царь оскорбил и презрел меня?..» — думала царица. Может быть, ей лучше уклониться от встречи с ним.

Но разве это было возможно? Разве она не считала минут, когда получит сведения из Утика? Разве она не хотела расспросить о царском походе?

Когда прислужница доложила, что князь Марзпетуни и сепух Ваграм просят разрешения войти, она смутилась и не знала, как ей поступить.

— Пусть войдут, — сказала она наконец прислужнице. Но когда та пошла к двери, приказала ей вслед: — Нет, нет, пусть войдет только князь.

Сердце ее забилось.

Она посмотрела на себя в зеркало из полированного серебра. Лицо ее изменилось до неузнаваемости.

В ней боролись два чувства: достоинство царицы и самолюбие жены. Оба одинаково справедливые, и оба одинаково сильные. Одно из них должно было победить, но сколько еще волнений предстояло!.. «Какую-то весть принесет мне князь?» — думала она, и эта мысль

заставляла еще сильнее биться ее сердце. Ей хотелось услышать, что государь победил, что восстание Амрама подавлено, что войска царя вновь заняли Утик и севордские земля. Это польстило бы ее царскому самолюбию. Победа собрала бы вокруг царя упавших духом князей, вселила бы в них бодрость и воодушевление. Тогда против востикана выступило бы большое войско, с помощью которого взяли бы Двин и освободили патриаршие покои.

Все это было так.

Но когда она вспомнила причину восстания Амрама и подумала, что победа над ним только укрепит царя в его заблуждении, что он, завоевав страну севордцев, еще чаще будет навещать княгиню Аспрам и совсем забудет ее, свою супругу… тогда ей от души захотелось, чтобы Марзпетуни привез весть о поражении царя. Если это случится, Утик и Севордское ущелье станут навсегда недоступными для Ашота Железного.

«Может быть, ценой этой жертвы я вновь обрету свое потерянное счастье… Может быть, он почувствует, что господь покарал его за грешную любовь, и снова вернется ко мне, к своей жене и царице, к той, которая так горячо его любит и живет единственной надеждой вновь соединиться с ним!..»

Царица была погружена в эти мысли, когда прислужница доложила, что князь ожидает ее. Царица вышла к нему одна.

Князь Геворг, стоявший у входа, низко поклонился и приблизился, чтобы приложиться к ее руке.

Серьезное лицо князя успокаивающе подействовало на царицу.

— Мы долго ждали тебя, князь. Ты, конечно, привез нам радостные вести, — сказала она с холодной улыбкой, садясь в кресло.

— Радостные вести? Да, я хотел бы не быть вестником несчастья, но бог…

— Что ты должен возвестить? — тревожно спросила царица, устремив глаза на князя.

— Царь в безопасности. Мы должны возблагодарить бога.

— Что это значит, князь? Царские войска разбиты? Амрам победил?

— Он не победил, но мы потерпели позорное поражение.

— Не понимаю тебя.

— Амрам осадил нас в ущелье. Государь спасся бегством, и между войсками не произошло сражения.

— Расскажи подробнее, — приказала царица.

Князь стал рассказывать все по порядку: о своих воззваниях к князьям, о том, как царь собрал войско; поведал историю неудачного похода, скрыв, конечно, все то, что могло доставить ей огорчение как царице и жене.

Когда он кончил, Сааканyйш с облегчением вздохнула:

— Значит, кровь не пролилась, и все же царь с позором бежал. Слава всемогущему богу! Он судит справедливо! — И на лице ее появилась горькая улыбка.

— Преславная царица, ты меня удивляешь. Неужели поражение государя доставило тебе радость? — спросил Марзпетуни, смущенный словами царицы.

— Да, князь.

— Но бесчестье этого поражения падает на царский престол и…

— И на меня? Ты это хотел сказать?

— Да, преславная царица.

— Царица не стремится больше ни к славе, ни к душевному покою… Прошли те времена, когда венцом моих желаний являлись победы Ашота, когда моя душа парила над его знаменами… Да, мне казалось, что мое счастье в его славе, но я была молода и неопытна. Теперь эта слава мне ненавистна, потому что она лишила меня счастья.

— Какое же горе постигло мою царицу? — спросил недоуменно князь.

— Нет, я очень счастлива. Это известно тебе, известно княгине Марзпетуни, известно всем моим приближенным, моим прислужницам… Вы все знаете, но старались, чтобы я не узнала. Не так ли, князь? — спросила Саакануйш с насмешливой улыбкой.

— Я не понимаю, царица, о чем ты ведешь речь.

Саакануйш посмотрела на него и после минутного молчания сказала спокойным голосом:

— Поздно, князь. Не заботься больше о покое моего сердца. Я могла бы перенести свое горе, если бы оно не было известно никому. Но мир раньше меня узнал о нем, скрывать больше нет нужды. Не удивляйся, что

привезенное тобой известие обрадовало меня. Эта радость была последним лучом угасающей надежды.

— Надежды? Какие же могут быть у тебя надежды на наши неудачи, преславная царица? — с любопытством спросил князь.

— До сих пор в моем супруге я видела царя, радовалась его победам, гордилась его славой. Я думала, что в этом мое счастье. А теперь… Теперь я вижу, что была обманута, что шум побед, блеск лавров, пышность трона, роскошь царского дворца осушили родник моего счастья. Из-за всего этого я потеряла мужа — единственного во всем мире любимого человека, моего Ашота. Ныне же, когда счастье отвернулось от него, когда бог его карает, я радуюсь, так как надеюсь в побежденном царе, в опозоренном наследнике престола найти наконец своего утерянного супруга, пробудить в нем совесть, оживить его умершее чувство…

— Никогда, преславная царица, никогда я даже не мог подумать, что в дни нашего всеобщего несчастья ты вспомнишь о своем личном горе, — заметил Марзпетуни, желая прервать грустный рассказ царицы.

— Не удивляйся, дорогой князь, что в эти минуты я, забыв обо всем, оплакиваю только свое горе. Не удивляйся, что меня не ужасает поражение царя и опасность, угрожающая родине, что бедствия народа не волнуют моего сердца… В этом нет ничего неестественного. Сердце мое принадлежало Ашоту Железному. Он разбил его, я стала бесчувственной, в моей груди вместо сердца — камень. Я любила свой народ, любила свою родину горячей, беззаветной любовью. Я готова была пожертвовать ради нее всем, что имела, даже своей жизнью. Но тогда со мною был Ашот. Он воспламенял мою любовь к родине, он олицетворял мои лучшие мечты. Теперь Ашот умер для

меня, и вместе с ним погибло все… О, не обвиняйте меня, несчастную, пощадите!.. Ничего, ничего не требуйте от жалкой, покинутой, униженной женщины…

Царица разрыдалась.

Князь с грустью молча смотрел на нее. Он чувствовал всю тяжесть ее душевных мук, но ничем не мог помочь горю.

После долгого молчания он вспомнил наконец, что сепух Ваграм ждет его и что им надо посоветоваться с царицей о серьезных делах. Поэтому он подошел ближе и заговорил глубоко искренним голосом:

— Твои печали, преславная царица, давно мне известны, но я не дерзал о них с тобою говорить, тем более что словами не мог тебе помочь. Если я был не прав, прикажи наказать меня, а если нет, выслушай своего слугу.

— Что ты хочешь сказать? — посмотрев на него сквозь слезы, спросила Сааканyйш.

— Не надо печалиться и грустить, преславная царица. Тот, кто стойко переносит горе, тот побеждает судьбу. Прошлого не вернуть, это тебе известно. Теперь надо подумать о будущем…

— Как? Ты думаешь, что сможешь вернуть государя в лоно семьи? — прервала его вдруг Сааканyйш.

— Да.

— Как ты это сделаешь? Ведь он меня не любит…

Князь замолчал и с недоумением посмотрел на царицу.

— Быть может, ты что-то знаешь? Может, он тебе признался и каялся… Говори, князь, ничего не скрывай от меня.

— Мы не поняли друг друга, преславная царица.

— Как, разве ты говоришь не о царе?

— О нем. Я сказал, что надо подумать о будущем. Ты прервала меня. Я хотел сказать, что у нас много забот…

— Ты говорил, что можешь вернуть государя в лоно семьи…

— Да, царица, но ведь бог расширил пределы его дома. Его семья — весь армянский народ. Государь должен вернуться в лоно своего народа.

Царица беспокойным движением выпрямилась и недовольно спросила:

— Разве царь не в лоне своей семьи?

— Нет.

— Как? Ведь ты сообщил, что он, прорвавшись сквозь стан Амрама, отбыл в Какаваберд и сейчас находится там.

— Да.

— А Какаваберд не в Сюнике? А Сюник — не область Армении?

— Все это так, преславная царица, но государь не желает больше возвращаться в столицу. Он переехал в Какаваберд и решил там остаться навсегда.

— Что ты хочешь этим сказать? Я не понимаю.

— Царь в глубоком отчаянии. Поражение, понесенное им, угнетает его. «После этого, — сказал царь, — я больше не обнажу меча и не поднимусь на трон. Мои князья опозорили меня перед всем миром. Пусть же они отвечают за гибель моей страны».

— Князья? Разве это князья опозорили его? — с горечью спросила царица.

— Кто же еще?.. Если б они были в единении с царем, Цлик-Амрам не осмелился бы восстать, абхазцы не присоединились бы к нему.

— Ты очень забывчив, князь, — прервала царица. — Разве ты не помнишь недавнего прошлого? Два месяца тому назад мой деверь Абас и спарапет Ашот заключили между собою мир, нахарары были друзьями царя, и благодаря этому царь мог снова взять Двин и изгнать оттуда арабов. Вы даже устроили праздничные торжества в Двине по этому поводу. Но Амрам все же восстал… Что же было причиной?

Марзпетуни, опустив глаза, молчал.

— Ты не желаешь отвечать? Отвечу я. Причина в том, что государь сошел с пути добродетели, что он безжалостно разбил свою семью и семью своего соратника. И бог наказал его именно тогда, когда он думал, что уже всемогущ, что ему дозволено совершить любое зло и остаться безнаказанным. Даже в ту минуту, когда судьба помогла ему изгнать из столицы чужеземцев, он, вместо того чтобы отслужить молебен богу и вернуться в Еразгаворс к своей семье, отправился в Утик, чтоб отпраздновать двинскую победу вместе с женой Цлик-Амрама. И вот десница господня покарала его. Не доезжая до Утика, он услышал о восстании Амрама. Это известие не смутило его. Его гордая душа не смирилась даже перед богом. Он обратился к

егерам и решил силой оружия отвести карающий удар. Но он ошибся: бог всесилен. Теперь, ты говоришь, царь, уединившись в Какаваберде, обвиняет князей. Напрасно! Ему не дано на это право, ибо он причина и своего и нашего несчастья. Он сам понимает это и знает, что бог никогда больше не поможет ему ни в одном начинании. Вот почему он и решил уединиться.

— Все это правда, преславная царица, но что же нам делать сейчас? Сидеть сложа руки? Ведь страна в опасности.

— Делайте, что можете.

— Ты должна нам помочь.

— Я?

— Да, повелительница.

— Что я могу? Я тебе уже сказала, что я несчастная женщина. Не требуйте от меня ничего.

— А разве я один в состоянии действовать? Царь сидит в Какаваберде, спарапет Ашот укрепился в Багаране, царский брат Абас — в Еразгаворсе, владетели могцев и андзевцев защищают только свои горы, Гагик Арцруни за пределами Васпуракана не признает армян. Католикос, вместо того чтобы быть посредником мира и объединить князей, укрылся в Гарни, а ты отказываешься от вмешательства в дела родины. Между тем Нсыр, воспользовавшись бездействием князей, занял Двин и повсюду разослал свои отряды. Что же нам еще раздумывать? Сокрушим царский престол и склонимся перед арабскими знаменами!..

Марзпетуни произнес последние слова с такой силой, что царица вздрогнула.

— Что же я должна делать, князь? — спросила она упавшим голосом.

— Показать пример тем, кто сидит сложа руки.

— Я так взволнована, мысли мои в таком смятении, что я ничего не соображаю. Скажи яснее, что мне нужно делать?

— Я приехал сюда с начальником гардманской крепости сепухом Ваграмом. Среди верных нам князей он самый преданный. Мы решили с ним обратиться ко всем князьям, владельцам крепостей, с просьбой дать нам воинов. Из них мы составим армию и спустимся с гор в равнину. Как тебе известно, крепостям не угрожает вражеское нападение. Но села, деревни и города, которые не имеют укреплений, остались беззащитными. Над народом занесен меч. Надо поспешить на помощь.

— Я не мешаю вам, идите, да благословит господь ваш путь.

— Бог нам поможет. Но тебе придется лишиться своих отрядов.

— Как? Ты хочешь оставить Гарни без войска?

— Если мы привлечем на себя внимание врага, Гарни и другие крепости не будут нуждаться в защите.

— Сила врага велика. Он может одновременно воевать с рами и осаждать крепости.

— Он этого не сделает. Мы ему не позволим, — ответил уверенно князь.

Царица задумалась.

Через несколько минут она спросила:

— От кого вы надеетесь получить воинов?

— От Абаса, от владельцев Сюника, андзевцев…

— А вдруг они откажут?

— Если царица первая подаст пример, никто не осмелится отказать.

— Я согласна. Бери хоть весь Гарни! — решительно сказала Сааканyйш.

Князь, низко поклонившись, поблагодарил ее. Затем он попросил разрешения пригласить сепуха Ваграма, которого царица приняла ласково и милостиво. Они втроем стали совещаться и строить планы будущих действий.

Совещание еще не кончилось, когда прислужница доложила, что католикос хочет видеть царицу.

— Пусть пожалует, — сказала Сааканyйш и прибавила, обращаясь к князьям: — Вот и его святейшество поможет нам своим советом.

— Конечно, — добавил сепух Ваграм.

Марзпетуни молчал; он заметил, что вошедшая прислужница была чем-то взволнована. Видимо, католикос шел сообщить какое-то известие, о котором уже знали в замке. Он боялся, что католикос сообщит царице весть, которую лучше было бы от нее скрыть.

— Прикажи нам, царица, встретить патриарха, — сказал князь Геворг, вставая.

Царица кивнула в знак согласия, но едва князь и сепух приблизились к дверям, как вошел служитель, несший посох католикоса, архидиаконы, а затем сам католикос, епископ Саак и несколько других монахов. С ними шел инок

с окровавленным лицом и руками, перевязанными лоскутьями разорванной одежды.

— Кто это?! — воскликнул Марзпетуни и прошел вперед, словно желая помешать ему войти.

— Оставь его, князь, оставь, царица должна знать о всех наших бедах, — жалобным голосом сказал католикос.

— Что случилось? — встав с места, спросила царица.

— Звери-арабы разорили Айриванк, ограбили монастырь и в страшных пытках умертвили монахов. Оставили в живых только этого страдальца, чтобы он привез нам горькую весть, — подавив вздох, продолжал католикос. Затем, благословив царицу и князей, воссел на почетном месте.

— Как это произошло? Почему востикан, оставив крепости, напал на Айриванк? — обеспокоенно спросил Марзпетуни.

Католикос не отвечал. Он смотрел на царицу в надежде, что она будет к нему более снисходительна.

— Расскажи, как все это произошло! — обратилась царица к раненому монаху.

— Поведай, отец Мовсес, поведай царице все, что сделали эти звери, — приказал католикос, беспокойно дыша.

Монах выступил вперед и стал рассказывать грустную повесть о нападении арабов, о мученической смерти монахов, не забыв упомянуть и об их предсмертных словах. Все присутствующие были смущены, услыхав этот рассказ. Затем князь Геворг, подойдя к католикосу, сказал, что ему

надо поговорить с ним, и попросил удалить из зала всех, кроме епископа Саака и Мовсеса.

Католикос исполнил просьбу князя. Князь Геворг встал с места и, испросив разрешения у царицы и католикоса, сказал следующее:

— Духовные отцы совершили подвиг, которого никто из нас не вправе был требовать от них. Они предали себя врагу, чтобы спасти жизнь своих братьев и святыни Айриванка. Безоружные монахи явили миру пример самопожертвования, доказали еще раз, что они стойкие пастыри и могут положить живот свой за паству. Они, следуя стезе Гевонда[16], возвеличили своим подвигом славу и честь армянской церкви. Все это хорошо. Что же делаем мы? Мы, предводители народа, мы, в руки которых бог вложил меч и дал право управления и защиты?..

Князь посмотрел на католикоса, а затем на царицу, которые не сводили с него глаз.

— Мы ничего не делаем, — продолжал он горячо, — или своими делами только позорим армян. Мы укрылись и сидим в наших замках, окружив себя сторожевыми отрядами… а наш народ и церкви оставили беззащитными или, вернее, предали их вражескому мечу… Разве в этом долг предводителя?

Сказав это, князь устремил взгляд на католикоса.

Католикос поспешно спросил:

— Где же наш царь? Он должен вести войска.

— Где царь? — взволнованно воскликнул Марзпетуни. — Я скажу, где он. Царь, покинутый своими князьями, преследуемый мятежниками, удалился в Какаваберд. Он оттуда не выйдет, он больше не обнажит

своего меча, не поднимет своего знамени. Отчаяние сломило его… Но где католикос, армянский патриарх, святая опора и глава нашего духовного воинства?..

— Князь… ты видишь, он пред тобою, — медленно, упавшим голосом ответил католикос.

— Предо мной? Здесь, в Гарни. Но почему?

— А где бы ты хотел, чтобы он находился?

— В Двине, в патриарших покоях.

— Востикан жаждет моей крови, он хочет меня убить.

— Он преследует тебя только потому, что ты бежишь от него. Он не повредил бы тебе, если бы ты достойно сидел на патриаршем престоле и даже явился бы посредником между ним и армянским народом. Своим бегством ты возбудил его гнев и заставил пролить яд ярости на беззащитных монахов.

— Я не хотел покидать Айриванк, но мне это повелел бог.

— Бог? — удивленно спросил князь.

— Да, господь. Об этом ведает и царица.

— Да, князь, это произошло но повелению свыше, — заговорил епископ Саак и рассказал историю с затмением солнца и отъездом католикоса из Айриванка.

— Верю этому чуду и преклоняюсь пред могуществом бога, — сказал князь. — Но вы должны знать, что если бог щадит жизнь пастыря, то только для того, чтобы он отдал эту жизнь за благо народа. Во время избиения младенцев в Израиле бог чудом спас из волн Нила малютку Моисея и приютил его во дворце фараона только для того, чтобы он

потом освободил свой народ от египетского рабства. Так это или нет?

— Это верно, — ответил католикос. — Но бог одарил Моисея чудодейственной силой. Я не обладаю такой силой, я не могу творить чудес.

— Можешь, святейший владыка. Моисей превращал посох в змею, и ты сделаешь то же самое. Там, где не побеждает сила, могут победить мудрая речь и мирные увещевания. Вернись в Еразгаворс, посети Багаран, пройди земли агдзинцев и могцев, вступи в Васпуракан, поговори с Ашотом, Абасом, братьями Арцруни и другими князьями. Убеди их, чтобы они со своими войсками собрались под царские знамена. Пусть единой силой обрушатся они на врага, пусть спасут народ от грозящей опасности. Этим они усилят мощь царя и обретут силу сами, рассеят дух раздора и, защитив общую родину, сохранят свои земли, родовые владения, дома и семьи…

— Советы князя разумны, святейший владыка! — сказал епископ Саак.

— И необходимо тотчас же последовать им, — добавила царица.

Католикос молчал, устремив глаза вдаль.

— Никто не послушает меня, — заговорил он наконец, обращаясь к князю. — Ни один князь не выведет войско из своей крепости.

— Пусть католикос выполнит свой долг, а если его не послушают, пусть удалится, сказав: «Кровь ваша падет на головы ваши», — ответил Марзпетуни.

— Разбойники востикана заняли дороги Ширака. Как же мне проехать в Еразгаворс, Багаран или в земли агдзинцев! — протестовал католикос.

Сепух Ваграм, до того молчавший, вскочил с места и с живостью воскликнул:

— Я буду сопровождать тебя, святейший владыка, со своими ванандскими молодцами. Ни один араб не осмелится поднять на тебя руку.

Католикос посмотрел на сепуха и, не зная, что возразить, сказал:

— Пусть свершится воля преславной царицы и князей. Но дайте мне время для размышления. Посредничество — дело трудное, нельзя браться за него необдуманно.

— Размышляй, сколько тебе угодно, святейший владыка, только не забывай о нашей просьбе, — сказал Марзпетуни. — Спасение страны сейчас в единении князей. Его надо добиться ценой каких угодно жертв.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — ответил католикос.

Пообещав сообщить вскоре о своем решении, он удалился вместе со спутниками.

Сепух Ваграм вышел проводить его.

— Увы, я не надеюсь на помощь его святейшества, — сказал князь Геворг царице.

— На этот раз будем надеяться, — ответила царица. — Он чувствует, что своим отъездом из Двина причинил всем нам огорчение, и постарается быть полезным.

Католикос, приведя раненого монаха к царице, хотел оправдать свое бегство из Айриванка и обеспечить пребывание в Гарни, но он очень встревожился, увидев, что дело приняло новый оборот и его посылают навстречу врагу… Он был убежден, что арабы возьмут его в плен и сепух Ваграм с отрядом ванандцев ничего не сможет поделать. Пленив его, арабы захватят и патриаршие покои, и тогда все погибнет безвозвратно.

Так думал католикос, и эти мысли не давали ему покоя. Он пригласил на совет своих приближенных и объявил им, что собирается отказать царице и князьям в их просьбе, усматривая в этом опасность для патриаршего престола. Никто не противился его воле. После чуда с затмением солнца монахи считали его желания ниспосланными с неба. Не видя для себя возможности оставаться дальше в Гарни, католикос решил уехать на остров Севан, где была многочисленная братия. Там он будет среди своего духовного воинства, и никто не станет его укорять. Кроме того, севанская обитель имела неприступную крепость и, будучи расположена на острове, была недосягаема для неприятеля.

Каково же было изумление царицы, когда она узнала, что католикос уезжает на Севан. Возмущенный сепух Ваграм не пошел даже проститься с ним. А князь Марзпетуни, который вместе с начальником крепости Мушегом провожал католикоса до моста Азата, ограничился всего одним замечанием.

— Заботясь о своей безопасности, ты спасешь только себя, — сказал он католикосу. — А патриарший престол перейдет к тому, кто сможет его защитить.

— Я уезжаю только для защиты престола, — ответил патриарх.

— Нет, святейший владыка, ты охраняешь престол католикоса Иоанна, а не престол Григория Просветителя. Ты потерял его в тот день, когда уехал из Двина.

Католикос не придал значения предсказанию князя и продолжал свой путь.

На Севане его встретили с величайшей радостью.

Князь Геворг, вернувшись в Гарни, вновь собрал совет у царицы. Единственный выход, остававшийся для спасения страны, он видел в объединении разрозненных княжеств. Робость католикоса не только не повергла его в отчаяние, а, наоборот, еще больше убедила в принятом решении.

— Отныне мы должны надеяться только на себя, — сказал он на совете.

Было решено, что царица останется в Гарни, чтобы сохранить царскую резиденцию в Востане; иначе князья вряд ли согласятся идти на врага, если даже Востан — сердце страны — окажется в руках арабов. Что касается князя Геворга и сепуха Ваграма, то решено было, что князь отправится к царскому брату Абасу и к спарапету Ашоту, а сепух к агдзинским и могским князьям. Заручившись же их согласием, князь Геворг и сепух Ваграм должны были обратиться за помощью к владельцам Васпуракана.

Через день после отъезда католикоса князь Марзпетуни и сепух Ваграм выехали из Гарни, каждый с небольшим отрядом телохранителей, и направились в те места, куда влекла их благородная миссия.

3. Зеленый побег высохшего ствола

После отъезда князя Марзпетуни царицей овладело странное безразличие. Приближенные княгини не могли понять, что случилось с ней. Раньше она неусыпно

заботилась об охране крепости, наблюдала за подготовкой к обороне, проверяла караульные посты, посещала военные учения. Она думала о безопасности крепости даже тогда, когда ей ничто не угрожало. Теперь же, когда востикан уже захватил Двин и мог каждую минуту напасть на Гарни, она предалась полному бездействию. Отчаяние сломило царицу. Раньше она ждала возвращения царя и надеялась, что восстание Амрама произведет благоприятную для нее перемену в государстве. Но вести, привезенные Марзпетуни, разбили эти надежды. Если Ашот Железный пал духом и бежал от своего народа, ей ли противиться дольше? Она походила на утопающего, который, устав от долгой борьбы с волнами, отдается наконец воле течения.

Во время пребывания Марзпетуни в Гарни царица одобрила его решение, но сделала это как-то равнодушно, без должного внутреннего воодушевления. Жизнь потеряла для нее всякий смысл. К чему ей брать на себя новые заботы и горести? Пусть свершится то, что должно свершиться: человеческая рука не может изменить судьбу, предначертанную рукою всевышнего.

Так думала царица и уединялась в своих покоях или же одиноко ходила по террасе летнего дворца Трдата.

Начальник крепости Мушег и князь Гор между тем готовились к защите крепости. Они работали не покладая рук.

Царица смотрела с холодным безразличием на все это и спрашивала себя: «Зачем люди так цепляются за жизнь? Сколько дней в своей жизни они могут быть счастливы? Разве в конце концов не смерть предел всему?..»

Однажды лунным вечером, когда она задумчиво сидела на террасе, какой-то шорох у лестницы привлек ее внимание. Она поднялась со скамьи и посмотрела вниз.

Узкая тропинка, пробитая в скалах, спускалась к небольшой площадке, большую часть года покрытой зеленью. Вокруг росли старые ивы, которые защищали ее в солнечный день своей тенью. Невдалеке бил прозрачный ключ, орошавший ивы. Он падал, журча, со скалистых высот в протекающую по ущелью реку Азат. Кто знает, быть может, еще по приказу первой владелицы дворца, армянской царевны Хосровдухт, эта площадка была превращена в место для прогулок. Возможно, что царевна проводила здесь одинокие часы своих девичьих мечтаний. Может быть, здесь она страдала от роковой любви, которая приговорила ее к вечной девственности?.. Царица Сааканyйш очень любила сидеть у этого места и беседовать с приближенными, а иногда вкушать завтрак на открытом воздухе.

Чья-то тень промелькнула около террасы, потом человек свернул к тропинке, ведущей вниз. Царица удивилась, увидя, что это была юная девушка, вероятно, обитательница замка и, судя по шелковой накидке и вышитому покрывалу на голове, из-под которого при лунном свете сверкал золотой обруч, княжна. Но кто она и зачем спешила к скалистой площадке?

Царица не разглядела лица, так как девушка проскользнула мимо, как серна. Может быть, это страдающая от тайных печалей молодая женщина, которая хочет броситься в ущелье? «Не одна же я несчастна на свете», — подумала царица и поспешно направилась к лестнице.

Она хотела позвать прислужниц и послать их вслед за незнакомкой. Но потом, подумав, что этим может ускорить развязку, решила пойти вслед за ней сама. Она быстро спустилась по ступеням и осторожными шагами направилась к площадке.

Несмотря на конец осени, мягкий теплый день сменился приятным вечером. Небо было ясное и звездное. Луна ярким светом озаряла склоны Геха и Гарнийское ущелье, не давая скалам и утесам скрывать в своей тени воды Азата. Ночь была волшебно хороша. Но внимание царицы было всецело поглощено загадочной девушкой, которая скрылась в темноте. Не успела царица дойти до середины тропинки, как до нее донесся шепот.

«Значит, незнакомка не собиралась броситься с обрыва…» Царица замедлила шаги, она поняла, что присутствует при тайном свидании. «Идти вперед или вернуться? — подумала она и остановилась. — Посмотрим все же, кто это и о чем они говорят», — шепнуло на ухо женское любопытство, и царица прошла вперед. Неслышно дойдя до ивы, густые ветви которой скрывали ее от беседующих, Сааканyйш присела на уступ скалы.

Как велико было ее изумление, когда она различила голоса молодого князя Гора и княжны Шаандухт. Они любили друг друга, царица знала об этом; знали и другие обитатели замка. Но царица никак не могла предположить, что они назначают друг другу тайные свидания! Это до такой степени возбудило любопытство Сааканyйш, что она решила подслушать влюбленных. «Вероятно, им надо сообщить друг другу важную тайну», — подумала она.

Мы оставим здесь царицу и познакомимся с княжной Шаандухт. Кто же была эта девушка, имя которой мы упомянули в начале нашего рассказа?

Двоюродная внучка царя, дочь великого князя сюнийского — Васака, Шаандухт после смерти отца вместе со своей матерью-княгиней жила при дворе Ашота Железного. Несколько лет назад халиф, отозвав востикана Юсуфа, назначил наместником подвластных ему армянских областей некоего Нсбука, который был слабее и

покладистее своих предшественников. Востикан Юсуф после казни царя Смбата, захватив крепость Ерынджак, отдал ее вместе с областью Гохтан арабскому эмиру. Когда же на место Юсуфа был назначен Нсбук, сюнийские князья решили, что настал удобный момент освободить свою вотчину. Все четыре брата: Васак, Саак, Смбат и Бабкен, объединившись, напали на эмира. Во время боя сюнийские войска разбили арабов. Но эмир подкупил скифских воинов, которые пришли помочь армянам, и они убили князя Васака. Все три князя сейчас же оставили поле битвы и, взяв тело своего любимого брата, вернулись в Гегаркуник, где и оплакали его великим плачем.

Услыхав эту весть, царь Ашот и царица Сааканyйш глубоко опечалились. Царь, который был к князю Васаку так несправедлив, что даже в свое время заключил его в крепость Каян, страдал еще и от угрызений совести. Он вспомнил все добро, сделанное князем Васаком, его посредничество, благодаря которому он помирился с Ашотом Деспотом, услуги, оказанные им царскому престолу, и свою черную неблагодарность за все это. И царь решил искупить свой грех: он сделал дочь Васака Шаандухт приемной дочерью и вместе с матерью, княгиней Мариам, взял на свое попечение. С тех пор княжна жила во дворце как царевна, а царь и царица любили и лелеяли ее, как родное дитя. Княжну Шаандухт любили и все дворцовые женщины. Но был еще некто, души не чаявший в ней. Это сын Геворга Марзпетуни, князь Гор. Как началась их любовь, никто не знал. Этого не знали даже они сами.

Гор впервые увидел черноглазую, кудрявую, красивую и живую девочку во дворце Еразгаворса, когда ее только что привезли из Сюника. Он полюбил ее как сестру с первой же встречи и так назвал ее. Шаандухт, у которой не было брата, с удовольствием выслушала это нежное обращение и охотно признала своим братом единственного наследника

Марзпетуни, стройного красавца Гора. Они считались названными братом и сестрой и были украшением дворца. Но при дворе, несмотря на их невинную дружбу, предсказывали, что придет день, когда они назовут друг друга более ласковыми и нежными именами. Это предсказание радовало матерей, так как ни княгиня Гоар не могла выбрать лучшей невесты для своего Гора, ни сюнийская княгиня — лучшего жениха для дочери. Но все же никто из них не хотел, чтобы эта страсть разгорелась раньше времени.

Особенно строг был князь Геворг. Он требовал, чтобы его Гор, прежде чем жениться, стал воином, слугой отечества и человеком чести. Поэтому, помимо сурового воспитания, которое он дал сыну, князь заставлял его выполнять службу простого воина. Гор мужественно и без ропота подчинялся всем указаниям отца, как повелению бога. Поэтому он никогда не сидел без дела. Но все же это не помешало юным сердцам сблизиться и убедиться в том, что они созданы друг для друга.

Давно уже их взгляды перестали быть невинными, давно уже в них сверкали искры любви, которые жгли и палили их сердца. Впрочем, во дворце этого не замечали еще. Но когда благодаря злосчастным обстоятельствам царская семья переехала в Гарни, а князь Геворг отправился в У тик, для юной четы настали счастливые дни. Оба они жили сейчас в замке. Несмотря на то что Гор большую часть дня проводил вне крепости, он находил время для посещения дворца. Он часто, без достаточной к тому причины, бывал у царицы или у сюнийской княгини, надеясь встретить там Шаандухт, а когда ему это не удавалось, огорчался. Царица видела эти тайные переживания и молча забавлялась. Иногда она шутя напоминала юноше о Шаандухт. Гор краснел и опускал голову, как стыдливая девушка. Он не осмеливался открыто признаться в своих чувствах.

Вот почему царица так изумилась, когда, дойдя до площадки, узнала голоса Гора и Шаандухт.

О чем беседовали влюбленные?

— У меня подкашивались ноги, когда я шла сюда, — говорила Шаандухт. — Я никогда так не боялась.

— Почему? Разве ты совершила преступление?

— Конечно. Всякое дело, которое совершается тайно, — преступление. Я хотела пройти мимо террасы так, чтобы царица-мать не заметила меня.

— Царица? Разве она в летнем дворце?

— Да. Она сидела на скамье грустная и задумчивая. Почему она так грустит, Гор? Сердце мое сжимается каждый раз, когда я ее вижу.

— Сам не знаю. Говорят, у нее какое-то горе, но его скрывают от нас.

— Никто не скрывает. Что может быть ужаснее, чем слепота отца и брата, смерть несчастной матери…

— Конечно, нет ничего тяжелее.

— И быть может, это — самое ужасное…

«О, как невинны, как счастливы вы, дорогие дети! Только бы вам не знать никогда такого горя…» — прошептала царица, прижимая руку к сердцу.

— Сердце мое ликует, когда вижу тебя, — продолжал Гор. — Самая большая слава не может сравниться с той радостью, какую я испытываю в эту минуту. Но если ты так волнуешься, я готов отказаться от этой встречи.

— Отказаться? Но разве я могу? Разве у меня хватит терпения? С того дня, как ты стал работать в ущельях, я почти не вижу тебя. Ты рано утром уходишь из замка и возвращаешься только вечером. Когда же и где мне видеть тебя? Каждый день я поднимаюсь на башню замка и, стоя там, часами смотрю вниз на ущелье, где ты работаешь вместе с воинами. Я напрягаю зрение, стараюсь увидеть тебя, но еле различаю перо и серебряное украшение на твоем шлеме, которое блестит на солнце. О, как мне хочется

в эти минуты стать птицей и полететь к тебе, чтобы только посмотреть на тебя… отереть рукой твой разгоряченный лоб… Но к тебе летит лишь моя душа, а я остаюсь, запертая в башне, как птичка в клетке… Тяжело, Гор… Говори, почему ты замолчал?

— Говори ты, моя прекрасная Шаандухт, говори только ты! Твой голос приятнее журчания ручья, приятнее, чем утренняя соловьиная песня…

— Я больше не в силах была терпеть. Это очень мучительно, потому и решилась на этот смелый шаг… Прости меня, Гор, если я поступила слишком смело. Ты не знаешь, как много я выстрадала…

— Простить? Разве любить — это преступление? Ты послушалась своего сердца.

— Вот уже несколько дней я вижу, что, возвращаясь из ущелья, ты поднимаешься на скалы и через эту площадку проходишь к нашей башне. В это время я уже бываю в опочивальне и смотрю сквозь узкое окно на тебя.

— И видишь, как я, подняв голову, замедляю шаг…

— Но, к сожалению, окна замка так узки, что высунуть голову невозможно; вот почему у меня возникла дерзкая мысль — дождаться тебя здесь.

— А прислуга?

— Меня никто не видел. Я спустилась по потайной лестнице.

— И пришла сюда одна? О, как ты добра!.. Как я тебя люблю!..

Сказав это, Гор хотел привлечь к себе Шаандухт, но она взяла юношу за обе руки и, нежно отведя их, сказала:

— Нет, мой дорогой. Знатные юноши не так защищают любимых девушек…

— Шаандухт!..

— Мы одни, и ты должен меня защитить от себя.

— О, как ты строга и сурова!

— Я пришла сказать тебе одно только слово, в присутствии других я не смею об этом говорить… И сразу должна вернуться.

— Ах, как бы я хотел, чтобы на твоем пути выросли сейчас горы!

— Одно только слово… Я пришла попросить, чтобы ты перед закатом солнца возвращался домой на час раньше и я могла каждый день с балкона посылать тебе привет.

— И всего лишь?

— Да… до тех пор, пока ты не закончишь свои работы и не вернешься в замок.

— О, они никогда не кончатся, пока Шаандухт в крепости Гарни.

— Не понимаю.

— Я трепещу за тебя, за твою безопасность.

— Так же, как и за всех тех, кто находится сейчас в крепости.

— Нет! О других я думаю иначе, чем о тебе… Да что тут говорить…

— Говори!..

— Моя бесценная княжна! Если вражеские полчища, окружив Гарни, не найдут ни одного выступа, чтоб взобраться на скалы, если под их лестницами и деревянными башнями разверзнется земля, если на врага польются огненные потоки смолы, если арабы месяцами будут осаждать нашу крепость и все же не смогут ее взять, — знай… Гарни стал непобедимым благодаря сюнийской княжне. И многие здесь будут обязаны своей жизнью моей невесте…

— Что это значит, Гор? Я тебя не понимаю.

— Пока ты в Гарни, у Гора нет покоя. Эти могучие горы кажутся мне рыхлыми, выстроенные Трдатом мощные стены — хрупкими, наши глубокие ущелья — долинами, доступными каждому. Количество крепостных войск мне представляется ничтожным, храбрость воинов недостаточной, начальник крепости — бездеятельным. Вот почему я не имею покоя ни днем, ни ночью, работаю сам и заставляю трудиться других. Мысль, что Шаандухт находится в Гарни и что надо защитить ее драгоценную жизнь, наполняет меня мужеством. Когда я на рассвете выхожу из крепости, я чувствую в себе какую-то непобедимую силу, неиссякаемую энергию. Я прихожу к месту работ гораздо раньше остальных. Проверяю, исследую все лазейки, которыми может воспользоваться враг, и стараюсь превратить каждую из них в рвы и пропасти. Мне хочется вдвойне укрепить стены Гарни, еще выше поднять бастионы и башни, чтобы сделать их совсем недосягаемыми. Если ты обойдешь нашу крепость и сторожевые посты, то увидишь, как много сделано для их укрепления. И все это для тебя, моя бесценная, моя прекрасная Шаандухт!

Сказав это, юноша взял руку любимой девушки и с благоговением прижал к своим устам.

Она не противилась.

«Только для тебя… бесценная Шаандухт». О, как вы счастливы… — прошептала царица, и слезы покатились по ее бледному лицу.

— Но почему только для меня? Ведь в замке живет царица, наши матери, другие княгини и княжны. Наконец, в Гарни так много народу… — заметила княжна улыбаясь.

— Да, жизнь их всех мне дорога. Даже последняя крестьянка, как родная сестра, имеет право на мою защиту, но никто не может вложить в мою душу той силы, которая делает меня непобедимым. Это то, что превращает простого смертного в героя, а воина в богатыря. Для моей царицы я могу быть самоотверженным подданным, для родины — бесстрашным воином. Но для тебя… не знаю, как назвать себя… Для тебя я не пожертвую собой. Нет, конечно, пожертвую, даже душу предам геенне, если это надо… Но я не могу умереть, потому что должен жить, чтобы защищать и оберегать тебя. Мне кажется, что даже полчища арабов не могут вырвать тебя из моих объятий. Когда я думаю, что Шаандухт здесь, в Гарни, и что она надеется на мою защиту, — львиная сила рождается в моем сердце. Мне кажется, я разрушу все препятствия, раскрошу скалы и утесы, если осмелятся запретить мне защищать тебя. Да, я хочу жить только для тебя и люблю всех только ради тебя.

— Только ради меня? О Гор, я не хочу, чтобы ты так говорил. Неужели ты был бы каким-нибудь жалким созданием, если б меня не было?..

— Ах, нет, я не то хотел сказать…

— А что?

— Я хотел сказать, что твоя любовь удваивает во мне и желание жить, и бесстрашие, и силу сердца, и любовь к братьям своим и к родине. Когда я думаю о тебе, мир становится светлее, солнце пламенней, луна ярче… Ты для меня все: и жизнь, и богатство, и сила, и слава…

— О, довольно!.. Больше я не хочу слушать… Какой злой дух привел меня сюда, чтобы растравлять мои раны?.. — прошептала царица и, поднявшись с места, тихими шагами направилась к дворцу. Оттуда одна, без прислужниц, она прошла в замок и заперлась в своей опочивальне.

Немного погодя расстались и влюбленные. Гор обещал своей невесте исполнить ее просьбу и возвращаться в замок до заката солнца.

На царицу эта встреча произвела сильное впечатление. Вновь с мучительной силой проснулись в ней страдания. Речи влюбленных продолжали звучать в ее ушах. Ей все казалось, что она сидит под ивой и слушает их.

Она шептала слова любви, которые говорили Гор и Шаандухт.

— Живите, живите друг для друга, счастливые дети, живите, ибо вы любите нежно, ибо десница господня осеняет вашу любовь… — говорила она сама с собой. — Увы… мне казалось, что нет больше любви, что она увяла, иссохла во всех сердцах, как те деревья, которые высушил, зной и не орошает ручей, не кропит роса в засуху. Так случилось с моей любовью, она высохла, омертвела… Что оставалось мне делать, как не отсечь и предать ее огню? Но вот на этом высохшем дереве я вижу зеленый побег с ветвями и листиками… Как быть? Неужели срезать и сжечь его… вместе с сухим деревом?.. О нет! Пусть живет он и крепнет, пусть его ласкает солнце и поит ручей, пусть засуха своим ядовитым дыханием никогда не коснется его.

Пусть он растет и зеленеет; быть может, под его сенью будут жить и крепнуть другие побеги любви. Да, любовь не умерла в мире… Но почему же тогда все как один хотят задушить это чувство в моем истерзанном сердце? Почему удивляются, что я думаю только о ***нем?*** Почему все глумятся, когда я свою жизнь вижу в нем одном, почему все хотят, чтоб солнце моего мира затмилось?.. Что мне остается после этого, как не отчаяние? И отчаяние уже овладело мной… Вот я отдалилась от остального мира и приютилась в этих горах. Молчание и одиночество — мои единственные друзья, безделие — мое единственное занятие… Что со мною, о боже?.. Меня ничто не интересует, ничто не греет моего сердца… Враг дошел до моих дверей, и это меня не ужасает. Я смотрю на мир как из гроба… Разве это жизнь?..

Сааканyйш глубоко вздохнула.

— Не так я жила, пока он любил меня… — прошептала она и умолкла.

Ее взгляд упал на окно, через которое виднелись склоны Геха, освещенные луной. Снова вспомнила она влюбленных, их беседу, слова любви Шаандухт, воодушевление Гора. Она ощутила в себе прилив юности: ведь она молода, и если б не печали, которые состарили ее сердце…

«Нет, так не должно продолжаться! Надо жить, хотя бы для других! Кто дал мне право лишать Шаандухт нежных услад любви или юношу Гора благ мира? Они любят и счастливы… Почему не помочь, чтобы их счастье длилось долго, долго?.. Они наши любимцы, наши дети… Да разве они одни? Сколько кругом таких же людей, которые хотят жить и наслаждаться жизнью. За что лишать их этого счастья? Мы судим по себе. Из-за наших личных печалей мы отвернулись от всех. Царь сидит в Какаваберде, я заперлась

в замке. «Пусть враг делает что хочет, пусть он громит и сокрушает все кругом. Но это же преступление, достойное небесного проклятья…»

Эти мысли так взволновали царицу, что она даже забыла о своем горе. Незнакомое воодушевление вдруг овладело ею; она решила посвятить себя защите родины. Как она должна поступить, она сама еще не знала. Царица задумалась… Вдруг лицо ее просветлело, и прекрасные уста озарились радостной улыбкой.

«Я поеду к Ашоту, согрею его в своих объятиях, воспламеню его своим дыханием. Напомню ему наше прошлое, напомню победы и славу… Я увезу его из Какаваберда и верну в столицу. Он снова станет во главе армянских храбрецов, громовой голос его навеет ужас на врага… Пусть тогда под сенью мира взойдут побеги любви. Пусть юные сердца нашей страны вкусят их сладкие плоды. Решено. Я поеду! Кто меня может остановить? Каждый человек живет для какой-нибудь благой цели. Князь Марзпетуни воодушевлен любовью к родине. Он трудится для сохранения нерушимости престола, для благоденствия народа. Гор вдохновлен любовью к Шаандухт, а меня пусть воодушевит судьба Гора и Шаандухт. Я буду жить для сердец, которые любят и не хотят лишаться любви…»

И, встав с места, царица позвала прислужниц.

— Пришлите сюда Седу, — приказала она.

Вошла кормилица.

— Седа, будь готова, мы завтра должны уехать.

— Куда, преславная царица? — удивленно спросила кормилица.

— В Какаваберд.

— В Какаваберд? К государю?

— Да.

— Почему, царица?

— Как почему? Я еду к своему супругу и государю. Разве это тебя удивляет?

— Нисколько, моя царица. Бог да благословит твое желание и твой путь. Я хотела только спросить, почему так неожиданно?

— У нас будет еще много времени для разговоров.

— Что прикажешь теперь?

— Распорядись, чтобы рано утром были готовы носилки с парой мулов. С нами поедут только две прислужницы и двое слуг. Телохранители пусть выедут из крепости на час раньше и подождут нас на дороге. Все необходимые распоряжения по замку я передам княгине Гоар. В крепости, кроме начальника, никто не должен знать о моем отъезде.

Седа поклонилась и вышла.

4. Взятие Бюракана

Заря только еще занималась, когда братия Севанского монастыря после утренней службы оставила храм св. Апостолов и разошлась по кельям, расположенным на холме. Католикос Иоанн, прибывший на Севан четыре дня тому назад, находился в церкви. После богослужения, вместо того чтобы вернуться в свои покои, он с епископом Сааком поднялся на вершину холма. Несмотря на холод, ему хотелось полюбоваться восходом солнца: вид с острова был великолепен.

Католикос остановился перед древнейшей церковью Севана — храмом св. Воскресения. Синее озеро, окружавшее остров, было спокойно и прозрачно, как кристалл. По водной глади в разных направлениях тянулись длинные ленты, поминутно менявшие свой цвет и форму. Из-за Айцемнасара брызнули первые солнечные лучи, и блестящий диск, как огненный сосуд, начал подниматься над горизонтом. Его живительные лучи озолотили прибрежные горы, холмы на острове, скалы и лишенные зелени равнины. Но самую чудесную картину представляло озеро Гегама. Темная синева его постепенно переходила в голубой цвет. Поверхность воды то серебрилась, то загоралась ярко-красным цветом, и тысячи мелких волн, поднятые ветерком, вспыхивали на солнце, как алмазы или мерцающие звезды.

Патриарх с восхищением смотрел на эту картину.

— Как хороша, как чудесна наша страна! — воскликнул он. — Почему мы не можем жить в покое? Почему несправедливая судьба преследует нас?..

И он унесся мыслью к тем временам, когда этими местами еще владел патриарх Гегам со своими сыновьями, родичами и приближенными; тогда здесь слышалась только родная речь, люди не страдали под чужеземным игом. Он вспомнил то счастливое время, когда могущественный Трдат правил всей страной. А ныне?.. Озеро и остров были поместьем сюнийских князей, которые находились под покровительством армянского царя. Но если арабы окружат остров, если их дикие полчища ворвутся в монастырь, разграбят его святыни, истребят духовенство, возьмут в плен католикоса, — кто сможет устоять перед ними?..

Эти мысли не давали покоя католикосу.

— Неужели мы и здесь не в безопасности? — обратился он к епископу.

— В безопасности, доколь десница господня осеняет нас, — ответил тот.

— Но осеняет ли?

— Нам, смертным, это неизвестно. Можно только надеяться, что среди многочисленной братии найдутся безгрешные, благодаря которым господь избавит нас от бед.

«Если найдутся там десять, не погублю и десяти ради», — так сказал ангел божий Аврааму, когда шел разрушать Содом. Но найдутся ли среди нас десять праведников?..

Не успел патриарх произнести последние слова, как со стороны Цамакаберда показался плот, плывущий к острову.

— Кто это пожаловал к нам в такую рань? — спросил католикос.

— Вероятно, богомольцы.

Но католикос, которого беспокоило любое движение вокруг острова, сейчас же вернулся в свои покои, поручив епископу выяснить, кто едет.

Через полчаса служитель патриарших покоев в Двине, диакон Теодорос, был принят католикосом. Он сообщил, что военачальник Бешир с большим войском идет на Севан.

Католикос побледнел.

— И здесь нет мне покоя? — воскликнул испуганно он и, обратившись к епископу Сааку, сказал:

— Видишь, владыка? Значит, среди нас нет даже и десяти праведников!

— Может быть. Но мне кажется, что бог губит праведника вместе с нечестивым, как говорил Авраам.

— Кто же этот нечестивец?

— Как знать? Быть может, тот, кто считает себя праведником. Быть может, все эти бедствия ниспосланы на нас из-за какого-нибудь Онана[17].

— Но кто же этот Онан? Где он, скажи, и мы бросим его в озеро. Быть может, этим мы смирим гнев господен.

Епископ не ответил.

— Почему ты замолчал, владыка? — спросил католикос.

— Где этот Онан и кто он — мне неизвестно. Каждый человек, оглянувшись на свои деяния, может сказать, далек ли он от того, чтоб стать Онаном. Но я знаю одно: католикос должен удалиться с Севана, чтобы участь айриванских отцов не постигла и здешнее духовенство.

Католикос понял епископа и глубоко вздохнул.

— Значит, в моей стране нет угла, где бы я мог приклонить голову, — промолвил он и, обращаясь к диакону, спросил: — Что говорят обо мне в Двине?

— Твое решение, святейший владыка, никто не считает неблагоразумным, но говорят, что если бы ты оставался в своем престольном городе, востикан не осмелился бы тебя преследовать.

— В моем престольном городе? Хорошо. Через два дня я буду там. За два дня мы доедем, как ты думаешь, владыка? — обратился патриарх к епископу.

— В Двин?

— Нет, в крепость Бюракан. Это ведь тоже мой престольный город. Недалеко оттуда и кафедральный собор. Востикан знает, что Бюракан мое поместье, у меня там церковь и замок, где я провожу большую часть года.

— Мы можем прибыть в Бюракан через два дня.

— Тогда отправимся сегодня же. Пошлите гонца в Двин с сообщением, что католикос выехал из Севана. И враг оставит вас в покое.

В тот же день вечером католикос со своими приближенными выехал из Севана в крепость Бюракан. А через несколько дней посланцы католикоса вручили Нсыру послание патриарха и ценные дары. Католикос поздравлял востикана с прибытием и молился за его удачи. Делая ему подношения, он просил у востикана охранную грамоту для себя и своего престола. Так посоветовали католикосу монахи, находящиеся в Бюракане.

Этот шаг увенчался успехом. Востикан, умилостивленный не столько посланием католикоса, сколько дарами, вручил патриарху охранную грамоту, разрешив ему находиться, где он пожелает. Зная, что слово и грамота магометанского эмира не обеспечат ему безопасности в Двине, католикос выбрал себе для жительства поместье Бюракан. Но Бешир разгневался, когда он получил приказ Нсыра оставить в покое армянского католикоса. Он понял, что причиной «дружбы» Нсыра с католикосом были поднесенные востикану дары. Ему хотелось заполучить и свою долю.

Вернувшись с пустыми руками из Айриванка, Бешир решил во что бы то ни стало отомстить католикосу. Не зная, как ему быть, он обратился к главе арабского духовенства в Двине, который имел большое влияние на

востикана. Тот обещал уничтожить грамоту Нсыра и снова вернуть Беширу право мести.

В то время как в Двине были озабочены происходящими переговорами, а армянский католикос мирно проводил зиму в Бюракане, сепух Ваграм и князь Марзпетуни ездили из крепости в крепость, от замка к замку. Но их апостольство проходило бесплодно, их увещевания не приносили желанных результатов. Агдзинский князь обещал дать свои войска царю в том случае, если его примеру последуют спарапет Ашот и царский брат Абас. Могский князь ставил условием, кроме них, участие царя Васпуракана. Ашот Деспот обещал вступить в союз, если царской грамотой к его княжеству присоединят пять араратских областей. Царский брат Абас не хотел участвовать в союзе, который будет воевать под знаменами Ашота Железного. По его мнению, Ашот был уже бессилен. Надо было препроводить его отдыхать в какую-нибудь крепость, а престол вручить законному наследнику, то есть самому Абасу. «Тогда, — говорил он, — не будет надобности в том, чтобы князь Геворг и сепух Ваграм выпрашивали войско у князей и старались бы их объединить. К храброму царю присоединятся все храбрецы».

Эти переговоры длились бесконечно. Прошли осень и зима, наступила весна. Однако князья-посредники не достигли цели. Зато, как ни упрям был востикан, глава правоверных все же убедил его, что он нанес большое оскорбление магометанской религии, вручив охранную грамоту армянскому католикосу.

«Бог дал тебе меч, чтобы ты распространял религию Мухаммеда среди неверующих и уничтожал ее противников. А ты покровительствуешь врагу нашей веры, хулителю Мухаммеда, человеку, не чтящему священный Коран».

Подобные разговоры продолжались до тех пор, пока они то ли убедили востикана, то ли надоели ему. Он отдал приказ Беширу снова преследовать католикоса, взять его в плен и доставить в Двин. Бешир только этого и ждал; в Двине за зиму он устал от безделья. Приказ востикана пришел к нему в первые весенние дни. Беширу оставалось только собрать войско и двинуться в Бюракан. Он так и сделал. В несколько дней он собрал большое войско и направился к седому Арагацу[18].

Было начало весны. Несмотря на то, что Арагац, гору Ара и даже Ераблур еще покрывал снег, Анбердская область уже зеленела. Ее прекрасные поля и долины, горные высоты и склоны пестрели чудесными цветами. С гор сбегали полноводные ручьи, течение рек стало быстрее, забили ключи. Пастухи, простившись с зимним покоем, поднимались на склоны Арагаца, чтобы на его прохладных пастбищах пасти свои стада. В Араратской долине крестьяне уже принялись за полевые работы.

Вдруг из столицы пришло известие, что большое арабское войско идет на Анберд. Ужас охватил людей.

Католикос тем временем жил спокойно, занятый заботами по благоустройству своего поместья. После его приезда в Бюракан начало стекаться население. Здесь нашли себе приют не только люди духовного звания, но и миряне.

Стояло прекрасное апрельское утро. С террасы своего замка католикос любовался дивными окрестностями. На севере простирался четырехглавый Арагац с живописными склонами и горными речками; на северо-востоке возвышалась гора Ара. С запада горизонт закрывали снежные вершины Бардога, а с юга тянулась долина, которая, начинаясь у подножья Ераблура, пересекала реку Касах и доходила до самого Масиса[19].

В этой долине были разбросаны многочисленные села и деревни, среди которых выделялся живописный Ошакан, хранивший останки второго армянского просветителя святого Месропа. Немного дальше находились: мать городов Вагаршапат, а близ него — царица церквей армянских первопрестольный Эчмиадзин, монастырь святой Гаянэ, храм девственницы Марианэ — Шогакат, и, наконец, великолепная гробница прекрасной Рипсимэ[20], отвергшей любовь могущественного царя. Над этой широкой равниной, как грозный и непобедимый властелин, высился величественный Масис с белоснежной главой, покрытой вечным снегом и льдом.

Вид прекрасных окрестностей всегда внушал католикосу возвышенные мысли, но сегодня они казались ему особенно привлекательными. Он был доволен, что выбрал для своего поместья такое прекрасное место; он собирался увеличить число братии в обители, воздвигнуть новые постройки и укрепить бастионы.

В это время прибыл гонец.

«Бешир идет!»

Ужасная весть с быстротой молнии облетела всю крепость. Ворота с шумом закрылись. Воины крепости и мужчины, способные носить оружие, были приведены в боевую готовность, не исключая и молодых монахов. Но разве можно было с такими слабыми силами противостоять арабам? Вести, прибывавшие одна за другой, подтверждали, что Бешир идет не для взятия Бюракана, а за католикосом. Опять возник вопрос об отъезде патриарха. Те из приближенных, которые боялись за свою жизнь, советовали ему уехать из Бюракана. Но епископ Саак, монах Мовсес и старейшие члены местной братии воспротивились этому.

«Из-за одного человека нельзя подвергать опасности всю братию, — говорили они. — Католикос везде найдет себе пристанище, но его бегство каждый раз является причиной гибели многих людей. Если бог уготовил ему смерть, он без колебания должен ее принять. Где бы он ни укрылся, смерть настигнет его. Если же ему не суждено умереть, то и Бешир ничего сделать с ним не сможет».

Но эти разговоры не успокоили католикоса и его приближенных. Состоялся тайный совет, решивший участь Бюракана. На совете католикоса убедили уехать в Багаран, к спарапету Ашоту. Спарапет имел большое войско и пользовался расположением востикана. Вверившись ему, католикос мог считать себя в безопасности. Когда католикос сообщил епископу Сааку о своем решении и предложил ему «избежать гнева господня» вместе с ним, епископ ответил:

— Я не покину свой народ. Когда он будет воевать, я буду молиться. Если он погибнет — погибну вместе с ним.

Такое же решение приняли монах Мовсес, диакон Теодорос, два брата священника — Мовсес и Давид со своим братом мирянином Саркисом и некоторые другие. Однако той же ночью католикос со своими приближенными уехал в Багаран.

На следующее утро защитники Бюракана заметили какой-то отряд, двигавшийся по направлению к крепости. Решив, что это передовой отряд неприятеля, монахи в смятении бросились к бастионам, но немного погодя они узнали знамена столичных полков и чрезвычайно обрадовались, хотя никто не мог определить, какому именно князю принадлежал отряд. Когда отряд дошел до стен Бюракана, оказалось, что он состоит из нескольких сот воинов, но не имеет ни начальника, ни вождя. Его вел какой-то человек во власянице со знаменем в руке.

Открыли ворота, чтобы впустить прибывших на подмогу, и епископ Саак подошел к знаменосцу:

— Что я вижу, отец Соломон? Отшельник стал воином?

— Да, владыка, войско, защищающее церковь, должен вести отшельник, — отметил человек во власянице и рассказал историю своего отряда.

Отшельник Соломон был армянским священником, изгнанным в Сагастан. Вернувшись на родину, он проживал в монастырях. Услыхав о резне в Айриванке и о преследованиях католикоса, он решил помочь братьям-мирянам. Странствуя из села в село, он убеждал народ взяться за оружие и самому защищать себя, раз князья не желают воевать. К отшельнику присоединилось несколько вольных воинов, из которых постепенно организовался отряд. Они приходили на помощь крестьянам, когда на них нападал враг. Едва распространился слух, что Бешир идет на Бюракан и хочет взять в плен католикоса, отшельник предложил отряду поспешить на помощь патриарху. Это предложение было принято с радостью. Воины сказали: «До сих пор мы воевали за князей нашей страны, теперь же будем воевать за князя церкви», — и во главе с отшельником направились в Бюракан.

Прибывшие выразили желание, чтобы католикос вышел и благословил их. Но как опечалился отец Соломон, когда епископ Саак сообщил ему, что католикос уехал в Багаран.

— Мой отряд разбежится, узнав об этом, — сказал он епископу. — Они пришли сюда защищать католикоса. Если им объявить, что он, спасая собственную особу, бросил братию, они уйдут обратно.

— Что же нам делать? Мы очень нуждаемся в помощи твоих воинов.

— Надо им сказать, что католикос болен и не может выйти. Эта невинная ложь спасет нас.

— Нет, отец Соломон. Всякая ложь — грех, и за всякий грех следует наказание, — заметил епископ. — Я не могу обмануть благочестивое воинство. Лучше скажем им правду, а нашу защиту оставим на их совести.

— Это все равно что своими руками сдать Бюракан врагу.

— Что же нам делать? — растерянно спросил епископ.

— У нас нет другого выхода. Этот грех я беру на свою душу, — сказал отшельник.

Выйдя во двор замка, он объявил воинам, что католикос болен и через него шлет им свое благословение. Многие решили, что католикос заболел от волнений. Это придало им еще больше решимости. В тот же день все находившиеся в крепости войска были приведены в боевой порядок.

Воинов разбили на несколько отрядов и расставили в разных пунктах: кого на башнях, кого на стенах, часть за воротами и в тайниках. Командование над местным войском взял на себя диакон Теодорос, который был опытным воином, а над вновь прибывшими — отшельник Соломон.

Все уже было готово, когда появился противник. Он шел со стороны Вагаршапата. Воины немедленно заняли свои места. Епископ Саак приказал, чтобы духовенство, не носившее оружия, собралось в церкви ко всенощной. Все время, пока длится осада крепости, будет продолжаться служба. По звуку колокола церковь наполнилась молящимися. Здесь были монахи и самые беспомощные из женщин и стариков. Службу совершал сам епископ.

Вражеское войско, приблизившись к крепости, сейчас же пошло на приступ. Бешир, думая, что католикос находится в крепости и беззащитен, решил неожиданным ударом устрашить патриарха и заставить его сдаться. Надменный араб считал лишним вести переговоры. Он считал себя вправе взять в плен католикоса, как последнего раба. Велико же было изумление Бешира, когда он увидел, что в Бюракане его встречают иначе, чем в Айриванке. Со стен и башен полетел град стрел. Сотни копий и дротиков пронзили груди и спины его воинов. Это было еще не все. С башни, возвышавшейся над воротами, полились на арабов потоки кипящей смолы. Многих сожгло тут же на месте.

— Значит, мы имеем дело не с беззащитным католикосом, а с вооруженной крепостью? — сказал Бешир своим приближенным. — Отступим, разобьем лагерь и подготовимся к настоящему бою.

Он велел трубить сигнал к отступлению, и войско отошло от стен. В крепости раздались радостные крики. Армяне, взобравшись на стены, стали насмехаться над арабами, обзывая их трусами и паршивыми вояками.

Враг безмолвствовал. В тот же день вечером на стенах Бюракана зажглись сотни огней. Войско и народ ликовали. Но в лагере противника были заняты другим. Мастера готовили тараны, баллисты и другие стенобитные машины. Строили черепаху и передвижную башню. Воины изготовляли лестницы. Бешир лично наблюдал за этими работами. На следующее утро из крепости заметили, что враг за одну ночь сильно укрепился.

В крепости тем временем тоже готовились к обороне. Прежде всего были увеличены запасы горючего. Под стенами пробиты проходы, через которые можно было поджечь черепаху и разрушить передвижную башню. Кузнецы занялись ковкой железных крюков. Женщины

готовили тряпичные шары и обмакивали их в смолу и кипящее сало. Воины все это перетаскивали на стены и башни.

Через три дня враг снова подошел к стенам крепости. Воины передвигали на полозьях широкую плоскую черепаху, катили на колесах трехэтажную башню, тащили тараны, баллисты и бурдюки с водой для тушения огня.

В это время в бюраканской церкви епископ Саак служил торжественную обедню. Вместе с народом в церкви находилось и войско. Отсутствовали только караульные, которые охраняли крепостные ворота и следили за продвижением противника.

Перед тем как причастить воинов, епископ Саак сказал им с амвона:

— Четыреста семьдесят лет тому назад, о мои возлюбленные чада, храбрецы Вардана[21] приготовились воевать с врагом. Они, так же как и вы, обратились за помощью к богу. Они, так же как и вы, воевали не из-за мирской славы, а за освобождение отечества и церкви. Ныне, как и тогда, враг захотел отнять свободу и сделать рабами армянский народ. Храбрецы Вардана этого не допустили. «Лучше умереть свободными, чем жить рабами», — сказали они и вступили в бой с врагом, который был вдвое сильнее их. «Не побоимся числа язычников и грозного меча смертных, — говорил Вардан своим воинам. — Если бог нам поможет, мы их уничтожим, и правда восторжествует, а если настал час нашей смерти, то лучше умереть в священной битве».

Они бились храбро, уничтожили множество врагов и сами пали смертью храбрых с мечом в руке и ранами в груди… Но их имена сохранились до сих пор в нашей памяти и останутся бессмертными в веках. Кто бы знал о

Варданах, если бы они из трусости остались жить? Ведь до них и после них жили миллионы людей, а разве их имена помнят? Храбрецов же Вардана не забывают, потому что они сражались и умирали за самое святое дело — за освобождение родины. Уподобьтесь Варданам. Вы, как и они, приготовились защищать свободу церкви и родины. И вы заслужите вечную славу. Не бойтесь врага. Ваше дело правое, и война ваша справедливая, а бог помогает правым. Если же вас настигнет смерть, примите ее с радостью, ибо в небесах вы унаследуете вечную жизнь, а на земле бессмертное имя.

Потом епископ, совершив евхаристию, встал перед алтарем с чашей святого причастия в руке, и воины начали причащаться. За ними последовали все, от мала до велика. Народ готовился к смертному бою.

Спустя немного времени воины поднялись на стены и бастионы. К полудню передовые вражеские отряды окружили крепость и начали метать стрелы. Со стен ответили тем же. Потом постепенно подошли регулярные полки, вооруженные щитами. Некоторое время противники пускали друг в друга стрелы. Но вот подтащили к стене таран. Это было огромное бревно, висевшее на тяжелых цепях под подвижным прикрытием, укрепленным на колесах. К концу тарана было приделано железное острие. Десятки людей оттягивали бревно назад и отпускали его. Железное острие ударялось о стену. Таким образом старались расшатать камни. С другой стороны подкатывали баллисты, натянутые бычьими жилами. В них клали огромные камни, которые с чудовищной силой ударялись о стены. Вокруг стенобитных машин сновали многочисленные воины.

Лишь только первый таран ударил о крепость, со стен полились потоки горящей смолы и полетели пропитанные нефтью снопы сена. Они подожгли прикрытие тарана.

Несмотря на то, что арабы потушили пожар водой из бурдюков, все же пламя сожгло прикрытие, и испорченный таран свалился на землю. Его заменил другой, прикрытие которого было защищено мокрым войлоком и сыромятной кожей. Но армяне справились и с ним.

Против баллист у осажденных было только одно средство: они спускали со стен на канатах огромные снопы сена, при соприкосновении с которыми камни баллисты теряли силу своего удара и делались безопасными. Но враг длинными факелами поджигал сено. Тогда осажденные, обрезая канат, сбрасывали горящее сено и заменяли его другим.

В то время как противник старался своими машинами разрушить стены и башни, смельчаки приставляли к стенам и башням лестницы и старались по ним взобраться наверх. Со щитами над головой и мечами в руках они с удивительной ловкостью карабкались по лестницам, стараясь прорваться в крепость. Но армянские воины не дремали. Длинными железными шестами, копьями и дротиками они отталкивали и сбрасывали нападающих вниз или, вонзая в их тела зубчатые крюки, тащили их вверх и беспощадно умерщвляли. Ни одна из сторон не уступала другой. Стрелы градом летели сверху вниз и снизу вверх. Копья и дротики сверкали в воздухе, лестницы разбивались, пики крошились, щиты ломались. Огромное пламя охватило крепость. Бешир, видя, что сопротивление бюраканцев грозит большими потерями войску, приказал отступить. Под стенами валялось множество убитых. Противник до вечера подбирал их. Трупы закопали в общей могиле.

Бешир от ярости скрежетал зубами, но ничего не мог поделать: осажденные героически защищались. Он решил было оставить мысль о взятии Бюракана и предложить католикосу мирные переговоры. Бешир был уверен, что

патриарх находится в крепости и что рано или поздно он овладеет крепостью и возьмет католикоса в плен. Но, боясь, что осажденные могут не принять его предложения, высмеять и оскорбить его, отказался от этой мысли.

— Я возьму силой оружия эту крепость и сравняю ее с землей! — И он приказал войскам приготовиться к новому приступу.

На следующее утро, еще до рассвета, Бешир со своими полками снова двинулся на крепость. Стрелки и тараны начали свое дело. Кроме того, осажденные заметили, что арабы стали двигать к стенам деревянную башню и черепаху. Бюраканцев беспокоила мысль, что орудия могут придвинуть не к тем местам, где устроена ловушка. Поэтому в этот день, как и накануне, армяне-воины нарочно оставили эти места незащищенными. Противник решил, что на этих участках стена с внутренней стороны не имеет выступов, а потому воинов там нет. Скоро трехэтажная башня, покачиваясь на колесах, стала почти вплотную к стене. Радость осажденных была неописуема. Башня двигалась как раз к тому месту, под которое был подведен подкоп, скрытый дощатым настилом. Этот настил держался изнутри на подпорках. Под ним были сложены хворост и сено, залитые нефтью.

Надежды осажденных сбылись. Деревянную башню установили как раз над настилом. Воины-арабы, находившиеся в нижнем этаже башни, топорами и ломами подкапывали основания стены, другие со второго этажа небольшими таранами разрушали края. Арабов защищал от стрел осажденных обитый сыромятной кожей дощатый щит, переброшенный с верхнего этажа башни на стену. Большой отряд армянских воинов тотчас подоспел к этому месту. Враг собирался перекинуть железный мост на стену. Вспыхнула отчаянная борьба. Копья поражали, клыкастые пики сцеплялись друг с другом, но ни одна из сторон не

уступала. Мост из железных брусьев с высоты башни, скрипя, опустился на стену. Арабы друг за другом побежали через него. Здесь, на стене, закипел бой.

Осажденные героически сопротивлялись. Крошились копья, ломались щиты, сверкали и летели в разные стороны мечи, воины падали вниз с моста и стен. Павших арабов все время сменяли новые. Они с дьявольской ловкостью взбирались вверх с нижнего этажа. Между тем количество армян все уменьшалось. Сражавшиеся в других пунктах не могли прийти к ним на помощь: у каждого отряда были свои противники. Но все же эти малочисленные храбрецы отчаянно бились, удивляясь и возмущаясь, что башня все еще стоит на месте. Еще немного, и армяне вынуждены были бы сдаться, а арабы ворвались бы в крепость, но вдруг раздался грохот, и деревянная башня, качаясь, как гигантский корабль на волнах, начала оседать. Это сломался наконец дощатый настил, верхний этаж башни рухнул, а нижние охватило пламя. Хотя отряд огнегасителей сейчас же окружил горящую башню и стал поливать ее водой из козьих бурдюков, все же погасить пламя не удалось. Огненные языки, беспрестанно поднимаясь снизу, в течение получаса превратили башню в пепел вместе с оружием и воинами.

Такая же участь постигла и черепаху, которую подвели к главной крепостной башне. Это был широкий четырехугольный настил из досок, укрепленный на высоте нескольких локтей на восьми больших колесах и обитый со всех сторон сыромятной кожей, предохраняющей его от пожара. Когда черепаха подползла к стене, под настил забралось несколько десятков людей, которые начали кирками и ломами разрушать фундамент крепостной стены. Но как только арабы пробили в стене маленькую брешь, бюраканцы насыпали туда огромное количество опилок, залитых нефтью. Жидкость, просочившись,

собралась под черепахой. Затем армянские воины подожгли нефть у самого отверстия. Пламя проникло под черепаху. Арабы бросились бежать, многие сгорели, а черепаха осталась стоять, объятая пламенем. С башни полетел град стрел на смельчаков, которые с крюками на веревках подходили к черепахе, чтоб спасти ее от огня. Это им не удалось, и черепаха вскоре превратилась в груду пепла.

Ярости военачальника арабов не было границ. Верхом на коне, с мечом в руке, он метался из стороны в сторону, грозными криками ободряя воинов. Он приводил в пример армян, пытаясь поднять боевой дух своего войска. Но все было тщетно. Стрелы и огонь нанесли войску арабов огромный урон. Многие в страхе бежали. Угрозы и приказания начальника не возымели действия.

Наконец после нескольких часов отчаянного боя Бешир приказал войску отступить и вернуться в лагерь. Так и сделали. Вслед понеслись радостные возгласы и насмешки бюраканцев. В эту ночь вражеский лагерь был в трауре. Между тем Бюракан, освещенный факелами и светильниками, праздновал победу.

Два дня враг не наступал и готовился к новым боям. В последующие дни он пробовал несколько раз наступать, но каждый раз с большими потерями отходил назад. Так прошло семь дней. На восьмой день Бешир уже собирался снять осаду, как вдруг неожиданный случай повернул колесо судьбы.

Двое воинов из отряда отшельника, находившиеся в карауле, заспорили со стражами патриарших покоев. Спор перешел в драку. Бюраканцы побили караульных. Тогда, не слушая просьб и увещеваний своего начальника, пострадавшие пошли в замок, чтоб пожаловаться католикосу. Епископ Саак встретил их и постарался

успокоить. Но воины остались непреклонны. Они хотели видеть католикоса. В конце концов епископ вынужден был сказать им, что католикос уехал из Бюракана. Воины застыли на месте.

— Как?! Значит, мы защищали не его святейшество, а каких-то жалких бюраканцев? — возмутились они и, не слушая увещеваний, вернулись на свои посты.

В тот же вечер они задумали черное дело.

— Католикос бежал в Багаран, оставив народ во власти врага. Правое ли это дело? — спросил один из воинов у другого.

— Конечно нет.

— Ради чего же мы подвергаем себя смертельной опасности? Бешир рано или поздно возьмет Бюракан и всех нас предаст мечу. Если католикос, отец и защитник народа, бросает паству и спасается бегством, почему мы не можем последовать его примеру? Кто будет содержать наших жен и детей, если нас убьют?

— Что же нам делать? Бежать? — спросил его товарищ.

— Мы можем отомстить тем, кто нас обидел. Этой ночью я пойду к Беширу.

— И что же?

— Поговорю с ним. Если он согласится дать нам по сотне золотых и по сто нив земли в области Востан, мы сдадим ему крепость.

Глаза второго загорелись радостью. Несчастие братьев не тронуло сердце предателя.

Так они и сделали.

Поздней ночью арабская труба зазвучала в крепости.

Крепость отдыхала, не подозревая, что побежденный противник осмелится подойти вновь. Вдруг послышались отовсюду шум и крики. Арабы начали резню. Несмотря на то что армяне сейчас же бросились к оружию, несмотря на то что диакон Теодорос и отшельник Соломон с мечами в руках выступили вперед, ободряя воинов, все же их сопротивление не сломило врага, который все прибывал и прибывал. Большие крепостные ворота были открыты. Отряд за отрядом входил в крепость.

Прошло несколько часов… Крепость была залита кровью. Улицы и дома были завалены трупами. Почти все, кто был в крепости, были умерщвлены, хотя каждый армянский воин перед смертью убивал нескольких арабов.

В тот миг, когда опьяненные кровью злодеи ворвались в церковь, епископ Саак служил молебен. Его окружали старые монахи, беззащитные женщины и дряхлые старики. Молитвы и мольбы, плач и вопли, смешавшись воедино, сотрясали храм. Арабы окружили их с обнаженными саблями в руках.

Однако ни блеск мечей, ни угрозы палачей не испугали молящихся мучеников. Казалось, они к этому были готовы. Часть народа выбежала из церкви, другая осталась на месте. Озверелые арабы вытащили из церкви епископа и монахов и поставили перед Беширом.

— Где католикос? — спросил тот.

— Уехал в Багаран, — последовал ответ.

— Значит, он и на этот раз ускользнул из моих рук? — крикнул Бешир и заскрежетал зубами: — Ничего, мы и в Багаран пойдем, а пока за него поплатитесь вы.

Сказав это, он приказал воинам раздеть пленных и, предав их тяжелым пыткам и позорным оскорблениям, умертвить. Воины исполнили приказ Бешира. Первым принял смерть епископ Саак, а затем и остальные монахи.

В этот день, 17 апреля 924 года, были замучены и умерщвлены все монахи, которые, противясь отъезду католикоса, остались в Бюракане. В их числе были: монах Мовсес, священники Давид и Мовсес, их брат воин Саркис и отшельник Соломон.

Бешир, разрушив Бюракан, с большой добычей и многочисленными пленными вернулся в Двин.

Представив востикану двух армян-предателей, военачальник попросил Нсыра вознаградить их.

И Нсыр по достоинству оценил услуги презренных.

— Наградой вам будет то, что получают все предатели. Раз вы изменили своей родине и единоверцам, вы измените и нам. — И Нсыр приказал палачам немедленно отрубить им головы.

5. Решение героя

Прошло несколько дней, как Геворг Марзпетуни и сепух Ваграм вернулись в Гарни. Их миссия, как нам известно, кончилась безрезультатно. Ни царский брат Абас, ни спарапет Ашот, ни Гагик Арцруни не захотели вступить в союз с царем. Агдзинские и могские владетели, следуя их примеру, тоже отказались от союза.

Что было делать дальше?

Князь Марзпетуни размышлял об этом, когда пришла весть, что Бешир взял Бюракан и истребил всех жителей.

Это известие подействовало на князя удручающе.

«Итак, разорение страны уже началось, и мы ничем не можем помочь».

Грустный и задумчивый, ходил он по одной из отдаленных комнат замка. Он думал о своих трудах и неустанных стараниях объединить вокруг престола все силы для освобождения родины от чужеземного ига… Вспомнил перенесенные неудачи, и отчаяние овладело им…

До сих пор это чувство было незнакомо князю. Он всегда верил словам Христа, который говорил: «Просите, и дано будет вам…, стучите, и отворят вам», хотя все время просил и ничего не получил, стучал во все двери, и никто не открывал ему…

«Сам бог, наверно, хочет, чтобы наш народ погиб и память о нем стерлась с лица земли. Вот причина, почему он ожесточил сердца князей, ввел в заблуждение царя и довел до отчаяния царицу… Так умоем руки и предоставим все воле судьбы, забьемся в угол и будем смотреть, как бог наказывает наш несчастный и многострадальный народ…»

Князь был занят этими мыслями, когда вошедший сепух доложил ему:

— Воин из Сюника привез нам грустное известие.

— Было бы удивительно, если бы он привез радостную весть, — ответил князь, грустно улыбаясь. — Что же говорит воин?

— Государь из Какаваберда переехал на Севан.

— На Севан? — удивился князь.

— Да, на Севан, и решил оттуда больше не выезжать.

— А царица?

— Она с государем.

Князь молча ходил по комнате. Лицо его выражало волнение и беспокойство. Неожиданно остановившись посреди комнаты и пристально посмотрев на сепуха, он спросил:

— Ваграм, что ты намерен делать?

Сепух только пожал плечами.

— Что ты намерен делать? Отвечай, — повторил князь.

— Если бы мы имели войско и могли рассчитывать на поддержку князей…

— Войска у нас нет, и князья к нам не присоединятся. Это уже известно. Что ты еще скажешь?

— Что же мне сказать? Мы одиноки. Одна рука не может хлопать в ладоши, один цветок не делает весны.

Князь положил руку на меч и, выпрямившись, посмотрел на сепуха.

— Больше тебе нечего добавить? — спросил он.

— Нет, — ответил сепух.

— А я скажу, что на этот раз одна рука захлопает в ладоши и один цветок принесет весну.

Сепух улыбнулся.

— Это невозможно, князь.

— Нет ничего невозможного, если есть твердая воля и самоотверженность.

— Мы сделали все и, однако, ничего не добились.

— Вдвоем, да, мы сделали все. Но я, князь Марзпетуни, сделал еще не все. Мне еще надо выполнить свой последний долг.

— Что ты хочешь сделать?

— Об этом я завтра объявлю всенародно, перед крепостными войсками и знатью Гарни.

Сепух, зная характер князя, не стал допытываться и с нетерпением ждал следующего дня.

Наутро, по приказу князя, перед дворцом Трдата собралось все находившееся в Гарни войско со своими начальниками. Собралось и все население Гарни во главе с духовенством. Пришли также и разместились на террасе дворца все знатные женщины и юноши.

Князь Геворг Марзпетуни был одет празднично и вооружен с головы до ног. На нем был стальной шлем, украшенный белыми перьями и нахарарским гербом. Он был облачен в стальную кольчугу, медные латы, такие же налокотники, железные плетеные набедренники; на ногах была подбитая железом обувь. Тяжелый, украшенный золотом меч, висевший сбоку, дополнял военные доспехи князя. В этом одеянии, высокий, статный, с красивым внушительным лицом, умным проницательным взглядом, гордой и благородной осанкой он выглядел особенно представительно.

Когда все разместились, князь прошел вперед и, поднявшись на самую верхнюю ступень лестницы, громким и решительным голосом заговорил:

— Благородные князья, княгини, дорогие воины и народ! Уже несколько месяцев прошло с тех пор, как государь покинул столицу. Он уехал, чтобы подавить восстание и усмирить мятежных князей, но, потерпев

неудачу, уединился в Какаваберде. Он ждал помощи. Но никто не отозвался, никто не вспомнил о своем государе. Мне казалось, что если кто-нибудь из нас возьмет на себя роль посредника и уговорит князей объединиться, они соберутся вокруг государя. Эту миссию приняли на себя я и благородный сепух Ваграм. Мы долго путешествовали — объехали весь Ширак, Агдзник, страну Могскую и Васпуракан. Мы посетили всех князей, прося их, убеждая объединиться и стать на защиту родины и престола. Но никто не послушался, никого не тронули наши просьбы. Князья со своими войсками засели в неприступных крепостях, каждый из них заботится только о себе. А то, что народ в нашей стране остается беззащитным, что престол пустует, а царь превратился в странника, об этом никто не думает. Даже католикос, спасая собственную особу, переезжает из одной крепости в другую. А тем временем востикан занимает столицу, Бешир разрушает и разоряет Айриванк, Бюракан, убивает мирное население, истребляет духовенство. С каждым днем он все больше расширяет свои завоевания. Видя все это и придя в отчаяние, государь из Какаваберда переехал на Севан. Этот бесстрашный богатырь, который когда-то был грозой и ужасом для врагов, которого не могла сломить никакая сила, сейчас ищет пристанища в кельях духовных отцов, потому что не надеется на своих соратников. Позор нам, о армяне! Позор нам, о воины!..

— Что нам делать? Что же мы можем сделать? — послышалось со всех сторон.

— Что вы можете сделать? Это правильный вопрос. Я отвечу вам на него. Родина, народ, престолы царский и патриарший в опасности, вы это знаете. Известно вам и то, что от имени всех вас, от всего армянского народа я обращался к князьям, прося, моля их о помощи, но никто не

послушался меня, никто ко мне не присоединился. Осуждаете вы этих людей или нет?

— Да, да, осуждаем!.. — раздалось отовсюду.

— Прекрасно. Теперь я обращаюсь к вам, о воинство и народ Гарни! Обращаюсь к вам с той же просьбой и предложением, которое наши князья отвергли. Это последний долг, который я выполняю. Слушайте же! Гарни силен и неприступен. Враг захватить его не может, если только не найдутся у нас предатели и хватит запасов. Предателей здесь я не знаю, а запасов у нас много. Оставим в Гарни только сто воинов, их достаточно для защиты крепости. А остальным воинам и начальникам я предлагаю завтра же присоединиться ко мне и спуститься в долину. Разобьемся на отряды, назначим начальников. Бешир готовит разбойничьи шайки для разорения армянских областей. Мы будем их истреблять. Не пройдет и месяца, как наша армия увеличится. За первой победой последует вторая, третья, и тысячи воинов соберутся под нашими знаменами. Наши удачи вселят надежду в государя. Он снова вернется на престол, снова встанет во главе войск, и князья присоединятся к нему… Какую славу, о гарнийцы, мы можем стяжать!

Князь замолчал и посмотрел вокруг, желая увидеть, какое впечатление произвела его речь. Но все как один молчали. Только два человека следили за князем горящим взором и, возмущенные молчанием окружающих, готовы были броситься к нему. Один из них был Гор, стоявший с воинами, другая — Шаандухт.

Но не от них ждал отклика князь Геворг. Он хотел услышать голоса старых воинов и военачальников. Заметив, что многие избегают его взгляда, он спокойно продолжал:

— Не ожидал я, что и здесь, в Гарни, встречу робких. Значит, нет среди вас и ста человек, которые могут доказать, что они сыновья храбрецов?

— Сиятельный князь! Что может сделать сотня! Пусть хоть тысяча воинов выйдет на поле битвы, и мы присоединимся к ним! — крикнул молодой сотник.

— Тот, кто ищет силы многих, бессилен сам! — воскликнул Марзпетуни. — Воин, если он действительно воин, не должен ждать товарища, когда родина в опасности. Тот, кто может сразить врага, направить стрелу в его грудь, но вместо этого предпочитает прятаться за спину другого и трястись за свою жизнь, — тот предатель! Вы хотите жить? Хотите пользоваться благами жизни? Прекрасно. Для чего же вы носите оружие? Зачем позорите свой меч? Киньте его, возьмите в руки посох и стойте у дверей эмиров. Быть может, они окажут вам честь, сделав вас своими рабами…

Войско и начальники были поражены. Даже князья не верили своим ушам. Никого ни разу Марзпетуни не обижал грубым словом, никому не наносил оскорбления. Что с ним случилось? Почему он так разгневан? Многие стали переглядываться. Некоторые даже попробовали пройти вперед, чтобы выразить свое недовольство, но огненный взгляд князя пригвоздил всех к месту. На мгновение он замолчал, обвел глазами войско и, обращаясь к сепуху Ваграму, воскликнул:

— Господин сепух! Ты вчера говорил, что одна рука не может хлопать в ладоши и один цветок не делает весны. Твои слова повторяют и эти монахи, по ошибке считающие себя воинами. Я хочу доказать, что вы все ошибаетесь!

Сказав это, князь обнажил меч и, сделав шаг вперед, громовым голосом воскликнул:

— Вот я один иду на арабов! Где тот храбрец, что присоединится ко мне? Пусть выйдет вперед!

— Я, отец мой! — громко крикнул Гор и, обнажив меч, выступил вперед.

— Мой герой… — прошептал князь и, обняв сына, лицо которого вспыхнуло от волнения, горячо поцеловал его.

— И я, князь Марзпетуни! — сказал сепух Ваграм, подойдя к князю.

— Благородный сепух стоит полка, — ответил князь, протягивая ему руку.

— И я, господин мой, — подошел Езник.

— И мы, — сказали четыре телохранителя сепуха.

— И я… и мы… — с этими словами друг за другом направились к князю гарнийские, басенские и двинские воины.

Количество добровольцев дошло до девятнадцати. Наконец приблизился к князю начальник крепости Мушег и, обнажив голову, сказал:

— Я ждал, сиятельный князь, чтобы подали голос более достойные. Теперь я вижу, что число храбрецов увеличилось. Прими же и меня как последнего слугу в свой самоотверженный и храбрый отряд, который будет воевать под твоим знаменем.

— Подойди ко мне, мой дорогой и верный Мушег. Подойди и дай руку. Ты поседел в боях, и поэтому твоя помощь мне очень дорога. Бог поможет нам победить врагов родины, если такие праведники, как ты, будут с нами.

Так набралось двадцать воинов.

— С вами я разобью тысячи! — воскликнул князь Геворг и, обращаясь к сепуху Ваграму, сказал:

— Пойдем принесем теперь присягу.

— Куда же вы? Церковь ведь в этой стороне, — заметил сепух.

— Нет, наш алтарь клятвы здесь, — сказал князь, подойдя к могиле католикоса Маштоца, которая находилась в восточном углу дворцового двора.

— Дорогие соратники, — обратился князь к своему отряду, когда воины окружили могилу. — С нас должен был взять клятву и благословить армянский католикос. Он изменил своему званию. Он не уподобился храброму и самоотверженному пастырю. Поэтому мы не можем быть его паствой. Здесь покоятся останки самого добродетельного и самоотверженного патриарха. Возложите мечи на его священную могилу и поклянитесь в верности своему обету. Клянитесь во имя спасения родины быть самоотверженными воинами. Пусть ваши мечи благословит святой Маштоц, а останки его будут свидетелями вашего обета.

Воины обнажили мечи и, возложив их на могилу католикоса, поклялись в верности родине, царю и князю.

Когда были произнесены слова клятвы, князь Геворг выступил вперед и громко сказал:

— Дорогие соратники! Я выслушал вашу клятву. Выслушайте и вы мою. Клянусь перед вами, клянусь именем предвечного, клянусь жизнью моей родины и этой святой могилой, что я не вернусь в лоно своей семьи и не войду под кров, пока не изгоню из родного края последнего араба. Пусть уничтожит меня господь, пусть христианин назовет меня Иудой и армянин Васаком, если я нарушу свой обет и свою клятву. Я докажу, что мощь страны заключается не в крепостях и могуществе князей, а в самоотверженности ее сыновей. Я докажу, что двадцать самоотверженных героев стоят больше, чем войско, состоящее из двадцати тысяч воинов. Итак, вперед! Бог армян — наш оплот! Крест армянский — наша опора!

Не успел князь произнести последние слова, как княжна Шаандухт, отделившись от группы княгинь, сошла со ступеней дворцовой террасы и, подойдя к могиле святого Маштоца, звонким голосом воскликнула:

— Сиятельный князь! Прости мою смелость, женщинам не разрешается вмешиваться в дела мужчин и участвовать в войнах… Но никто не запрещает им умирать за родину. Прими меня, умоляю, в число своих воинов. Я могу разить врага и метать стрелы. А если окажусь не пригодна как воин, могу быть полезна для ухода за страждущими, буду перевязывать раны твоих воинов, когда они вернутся с битвы…

Княжна, зардевшись от волнения, походила в эту минуту на прекрасную богиню, сошедшую на землю, чтоб спасти возлюбленного.

Этот неожиданный порыв так взволновал князя, что по его суровому лицу потекли слезы. Он раскрыл объятия и, прижав красавицу к груди, поцеловал ее в лоб.

— О мое мужественное дитя! — воскликнул он. — Ты увенчала наш обет и сделала непобедимым наш меч… Если на земле армянской растут такие цветы, как ты, эти храбрецы не позволят, чтобы враг попирал ее. Я не могу принять тебя в свой отряд, любимая дочь, так как твое нежное сердце, которое так загорелось от моих слов и от любви к родине, не сможет вынести ужасов войны. Но я тебе поручу службу, которая так же трудна, как и боевая. Ты достойна ее.

Сказав это, князь взял княжну за руку, и, пока все восторженно смотрели на героиню, возвел ее на лестницу, и, обращаясь к пароду, громко объявил:

— Воины и народ Гарни! Эта юная княжна искупила ваши грехи. Для спасения родины она предлагает в жертву

свою жизнь. Конечно, вы, как и я, не захотите принять эту жертву, но для поощрения ее сестер мы должны вознаградить ее. Она доказала, что она достойная наследница сюнийских героических нахараров. Докажем и мы, что умеем ценить самоотверженность отпрыска айказских нахараров. По приказу царя я являюсь владетелем Гарни и начальником крепости. В мое отсутствие я поручил эту службу Мушегу, но Мушег вступил в отряд. Поэтому начальником крепости отныне будет сюнийская княжна Шаандухт. Шаандухт — невеста моего Гора и, следовательно, наследница моего дома. Тот воин или житель Гарни, который ослушается ее приказа, ответит перед этим мечом!

И князь, согнув дугой меч, поднял его над головой княжны.

— …И перед нашими мечами! — громко крикнули воины, и мечи их засверкали в воздухе.

— Да здравствует сюнийская княжна! — воскликнул народ. К голосу его присоединились и воины, которые были пристыжены словами князя и княжны. Когда князь приказал всем удалиться, группа молодых воинов подошла к нему и попросила принять в отряд. Князь отказал им, сказав:

— Вы последовали не моему примеру, а примеру княжны. Оставайтесь в крепости и верно служите своей начальнице. В будущем, если она попросит за вас, я приму вас под свое знамя.

Когда по приказу князя народ и остающиеся в крепости войска разошлись, воины княжеского отряда направились во дворец. Здесь князья и княгини окружили их и стали осыпать похвалами. Княгини Гоар и Мариам обняли и

расцеловали Гора и Шаандухт, выражая свой восторг перед их бесстрашием.

А юный Гор, вдохновленный героическим поступком своей невесты, подошел к отцу и, волнуясь, сказал ему:

— Любимый отец! Ты перед всей крепостью торжественно заявил, что Шаандухт моя невеста и твоя наследница, и оказал ей высокое доверие. Моя благодарность тебе за это безгранична. Ты сделал меня самым счастливым и самым сильным человеком в мире… А теперь разреши мне вручить ей обручальный подарок как залог союза, который ты должен благословить.

— Хорошо, мой дорогой. Подари своей невесте то, что тебе хочется, — ответил князь ласковым голосом.

Гор прошел вперед и, отстегнув от пояса небольшой меч в золотых ножнах, подарок отца, опоясал им стан княжны.

— Пусть этот меч служит нам залогом обручения и защитит мою невесту от тайных врагов, — сказал он.

— Женщины мечей не носят, Гор, но я буду носить этот подарок в память твоей любви и отдам его тебе, когда ты вернешься после войны со славой победителя, — ответила Шаандухт, улыбаясь и краснея.

Князь Геворг, княгини и все воины отряда благословили молодых и принесли им свои поздравления. А сепух Ваграм, радующийся счастью каждого армянина, так был растроган, что обнял своими сильными руками обоих и воскликнул:

— Одного желания видеть вас счастливыми мне достаточно, чтобы сокрушить врага. Если в нашей стране много таких сердец, как ваши, пусть все они будут

счастливы. Сепух Ваграм не умрет до тех пор, пока не поднимет над вашей головой крест во время святого венчания. А сделаю я это, изгнав последнего араба из пределов нашей родины.

— Да будет так! — воскликнули воины.

Радость и воодушевление охватили всех.

Когда княгини Мариам и Гоар благословили своих детей, князь Геворг вложил меч в ножны и, обращаясь к своим соратникам, сказал:

— Дорогие друзья! Нам остается выполнить еще один долг. Перед тем как выйти навстречу врагу, поедем к нашему государю, получим от него разрешение и благословение для начала нашего похода. В каком бы он ни был состоянии, где бы ни обретался, он — наш царь, его воля и его слово должны управлять нашими мечами.

— Да здравствует царь! — воскликнули в один голос воины.

В тот же вечер вооруженный отряд выехал из крепости Гарни, направляясь к Севану. Прекрасная начальница крепости на сюнийском коне, с отрядом вооруженной охраны, проводила воинов обета до ближайшей стоянки, где в уединении, обняв своего жениха, подарила ему свой первый поцелуй и со слезами на глазах благословила в дорогу.

6. Тягчайшая из печалей

Багровый диск луны, показавшись из-за Айцемнасара, осветил темное Гегамское озеро. Восточная часть озера загорелась буро-красным светом, словно тысячи лунных дисков погрузились в мелкую рябь воды. На Севане было тихо, огни погасли. Монахи, усталые после долгих

церковных служб, заперлись в сырых кельях и погрузились в сон. Часовни и церкви, казалось, тоже дремали, и прибрежные волны своим плеском убаюкивали их.

Около храма святого Воскресения, возвышавшегося на восточной стороне острова, мимо разбросанных и покрытых мхом надгробных памятников, молча прохаживался взад и вперед человек высокого роста. На нем было широкополое одеяние, похожее на схиму, какую носят монахи, голова покрыта простой скуфьей. Только осанка и величественная походка говорили о том, что он не привык к монашескому облачению. Он присел на краю обрыва, где, подымаясь из озера, громоздились друг на друга скалы, образуя мощные преграды. Прикрывая остров с востока и с юга, они делали его недоступным не только для плотов и лодок, но и для пловцов.

Луна медленно поднималась по небесному своду. Темно-красный цвет озера переходил в серебристый, разливаясь по водной глади к далеким берегам, окруженным с одной стороны высокими горами и холмами, с другой — полями и плоскогорьями. Луна проливала спокойный свет. Сидевший на камнях человек наблюдал за прекрасной и мирной картиной природы. Ему казалось, что именно в такие минуты, когда мир покоится в объятиях сна, выходят из бездны злые духи или спускаются ангелы добра и предрешают судьбы смертных, даруя одним счастье, а другим — горе и страдание… Казалось, что именно в такой час были предрешены его печали и несчастья. Грустные мысли овладели им. Воображение рисовало картины прошлого, то прекрасные, то суровые и мучительные.

— Как я дошел до такого унижения?! — воскликнул он вдруг и поднес руку ко лбу, будто хотел отогнать печальные мысли, которые, как черные тучи, собрались над ним. Мучительные образы не исчезали. Серебристое озеро,

горы с величественными вершинами, луна своим кротким светом и даже нежный ветерок, который колебал водную гладь и ласкал прибрежные травы и цветы, не приносили успокоения. Он не слышал даже шума волн у подножья скал. Душа его витала где-то далеко…

Но вот послышался легкий шорох. Он вздрогнул и, повернув голову, увидел, что к нему приближается закутанная в покрывало женщина.

— Кто это? — окликнул он, но, сейчас же узнав, поднялся с места. — Царица, это ты? — спросил он мягким голосом.

— Да, мой любимый государь… — ответила она почти шепотом.

— Здесь? Одна, в такую позднюю пору?

— Разве я одна? Ведь со мной царь Ашот…

— Где же твои прислужницы?

— Я пришла сюда без них, хотела непременно видеть тебя. Привратники сказали, что ты каждую ночь подолгу гуляешь тут… Я этого не знала.

— Да, ночью здесь очень хорошо… Но зачем ты хотела непременно меня видеть? Надо сообщить какое-нибудь известие?

— Известие? Нет.

— А что же?

— Хотела поговорить с тобой несколько минут.

— Не понимаю. Днем ты видишь меня каждую минуту, можешь всегда со мной поговорить. Зачем ночью лишать себя покоя?

— Покоя?.. Разве у меня есть покой? Разве я могу иметь его?

— Царица…

— Часы покоя навсегда утеряны для меня.

— В нашей стране теперь ни у кого не спокойно на душе.

— Сейчас да. Но когда изгонят врага, все обретут покой.

— А с ними и ты.

— Я? О, если б это было так…

— Неужели ты страшишься будущих нападений? Даже сегодня никакая опасность не угрожает тебе. Севан — неприступная крепость.

— Мою крепость и мои твердыни враг разрушил уже давно. Мой мир и покой утеряны навсегда…

— О чем ты говоришь? Ты опять намекаешь на старые обиды?

— О, позволь поговорить с тобой хоть раз, позволь раскрыть свое сердце. Разреши поплакать пред тобою…

— Царица, ты взволнована, тебе надо успокоиться.

— Не гони, умоляю. Оставь мне волнения и страдания. Я нахожу свой покой только в них…

— Но что случилось? Кто-нибудь нанес тебе оскорбление?

— Нет. Старая рана, старая печаль изнуряет и терзает мое сердце. Увы, нет руки, чтоб наложить на нее бальзам и повязку. Я покинута, я одинока, совершенно одинока… О, ты не знаешь, как тяжело быть одинокой!..

При этих словах царица разрыдалась.

— Царица, ты плачешь? Ты не дитя… Что скажут, если услышат? Пойдем, я провожу тебя до твоих покоев. Тебе надо отдохнуть.

— Позволь мне остаться здесь, и ты, мой любимый царь, не покидай меня. Подари твоей царице, твоей несчастной супруге, хотя бы час. Она хочет говорить с тобой. Не отказывай ей в этой ничтожной просьбе.

— Милая Саануйш…

— «Милая Саануйш»?.. Боже мой, неужели ты меня назвал этим именем, не ослышалась ли я? «Милая», сказал ты… О, как я радуюсь этому ничтожному, жалкому слову, этому осколку любви… Зачем господь создал нас такими слабыми? Ты жалеешь меня? Говори, не скрывай… Жалеешь, как нищую. Если бы ты знал, как это тяжело, как невыносимо!

— Но ты не хочешь успокоиться, все волнуешься… Уйдем, уйдем отсюда.

— О нет. Я больше не уйду отсюда, я не уйду от моего любимого Ашота… О, прости меня, позволь мне называть тебя так… Ведь я уже спокойна, могу говорить. Я больше не буду волноваться, только дай мне твою руку и обещай, что выслушаешь меня терпеливо.

Царь молча протянул ей руку, царица взяла ее, сжала в своих трепещущих руках и продолжала:

— Благодарю тебя… Видишь, какой ничтожной милостью я довольствуюсь. Потеряв любовь и сердце моего несравненного витязя, радуюсь, когда мне разрешают пожать его холодную, безразличную руку. И мне не стыдно говорить об этом? Гордая Сааканyйш признается в этом своему государю? О, как я унижена…

Царица снова разрыдалась и, не в силах сдержать себя, дрожащими руками обняла царя и прильнула к нему.

— Сааныйш, милая Сааныйш… — прошептал царь и прижал ее к своей груди.

— Молись, чтобы я умерла сейчас… Хочу умереть в твоих объятиях… Это мое единственное желание… — прошептала царица, и голос ее прервался от слез.

Рыдания и слезы супруги взволновали царя. Он растерялся и, не зная, как ее успокоить, стал еще нежнее прижимать к своей груди.

После долгого молчания царь сказал:

— Почему, моя дорогая, ты так разволновалась?

Эти слова, произнесенные нежно и почти шепотом, показались царице грубыми. Она приподняла голову.

— Почему? Как ты можешь об этом спрашивать? Неужели тебе неизвестно, отчего страдают несчастные сердца? Неужели мои слезы ничего не сказали тебе?

Царь молчал. Он боялся снова смутить царицу. Он отошел, уселся на камнях и стал смотреть на озеро.

— Ты не хочешь больше меня слушать? — упавшим голосом спросила царица.

— Говори, дорогая, все, что тебе хочется, но не напоминай о прошлом.

— Хорошо, — поспешно сказала царица и села рядом с ним на скале.

— Вот уже несколько месяцев, как я с тобою, дорогой государь, — начала она, — но мне никак не удается поговорить о самом главном, о том, из-за чего я приехала к тебе. Теперь я осмелела и могу говорить. Только не мешай мне, даже если мой рассказ будет тебе неприятен.

— Говори, я слушаю.

— В Гарни мне казалось, что я свыклась со своей судьбой. Я решила забыть о себе и посвятить свою жизнь служению народному благу. Единственным путем к этой цели был приезд к тебе. Я хотела исцелить твои печали, успокоить твое сердце и заставить тебя вернуться в столицу, к престолу и двору. Народ и войска ждали твоего возвращения. Ты мог бы этим воспользоваться. Воодушевленная этой мыслью, я приехала в Какаваберд. Но ты очень холодно принял меня. Тебе казалось, что я приехала насмехаться над твоим поражением. Одного этого подозрения было достаточно, чтобы перевернуть мне сердце. И чем сильнее я чувствовала твое безразличие, тем больше загорался во мне ад ревности… Тогда я, желая сделать тебе больно, сказала, что вся страна знает о твоей преступной любви, что войско и народ раздражены против тебя, что все княжеские дома отвернулись от нас, что духовенство осуждает твое поведение… Увы, мне казалось, что этими словами я отрезвлю тебя, но я жестоко ошиблась. Каюсь, я поступила, как слабая любящая женщина. Я не могла вынести твоего безразличия и, забыв о своем обете, стала жертвой ревности, безжалостно терзавшей мое несчастное сердце. Все это кончилось тем, что ты впал в отчаяние и не только не вернулся в столицу, но переехал на

Севан, чтобы жить здесь с монахами. Я поняла свою ошибку, увидела последствия своего необдуманного поступка и жестоко раскаялась, но было уже поздно. Сколько, сколько раз я хотела подойти к тебе и попросить прощения… Но ты избегал меня, не хотел встречаться наедине, слышать мой голос и видеть мои слезы. О, если бы ты знал, как я страдала!..

Так прошли месяцы, и я не могла найти удобной минуты, чтобы поговорить с тобой. Но когда прибыл гонец и сообщил о взятии Бюракана и об истреблении бюраканцев арабами, я пришла в ужас. Это поразило меня, как небесный гром. Я вспомнила свой обет и решение, вспомнила о преступлении, совершенном мной… «Если бы ревность не овладела мной, Ашот вернулся бы на престол, князья присоединились бы к нему и войско двинулось бы уже на врага…» — подумала я. От отчаяния я чуть не бросилась в озеро… Но опомнилась и решила во что бы то ни стало поговорить с тобой наедине. Вот ради чего я нарушила твою уединенную прогулку. Может быть, это неприятно тебе, но другого выхода у меня нет. Опасность близка, и дольше медлить невозможно.

— Чего ты просишь у меня? — спросил царь.

— Чтобы ты вернулся в столицу, взошел на престол, объединил вокруг себя армянских князей, собрал войска, изгнал чужеземцев и избавил страну от бедствий.

— Ты хочешь, чтобы Ашот Железный царствовал?

— Да, царствовал, как прежде.

— Желание твое доброе, но выполнить его я не могу.

— Почему?

— Причин к тому много.

— Познакомь меня с этими причинами, если тебе кажется, что я их не знаю.

Царь не ответил. Отвернув лицо к озеру, он молчал.

— Неужели эти причины сильнее, чем воля Ашота Железного? — заговорила царица, желая задеть его самолюбие.

— Воля Ашота Железного? Ашот Железный сейчас слабее, чем тростник в долине, который колеблется даже от дуновения легкого ветерка.

— Зачем ты приводишь меня в отчаяние, повелитель мой и царь? — прошептала царица.

— Я не хочу приводить тебя в отчаяние. Я говорю правду.

— Но ты был когда-то силен, как лев пустыни…

— Чье рычание наводило дрожь на других зверей, — прервал царь.

— Да.

— Однако и лев болеет и умирает.

— Конечно, но с годами, когда наступает старость.

— Или когда охотник поражает и разбивает его сердце!

— Кто же этот непобедимый охотник, который так сразил тебя? — подозрительно спросила царица.

Царь грустно улыбнулся и ничего не ответил.

— Ты не хочешь говорить?

— Я не хочу огорчать тебя, — ответил царь, продолжая смотреть на озеро.

— Боже мой! — воскликнула Сааканyйш. — Ты боишься причинить мне огорчение! Мой любимый, я теряю рассудок.

— Есть истины, которые может выслушать только мужчина.

— Ну, так испытай мою силу.

— Хорошо, выслушай меня. Ты меня спросила, кто тот охотник, который поразил сердце льва? Я скажу тебе. (Царица напрягла слух.) Это — женщина…

— Женщина? — прервала его царица.

— Вот видишь, ты уже потеряла хладнокровие.

— Продолжай, я не буду больше мешать, — сказала Сааканyйш и опустила голову.

— Милый друг, мы жалкие игрушки в руках могущественной природы, — продолжал царь. — Напрасно люди придумывают законы и правила для управления тем, чем должна управлять только природа и над чем она является самодержавным властелином… Я говорю о людских сердцах. Ты меня любишь, не так ли?

— Зачем ты спрашиваешь?

— Отвечай, любишь или нет?

— Люблю безграничной любовью.

— Хорошо. Скажи тогда, что может сделать против этого закон, учрежденный людьми? Может приказать, чтобы ты перестала любить?

— Наоборот, закон освящает мою любовь, потому что я люблю своего законного супруга.

— А если бы ты полюбила другого?

— Христианская добродетель, которой я всегда следовала, не разрешила бы мне думать о незаконной любви. А когда человек не думает о незаконных делах, он никогда их не совершает.

— Любовь не знает границ. Как быть человеку, который полюбил того, кого не имел права любить?

— Это все равно что сказать: что делать ворам и разбойникам, если им хочется похитить чужое имущество? Можешь ли ты оправдать разбойника, когда твой подчиненный приведет его к тебе на суд?

Эти слова уязвили царя. Удар был направлен в самую рану… Он помолчал несколько минут.

— Больше тебе нечего сказать? — мягко спросила царица.

— Нет, я хочу говорить. Слушай. Каким должен быть судья, пристрастным или беспристрастным?

— Конечно, беспристрастным.

— Разбойника надо наказать или вознаградить?

— Наказать.

— Так зачем же ты хочешь вознаградить разбойника, если беспристрастный судья приказывает подвергнуть его каре?

— Я не понимаю.

— Не понимаешь? А я говорю ясно.

— Кто разбойник и кто судья? Для кого ты требуешь кары? — недоумевая, спросила царица.

— Этот разбойник — я, и я же его беспристрастный судья. Я наказал себя, удалившись от мира, обрек себя на уединение. Зачем ты хочешь вернуть меня в столицу?

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько.

— Преувеличиваешь, мой любимый царь.

— Не называй меня ни любимым, ни царем. Я преступник, проклятый богом и людьми. Зачем ты меня любишь? Зачем думаешь о том, чтобы вернуть мне славу?

— Буду любить вечно… Никто не заставит меня забыть своего супруга…

— Супруга? О, не мучай меня… Я не могу перенести этого укора.

— Неужели моя любовь может быть для тебя укором?

— Нет, дорогая царица. Укор для меня в том, что на мою неверность ты отвечаешь безграничной любовью. Я горд, я не хочу, чтобы мне платили добром за зло.

— Ты не причинил мне никакого зла.

— Не успокаивай меня. Я не настолько малодушен, чтобы не выдержать наказания за совершенное. Если ты хочешь утешить меня, возненавидь меня всей силой души. Лишь твоя ненависть, только тяжелые страдания могут принести мне облегчение.

— Я не могу ненавидеть тебя.

— Ненавидь, я не люблю тебя.

— О, не говори этого…

— Не могу лгать, я тебя не люблю.

— Безжалостный…

— Единственная в мире женщина, любимая мной…

— О, не произноси ее имени! — воскликнула царица.

— Да, единственная любимая мной женщина — это Аспрам, дочь родоначальника севордцев.

— Бессердечный… Нет в тебе жалости… Неужели тебе не жаль несчастную, покинутую женщину?.. Ведь я когда-то была твоей женой…

— Я хочу, чтобы ты возненавидела меня. Только это может облегчить мое горе.

— Не надейся… Я не могу тебя ненавидеть, не терзай напрасно душу мою… Скажи только, что за горе у тебя, я найду способ облегчить его.

— Тем хуже.

— Не упорствуй, мой любимый государь. Для каждой болезни есть свой бальзам, для каждого горя — свое утешение. Нужны только умелая рука и любящее сердце.

— Кто может излечить душу, страдающую от угрызений совести? Кто может успокоить человека, который чувствует тяжесть своего преступления, взвешивает зло, причиненное им, и бессилен его исправить?

— Все грешны в этом мире.

— И всех можно простить…

— Следовательно, и тебя.

— Не прерывай меня. Простить можно всех, но не того, кто призван управлять судьбами людей, чья обязанность оберегать народ, служить для него образцом добродетели, заботиться о его благе и счастье… Это был мой долг. Бог меня назначил главой и вождем народа. Но разве я оказался достойным, разве не нарушил свой священный долг, не стал причиной множества зол? Кто может меня простить, и ради чего?

— Воспоминаниями о прошлом не поможешь горю, — сказала царица. — Забудь его и постарайся исправить настоящее.

— Забыть прошлое?.. Разве это возможно?! — воскликнул царь. — Я ограбил бы небо, чтобы одарить звездами человека, способного дать мне забвение, снадобьями и волшебной силой ослабить мою память… Забыть? Да, я молю забвения, это единственная моя мечта. О, как был бы я счастлив, если бы мог не помнить прошлого!.. Воспоминания многоголовым вишапом грызут и ранят мое сердце. Могу ли я забыть, что разорил дом своего благодетеля и родственника Севада, ослепил отца и сына? Могу ли я забыть, что разрушил семью Амрама, моего верного соратника, и превратил его мирный очаг в ад? Могу ли я забыть, что отравил твою жизнь, оскорбил твою горячую любовь, лишил тебя счастья?.. Можно ли забыть все это? Забыть то, что я потерял доверие своих князей и расстроил их союз, или то, что, вызвав восстание Амрама, лишился северных областей, или, наконец, то, что, ослабив военную мощь армян, я укрепил господство арабов в моей стране? Скажи, дорогая, как я могу забыть это? И как мне не помнить, что все это я совершил во имя преступной любви…

Нет! Я не достоин прощения. Не старайся заставить меня забыть свое грешное прошлое. Я христианин, у меня есть совесть. Она велит мне отказаться от царского престола, славы, великолепия, уединиться в пустыне, оплакивать свои грехи и искупить их строгим отшельничеством. И вот я приехал на Севан — место своего покаяния. Напрасно ты думаешь, что твои обвинения заставили меня принять это решение. Нет, не отчаяние привело меня сюда, а совесть. Будь она спокойна, будь праведны мои дела — тогда, если бы и весь мир восстал против меня, я не сдался бы и отчаяние не овладело мною… Но угрызения совести мучили меня жестоко; меня преследовали твои грустные глаза, твой печальный взгляд, твое бледное лицо. Я убегал от тебя, но не потому, что ненавидел, а потому, что при встрече с тобой у меня сжималось сердце. Стыд и совесть не давали мне покоя. И вот я приехал сюда, чтобы скрыть свои печали и молить небо о прощении грехов. Я думал, что на этот раз ты покинешь меня, вернешься в столицу, где у тебя есть преданные люди. Но надежды мои не оправдались. Ты не пожелала оставить меня одного с моими печалями, последовала за мной как любящая жена, в сотый раз доказав, что я не достоин твоей любви, что судьба напрасно связала нас…

— Зная обо всем этом, моя дорогая царица, я не могу вернуться в тот мир, откуда меня изгнала совесть. Оставь меня в этом чистилище. Может быть, я сумею замолить свою вину, может быть, я спасу свою душу от геенны…

— Богу будет угоднее, если ты искупишь свой грех, принеся людям добро! — сказала царица.

— Конечно, это ему будет угоднее, ибо лучше творить добро, чем плакать бесполезно.

— Ну, тогда вернись на престол, возьми в руки бразды правления и спаси свой народ от гибели.

— Но для этого я снова должен стать царем?

— Конечно.

— Я не считаю себя достойным престола, на котором восседал Ашот Первый и добродетельный Смбат. Моя обитель — Севан, тут я буду жить, тут и умру.

— А царский трон?

— Пусть его займет Абас. Он мой законный наследник.

Казалось, небесная молния поразила царицу. Эти слова она слышала впервые. О своей сердечной потере она думала много, но о потере престола — никогда. «Как? Чтобы правил Абас, чтобы Гургендухт была царицей?.. При жизни дочери Севада дочь абхазского Гургена была бы провозглашена царицей армянского народа, а гордая Сааканyйш заперлась бы на Севане, как подданная, как несчастная пленница абхазки?.. Видеть, как армянские князья окружают нового государя, склоняют головы перед новой царицей, раболепствуют и курят перед ней фимиам?.. О нет, это невозможно!» Ее царская гордость была уязвлена. Она забыла даже о своем горе. Со свойственной женщинам быстротой мысли она взвесила разницу между своей печалью и возможными оскорблениями и убедилась, что легче страдать от душевных печалей, чем терпеть унижения и страдать от оскорбленного самолюбия.

— Нет, мой славный государь, этому не бывать! Ты не должен оставаться на Севане, престол и народ ждут тебя. Ты должен вернуться в столицу, — решительно сказала она.

— Невозможно… Для этого мне пришлось бы вырвать сердце из груди… С таким сердцем, с такими думами я не могу вновь править страной.

— Ты должен пожалеть свой народ. Он подобен сейчас стаду, лишенному пастыря… Со всех сторон его преследуют волки, блеяние маток и ягнят оглашает ущелья…

— Это стадо соберет Абас. Он принесет стране больше пользы, чем я.

— Не говори этого. Не называй имени Абаса; армянский царь еще жив.

— Нет. Он умер давно. Он умер в тот день, когда униженно бежал от Цлик-Амрама.

— Не вспоминай прошлого! Умоляю тебя.

Сказав это, царица взяла руку царя и, ласково глядя ему в глаза, которые, не мигая, смотрели на луну, тихо сказала:

— Ашот, мой славный царь, мой любимый супруг, не допусти, чтобы абхазка осмеяла гордость твоей Саануйш. Позволь мне умереть армянской царицей…

— Ах, как мало знаешь ты мое горе! — прошептал царь, отвернувшись к озеру.

— Поведай, если у тебя есть другое горе. Раскрой передо мной свое сердце.

Царь не ответил. Он молча смотрел на озеро.

И что ему было сказать? Как мог он откинуть завесу, за которой была скрыта тягчайшая из его печалей? Разве мог он сказать, что все еще думает о севордской княгине, о несчастной жертве своей преступной любви, о том, что он живет ее страданиями, что ему поминутно чудятся ее

проклятия?.. Как мог он восседать на престоле, думать о победах и славе, когда ему беспрестанно слышались ее стенания. Он все время твердил бы себе:

«Вся страна прославляет тебя, венчает твое возвращение, празднует твои победы… А там, в севордских горах, в мрачной темнице Тавуша томится несчастная женщина, которую покинули все, которая отвергнута всем миром и живет только своим позором, своим унижением… Она шепчет тебе: «Не смейся, когда я плачу, не радуйся, когда я страдаю!..» По какому же праву я должен снова вкушать радость жизни, если женщина, отдавшая мне свое сердце и душу, погребена заживо?..»

Эти мысли так взволновали царя, что он, забывшись, воскликнул:

— Нет, невозможно! Я не могу жить, когда она умирает…

— О ком ты говоришь? Кто умирает? — спросила царица.

Царь вздрогнул и, поднявшись с места, подал руку царице.

— Пойдем, луна уже заходит, — сказал он твердым голосом.

— О ком ты говорил? — спросила снова Сааканyйш.

— О той, которая угасает в заточении, — ответил царь и прошел вперед.

Царица последовала за ним, не решаясь больше произнести ни слова.

7. Один цветок делает весну

Был полдень. Рыбаки Цамакаберда были заняты рыбной ловлей, когда конница Геворга Марзпетуни появилась на берегу Севана. Князь удивился, увидя, что рыбаки, вместо того чтобы ловить рыбу, бродят по берегу. Ни на озере, ни у берега не было видно ни плотов, ни лодок. Это тем более заинтересовало князя, что ему нужен был плот для переправы на остров. На его вопрос рыбаки ответили:

— По указу государя никто не имеет права держать плот или лодку на берегу, поэтому все они спрятаны в деревне.

Князь понял, что это сделано с целью помешать врагу проникнуть на Севан. Все же он велел, чтобы для них спустили лодку. Рыбаки колебались.

— Царь повесит нас, если мы нарушим его волю, — говорили они.

Князь не настаивал, но приказал дать сигнал на остров, чтобы оттуда выслали плот, а пока попросил угостить его отряд свежей рыбой.

Рыбаки сейчас же развели на прибрежной скале сигнальный костер. Пламя, разрастаясь, взвилось вверх. Вскоре из крепостных стен вышли два монаха и направились к пристани. Они отвязали один из находившихся там плотов и оттолкнулись от берега. До прибытия плота рыбаки приготовили вкусный завтрак из форели и угостили всадников.

На острове только что кончилась обедня, когда прибыл князь со своим отрядом. Царь поразился, увидев перед собою Геворга Марзпетуни.

— Ты пришел замаливать грехи своего государя? — спросил он, слабо улыбнувшись.

— Нет, государь, сейчас не время замаливать грехи. Сейчас их надо совершать, — ответил Марзпетуни.

— Совершать? Разве для этого положено определенное время?

— Да, государь. Из десяти заповедей одна гласит: «Не убий». Настало время действовать против этой заповеди. Мы должны убивать.

— Надеюсь, ты приехал не для того, чтобы сделать меня соучастником своих преступлений?

— Если бы царь повел мое войско, я бы помолодел на двадцать лет.

— Твое войско? Неужели ты собрал войско? — удивленно спросил царь.

— Да, великий государь.

— Где же оно находится, твое войско?

— Здесь, на Севане.

— На Севане? — еще больше удивился царь.

— Да, государь…

Царица, присутствовавшая при этом разговоре, перебила:

— Я смотрела с башни, когда ваш плот подплывал к острову. С тобой было не больше двадцати человек. Когда же прибудут остальные?

— Мое войско состоит из этих двадцати человек. Больше я не мог собрать, — ответил князь.

— Ты болен, князь Марзпетуни? — спросил царь, пристально посмотрев на него.

— Может быть, ты полагаешь, что я сошел с ума? — улыбаясь, заметил князь.

— Да, мне так кажется, — ответил серьезно царь. — Ты говоришь, что твое войско состоит из двадцати человек, и мечтаешь, чтобы царь встал во главе этого войска. Что это — насмешка?

— Боже упаси! — с чувством сказал князь.

— О каком же войске ты говоришь?

— Об этих двадцати воинах. Они и есть все мое войско и моя армия.

Царь с царицей изумленно переглянулись, как бы спрашивая, не сошел ли в самом деле князь с ума.

Марзпетуни догадался об их мыслях и с горькой улыбкой сказал:

— Вы имеете право считать меня безумцем. В это тревожное время, когда могущественные князья с тысячами воинов заперлись в своих замках, может показаться безумием воевать против арабов с двадцатью воинами. Но я делаю это, чтобы заклеймить позором тех князей, которые говорят от лица армян, кичатся своей родовитостью, а в минуту смертельной опасности не ударили палец о палец, чтобы помочь родине.

— Если твое смелое начинание увенчается успехом, это право останется за тобой, — сказал царь. — Но что могут сделать двадцать человек перед грозной вражеской силой?

Каждый из моих двадцати воинов может поразить двадцать арабов. Если мы не сможем воевать с большим

войском, мы будем разбивать отдельные отряды и постепенно ослаблять врага.

— Немного пользы принесешь ты этим родине!

— Всякое большое дело начинается с малого.

— Итак, ты надеешься в конце концов победить?

— Или победить, или погибнуть. Я не могу сидеть в крепости и заботиться только о своей безопасности, когда царь, оставя столицу, монашествует на Севане, католикос, потеряв свой престол, странствует по стране, а народ тысячами гибнет от рук ненасытного врага… Зачем мне жить, если мои братья умирают? Чтобы оплакивать их потерю? Это достойно женщины; но мужчина, чья рука еще может держать меч, чей голос может греметь в поле…

Царь был взволнован, ему хотелось обнять и расцеловать храбреца и сказать: «Как счастлив ты, князь Геворг, что можешь воевать как простой воин за свою родину. А я лишен даже этого утешения…»

— Зачем же ты приехал на Севан? — спросил царь, сдерживая волнение.

— Хочу перед походом получить разрешение и благословение государя.

— Мой храбрый и верный князь! Ты даже славу не хочешь стяжать без благословения своего государя. Ты был достойным моим соратником, а я, увы… недостойным царем…

— Не говори этого, государь. Судьба может запереть льва в клетку, но она не в силах разбить его сердце и мощь. Живи здесь, пока твой слуга не отрубит рук, выковавших эту клетку.

— Мой храбрый, мой благородный князь, эту клетку выковали… — Он хотел сказать: «Такие руки, что, отрубив их, ты причинил бы мне вечное горе». Но он прервал свою речь и быстро встал с места. — Где твои храбрецы? Пойдем к ним. Такие герои достойны, чтобы царь сам пошел им навстречу. — Сказав это, он вышел из комнаты.

Князь последовал за ним. Привратник по другой дороге побежал к подворью, чтобы сообщить отряду о приходе царя. По приказу сепуха Ваграма дружинники сейчас же выстроились на поляне, осененной деревьями.

Царь и князь спускались с холма. Когда они подошли к храму богородицы и свернули к поляне, воины обета в один голос крикнули: «Да здравствует царь!»

Этот возглас потряс царя. Как давно он не звучал в его ушах, как давно ничто не напоминало ему, что он армянский царь, глава армянских князей, что в этой стране есть еще люди, которые ему верны и которыми он может повелевать…

Монашеское окружение, повседневные церковные службы — он почти всегда присутствовал на них, — однообразная и мирная жизнь острова и тяжелые печали заставили его забыть обо всем, убили в нем все живое. Ему казалось, что весь мир дремлет, как Севан, что смерть распростерла свои крылья над всей Арменией.

Возглас воинов обета вывел его из оцепенения. Живительная дрожь пробежала по его телу. Душа и сердце наполнились чувством гордости. Вместе с царем на острове находилось около ста воинов, опытных, храбрых солдат, но все они, оставаясь без дела и посещая церковные службы, забросили свое оружие. Он видел их каждый день сидящими перед кельями или бродящими по берегу с сетями в руках. Это не возмущало его и казалось

естественным. Но когда перед ним предстал вооруженный отряд воинов, готовый к бою, он словно ожил. Ускорив шаг, царь подошел к воинам.

— Здравствуйте, мои храбрецы! — воскликнул он, и отряд снова загремел:

— Да здравствует царь!

Сепух Ваграм, выступив вперед, снял шлем и низко поклонился. Царь протянул руку, тепло приветствуя его. За сепухом последовал начальник крепости Мушег, к которому царь тоже обратился с милостивым словом. Шагнул вперед и князь Гор. Царь, увидя его, воскликнул:

— И ты здесь, мой дорогой Гор? И ты в отряде самоотверженных смельчаков? — С этими словами царь раскрыл объятия и сердечно расцеловал юношу.

— Кому же ты поручил защиту своей невесты, Гор? — улыбаясь, спросил царь.

— Ее собственному бесстрашию, — ответил, краснея, юноша.

— Да, отец твой мне все рассказал. Ее защите поручен Гарни. Сюнийская княжна достойна этой чести. Когда мужчины сражаются в поле, женщины должны защищать крепости. Мне горько, что армянская земля дала только двадцать воинов, но мне радостно, что к этим двадцати храбрецам примкнула одна женщина, и она — моя приемная дочь и невеста Гора. Будь достоин своей невесты, мой храбрец! — Сказав это, царь подошел к остальным, со всеми поговорил, всех обласкал, а затем, обратившись к Марзпетупи, предложил ему взять половину воинов, находившихся на Севане.

Князь отказался от предложения царя, не желая уменьшать число его телохранителей.

— Мы можем отойти в минуту опасности, — сказал он. — Но царю уходить некуда. Я не могу взять ни одного воина.

Царь воздал должное заботливости своего соратника и друга. Обращаясь к нему и к сепуху Ваграму, он сказал:

— Князья опозорили и покинули меня. Поэтому я приехал на Севан как добровольный пленник. Если ваше начинание увенчается успехом и вы сможете стереть пятно, которое наложили на наше знамя вероломные князья, я выйду из моего заточения и поведу вас в победоносный поход. С этого дня я передаю свое знамя вашему отряду. Пусть оно воодушевляет вас и напоминает, что царь живет узником на Севане…

Сказав это, царь приказал телохранителям принести знамя.

Воцарилось глубокое молчание. Воины с благоговением ждали возвращения телохранителей.

Когда показалось знамя, все сняли шлемы и вновь воскликнули: «Да здравствует царь!»

Царь принял знамя из рук воинов и, передавая его Марзпетупи, сказал:

— Вместе с этим знаменем я даю тебе право действовать от моего имени. Пусть это знамя напоминает о том, что я незримо присутствую в твоем отряде.

Затем все воины были приглашены к царскому столу.

На следующий день отряд уехал, увозя с собой царское знамя, благословение царя, царицы и всего духовенства.

В Цамакаберде воины обета сели на лошадей и двинулись по направлению к Араратской долине. Их целью было разбивать отдельные отряды Бешира, которые разоряли беззащитные деревни и села. Взятие Бюракана придало арабам смелость и разожгло их страсти. Они бесчинствовали, твердо уверенные в том, что армянские князья не выйдут из своих замков и не будут подвергать опасности свою жизнь ради спасения жизни и имущества крестьян.

Едва только отряд князя миновал реку Раздан, как навстречу им попалась большая толпа беженцев.

— Откуда вы и куда? — спросил их князь.

— Из крепости Гех, господин, — ответил рослый предводитель. — Идем укрыться в Сюнийских горах.

— Одни направляются в Гех, а другие бегут оттуда? Что случилось? Кто угрожает крепости?

— Бешир, господин мой.

— Кто сказал вам?

— Из Двина нас известил надзиратель патриарших покоев.

— Почему же вы бежите? Крепость Гех достаточно сильна.

— Сильна, но в ней нет войска.

— Если все разбегутся, войска у вас, конечно, не будет. Немедленно возвращайтесь, иначе я вас всех предам мечу!

Предводитель посмотрел на своих товарищей. Женщины, приоткрыв покрывала, не сводили с князя глаз. Дети испуганно прижимались к матерям.

— Возвращайтесь! — повторил князь. — Ваше место на стенах Геха.

Беженцы стали умолять князя разрешить им продолжать свой путь, но Марзпетуни был непреклонен.

— Господин, ты предаешь нас Беширу. Через несколько дней он возьмет крепость, — сказала какая-то старуха.

— Я не допущу, мать, чтобы Бешир дошел до Геха. Но если тебе суждено умереть, то лучше умереть в своем доме, чем на чужбине.

— Я беспокоюсь не за себя, а за молодых.

— Молодые защитят себя сами.

Князь приказал предводителю беглецов повернуть назад и, обращаясь к своему отряду, сказал:

— Мы проводим этих несчастных до подножья Геха, а затем продолжим свой путь.

На следующий день к вечеру князь и его воины расстались с беженцами у подножья Геха. Отряд направился дальше, по дороге к Двину. Темнело. Князь и сепух решили не уходить далеко от границ Геха. Поэтому они поднялись на невысокий горный хребет, покрытый лесом и кустарником. Здесь им попалась на глаза укромная ложбина, осененная деревьями, где и решено было переночевать. Некоторые из воинов занялись приготовлением ужина, другие пошли за водой. Не найдя на склонах горы родника, они спустились в долину, чтоб набрать воды из протекавшей там речки. Это был один из притоков Веди, который, журча, бежал с высот Геха. Но лишь только воины вышли из кустарников, их взору предстали многочисленные шатры, разбитые у подножья

ближайшей горы. Тут и там горели костры. Это был стан арабов.

Воины вернулись и сообщили об этом князьям.

— Арабы идут на Гех, — сказал сепух.

— Несомненно, — подтвердил Марзпетуни.

— Что нам делать?

— Неужели тебе не ясно?

— Мы должны помешать, но…

— Поужинаем и приступим к делу, — решительно сказал князь и уселся на траве, где был приготовлен скромный ужин. Ужинали вместе, так как между ними не было князей и слуг. Все были братья, воины одного и того же креста и знамени. Они поужинали севанской рыбой, вареным мясом и сыром.

Во время еды царило молчание. Все думали о предстоящем сражении.

После ужина князь Геворг поднялся с места и сказал:

— Дорогие мои храбрецы! Бог предал врага в наши руки, надо этим воспользоваться. Еще до рассвета мы нападем на него. Это решено. Ложитесь и отдыхайте. А я и сепух Ваграм пойдем обследовать местность и стан противника, затем поднимемся в Гех за помощью.

— Отец, позволь мне следовать за тобой, — попросил князь Гор.

— Нет, дитя мое. Ложись отдыхать. Воин должен быть со своими товарищами, — сказал князь строго, давая понять сыну, что у него нет никаких преимуществ перед

другими и что он должен подчиняться отцу так же, как все его товарищи.

Гор, улыбнувшись, покорно склонил голову.

Князь и сепух направились в сторону вражеского стана.

Лощина, в которой были разбиты шатры неприятеля, находилась между тремя высотами: на севере подымались склоны Геха, на западе простиралась горная цепь, где расположились воины обета, восточную часть закрывали холмы, а с юга открывалась долина Веди, по которой протекала река того же названия.

— Если мы нападем с этой стороны, — сказал князь, показывая на северную часть долины, — противник вынужден будет бежать на юг. Мы должны застигнуть его врасплох. Надо испугать врага и не позволить ему прийти в себя. Иначе даже самое слабое сопротивление может испортить все дело.

— Главное — достать факелы. Как только мы подожжем один-два шатра, ужас овладеет арабами, — добавил сепух. — Этим займутся жители Геха. Наши воины будут сражаться.

Долго совещались князь и сепух, затем, еще раз обследовав местность, вернулись к отряду. Воины уже спали, но некоторые из них, заслышав шаги, вскочили с места. Князь Геворг, увидя сладко спавшего Гора, невольно остановился перед ним. Луна, просвечивая сквозь листву деревьев, освещала его прекрасное юное лицо. Он улыбался во сне. Медные латы покрывали его крепкую грудь и спину. Из-под шлема выбились пышные волосы, обрамлявшие лоб и шею. Выложенный серебром выпуклый щит, который он даже во сне держал в левой руке, светился под луной мягким светом.

Князь долго смотрел на сына. Родительское сердце его словно только что пробудилось от долгого сна. Тоска стеснила ему грудь. «Быть может, мое начинание не угодно богу. Быть может, он возгневается на меня за дерзкое намерение напасть на мирно спящих людей. Быть может, чтобы наказать меня, он пронзит мечом араба сердце моего сына, и я навсегда лишусь его, единственного утешения моей жизни… Я увижу его окровавленное лицо с застывшей улыбкой на прекрасных устах. Его чудные глаза навсегда закроются… Нет, это невозможно! Какой бог залечит тогда мою рану? Что я скажу его матери, как покажусь ей на глаза? Не безжалостный ли я варвар: зачем я не запретил ему ехать? Разве отряд не мог обойтись без его помощи? Разве его дело нельзя было возложить на какого-нибудь простого воина? Зачем я решил погасить последний светоч дома Марзпетуни?.. Нет! Он должен уехать отсюда, или мы должны отложить предстоящее сражение…»

Подобные мысли волновали Марзпетуни, когда сепух, подойдя к нему, положил свою сильную руку на его плечо.

— Мы опаздываем, князь. Не томись: у всех воинов такие же матери, как у князя Гора. Пойдем!

Слова сепуха потрясли князя. Он пришел в себя и сказал:

— Пойдем! Пусть они прославятся, как матери святых мучеников!

Князь должен был подняться на Гех, чтобы взять оттуда людей, а сепух — спуститься в селение Веди, а если бы это не удалось, пройти в Черманис и там собрать народ. Их целью было добыть не воинов, а толпу, которая своими криками могла бы нагнать ужас на врага. У речки Чигин они расстались. По дороге в крепость князь снова вспомнил

о Горе, но на этот раз не как слабый отец, а как воин, горячо любящий свою родину.

«Бесчисленное множество таких юношей, как он, уже стало жертвой вражеского меча. И это произошло потому, что каждый князь, заботясь о защите своего рода и щадя жизнь своих близких, избегал участия в общем деле.

Народ стал жертвой той робости, которая час назад охватила мое сердце. Но я принес всенародное обещание, я дал грозную клятву, как могу нарушить ее?.. Мой Гор не будет жить вечно. Рано или поздно смерть закроет ему глаза. Может случиться, что он умрет под моей кровлей от тайного удара злого изменника. Разве не лучше, чтобы он принял смерть на поле битвы, погибнув за родину? Чтобы вместо бесславной кончины он заслужил мученический венец? Почему не утешить себя мыслью, что я пожертвовал родине самое дорогое в жизни… И наконец, неужели моя Гоар, если узнает о смерти сына, не найдет в себе мужества сказать, как древняя эллинка: «Я для того и родила его…»

Князь так увлекся этими мыслями, что не заметил, как поднялся на склон Геха и доехал до крепостных стен. Не найдя около ворот колотушки, он поднял огромный камень и ударил по обитым железом воротам. Ворота загремели, но из башни никто не откликнулся. Князь ударил опять, и только тогда послышался чей-то хриплый голос.

— Откройте! Не время спать, глупцы! Враг у ваших ворот, — крикнул князь.

Голос Марзпетуни был знаком караульным. Они побежали к начальнику крепости, который поспешил открыть ворота. Въехав в крепость, князь сейчас же приказал трубить тревогу и поднять жителей.

— Что случилось, господин мой? Неужели враг уже подходит? — с тревогой спросил начальник.

— У меня нет времени говорить с каждым в отдельности. Пусть сюда соберется весь народ и выслушает мою речь, — ответил князь.

По приказу начальника воины сейчас же протрубили тревогу. Жители в ужасе вскочили и высыпали на улицу. Через полчаса все население Геха, вместе с женщинами и детьми, собралось на крепостной площади. Многие были вооружены мечами и копьями. Пришли и воины, охранявшие крепость. Князь приказал зажечь факелы. Затем, поднявшись на большой камень, заговорил:

— Сегодня я возвратил в Гех множество людей, бежавших отсюда. Они, должно быть, рассказали, что по приказу государя мы идем на арабов, которые сейчас расположились лагерем в долине Веди. Завтра враг должен напасть на вас, но я решил неожиданным ударом этой же ночью разгромить его. Вы должны нам помочь в этом деле, и победа будет на нашей стороне. В противном случае Гех завтра же превратится в развалины.

— Мы не можем ничем помочь! Мы бессильны, у нас нет воинов! — закричали со всех сторон.

— Замолчите и выслушайте меня, — приказал князь.

Все умолкли.

— Я не требую от вас ни войска, ни оружия. Мне нужно, чтобы все, кто находится здесь, последовали за мной и, взобравшись на холмы, окружающие долину, вместе с нашими воинами подняли громкий крик. А если найдется среди вас несколько храбрецов, которые захотят удостоиться благодарности царя и царицы, они подожгут факелами вражеские шатры. Сражаться будут мои воины, а добыча достанется вам.

Речь князя подействовала на жителей Геха. Несмотря на робкий протест некоторых, его предложение было принято. Надежда получить благодарность царя за поджог шатров воодушевила многих. Сейчас же организовались отряды. Те, у кого не было оружия, вооружились топорами и лопатами. Стражи приготовили факелы. Некоторые взяли с собой в глиняных мисках и маленьких бурдюках смолу. Все бесшумно вышли из крепости и последовали за княжеским конем.

Решено было идти тихо и осторожно. Князь ехал медленно, чтобы вернуться на место одновременно с Ваграмом. Но каково было его изумление, когда, доехав до стоянки воинов обета, он увидел, что сепух давно ждет его и огромная толпа, приведенная им из Веди и Черманиса, уже заполнила рощу на склоне горы. Все пришельцы разделились на три группы и расположились на косогорах. Люди с факелами должны были незаметно подойти к шатрам и ждать сигнала к нападению. Первый шатер подожжет сепух. После этого толпа поднимет крик, а воины обета начнут бой, стараясь обратить врага в бегство.

Ночь близилась к концу. Утренняя заря уже вставала на востоке, и мрак рассеивался. Лагерь арабов был погружен в глубокий сон. Огни давно погасли, движение и шум умолкли. Не было слышно даже шагов караульных. По-видимому, они совершенно не опасались нападения армян. Да и кто бы осмелился нарушить покой стана в тысячу человек? Даже перед шатром Бешира сладко спали стражи, и, вероятно, им снилось взятие крепости, резня населения и прекрасные армянские пленницы.

Вдруг в долине загремел голос Марзпетуни:

— Вперед, мои храбрецы! Бог с нами!

— Да здравствует царь! — крикнули воины и бросились на врага.

На холмах и косогорах толпа подняла дикий рев, эхо загремело в долине. Вспыхнули шатры. Арабы в ужасе выскочили из своих палаток. Смятение охватило лагерь. Свет горящих шатров озарил холмы и толпы народа на них. Своим криком и беспорядочным движением толпа создавала впечатление спускающихся с гор огромных полчищ. Арабы, решив, что они окружены многочисленным войском, бросились бежать к выходу из долины. Каждый думал только о себе. Имеющие лошадей мчались верхом, пешие бежали вслед за ними. Все были с обнаженными мечами, но никто не бился; каждый держал щит над головой и старался спастись от ударов. Разъяренный Бешир вскочил на коня и старался криками привести в порядок войска. Но его никто не слушал. Во мраке невозможно было отличить армян от арабов. Беширу казалось, что гигантская сила сжала лагерь в тиски. Со своими телохранителями он принялся отражать нападающих на его шатер, среди которых был и Гор. Храбрый княжич, желая получить самый дорогой из трофеев, решил во что бы то ни стало пробиться к шатру военачальника. Огромного роста араб, подняв меч, уже готовился опустить его на голову юноши, когда князь Марзпетуни, не спускавший глаз с сына, крикнул:

— Несчастный! Кого ты разишь?

Затем с такой силой ударил стальным мечом в покрытую броней спину Бешира, что тот, зашатавшись, упал с лошади. Князь наехал было на него, но телохранители Бешира выросли перед ним, и он вынужден был направить против них удары своего меча. А Бешир, несмотря на свой огромный рост, ловко выскользнул из толпы воинов и ускакал на коне одного из своих телохранителей. Арабы, при виде бегства своего

начальника, тоже бросились наутек. Все думали только о своем спасении.

Увидя это, ревущая на холмах толпа бросилась за бегущими. Даже некоторые из воинов обета пострадали от их мотыг и топоров.

Победа была полной.

Под утро, вернувшись назад, преследователи с удивлением увидели, что вся долина покрыта вражескими трупами. Они не могли поверить, что это дело их рук. Князь собрал воинов, чтобы подсчитать свои потери в этой неравной битве. Он с болью заметил, что не хватает трех человек. Они пали в бою. Но все же победа была такой большой и славной, что потеря трех героев не причинила ему тяжкого горя. Князь с сепухом и Гором разыскали убитых и приказали уложить их в одном из шатров. Затем князь распорядился, чтобы толпа собрала добычу, а трупы засыпали землей.

Следя за этой работой, князь Геворг обратился к сепуху:

— Помнишь, Ваграм, что ты сказал в Гарни?

— Что именно? — спросил сепух.

— Ты сказал: «Один цветок не делает весны».

— Да, помню.

— Ну как? Принес цветок весну?

— Благословен бог, да! — ответил сепух, и улыбка заиграла на его широком лице.

8. Бой на озере

Князь Марзпетуни после удачного ночного боя послал гонца на Севан сообщить о победе, одержанной под

царским знаменем. С такой же радостной вестью поспешил в Гарни князь Гор. Прекрасная начальница, заметившая со сторожевой башни знакомое знамя, встретила жениха у крепостных ворот. Весть о победе с быстротой молнии облетела крепость. Княгиня Гоар, которая со дня отъезда мужа и сына жила в постоянной тревоге, со слезами радости обняла Гора. Обитатели замка и крепости окружили юношу, чтобы услышать от него подробности победы. Затем все вместе вошли в церковь и отслужили молебен в благодарность за чудо, совершенное воинами князя Марзпетуни. Остаток дня прошел в празднествах.

Но князь Геворг был озабочен другим. Он знал, что Бешир не успокоится, пока не отомстит за поражение. Поэтому, не теряя времени, он стал готовиться к предстоящим боям. Разделив всю добычу на равные части между своими воинами и местным населением, он уехал в Гех, чтобы набрать новое войско. Одна удача всегда приносит за собой другую. На этот раз на его призыв откликнулись все воины, проживающие в крепости Гех. Мужское население Веди и Черманиса, способное носить оружие, беженцы из Урцадзора приходили в Гех и становились под княжеское знамя. В то же самое время многие гарнийские воины попросили сюнийскую княжну ходатайствовать перед князем о принятии их в отряд. Это ходатайство имело успех, и воины Гарни вместе с Гором поспешили в Гех. Таким образом войско князя Геворга во много раз увеличилось. Теперь у него было уже более пятисот воинов.

Но Бешир намеревался воевать не с Марзпетуни. Поражение и позорное бегство до такой степени разъярили его, что победа над одним Марзпетуни и его отрядами не могла удовлетворить его. Он решил отправиться на Севан и взять в плен армянского царя.

Незадолго до того востикан Нсыр уехал в Атрпатакан усмирять восстание габавонцев. Он назначил Бешира своим наместником в Двине. И то, что именно в эти дни он потерпел позорное поражение от двадцати воинов Марзпетуни, приводило Бешира в ярость. Этот неслыханный позор он должен был смыть великой победой. Поэтому он приказал созвать в Двин все арабские войска, сторожевые отряды и даже шайки, грабившие беззащитное население. При одном виде такой армии царь должен был ужаснуться. Из Двина на Севан Бешир выступил ночью. Боясь нового неожиданного нападения Марзпетуни, он прошел не через Гехские горы, а, миновав Мазаз, вступил в Котайк.

Геворг Марзпетуни ждал Бешира в Гехской крепости, уверенный, что тот будет мстить за свое поражение именно ему.

Через три дня арабское полчище, заняв побережье Гегамского озера, разбило свои шатры как раз против острова. Но Бешир, не имевший понятия о том, что такое Севан, остолбенел, увидев перед собой остров, окруженный со всех сторон водой.

«Как же мы будем брать эту необыкновенную крепость?» — раздумывал он и созвал на совет своих начальников. Некоторые из них посоветовали связать плоты и на них добраться до крепости. Иные, не имея понятия о глубине озера, предложили засыпать землей и камнями часть озера между островом и берегом.

А один старый воин предложил Беширу спустить воду из озера.

— Спустить воду? — удивился Бешир.

— Да. Так поступил двести лет назад востикан Мухаммед Второй, — ответил воин. — Три года подряд

Мухаммед осаждал эту крепость, но не мог ее взять. Много раз он готовил плоты и с многочисленными войсками окружал остров. Но армяне длинными железными крюками придвигали плоты к скалам и, залив их нефтью, сжигали. Востикан решил попробовать взять крепость измором. Но и это ему не удалось. Опытные лодочники-армяне с берега тайно перевозили на остров продукты. Когда востикан, потеряв всякую надежду, собирался уже бросить осаду и уйти, один арабский ученый, находившийся в стане Мухаммеда, предложил ему осушить озеро. «Севан находится на очень большой высоте, — сказал ученый. — Из него берет начало река Раздан. Можно разрушить один из берегов и, открыв проход в ближайшее ущелье, спустить воду из озера». Мухаммед одобрил предложение арабского ученого. Он приказал сейчас же приступить к работе. В течение нескольких недель воины-арабы прорыли гигантский канал, и вода потекла в ущелье. Все это пространство, что простирается перед нами, через несколько дней было осушено. Мухаммед без труда вступил на остров и занял старинную крепость, которая, как говорили, со дня своего основания не была ни разу взята. Арабы тогда перерезали всех обитателей острова, разграбили сокровища богатых церквей и взяли в плен находившихся там армянских княгинь…

— Поступим так же и мы, — прервал воина Бешир. — Тот из вас, кто сумеет найти этот старинный канал, будет щедро вознагражден.

— Этот ученый, господин мой, был одним из моих предков, — продолжал воин. — Этот рассказ — наше семейное предание. Быть может, одному из внуков прежнего прозорливца удастся найти канал.

Оставим теперь арабов и посмотрим, что делалось в это время на острове Севан.

Было утро, когда кто-то из монахов заметил на берегу арабские отряды. Арабское знамя было им знакомо, поэтому они известили об этом игумена и братию. Когда все вышли на берег, конница противника уже заняла противоположную равнину. Весть о победе воинов обета не вязалась с появлением арабов. Если Бешир побежден, то чьи же это войска собираются напасть на Севан?

Когда об этом сообщили царю, он сказал:

— Потерпев поражение от Марзпетуни, Бешир решил напасть на нас.

— Что мы будем теперь делать? — в тревоге спросила царица.

— Ничего, — беспечно ответил царь. — Если арабы попробуют подойти к нашему острову, мы сломаем их плоты и утопим.

— Но как? У нас всего-навсего сто воинов, — взволновалась вновь царица.

— И сто монахов, — добавил царь. — Тот, кто ест хлеб народа, может и повоевать за народ.

— Мы готовы, — заметил игумен, — но у монахов нет оружия.

— Остров, слава богу, каменистый, — ответил царь, — а для борьбы с плотами не нужно мечей и копий: прикажи, чтобы каменщики собрали камни у берега, и все. Наши святые отцы, мне кажется, сумеют бросать их. Когда воины начнут метать стрелы и крюками тащить плоты, монахи забросают арабов камнями.

— Это мы сможем…

— Всех потопим!.. — горячо заговорили монахи.

Царь и островитяне еще совещались, когда вошел один из телохранителей и доложил, что от противника к острову плывет лодка.

— Оставьте, пусть подойдет, — приказал царь. — Одна лодка опасности не представляет.

Выйдя затем из своих покоев, он распорядился, чтобы его телохранители немедленно вооружились и спустились к берегу. Такое же распоряжение получила и братия. Когда все собрались, царь спустился на берег и расставил воинов

и монахов в таком порядке, чтобы произвести впечатление на посланцев Бешира.

Лодка, которой правил армянин из Цамакаберда, подошла к острову. В ней сидели два арабских князя и несколько воинов. Выйдя на сушу, они сообщили, что от военачальника Бешира приехали посланцы к армянскому царю и желают его видеть. По приказу государя телохранители проводили их к береговому зданию, где находился в это время царь. Он принял их здесь, чтобы чужеземцы не разглядели острова.

— Какие вести? — улыбаясь, спросил царь.

Послы, низко поклонившись, ответили:

— Военачальник Бешир соизволил послать свой поклон армянскому царю и известить, что по приказу востикана и с его знаменем он пришел занять остров Севан и взять в плен самого царя. Но Бешир, как друг царя, предлагает ему явиться в его шатер и заключить соглашение о мире и дружбе, а Севан сдать ему без боя как владение, принадлежащее востикану. В противном случае, — прибавили послы, — военачальник не пощадит ни твою особу, ни население Севана.

Царь, возмущенный дерзкой речью, но стараясь хранить спокойствие, улыбаясь, ответил:

— Армянская земля принадлежит главному эмиру, никто этого не отрицает. Поэтому нет смысла воевать с островом, доступ на который свободен для вас. Что касается меня, то сообщите военачальнику Беширу, что я очень тронут его приветом и предложенной дружбой. Скажите ему, что завтра утром я лично явлюсь его приветствовать. Свидание откладываю на день с тем, чтоб иметь возможность приготовиться и с надлежащим почетом приветствовать военачальника.

Послы пришли в восторг от покорного и учтивого ответа царя. Они повернули лодку и направились к себе в стан.

Бешир, услыхав ответ царя, был вне себя от радости. Он решил, что царь испугался его войска и отложил свидание, чтобы приготовить богатые дары.

А царь, вернувшись к своим, объявил, что завтра он даст арабам бой. Стража царя, которая насчитывала едва сто человек, была поражена. «Неужели царь готовится к сражению? Что мы можем сделать с этим огромным войском?» — думали они.

Царь почувствовал смущение воинов и, обратясь к ним, сказал:

— Вы хотите, чтобы ваш царь попал в плен к Беширу?

— Никогда!.. — воскликнули все как один.

— Тогда готовьтесь к бою. Князь Марзпетуни с двадцатью воинами разбил войско Бешира. Неужели вы, сто человек, не сможете сделать то же самое?

Имя храбрецов Марзпетуни вдохновило воинов.

— Веди нас, великий государь! — крикнули они горячо.

— Я буду с вами до последнего вздоха, — сказал царь. Затем обратился к монастырскому ключнику: — Сколько на острове плотов?

— Двадцать, если не считать лодок, — ответил тот.

— Завтра до рассвета они должны быть готовы к спуску на воду.

— Будут готовы еще ночью, — ответил ключник и, низко поклонившись, удалился.

Замысел царя был более чем дерзким. С несколькими десятками воинов идти против войска Бешира — значило идти на верную гибель.

Монастырская братия, прекрасно понимавшая грозящую опасность, обратилась к царице с просьбой, чтобы она отговорила царя от такого намерения.

— На острове нам легче защищаться, — убеждала царица. — Наши воины и братия справятся с плотами противника. Это нетрудно. Но вне острова у тебя нет опоры. Противник стрелами истребит твоих воинов и займет остров.

— Две серьезные причины толкают меня на этот шаг, — ответил царь. — Первая — мое царское достоинство. Этот наглый араб осмелился послать ко мне своих людей и требовать Севан, называя его владением главного эмира. Он приглашает меня к себе подписать мирное соглашение с тем, чтобы взять в плен. Этот жалкий человек, потерпевший поражение от двадцати воинов Марзпетуни, считает армянского царя столь бессильным, что осмеливается делать ему столь унизительное предложение. Я должен доказать ему, что у льва и в клетке львиное сердце. У меня перед глазами пример Марзпетуни. Как ни мало у меня воинов, я должен дать сражение Беширу. Стыдно Ашоту Железному быть менее мужественным, чем князь Геворг.

Вторая причина еще более серьезна. Жизнь потеряла для меня всякий смысл. Я не дорожу ею. Об этом я много раз говорил тебе, и ты знаешь, что я имею право желать смерти. Настал час, которым я должен воспользоваться. Я хочу избавиться наконец от угрызений совести и

нескончаемых душевных мук. К тому же смерть в этом бою может прославить мое имя. Я, конечно, забочусь не о себе, но о потомках; моя смерть послужит им примером.

— Первая причина уважительная и справедливая, вторая же бесчеловечна, — ответила царица: — Если жизнь стала для тебя бременем и ты желаешь избавиться от нее, это твое право, но обрекать на смерть еще сто человек — жестоко. Эти люди, оставаясь на острове, могут избежать опасности. Зачем перед уходом из жизни брать на душу новый грех? Зачем становиться причиной несчастья людей, лишать семьи кормильцев?..

— Я этого не допущу. Я все взвесил и знаю, кого настигнет смерть. В этом бою падет тот, кто ищет смерти. Остальные вернутся с победой.

— Странное пророчество.

— Да, это так. Бешир, сидя спокойно в своем шатре, ждет, чтобы я пришел к нему с богатыми дарами и сдался в плен. После моего ответа он не ожидает ничего другого. Я все обдумал. Пусть и братия и царица будут спокойны…

— И царица?.. Ты думаешь, что царица может быть спокойна, когда царь ищет смерти?

— Я не хочу огорчать тебя, но решение мое непоколебимо. Какие бы ни были его последствия, ты с ними должна смириться. Даже тогда, когда счастье сопутствовало мне, честь была для меня превыше всего. Как я могу запятнать ее теперь, когда питаю к себе только ненависть?!

— О, какой ты безжалостный… Почему ты сказал это?.. Зачем дал мне почувствовать, что тебе не для кого жить?.. — С этими словами опечаленная царица вышла от царя и направилась в свои покои.

На следующее утро, незадолго до рассвета, плоты были спущены на воду. Воины в присутствии царя упражнялись в метании стрел. Царь разместил их на десяти плотах, на каждом по семи человек, гребцами же назначил опытных в этом деле монахов. Для себя он выбрал легкую лодку, в которую, кроме гребцов, село несколько человек из его свиты. Затем царь распорядился, чтобы остальные воины и монахи следили за их действиями и по первому сигналу, вооружившись копьями, уселись на плоты и двинулись на врага. Это должно было создать впечатление, что с острова на помощь идет новое войско.

Когда солнце поднялось из-за Айцемнасара, небольшой царский флот, отчалив от острова, медленно направился к лагерю Бешира. Царская лодка, украшенная флагами, шла впереди, за нею по два в ряд следовали плоты. Армяне спрятали свои копья и щиты, чтобы обмануть противника. Как только плоты отчалили от острова, войско Бешира высыпало на берег, чтобы увидеть армянского царя. Многие арабы были безоружны, а некоторые даже босы и полуодеты. Они никак не ожидали нападения.

Бешир, возлегавший в шатре, узнав о приближении Ашота Железного, приказал своей свите выстроиться у шатра. Затем он облачился в богатые одежды, надел чалму с золотым султаном, выложенную золотом дамасскую саблю и, развалившись на роскошных подушках, стал поджидать гостя. Он решил сначала оказать царю почет, а по получении от него даров заковать его в цепи и пешком отправить в Двин. «Вот когда армяне узнают Бешира и будут трепетать при одном его имени. А презренный князь, осмелившийся ночью нарушить покой моего стана, пусть коленопреклоненно вымаливает прощение и плачет о своем несчастье в темнице Двина».

Бешир был занят этими мыслями, когда царь Ашот со своими воинами приближался к берегу. Арабов

становилось все больше и больше. Они заполнили весь берег и прибрежные скалы. Царские плоты казались им красивыми игрушками.

Но вот царь, взяв из рук оруженосца серебряный лук, крикнул:

— Пора, мои храбрецы! Стреляйте!

Воины быстро взяли в руки щиты и, натянув луки, стали осыпать арабов стрелами.

На берегу начался переполох. Арабы, растерявшись, расталкивая и сбивая с ног друг друга, побежали к шатрам, но стрелы с ужасающей быстротой летели вслед за ними и валили их с ног. Ни одна стрела не миновала цели, ни один выстрел не обошелся без жертвы. Бешир все еще был погружен в свои мечты, когда до него донеслись отчаянные крики. Он растерянно вскочил с места и бросился к выходу. Навстречу ему бежали с искаженными лицами телохранители. Перебивая друг друга, они сообщили, что армяне напали на них.

— Вперед! К оружию! — закричал он хриплым голосом и, обнажив саблю, бросился к берегу. Но, столкнувшись с толпой бегущих воинов, вынужден был отпрянуть назад к своим телохранителям. Ему подвели коня и, сверкая саблей, он ринулся вперед.

— Арабы! Не отступайте! Не теряйтесь! За мной! Вперед, копьеносцы! Враг малочислен, нападайте, бейте его!

Но мало кто последовал за начальником, а телохранители кричали:

— Враг на озере, повелитель! Что могут сделать ему наши мечи и копья?

— Вперед, стрелки! Покажите неверным силу вашей руки! Утопите этих мерзких армян! — ревел Бешир.

Стрелки окружили его и, образовав из щитов черепаху, двинулись к берегу. Натянув луки, они стали посылать стрелы, но сама природа помогала армянам. Солнце яркими лучами слепило арабам глаза, и им не удавалось попадать в цель. Стрелы их падали в воду. Между тем стальные стрелы армян пронзали насквозь вражескую черепаху, разрывая кожаные щиты. Они срывали шлемы, впивались в грудь и бедра. Берег покрылся трупами. Бешир упорно сопротивлялся, надеясь рассеять наконец героически сражавшихся царских воинов. Но армяне все ближе подвигались к берегу. Это удивляло арабов. Вдруг над царской лодкой взвился красный флаг. Это был сигнал для островитян. Сейчас же показались новые плоты, которые, выйдя из-за скал, двинулись на помощь царю. Противник ясно видел на них многочисленное войско. Об этом говорили длинные копья, колеблющиеся над плотами. Медные щиты и вооружение, блестевшее на плотах, придавали им угрожающий вид.

Воины Бешира окончательно растерялись. Бешир стал ободрять их, но его голос не действовал на упавших духом арабов. Напрасно он кричал и метался из стороны в сторону на своем взмыленном коне. Смятение овладело войском. Один из соратников Бешира, подъехав к нему, настойчиво стал уговаривать его отступить.

— У армян, как видно, большие силы. Они сейчас отвлекают наше внимание, чтобы начать новое и более сильное наступление.

— Мы всех их разобьем! — закричал Бешир.

— За ними последуют и другие. Когда я ездил к царю, остров был полон войск. Надо избежать боя, — настаивал приближенный.

Пока они спорили, отряд стрелков, отказавшись от сопротивления, обратился в постыдное бегство. Бешир с перекошенным лицом помчался наперерез, но не мог устоять против отчаявшейся толпы. Она увлекла его за собой. А те отряды, которые еще сопротивлялись армянам, увидев среди отступающих воинов своего начальника, решили, что он спасается бегством, и, повернув назад, бросились вслед за ним. Отступление стало общим. Бешир и его начальники отступили вместе с войском.

Бегство врага еще больше воодушевило армян. Их плоты, скользя по волнам, подошли к берегу. Воины друг за другом высыпали на сушу и с грозными криками стали преследовать арабов. Вскоре подоспели остальные плоты, которые так перепугали противника. На них находилось тридцать воинов, оставленных царем на острове, и несколько монахов. На монахах по царскому приказу были надеты шлемы, в руках они держали щиты и копья. Они должны были представлять собою войско. Поэтому многие держали в руках по нескольку копий. Выдумка царя имела успех. Вновь прибывшие тоже бросились за убегающими арабами. К ним присоединилось армянское население ближайших деревень. Они перебили большую часть рассеявшихся отрядов противника. Остальные скрылись в горах.

Вернувшись на место стоянки арабов, армяне собрали оставленную врагом богатую добычу, сняли оружие с убитых и, разобрав шатры, переправили все это на остров.

Царица, с замиранием сердца ожидавшая конца боя, сошла со своими прислужницами на берег, чтобы

приветствовать победными песнями возвращавшихся храбрецов.

У армян не было потерь. Несколько человек оказалось ранено; царь велел немедленно перевести их в удобное помещение, где им была оказана помощь.

Монахи отслужили благодарственный молебен, на котором присутствовали царь, царица и все воины. После этого начался праздник. В нем приняли участие и жители окрестных сел.

Но царь был грустен и бледен. Он рано удалился с праздника и уединился в своих покоях. Это обеспокоило царицу. Она прошла к нему, чтобы узнать причину его грусти.

— Я ранен, — сказал царь тихим голосом.

— Ранен?! — воскликнула царица. — Что же ты сразу не сказал об этом? Где лекарь? Надо позвать его сюда…

— Оставь, я не хочу омрачать радость победы. Можно и завтра начать лечение, — прервал ее царь.

— Но ты бледен и грустен, верно, рана твоя глубока…

— Я грущу, потому что остался жив…

— Боже мой! Ты опять о том же…

— Я жалею, что рана моя не смертельна.

— Умоляю, пощади меня!.. — взмолилась царица.

— Победа была уже за нами, когда вражеская стрела вонзилась мне в ребро. Я обрадовался, что победа увенчается смертью, и сейчас же вытащил стрелу, чтобы

вместе с ней вылетела и моя душа. Но, увы… Рука араба не сумела нанести смертельную рану Ашоту Железному.

— О, как ты безжалостен!.. — прошептала царица и, не в силах больше терпеть, вышла из комнаты. Воин, стоявший у дверей, побежал за лекарем.

Осмотрев рану, зиявшую меж ребер, лекарь осторожно промыл ее и, смазав лекарственным снадобьем, заботливо перевязал.

На вопрос царицы, насколько опасна рана, он ответил:

— Благодарение богу, жизнь государя вне опасности.

Когда же царь остался один и приказал не скрывать от него правды, лекарь сказал:

— Стрела, великий государь, была отравлена. Быстрое воспаление раны не предвещает ничего хорошего.

К удивлению лекаря, на лице царя показалась довольная улыбка.

9. Из огня да в полымя

Князь Марзпетуни был так занят подготовкой к новому сражению, что в течение нескольких дней ничего не знал о событиях, происшедших в Двине. Он был уверен, что Бешир после нанесенного ему поражения готовится к нападению на Гех. Но каково было его изумление, когда один из воинов привез известие, что возвращающиеся в Двин караваны видели многочисленное войско Бешира на берегу озера.

— Он хочет неожиданно напасть на Севан, — догадался князь. — Он решил отомстить государю… Жизнь царя в опасности, надо спешить на помощь!

Князь приказал войску немедленно готовиться к выступлению. Но не успел он сообщить о своем намерении, как прискакал царский гонец и привез радостную весть о победе, одержанной царем на озере.

— Слава всемогущему богу, что не оставляет нас своей помощью! — воскликнул князь и, сняв шлем, прочувственным голосом прочел псалом Давида.

Народ и войско опустились на колени и произнесли благодарственную молитву. Остаток дня прошел в радостном празднестве, в котором участвовал князь с приближенными и воины обета.

Пока армяне праздновали победу на Севане и в Гехе, Бешир, разъяренный неудачами, вернулся в столицу.

Он собрал разбежавшиеся отряды, привел их в порядок и решил обрушиться на Гех, как первоисточник зла. Он полагал, что Марзпетуни находился в Урцадзоре. Поэтому, когда одни из его начальников предупредил о возможности нападения Марзпетуни, Бешир ответил:

— Этот мерзкий князь бродит в ущельях. Он не осмелится встретиться с нами в открытом поле.

Бешир проехал Котайк и, вступив в Востан, разбил лагерь на берегу Азата близ деревни Еранос. Отсюда он послал гонца в Гех с требованием выдать ключи от крепостных ворот, будучи уверен, что жители не посмеют ослушаться его приказа. Но как он возмутился, когда гонец вернулся и сообщил об отказе.

— Ключи от нашей крепости очень тяжелы, — сказали гонцу гехцы, — тебе одному их не довезти. Скажи Беширу, пусть приедет за ними сам.

— Так они еще высмеяли меня? — вскричал Бешир.

— Да, повелитель, и даже надругались над твоим приказом.

— Хорошо! Я забью ругань им обратно в глотку!.. А сколько войск у этих разбойников?

— Не знаю. Мне не разрешили войти в крепость. Со мной говорили с башни, — ответил гонец.

Начальники войска Бешира, боясь неожиданного нападения, советовали ему вернуться в Двин, дать отдых войскам и только тогда двинуться на Гех.

— За это время мы сможем узнать о количестве войска в крепости, — говорили они.

— Нет, после двойного поражения я не могу идти в Двин, — ответил военачальник. — Я привык вступать в Двин победителем, так будет и на сей раз.

Уговорить упрямого араба было невозможно, и начальники вынуждены были покориться.

Было пасмурное майское утро. Свинцовые тучи закрывали небо. Беширу казалось, что сама природа, скрыв солнце за тучами, предвещает ему победу. Поэтому он дал приказ начальникам немедленно выстроить войско и начать наступление на Гех.

Староста Ераноса, выполняя распоряжение Марзпетуни, уже успел послать гонцов в Гех и сообщить о приближении арабов.

Князь со своим войском ждал Бешира.

Армяне были так воодушевлены победами, что князь решил не запираться в крепости, а напасть на противника на склонах Геха. Армянское войско нетерпеливо ждало сигнала. Каждый из воинов хотел прославиться боевым

подвигом. Того страха, который, бывало, владел армянами при одном слухе об арабском нашествии, уже не было. Голос князя Марзпетуни вселял в них необыкновенную силу и веру в победу.

Когда Бешир, перейдя двинскую речку, стал подниматься по склону Геха, он увидел, что вершина горы скрыта за густым туманом. Крепости не было видно совсем. Это сильно встревожило его, но он ничего не сказал военачальникам. Он молча гнал лошадь, и золотой султан гордо развевался над его белой чалмой.

Арабы уже поднялись до половины горы и вступили в полосу тумана. Кто-то из приближенных предупредил Бешира об опасности продвижения в тумане, но он не обратил на это внимания. Вдруг раздались крики армянских воинов. Как бушующий поток, нахлынули они на арабов. Начался жестокий бой. Противник в замешательстве кинулся было бежать, но крики Бешира и возгласы начальников остановили войско. Не зная, где находятся армяне и сколько их, арабы выстроились на склонах и начали защищаться. Но бились они только тогда, когда их ободрял Бешир. Как только он отъезжал в сторону, арабы шаг за шагом отступали вниз по косогору. Сила нападающих была такой сокрушающей, что в течение часа склон горы покрылся трупами. Многие арабы вместе с лошадьми скатывались в ущелье. Сепух Ваграм, князь Гор и старик Мушег бились каждый на своем участке. Их отряды все дальше оттесняли противника. Отчаянно сопротивлялся только Бешир со своими телохранителями. Их взбешенные кони становились на дыбы, бросались в разные стороны, норовя растоптать армянских воинов, сражавшихся мечами и копьями.

Князь Геворг, который сражался на склоне горы, видя упорство Бешира и его отряда, поднялся выше по склону.

Прорвав передние ряды, он стремительно бросился к военачальнику.

— Куда, несчастный! — закричал он грозно, направляя копье в грудь араба. Однако копье не пробило стального щита Бешира и, соскользнув, попало в коня. Конь пал, а Бешир отскочил в сторону. Его телохранители окружили князя Геворга. Еще немного, и гибель князя была бы неминуема.

Но на этот раз на помощь к отцу подоспел сын. Со своими воинами он бросился на врагов.

Арабы сопротивлялись недолго и начали отступать. Бешир бежал через ущелье в Двин. Убедившись воочию в поражении своего войска, он поспешил спасти свою жизнь. Это привело в отчаяние последние отряды сопротивлявшихся арабов. Отступая шаг за шагом, они дошли до подножья горы и обратились в бегство.

На этот раз Марзпетуни не преследовал убегавших. Двин был недалеко: оттуда могла подоспеть к арабам помощь.

Он собрал своих воинов, сосчитал павших и тут же, на месте боя, прочел благодарственную молитву. Затем, пришпорив коня, князь направился в Гех. За ним последовали его соратники и войско, распевая победные песни.

1. Беспокойный человек

На западном берегу реки Ахурян, там, где речка Текор, сливаясь с ней, образует обрамленный водой треугольник, стоял старинный город. С юга, единственно доступной стороны, его окружали высокие стены. С востока и севера тянулось глубокое ущелье с грозно ревущей рекой на дне, а с запада отрезала все пути глубокая пропасть, скалистые края которой доходили вплоть до цитадели, находившейся на высоком холме в северной части города. Восемь веков тому назад этот город был языческим. Здесь были собраны некогда все святыни армян-язычников, главные языческие идолы и их капища, здесь совершались религиозные празднества и приносились жертвы.

Это был знаменитый Багаран, выстроенный Ервандом Вторым. Кроме языческих храмов, он славился великолепными дворцами, где жили когда-то верховные жрецы со своими приближенными и множеством слуг. Город кишел жрецами и жрицами, составлявшими большую часть населения. Для жертвоприношений стекались в этот город с самых дальних окраин Армении. Народ приносил священному огню обильные жертвы, и изо дня в день богатели капища и сокровищницы верховных жрецов. Три

века стояли тут идолы, и три века молился им армянский народ.

Багаран в то время был силен; он не боялся врагов, и его обитые железом ворота никогда не закрывались. Здесь жили только для молитв и развлечений.

Иную картину представлял собою Багаран в 925 году. Не было больше древних капищ, не осталось следов языческих памятников. Холмы Багарана украшали теперь великолепные храмы и живописные часовни. Вместо языческих гимнов в них возносились молитвы благочестивых христиан. Люди поклонялись здесь уже другому богу, но они не были так счастливы, как их предки-язычники… Они не знали прежней свободы и мирной жизни. Вокруг Багарана были сооружены укрепления. Высокие стены мешали свободному доступу в город, сурово смотрели мрачные башни, а ущелье Ахуряна своей пустынностью наводило грусть на путника.

Багараном владел дядя царя, спарапет Ашот. Отсюда он правил своими владениями и подданными, отказывая, однако, в защите подданным царя. Несколько лет тому назад, получив корону от востикана Юсуфа, спарапет решил удалить с престола своего племянника, законного царя, и сесть на его место. За это народ прозвал его Деспотом. С этих пор он безразлично относился к бедствиям ему не подвластного народа и радовался неудачам царя.

Все это между тем не помешало католикосу Иоанну искать убежища у презираемого народом Деспота. Католикос, как мы видели, бежал в Багаран из Бюракана, когда Бешир с войском двинулся на Бюракан. С того дня спарапет покровительствовал католикосу и его святейшество вкушал у него покой.

В один прекрасный день в ущелье Багарана показался отряд всадников, во главе которого находился Геворг Марзпетуни.

Зачем он ехал в Багаран?

Прошли месяцы. Победы, одержанные Марзпетуни, принесли свои плоды. Арабы постепенно исчезли из населенных армянами областей. Бешир с оставшимися войсками заперся в Двине, не решаясь покинуть его. Армянские князья, ободренные примером Марзпетуни, изгнали арабских разбойников из своих владений.

В стране воцарился мир. Народ вздохнул свободно, поселяне и горожане занялись повседневным трудом. Царские воины, рассеявшиеся после поражения царя и служившие под знаменами других князей, услышав о победах князя Геворга и узнав, что он действует по царскому указу, пришли и присоединились к его войску. Таким образом войско Марзпетуни увеличилось до нескольких тысяч.

Эти удачи воодушевили князя. У него созрел план, который имел целью совершенно очистить страну от арабов и обеспечить раз и навсегда прочность царского престола. Он решил напасть на Двин, занять столицу и изгнать оттуда Бешира, пользуясь тем, что востикан находится в Атрпатакане.

Это начинание было гораздо сложнее прежних, и к нему нужно было основательно подготовиться. Посоветовавшись со своими соратниками, сепухом Ваграмом, начальником крепости Мушегом и сыном Гором, он порешил, что войско останется пока в горах Геха, где население Мазаза, Востана и Урцадзора заботилось о пропитании воинов. Сам же он намеревался проехать в Багаран, чтобы убедить католикоса вернуться на свой

престол в Двин. Оттуда он предполагал двинуться в Еразгаворс и уговорить царского брата Абаса примириться с царем. Затем Марзпетуни хотел направиться в Севан за царем и царицей, чтобы во время наступления на Двин царь находился в его войске и помог своим участием и советами.

Был полдень. Проехав Ахурян, князь со своим отрядом стал подниматься на склоны Багарана. Подъем начинался из ущелья и кончался у южной границы города, окруженной стенами. По ним ходили воины-стражники.

Кони неслись стремительно, их сбруя сверкала под солнцем. По смелому маршу отряда стражи поняли, что приезжие — друзья. Поэтому обитые железом крепостные ворота беспрепятственно открылись перед всадниками.

Князь проехал прямо ко дворцу спарапета, чтобы приветствовать его раньше католикоса. Деспот, все еще называвший себя царем и известный под этим именем в долине Ширака и ущелье Аршаруни, принял князя с подобающим почетом.

— Если б я знал, что к нам едет победитель Марзпетуни, я выслал бы ему навстречу свою свиту, — любезно сказал он.

— Твой покорный слуга, славный князь, доволен и этим приемом, которого, быть может, он недостоин, — скромно ответил князь.

— Недостоин? — поспешно возразил спарапет. — Тебя следует увенчать лаврами и воздвигнуть в твою честь триумфальные арки. Бешир думает о бегстве, двинские эмиры произносят с дрожью твое имя… Видишь, как ты их перепугал!

Марзпетуни скрыл под улыбкой недоверие, с которым он относился к словам спарапета. Он прекрасно понимал,

что эти похвалы говорятся ему только в лицо, на самом же деле его удачи были не по душе Деспоту.

— Я хотел бы оказаться достойным этих похвал. Но как мне далеко до этого… — заметил князь.

— Не говори так. Мой племянник счастлив, имея такого соратника, как ты! — воскликнул спарапет. — Я отдал бы весь Ерасхадзор тому, кто нашел бы мне соратника, подобного тебе.

Марзпетуни испытующе посмотрел на спарапета, словно желая проникнуть в его сердце и вырвать оттуда дух зависти и злобы. Ему стало грустно. Он вздохнул.

Да и как было не печалиться? Перед ним стоял родной брат царя Смбата, статный, широкоплечий мужчина высокого роста. Когда он говорил, его голос гремел, а земля словно дрожала от его поступи. И этот могучий человек, вместо того чтобы стать сподвижником царя и защитником родины, был их врагом. Тщеславие ослепило его душу, коварство чужеземца отняло у него разум. Ничего не стоящая корона, данная ему арабским востиканом, убила в нем благороднейшее из чувств — любовь к родине. Чувство злобы принижало этого богатыря, убивало в нем человеческое достоинство. У него язык не поворачивался назвать Ашота Железного царем. Он называл его «мой племянник», словно, назвав его «государем» или «царем», он мог лишиться своих титулов. И все же он расхваливал царского приближенного, стараясь снискать его доверие, чтобы при удобном случае привлечь его на свою сторону и рассорить с царем. Все это князь Марзпетуни прекрасно понимал.

Спарапет, избегая взгляда князя, поспешил узнать о причине его приезда.

— Ты не любишь Багарана, князь. Видно, какое-то серьезное дело заставило тебя посетить нас, — сказал он улыбаясь.

— Да, у меня дело, — ответил Марзпетуни и рассказал ему о причине своего приезда и намерении вернуть на престол католикоса.

— Зачем ты хочешь лишить нас покровительства его святейшества? — спросил спарапет подозрительно.

— Затем, что не сегодня-завтра востикан вернется из Атрпатакана и, если найдет патриаршие покои пустыми, займет их, чтобы отомстить нам за поражение Бешира.

— Какая ему в том выгода?

— Разве тебе это не известно? Сотни монастырей и духовных братий живут за счет доходов с патриарших поместий.

— Да, это достойно внимания. Монастыри понесут убытки, — ответил спарапет, снова испытующе посмотрев на Марзпетуни. Он чувствовал, что у князя какие-то тайные намерения, о которых тот не говорит.

Князь Геворг больше ничего не произнес: он остерегался говорить лишнее.

— Могу ли я видеть его святейшество? — спросил князь, полагая, что католикос находится во дворце спарапета.

— Почему же нет? Но я бы хотел, чтобы ты сначала немного отдохнул. Путь к его покоям довольно далек и труден, ты можешь устать, тем более что солнце сильно палит.

— Разве он не в твоих палатах? — удивился князь.

— Нет.

— Так, вероятно, у кого-нибудь из горожан?

— Нет. Он в цитадели, — улыбаясь ответил спарапет.

— В цитадели? Что он там делает?! — воскликнул Марзпетуни.

— С того дня, как ты со своими отрядами стал преследовать арабов, его святейшество укрылся в

цитадели. Он не доверяет защиту своей особы даже моим войскам.

— Вот человек, который по достоинству ценит данный ему богом сан! — насмешливо заметил князь.

Посмотрев на цитадель, которая, как грозный великан, высилась на противоположном холме, он спросил:

— Кому прикажешь сопровождать меня, князь? Я хочу сейчас же представиться его святейшеству.

— Начальник моих телохранителей присоединится к тебе, если изволишь согласиться, — ответил спарапет.

Князь поблагодарил и вместе со своими приближенными и проводником направился к цитадели. Дорога шла по каменистым буграм, извиваясь по ущелью, и была трудно проходимой даже для небольшого отряда. Князь и его спутники следовали друг за другом, образуя длинную цепь.

Католикос в это время с одним из епископов стоял на балконе замка. Его взору открывались великолепные картины природы, одна лучше другой, но он не замечал их.

Ни живописный Арагац, высившийся на северо-востоке четырьмя пирамидальными вершинами, ни гора Капуйт, окаймлявшая горизонт с юга и закрывавшая долину Ерасха, ни ущелье Аршаруни — ничто не привлекало внимание католикоса. Перед ним лежал прекрасный Багаран с роскошными строениями и куполами церквей. Быстрый Ахурян, точа скалы, ревел у его подножья и, извиваясь как вишап, охватывал кольцом крепость. Грозные скалы и утесы висели над бездной. Но глаза католикоса видели только одно — поднимающийся по скалистой тропинке отряд.

«Кто это такие и почему они поднимаются в цитадель в такую жару?» — думал католикос.

Но вот отряд достиг крепостного ската. Еще несколько шагов, и можно будет разглядеть воинов.

— Это он! Он самый! Что ему здесь надо?! — воскликнул вдруг католикос, узнав князя Марзпетуни, который твердым шагом направлялся к крепостным воротам.

— Кто, святейший владыка? — спросил епископ.

— Он, этот беспокойный человек, который никогда не сидит на месте, — прошептал католикос, словно боясь, что голос его дойдет до подножья крепости.

— Кто же это? — спросил еще раз епископ и встал с места, чтобы видеть прибывших.

— Князь Марзпетуни. Он, конечно, несет нам какую-нибудь неприятную весть, — прибавил католикос, предчувствуя, что приезд князя нарушит его мирную жизнь.

— Почему непременно неприятную? — спросил епископ.

— Не знаю, мне так кажется, — ответил католикос и прошел к себе.

Через несколько минут железные ворота крепости со скрипом растворились. Они находились между двух башен и имели перед собой массивный бастион. Высокие стены с бойницами делали крепость еще более неприступной. Князь, глядя на эти укрепления, невольно улыбнулся.

«Разве можно доверить тайну человеку или требовать от него самоотверженности, если он так дрожит за свою

жизнь?» — подумал он и прошел вперед со стесненным сердцем.

Католикос встретил князя с любовью и благословением и, усадив рядом с собой, выразил свое удовлетворение и безграничный восторг по поводу совершенных им подвигов.

— Я хотел доказать нашим князьям и тебе, святейший владыка, что для свершения великих дел не всегда нужны только силы, иногда их может заменить твердая воля. Для спасения родины не надо ждать удобного случая и вымаливать у князей помощь. Надо уповать на бога, надеяться на собственные силы и самоотверженно любить родину. Я доказал это. Теперь вам остается последовать моему примеру, — сказал князь, желая поймать католикоса на слове.

— Что же нужно сделать? — тревожно спросил католикос.

— Каждый из нас должен выполнить свой долг.

— А именно?

Князь рассказал ему в нескольких словах о своем намерении занять Двин и о желании видеть католикоса вновь на престоле.

— Ты хочешь взять Двин? — спросил удивленно католикос.

— Да, и как можно скорее.

— И ты не боишься гнева великого эмира и грозных арабских полчищ?

— Что нам эмир? У нас есть свой царь! — горячо воскликнул князь.

— Но ведь Двин — владение эмира. Ему принадлежит большая часть Востана, Чакатк, Коковит. Он даже Цагкот считает частью Туруберана, которым владеет всецело.

— Значит, все эти земли, по-твоему, собственность мерзкого араба? — возмущенно спросил князь.

— Пока еще да, — ответил католикос спокойным голосом.

— Нет. Тысячу раз нет! — воскликнул князь. — Армянская земля принадлежит армянам. Двин — творение рук царя Хосрова. Чакатк, Коковит, Цагкот — все это области нашей престольной земли. Туруберан — собственность дома Мамиконянов. О каждой из этих провинций у нас написаны целые летописи. Кто может это отрицать? Ты пишешь армянскую историю. Как же ты можешь свидетельствовать в пользу презренного араба? Если бы сейчас появился здесь дух праотца армянских историков — Хоренаци[22], смог бы ты это подтвердить?

— Я сказал, пока еще…

— Нет! Ни пока, ни после… — прервал князь. — Араб должен властвовать в Аравии, а не в Армении.

— Да будет так. Я не из тех, кто намерен возражать.

— Так будет, святейший владыка, если ты не откажешься выполнить мою просьбу.

— Какую просьбу?

— Я тебе уже сказал: ты должен возвратиться на патриарший престол.

— В Двин?

— Да.

— Какая тебе польза от этого? Я не воин, войска у меня нет, чтобы тебе помочь. Если ты намерен взять Двин и надеешься на свои силы, бери. Освободи его от арабов, тогда я, от души благословляя тебя, вернусь на свой престол.

— Если хочешь, прокляни меня, только вернись сейчас, пока востикана нет в Двине и пока мои войска не осадили его.

— Объясни мне наконец, какая же польза от моего возвращения?

— Не опасно ли открывать тебе тайну, пока ты находишься в этой крепости?

— Нет, я сейчас же уеду отсюда, если ты меня убедишь в необходимости отъезда.

— Хорошо. Польза та, святейший владыка, что мне нужны в Двине верные люди. Я не могу послать туда никого из своих. Бешир им не разрешит въезд в Двин. Между тем ты свободно можешь вернуться на свой престол. Это даже польстит самолюбию востикана. Вместе с тобой в город войдет несколько верных мне людей…

— Ни одному мирянину не разрешат проникнуть через двинские ворота, — прервал его католикос.

— Я это знаю. Они войдут как монахи.

— Боже мой! Ты заносишь надо мной меч востикана! — воскликнул католикос, бледнея от страха.

— Не беспокойся, святейший владыка. Я не позволю, чтобы востикан обнажил свой меч против тебя.

— Что же должны делать твои люди?

— Они будут рыть потайной ход из патриарших покоев к городским стенам.

— Нет, нет! Я не приму участия в этом деле. Тот, кто приказал нам воздать «божье богу», приказал нам воздать и «кесарево кесарю», — заговорил католикос решительным голосом.

— Кто же твой кесарь? — спросил князь, дрожа от гнева.

Католикос не ответил.

— У тебя один царь, которого ты обязан почитать, — это Ашот Железный, — продолжал князь. — Араб не имеет права на эту страну. Он захватчик и разбойник. Армянин, называющий его кесарем, изменник, а изменника вправе умертвить первый воин, не совершая греха перед правосудием.

— Я бегу от мести тирана, — заговорил католикос, — а ты посылаешь меня навстречу ей. Какая тебе польза в моей смерти?

— Не говори «тебе», а «родине». Если ты думаешь, что твое возвращение принесет смерть тебе, то радуйся. Лучше уподобиться воинам Гевонда, чем уйти, не оставив после себя никакого следа.

Речь князя, вместо того чтобы возбудить гнев католикоса, смутила его.

— Причислиться к Гевондовым воинам? — заговорил католикос. — Я хотел бы удостоиться этой чести, но разве я могу?..

— Желать — это уже мочь. Вот удобный случай для этого. Будь храбр, презри преходящую жизнь. Сделай то,

что ты проповедуешь своим ученикам, и твою память благословят грядущие поколения.

— Что я должен делать в Двине? — спросил католикос.

— Ты должен покровительствовать воинам, которые под видом твоих духовных слуг будут жить в патриарших покоях. Они будут работать по ночам.

— А если найдутся предатели?

— Тогда смерть коснется нескольких человек, в том числе, быть может, и католикоса. Но эти жертвы необходимы.

— Это очень тяжелое условие.

— Что может быть легче и приятнее, чем умереть за родину.

— Для героя и человека, преданного родине, но…

— Я знаю, ты не храбр, святейший владыка, но ты любишь свою родину, ты не станешь этого отрицать.

— Да будет твоя воля, дорогой князь. Если бог уготовит мне смерть, я приму ее не ропща. Меня не причислят к мученикам, я это знаю. Но по крайней мере проклятие не коснется моей могилы, — решительно сказал католикос.

— С божьей помощью опасность минует тебя, святейший владыка. Судьба уже милостива к нам, невозможно, чтобы и это начинание нам не удалось.

— Увидим; быть может, бог услышит молитву праведников.

Князь встал, приложился к руке католикоса и, поблагодарив его, спросил, когда он пожелает выехать из Багарана.

— Хоть завтра, если в том есть необходимость, — ответил патриарх.

— Каждый день нам может принести непоправимое бедствие.

— Тогда через день-два, если спарапет не задержит меня.

— Спарапет?.. Да, я и забыл. Об этом разговоре, святейший владыка, ты не должен сообщать ему ничего.

— Какую же мне привести причину для отъезда из Багарана?

— Я уже сказал ему. Ты едешь в Двин, чтобы освободить патриаршие покои.

Католикоса удовлетворило это объяснение, и он условился с князем выехать на третий день из Багарана. Князь же должен был подготовить воинов, которые, присоединившись к католикосу в лесу Цнендоц, вместе с ним должны были проникнуть в Двин.

Марзпетуни в тот же день простился со спарапетом Ашотом и уехал в Гех.

2. По трем направлениям

Не успел князь Марзпетуни выехать из Багарана, как спарапет поднялся в цитадель, чтобы узнать у католикоса истинную причину приезда князя. Уверенный в том, что католикос захочет скрыть ее, он решил прибегнуть к хитрости.

— Я не сочувствую намерению князя, — начал он, не задавая патриарху никаких вопросов. — Ты не должен делаться орудием в руках этого человека.

— Как? Тебе уже известно его намерение? — простодушно спросил католикос.

— Он хотел было скрыть от меня, но я вынудил его раскрыть передо мной свои планы.

— А он меня предупреждал…

— Ничего не говорить мне? — докончил за него спарапет, хитро улыбаясь.

Католикос с беспокойством посмотрел на него, не зная, что ответить.

— Не скрывай ничего, святейший владыка. Он мне во всем признался. Не думай, что ему развязал язык мой обед и вино. Нет, я обещал ему послать на помощь войска. Начинание его нуждается в моей поддержке.

— И ты выполнишь обещание? — обрадовался католикос.

— Конечно, этого требует благо родины.

— Будь здрав на многие лета, светлейший князь. Этим ты освободишь католикоса от участия в позорном деле. Два года назад вы вместе брали Двин, возьмете и сейчас.

— Позорное дело? Нет, ты этого не должен совершить, я не допущу.

— Я буду молиться за тебя и князя. Я умолю бога сделать непобедимым наше воинство. Но устраивать заговор в патриарших покоях я не могу…

— Неужели князь поручил тебе это?

— «Укрой у себя воинов, — сказал он, — которые, переодевшись в монашеские одежды, будут жить в патриарших покоях и рыть потайной ход». Возможное ли это дело?

Спарапету только того и надо было. Он торжествовал.

— Нет, ты не сделаешь этого. Я не допущу, чтобы армянский католикос стал заговорщиком. Моя рука еще сильна, она будет действовать вместо тебя. Я присоединю свое войско к войску князя, и мы возьмем Двин силой. Я так и сказал ему.

Католикос, которому нужен был только предлог, чтоб отступить от своего обещания, был вне себя от радости. Он подробно передал спарапету весь свой разговор с князем Геворгом.

Деспот еще раз успокоил католикоса и довольный вернулся во дворец.

— «Нет, твой план не удастся, князь Марзпетуни! — ликовал он, расхаживая по своему великолепному залу. — Ты хочешь воскресить уже похороненного заживо на Севане царя, ты хочешь посадить его на престол, но этого не допустит законный царь. Если армянский народ хочет мира, пусть признает меня. Наследник армянского престола — я. Мне подвластны столичные войска, полк сепухов, дворцовые отряды… Если Ашот Железный царь, то почему он монашествует на Севане? Почему не изгонит своих врагов? Ты хочешь отнять у меня славу и передать ее отшельнику? Нет, дружище, мы родились на свет не для того, чтобы второй раз подвергнуться унижению. Не для этого мы поседели в боях, не для этого получили скипетр и венец… Наша корона не будет скрыта в келье, она

засверкает перед всем миром. Деяния законного царя увидят все, их засвидетельстует история».

Охваченный этими думами, Деспот прошел к себе, позвал писца и, получив от него чернила и пергамент, уселся за послание. По-видимому, оно было тайное, так как он не доверил его писцу. Писал он по-арабски.

Окончив послание, Ашот скрепил его царской печатью и отдал писцу запечатать. Затем, позвав одного из своих верных воинов, он вручил ему свиток и приказал через три дня доставить по назначению.

— В три дня, господин мой, не доехать до Атрпатакана…

— Через три дня этот свиток должен быть доставлен, — повторил спарапет.

Гонец ничего не ответил и, низко поклонившись, вышел.

Восточный склон Аршарунского ущелья близ прекрасного Ервандакерта, там, где Ахурян впадает в Ерасх, был покрыт густым лесом; от подножья горы Капуйт лес тянулся до берегов Ерасха.

Здесь росли гигантские дубы, кедры и тополи, вершины которых доходили до облаков. Днем они закрывали солнечные лучи, а ночью создавали непроницаемый мрак. Это был знаменитый лес Цнендоц, посаженный царем Ервандом и предназначенный им для царской охоты. Дикие звери, собранные когда-то здесь, размножились, но царственные охотники больше не охотились на них. Войны с внешним врагом, бесконечные смуты, внутренние раздоры убили в сердцах князей любовь к развлечениям. Изредка только стрела охотника-поселянина беспокоила жителей леса или копье убежавшего с поля битвы воина разило случайного зверя. Лес давно уже стал гнездом

арабских разбойников. Впрочем, за последнее время и эти шайки исчезли отсюда. В их землянках жил сейчас отряд армянских воинов, который изгнал оттуда прежних хозяев и частью перебил их. Воины занимались охотой, с тем чтобы прокормить себя, и охраняли дороги, ведущие в Двинскую долину.

Это были посланцы Марзпетуни, которые ждали здесь католикоса, чтобы присоединиться к его свите и ехать в Двин. Но дни шли за днями, а католикос не появлялся. Чтобы рассеять скуку, они занимались военными играми и, готовясь к подкопу, рыли потайной ход, перевозили по нему военные припасы.

Так прошла неделя, а из Багарана все еще не было вестей.

Где же пребывал в это время Марзпетуни?

Он находился в Еразгаворсе у царского брата Абаса. Задумав взять Двин, он решил обратиться к Абасу. Прежде всего князь Геворг хотел примирить его с царем, а затем просить у него помощи.

Абас в это время жил во дворце, выстроенном его отцом, царем Смбатом. Высокий, широкоплечий, красивый, он был моложе царя, но отличался благоразумием, осмотрительностью и славился своей скромностью и добродетелью. Он осуждал брата, считая, что тот запятнал унаследованный от отца престол своим безнравственным поведением. В свое время разногласиями между братьями воспользовался его тесть Гурген абхазский и дядя Ашот Деспот; они уговорили Абаса вступить в их заговор, чтоб свергнуть царя с престола. Заговор, как известно, потерпел неудачу. Ашот, не желая мстить брату, разорил страну Гургена абхазского, чем еще больше усилил недовольство Абаса. Затем царь обратил свой меч против Ашота Деспота,

но тот лицемерно примирился с ним. Абас же не захотел мириться с братом. Он жил в Еразгаворсе и ни во что не вмешивался. Он даже отказал Марзпетуни в его просьбе объединиться с князьями. Да и теперь у князя Геворга было мало надежды, что ему удастся склонить Абаса к союзу. Он мог рассчитывать только на свои последние победы, которые давали ему право разговаривать с Абасом более решительным тоном.

Но на этот раз князь Геворг нашел в нем большую перемену. Абас не только принял предложение князя примириться с братом, но сказал, что готов дать князю свои войска.

— Меня устыдили твои победы, — признался он откровенно. — Когда я узнал, что ты напал на Бешира в Урцадзоре с двадцатью воинами, что ты разбил его полки у крепости Гех, я поклялся присоединиться к тебе. Здесь, в Еразгаворсе, у меня есть постоянное войско, веди его куда хочешь. А государю я протяну руку и приму его здесь с подобающими почестями. Дело только за ним: захочет ли он выехать из Севана или нет, — добавил Абас.

— Если он узнает, что ты протягиваешь ему руку примирения, он охотно вернется в столицу.

— Да, я решил помириться с ним. Я простил ему все его слабости, столь непростительные царю. Я простил, но боюсь, что он будет упорствовать в своем нежелании вернуться в Еразгаворс. Я всем сердцем хочу видеть его снова на престоле… так же, как несчастную царицу, которую надо утешить…

Марзпетуни удивился, почувствовав в словах Абаса теплоту и нежность. Что с ним случилось? Раскаялся ли он в том, что поссорился с братом, или память о собственной измене терзала его сердце?

— Я поеду к царю и попрошу вернуться в столицу от своего и твоего имени, — сказал Марзпетуни. — Надеюсь, что он не откажет в нашей просьбе.

— И я поеду вместе с тобой, — сказал Абас.

— Ты, великий князь? — спросил удивленный князь Геворг.

— Тебе кажется странным это желание?

— Не странным, а очень естественным, только я не знаю… так неожиданно…

— Что именно?

— Смягчилось твое сердце, которое мне казалось неумолимым.

— Князь, родного брата трудно забыть.

— Скажу больше: невозможно забыть.

— Царь прислал мне собственноручное послание… — прервал его Абас, грустно опустив глаза.

— Послание? — удивился князь.

— Печальное послание. Оно меня очень опечалило.

— Что он пишет? Почему его письмо опечалило тебя? — быстро спросил князь.

— Он болен.

— Болен? Чем?

— Он был ранен в бою на озере.

— Я этого не знал, — сказал встревоженно князь.

— Да, был ранен отравленной стрелой. Говорят, лекарь потерял уже надежду.

— О, это ужасное несчастье! — воскликнул князь. — Нельзя оставлять его на Севане. Поспешим привезти его сюда.

— Мы завтра же можем отправиться.

— Не разрешишь ли мне прочесть послание царя? — нерешительно спросил князь.

— Ты верный друг царской семьи, у нас от тебя нет тайн, — твердо ответил Абас. — Вот оно, прочти!

Сказав это, он подошел к ларцу и, вынув оттуда свиток, передал его Марзпетуни.

Послание гласило следующее:

«От армянского злосчастного царя Ашота его любимому брату, царевичу Абасу привет!

Десница божья, любимый брат, коснулась меня. За совершенные мной преступления бог жестоко меня покарал. Я видел разорение своей страны, видел, как отвернулись от меня мои близкие, видел, как потускнел блеск моей короны.

Заслужил ли я все это, не знаю. Я знаю только, что провидение не делает ничего несправедливого. Я преклоняюсь перед его святой волей и благословляю за милость, которую оно мне ниспослало: это твердая надежда, что я скоро расстанусь с миром и перестану страдать. В бою с Беширом я искал смерти, но получил только рану. Эта рана будет долго меня мучить и, напоминая о совершенных грехах, терзать не только мое тело, но и душу. Конечно, на все воля божья, и я

благословляю ее. Но так как мой лекарь уже потерял надежду и предвидит мою близкую кончину, тороплюсь обратиться к тебе, мой любимый брат, и просить, чтобы ты поспешил принести мне поцелуй примирения. Я решил умереть на Севане. Мое тело вы повезете в Багаран, чтобы похоронить в усыпальнице наших предков, но душу свою я должен отдать здесь, на месте своего покаяния. Такова моя воля. Итак, выслушай мою последнюю просьбу и выполни ее.

Я умираю бездетным. Ты остаешься наследником моей короны и престола. Но я хочу, чтобы ты унаследовал престол не как враг, а как брат. Привези мне братский поцелуй и получи от меня законный престол. Вместе с ним я хочу вручить тебе завет, который я могу доверить только тебе, единственному родному человеку!»

Прочитав письмо, князь взволновался.

— Когда ты получил это послание, великий князь?

— Три дня тому назад, — ответил Абас.

— И ты медлишь?

— Медлю и страдаю. Если бы царь говорил только о примирении, я тотчас же поехал бы к нему. Но он пишет о том, чтобы я наследовал царство. Вот что меня угнетает. Он может подумать, что я приехал к нему с корыстной целью.

— Твоя медлительность может причинить ему больше страдания, — сказал Марзпетуни и посоветовал поторопиться с отъездом.

Через несколько дней великий князь Абас и князь Марзпетуни выехали из Еразгаворса и направились на Севан. Их сопровождала тысяча прекрасно вооруженных воинов.

Желая ободрить окрестное население, они двинулись к Гугарку не через Ширак, хотя это была кратчайшая дорога, а спустились на юг, к подножью Арагаца, и проехали провинциями Ниг и Варажнуник. Перед каждым селом и деревней они трубили в трубы и проходили торжественным маршем. Народ радостно встречал их, склоняясь перед царским знаменем, и обильно угощал воинов.

Видя все это, Абас взволнованно обратился к Марзпетуни:

— В народе столько душевных сил, почему же мы, князья, так бессильны?

— Потому что личные счеты поглощают все ваше внимание, потому что вы заняты только собой, — ответил князь. — А народ силен. Народ это поток, который, разлившись, может разрушить горы и снести все преграды. Но у нас нет человека, который доверился бы народу, воодушевил его.

— Кто же может быть таким человеком? — спросил Абас.

— Тот, кто готов принести себя в жертву родине, — ответил князь.

— Одного такого человека я знаю!

— Кто он?! — оживился князь.

— Вот он, передо мной… Это ты, — с улыбкой сказал Абас и, протянув руку, прибавил: — Второй сейчас примкнет к тебе, он будет твоим неразлучным и самоотверженным соратником.

— И моим повелителем! — воскликнул Марзпетуни, горячо пожимая руку Абаса. — С этого дня восходит новое солнце! Оно согреет застывшие сердца и поведет народ к победе.

В то самое время, когда царский брат Абас и Марзпетуни вступали через северную границу в Сюнийскую область, на юге той же области совершались другие события. Востикан Нсыр, узнав из письма Ашота Деспота, что победитель арабов Марзпетуни собирается идти на Двин, собрал сейчас же свои войска, организовал многочисленные отряды из персов Атрпатакана и вступил в Васпуракан. Для начала он решил занять несколько сел Васпуракана. Но войска Гагика Арцруни разбили его полки. Не желая ввязываться в войну с царем Гагиком и этим ослаблять свои силы, Нсыр оставил Васпуракан, быстро перешел Ерасх и вступил в Сюник. Он знал, что двое из владетелей этой области находятся в плену в Двине. Оставался один, князь Смбат, который, конечно, не осмелится выступить против него. Ворвавшись в область Ерынджак, Нсыр направился к Ерынджакской крепости. Он решил ее занять и перебить все население. Точно так же он собирался поступить и со всеми населенными местностями по дороге в Двин.

Но каково было его удивление, когда в горах Дарва его встретил князь Смбат со своими войсками.

Пример Марзпетуни воодушевил армянских князей, они все готовились к обороне. Отважный князь Смбат оказался одним из первых.

Узнав, что войско Нсыра перешло Ерасх, князь Смбат, находившийся в это время в Ерынджаке, приказал своим войскам двинуться навстречу врагу. В ущелье Дарва они встретились. Князь, расположившийся со своими отрядами на склоне горы, послал к Нсыру гонца.

«Карающая рука провидения привела тебя в это ущелье. Ты обманом задержал моих братьев и получишь здесь отмщение за их страдания. Войска твои окружены моими храбрецами. Ни один араб не выйдет отсюда живым, если я этого не захочу. Для спасения твоего войска и тебя лично я предлагаю тебе по возвращении в Двин сейчас же освободить моих братьев. Я требую от тебя письменной клятвы и заложников из числа твоих старейших князей. В противном случае ущелье Дарва станет могилой твоему войску».

И действительно, арабской армии грозила большая опасность. Сюнийцы заставили ее остановиться в узком ущелье, по которому протекала река Ерынджак. С двух сторон поднимались горы, сплошь занятые сюнийцами. Их угрожающий вид, как и само местоположение ущелья, внушали арабам ужас. Они видели, что армяне могут обрушить на них град камней, уничтожив в течение часа. Отступать было некуда.

Востикан, взвесив положение и видя мощь противника, прибегнул к хитрости. Он принял посланцев князя и согласился на все условия. Князь спустился в лагерь востикана, дружески поговорил с ним и, получив заложников и клятвенную грамоту, проводил Нсыра до границ Ерынджака, преподнеся при этом ему ценные дары. Востикан же прошел Нахиджеван и вступил в Шарур и Урцадзор, которые считались его поместьями. В Урцадзоре он ограбил и разрушил все армянские села за помощь, оказанную ими Марзпетуни. Затем, вступив в Двин, он не только не освободил сюнийских князей, но еще более усилил их охрану.

Кроме того, узнав у Бешира о понесенных арабами убытках, Нсыр нашел, что они неисчислимы, и в возмещение всего этого немедленно занял патриаршие покои. По его мнению первоисточником всех зол был

армянский католикос. Если бы он не скрывался от востикана, арабы не имели бы повода сталкиваться с войсками Марзпетуни и царя. В патриарших покоях Нсыр поселил своих служителей и захватил все церковные поместья, доходами с которых жили сотни церковных братий.

Узнав обо всем этом, князь Смбат горько раскаялся, что оставил на свободе вероломного араба. Он поклялся когда-нибудь отомстить Нсыру за беды, нанесенные урцадзорцам, и с божьей помощью освободить патриаршие покои и своих братьев.

* * *

В цитадели Багарана беседовали католикос и Ашот Деспот. Ашот пришел утешить католикоса в тяжелой утрате, которую понесла армянская церковь, лишившись своих поместий.

Но католикос был безутешен. Он страдал от угрызений совести.

— Если бы я послушался Марзпетуни, выполнил свое обещание, патриаршие покои не были бы захвачены, мы не потеряли бы церковных владений, — говорил он Ашоту с упреком.

— Наоборот, я избавил тебя от позора и неизбежной смерти, — ответил Деспот. — Ты уже несколько раз скрывался от востикана. Своим возвращением ты не избежал бы его гнева. Рано или поздно он заточил бы тебя и, может быть, умертвил бы в темнице… План Марзпетуни принес бы тебе только позор и смерть.

— Я и сейчас уже опозорен и мертв, — ответил патриарх. — Какое я имею право жить и называть себя

католикосом, если я позволил расхитить святыни, завещанные мне отцами церкви?

— Это случилось не из-за твоей слабости, а по бессилию того, кто называет себя армянским царем и в страхе прячется в кельях Севана. Если царь, имеющий оружие и войска, убегает от врага, что можно требовать от монаха, единственным оружием которого является молитва?

— О, если бы так думал и мой народ… Но он во всем обвинит меня. Этот беспокойный князь обличит меня всенародно.

— Марзпетуни?

— Да, я боюсь его. Что я ему скажу, когда он вернется сюда?

— Ничего. Кто он такой? Какое он имеет право повелевать тобою?

— Он приближенный государя и действует от его имени. Он мне дал добрый совет, а я не послушался…

— Святейший владыка! Хочешь избавиться от неприятных разговоров? — спросил вдруг Деспот.

— Хочу, но как это сделать?

— Уезжай из Багарана.

— Куда? В Айрарате для меня нет больше места.

— Ты католикос не только Айрарата, но и всех армян. Где бы ни был твой престол, армяне обязаны почитать его.

— Но куда мне ехать? Кто теперь возьмет меня под свою защиту? — произнес патриарх грустно.

— Тот, кто не раз приглашал тебя и желал оказать тебе покровительство, но в чьей просьбе ты всегда отказывал…

— Кто? — спросил католикос, не понимая, о ком идет речь.

— Царь Гагик.

— Царь Гагик?! — воскликнул вдруг католикос, и лицо его просветлело.

— Да! Поезжай в Васпуракан к Гагику Арцруни. Он будет тебе защитой и покровителем. Если ты не захочешь жить в столице, можешь удалиться на остров Ахтамар[23]. Царь выстроил там неприступную крепость, замок и великолепный храм. Утверди свой престол на этом острове, в самом сердце Армении! Собери вокруг себя духовенство, распространяй там Христову веру, и дни своей старости ты проведешь в покое!

Слова Деспота пришлись по душе католикосу. Схватив его за руку, он горячо пожал ее и воскликнул:

— Бог не оставляет меня, князь! Твоими устами он говорит со мной и указывает путь к спасению. Благодарю тебя, бесконечно благодарю. Пока я жив, вечно буду благославлять тебя. Я поеду в Васпуракан, удалюсь на остров Ахтамар, где буду жить вдали от мирской суеты. Престол армянского католикоса останется там нерушимым, и мои преемники благословят твою память за то, что ты способствовал утверждению престола просветителя в безопасном месте.

Там я соберу новую братию, соберу вокруг себя учеников и зажгу на Ахтамаре факел веры… Довольно я бродил по свету! Пора мне найти угол, где я смогу приклонить голову…

— Там ты допишешь свой труд, летопись Армении, — напомнил Деспот.

— Да, да, мой труд, который все еще остается незаконченным… Как я буду обязан тебе, если окончу его! — воскликнул католикос.

Патриарх обрадовался этому решению как ребенок. Ему казалось, что его страдания кончились.

Через несколько дней католикос Иоанн со своими приближенными выехал из Багарана и спустился в Ерасхадзор.

Армяне-воины, ожидавшие его в лесу Цнендоц, заметив издали католикоса и его приближенных, переоделись в монашеские одеяния. Образовалась большая группа монахов, которая должна была придать блеск патриаршей свите при вступлении католикоса в Двин. Воины очень огорчились, узнав, что востикан уже занял патриаршие покои и ищет только случая, чтобы взять в плен патриарха. Вот почему он, не имея возможности вернуться на свой престол и оставаться в Багаране, решил уехать в Васпуракан и искать покровительства у царя Гагика. Это известие разрушило их планы и надежды, опечаленные, они расстались с католикосом.

Воины вернулись в Гех, откуда по приказу сепуха Ваграма отправились на Севан, чтобы сообщить князю Геворгу эту новость.

А католикос благополучно переехал Ерасх, через Чакатк спустился в Багреванд, проехал Коковит и, наконец, вступил в Васпуракан, на границе которого его встретили воинские отряды царя Гагика и с почестями проводили в древнюю столицу Арцруни — Ван. Народ Васпуракана устроил католикосу торжественную встречу, а царь Гагик

со своими князьями встретил его в нескольких парасангах[24] от столицы. Радость царя была неописуемой.

Всеармянский патриарший престол отныне будет в его стране. Это было для него большой честью.

Мы оставим католикоса в стране Гагика Арцруни и вернемся на Севан к царю Ашоту.

3. Плоды примирения

Печальный остров и его обитатели пагубно влияли на душевное состояние царя. Вместе с тем незаживающая рана день за днем разрушала его железное здоровье. Несмотря на нежные заботы царицы и старания лекаря, он не только не поправлялся, но с каждым днем все больше худел и бледнел. Его крепкое тело теряло свою силу, подобно могучему дубу, корни которого подтачивает червь… Он стал молчаливым, избегал людей и находил покой только в одиночестве.

Лекарь, с согласия царицы, посоветовал царю выразить свою последнюю волю и приготовиться к прощанию с миром.

Совет лекаря был хитростью. Он знал, что рана царя смертельна, но что конец наступит не скоро. И чтобы печальные думы не терзали его и не свели в могилу раньше времени, царю следовало жить при дворе, среди близких людей, и заниматься делами.

Хитрость лекаря удалась. Царь с радостью выслушал его совет и написал брату Абасу известное нам послание.

В один прекрасный день берег озера заполнили войска. Царь, смотревший из окна замка, увидев сходящие на берег полки, сначала подумал, что это Бешир вернулся мстить ему за поражение. Что-то похожее на тревогу сжало его

сердце. Но когда он заметил царское знамя, развевавшееся на берегу, тревога его сменилась радостью.

— Это Марзпетуни, мой храбрый, верный князь, — прошептал он и быстро вышел из комнаты, чтобы подняться на башню.

Его встретила царица. Увидев радостное лицо царя, она удивилась: давно уже она не видела его таким оживленным. Что случилось? Может быть, это признак душевной болезни?

Эти мысли пронеслись в голове царицы, но мгновенно рассеялись, когда царь сообщил ей о приезде князя Геворга.

Ничто не могло так обрадовать царицу-изгнанницу, как неожиданное появление князя. Она устала от долгого одиночества и была очень угнетена болезнью царя. Ей нужен был друг, с которым можно было бы поделиться своими печалями. Этот друг прибыл. Кроме того, она знала, что Марзпетуни, человек полный жизни и силы, мог вселить в царя надежду и бодрость. Вдвоем с царем они поднялись на башню, чтобы оттуда посмотреть на прибывшее войско.

У противоположного берега пестрели многочисленные плоты и лодки, о которых князь позаботился заранее. В них разместилось несколько сот человек, и вся флотилия двинулась к острову.

В первой лодке сидели князь Геворг и великий князь Абас со своей свитой. Над ладьей развевалось царское знамя. Марзпетуни радовался, что возвращал этот стяг в блеске побед. Он помнил, в какое смутное время получил его от царя. Радовался он и тому, что с ним ехал Абас для братского примирения с царем. Помощь Абаса могла обеспечить успех нового начинания князя.

Но Абас был занят другими мыслями. Он ехал к своему брату и царю, и волнующие воспоминания прошлого проносились перед ним. Он вспомнил свое детство, проведенное во дворце Еразгаворса в играх и развлечениях, неразлучно с братьями Ашотом и Мушегом. Вспоминал годы юности, когда он вместе с братьями готовился к выполнению высокого долга — к защите родины и к битвам с врагами. Он вспомнил свою молодость, когда Ашот, уже наследник престола, одерживал победы в битвах, а он и Мушег помогал ему, не желая расставаться с братом, и клялись ему в вечной дружбе и верности. Потом он вспомнил битву в провинции Ниг с изменником Гагиком Арцруни, во время которой они бились как львы, но понесли поражение из-за измены севордцев, бежавших с поля боя. Это послужило причиной пленения Мушега. На минуту старая обида вспыхнула в нем: он вспомнил историю любви Ашота и севордской княжны… и на минуту пожалел, что едет для примирения с братом.

Но когда, повернув голову, он увидел Марзпетуни, смотревшего на него твердым, ясным взором, Марзпетуни, который столь горячо и беззаветно любил родину, что забывал всякую личную злобу и месть, ему стало стыдно, и гнев его прошел.

Перед глазами предстал несчастный отец, распятый на кресте. Почудились голоса арабов, глумящихся над его трупом… Он вспомнил деспота Юсуфа и его бесчеловечную жестокость, вспомнил героя, который налетел как небесный гнев, ворвался в столицу, рассеял арабов, разбил их отряды, изгнал зверя Юсуфа и отомстил арабам за мученическую смерть отца. Это был его брат Ашот, одно появление которого внушало врагам ужас и которому он клялся в верности и дружбе. Победы следовали одна за другой, потому что братская любовь и единение вдохновляли всех. Но как только любовь остыла и

расторгся союз, несчастья посыпались одно за другим. И вот теперь лев в клетке. Гроза врагов, Ашот Железный, в пустынной обители…

Если царь во многом виновен, то разве он сам, Абас, безгрешен? Каково ему видеть брата в таком унижении, видеть Ашота, героя и победителя, в монашеской келье?

Эти мысли так расстроили Абаса, что глаза его наполнились слезами.

— Я так горячо прижму его к сердцу, что он забудет свои печали. — прошептал Абас.

Когда лодки пристали к берегу, телохранители царя уже ждали их. Они пришли встретить князя. Но, увидя с ним царского брата, который милостиво с ними поздоровался, они огласили воздух радостными криками: «Да здравствует царевич!» Затем вновь прибывших проводили в верхний замок, где жил царь.

Царь Ашот, не ждавший Абаса, увидев его с Марзпетуни, чрезвычайно обрадовался. Он забыл и свой сан, и обиды, нанесенные ему братом. Он помнил только, что Абас его брат, единственный на земле родной человек, и сам поспешил ему навстречу. На зеленом косогоре братья встретились. Восклицания: «любимый брат!», «любимый государь!» были заглушены горячими объятиями и поцелуями.

Князь и остальная свита, стоя на холме, молча смотрели на эту трогательную встречу. Многие прослезились. Всем было известно, сколько бедствий произошло в стране из-за ссоры двух братьев и как много можно было ожидать от их примирения.

Царь от сильного волнения так ослаб, что еле поздоровался с остальными. Он пожал руку Марзпетуни и сказал:

— Я так тебе обязан, князь, что хотел бы жить только для того, чтобы отблагодарить тебя по заслугам.

— Живи для своего престола и родины, государь! Князь Марзпетуни — твой слуга. Он только выполняет свой долг! — ответил Марзпетуни.

Затем они поднялись в замок, где царица радостно встретила своего деверя и князя Марзпетуни.

В царских покоях зазвучали веселые голоса и смех.

Скоро на остров прибыли остальные войска, и Севан ожил — князь приказал устроить праздник примирения. В этот день монашеские кельи опустели, даже духовные отцы забыли свои молитвы, и старая сюнийская крепость приняла праздничный вид.

Когда прошли первые дни празднеств, царь пригласил к себе брата Абаса и в присутствии царицы и князя Марзпетуни сказал ему:

— Я давно желал протянуть тебе, моему наследнику и брату, руку примирения, видя, как много терпит страна от нашей ссоры. Но право старшинства и царское самолюбие не позволяли мне смириться перед младшим братом… Я хотел, чтобы ты пришел ко мне, ждал, чтобы ты первый произнес слова примирения. Не знаю, прав ли я был… Когда человек жаждет жизни, он со страстью отдается подобным суетным чувствам. Но мои надежды не исполнились, ты не пришел ко мне, и я глубоко опечалился, видя тебя таким непреклонным. Не прошло и года, счастье отвернулось от меня, желание жить умерло в моем сердце… Но оставим все это. Когда мой лекарь сказал мне, что рана моя неизлечима,

я прославил бога, давшего мне повод примириться с тобой. Благодарю тебя, дорогой Абас, что ты принес мне поцелуй родного брата. Он дороже всех поцелуев в мире. Увы, почему люди слишком поздно понимают это?..

Взамен отдаю я тебе с сегодняшнего дня свою корону и престол, завещанные мне нашим отцом. Передаю тебе это как единственному наследнику моему и царицы… Наследуй их с благословения божьего, народного и нашего.

Произнеся последние слова, царь посмотрел на царицу с состраданием и, обращаясь к Абасу, продолжал:

— Но, милый брат, перед тем как воссесть на престол и принять корону, прими от меня еще другой заветный дар и поклянись хранить его и беречь с самой нежной заботливостью. Этот драгоценный дар — моя супруга-царица и твоя сестра, которая в этом мире перенесла много страданий и чью судьбу я могу вручить только тебе, единственному родному мне человеку…

Царица, грустно и молча слушавшая царя, разрыдалась.

— Не плачь, любимая Саануйш, никто в этом мире не живет вечно, — глядя на нее с нежностью, сказал царь.

— Не заботься тогда и обо мне… — ответила царица прерывающимся от слез голосом.

— Зачем эти грустные речи, преславный государь? — воскликнул Абас, вставая с места. — Неужели царский престол мне дороже долга, а корона и скипетр заменят брата, если я его потеряю? Не огорчай моего сердца, полного любви к тебе и желания видеть своего государя вновь на вершине славы. Пусть бог продлит твои дни, а я буду слугой твоего престола. Это мое единственное желание, оно и мой долг.

— Верю в твою искренность, дорогой Абас, и очень сожалею, что так поздно вкушаю радость твоей любви. Но дни мои сочтены. Я должен уйти из этого мира… Да благословит и хранит тебя бог, дабы утешил ты свой народ, который столько претерпел за мое царствование.

— В твое царствование он и утешится, — живо ответил Абас. — Ты вернешься в свой престольный город и снова взойдешь на престол. Мы же постараемся увенчать его славой…

— Я давно уже иссушил источники ее, — прервал царь грустно.

— Нет, преславный государь, эти источники не иссякли, они только обмелели и не по твоей, а по моей вине, и я должен вновь оживить их.

— У тебя только один долг: ты должен своим достойным царствованием предать забвению имя Ашота Железного…

— Это имя должно еще больше прославиться! — сказал Абас решительно.

— Мне остается жить немного дней, — заметил царь.

Не дней, а лет, — заговорил Марзпетуни, загадочно улыбаясь.

— Ты видел мою рану? — спросил царь.

— Я беседовал с твоим лекарем.

— Что это значит? — спросил изумленно царь.

Марзпетуни попросил царя извинить лекаря, который в интересах общего блага сказал царю неправду, и тут же добавил, что жизни царя не угрожает опасность. А если

царь выедет из Севана и вернется в столицу, это благоприятно отразится на его здоровье.

Царь долго упорствовал в своем решении жить и умереть на Севане, но настойчивые просьбы Абаса и Марзпетуни в конце концов убедили его.

Царский брат и князь послали приказ находящимся в Востане войскам, чтобы они поспешили на Севан. Им хотелось особенно пышно и торжественно обставить возвращение царя. С таким же предложением обратились они к сюнийскому князю Смбату, который собрал тотчас же свои вольные отряды и вступил в Гегаркуник, чтобы приветствовать государя.

Сепух Ваграм тоже снялся со своим войском со склонов Геха и вместе с князем Гором поспешил на Севан.

Туда же пришли и остальные войска Абаса. Таким образом количество войск достигло нескольких тысяч.

Царь, видя эти приготовления, оживился, а это благотворно действовало на его здоровье. Царица же не знала, как выразить свою благодарность и признательность Абасу и Марзпетуни, которые вдохнули в нее и в государя новую жизнь.

Через несколько дней царь с царицей, великим князем Абасом и остальными князьями, простившись с гостеприимной братией Севана, в сопровождении своих войск, направились в престольную область Ширак.

Вот уже неделя, как Еразгаворс не узнать. Тихие улицы его наполнились шумом и движением, на площадях толпится народ. Царский дворец ожил и принял торжественный вид. Его великолепные залы украсились коврами, шелками и бархатом. Во дворце царит необычное оживление.

По распоряжению князя Марзпетуни, за несколько дней до приезда царя сюда прибыли все знатные женщины и свита царицы из Гарни. Вместе с княгинями Мариам и Гоар приехала и княжна Шаандухт, передав свой пост Мушегу. Все при дворе готовились к встрече царя и царицы.

Когда настал назначенный день, жители столицы вышли навстречу царю на несколько парасангов пути. Впереди ехала армянская знать. Свита царицы и княгини во главе с женой великого князя Абаса, княгиней Гургендухт, ждали государя в храме Спасителя.

Наконец вместе с царицей, Абасом и сопровождавшими князьями царь вступил в столицу, которую он покинул год назад. Его въезд был так пышен и торжествен, что напоминал триумфальное шествие. Кроме многочисленных войск, большая часть которых осталась за городом, сюда пришли почти все жители Ширака. Всюду, где проезжал царь, народ встречал его радостными криками.

Слезы застилали глаза царя. Он вспомнил свои прошлые триумфы и воодушевление народа тогда и теперь и нашел, что ничего в них не изменилось. Но сам он, увы… уже не был прежним героем. Его душа была мертва. Воодушевление не согревало его сердце.

Но чтобы не расстраивать окружающих, в особенности брата Абаса и князя Марзпетуни, царь сдерживал себя и старался казаться радостным и бодрым.

Он даже решил воспользоваться общим воодушевлением и повести войска на Двин.

Когда закончились празднества, царь пригласил к себе Абаса и Марзпетуни и объявил им свое решение.

— Поскольку у нас здесь столько войска и сюнийский князь со своими полками тоже находится здесь, готовьтесь

к походу на Двин. Перед этой силой арабы не устоят, и вы возьмете столицу, — сказал царь.

— Как? Ты это нам разрешаешь? — спросил Марзпетуни, не зная, удивляться ему или радоваться.

— Разве я выразился не ясно? Не только разрешаю, но и предлагаю не медлить.

— Это моя мечта, великий государь, — добавил Марзпетуни. — Когда на Севане я узнал о бегстве католикоса и выяснил, что это сделано по наущению Деспота, то хотел просить у тебя разрешения пойти походом на Двин. Мы могли застать арабов врасплох и занять город. Этим я раздосадовал бы спарапета. Но нас ждали в Ширакe, и я не хотел лишать народ радости приветствовать своего государя. А теперь, раз нам приказывает государь, мы можем двинуть армию через два дня. Остается только спросить согласия престолонаследника Абаса и сюнийского князя.

— Я готов, и мое войско также, — решительно сказал Абас.

— Поговорите с князем Смбатом и сообщите мне его ответ, — приказал царь.

В тот же вечер во дворце царского брата собрались князь Марзпетуни, владетель Сюника, сепух Ваграм и князь Гор. Абас сообщил государево желание. Все в один голос одобрили предложение царя. Князь Смбат, поклявшийся отомстить востикану за его вероломство, решил, что сам бог вдохнул в царя эту мысль. Особенно его радовало, что он сможет освободить своих братьев и изгнать арабов из патриарших покоев.

Вскоре и другие князья стали готовиться к походу.

В долинах, окружающих Еразгаворс, там, где речка Тигнис сливается с Ахуряном, были разбиты шатры союзных князей. Уже несколько дней здесь шли лихорадочные приготовления. Воины занимались упражнениями, готовили стенобитные машины и необходимое для осады города. За всем этим наблюдали князья. Князь Гор не мог найти свободной минуты для свидания со своей невестой, находившейся во дворце: военные приготовления отнимали у него все время. Работал он охотно. Сепух Ваграм воодушевлял его:

— Скоро, скоро, мой дорогой, возьмем Двин, устроим празднество и в соборе благословим ваш союз.

В Еразгаворсе еще были заняты этими приготовлениями, как вдруг одно неожиданное событие разрушило планы союзного войска и его начальников.

Еще до вступления царя в Ширак до востикана стали доходить слухи, что царь с большим войском возвращается в столицу. Нсыр хорошо знал Ашота Железного. Он помнил, сколько раз; казалось бы уже побежденный, царь снова собирал силы и наносил грозные удары его войскам. Его тревога еще более усилилась после того, когда разведчики сообщили, сколько у него войска, описали воодушевление народа и пышную встречу царя. Одно уже примирение Абаса с царем значило многое. Союзу этих двух героев арабы не могли противостоять. Когда же Нсыр узнал, что и сюнийский князь присоединился к ним, он совсем пал духом.

«Этот союз направлен против меня, — думал он. — Царь хочет изгнать меня отсюда. Он не довольствуется победами над моими войсками, он хочет освободить страну из-под владычества эмира. А князь Смбат присоединился к ним, чтоб отомстить за оскорбление, которое я ему нанес,

отступив от своей клятвы и заключив в темницу его братьев».

Угнетенный этими мыслями, он пригласил к себе на совет военачальника Бешира и двинского ден-пета[25].

Бешир сообщил, что находящееся в городе арабское войско не может выдержать и десятидневной осады. В городе не оставалось запасов, а получить их в ближайшее время было неоткуда. Единственное спасение — послать гонца в Дамаск и просить помощи у халифа. Но это может продлиться долго, армяне за это время возьмут город.

— А что, если мы сами предложим мир и попросим дружбы у царя? — спросил Нсыр.

— Наша вера разрешает победить неверного смирением, если не можешь победить его силой, — сказал ден-пет. — Но только знай, что, покорившись один раз, ты должен при случае принудить врага покориться тебе десять раз.

— Необходимо, чтобы армянские войска покинули сейчас Еразгаворс, — ответил востикан. — А там, я знаю, возникнут новые разногласия, князья снова пойдут друг на друга. «Две армянские головы в одном котле не сварятся», — такова поговорка. Когда она оправдается, мы снова обнажим свой меч.

— Да, так лучше. Это единственно разумный выход, — сказал Бешир. И ден-пет согласился с ним.

В тот день, когда союзные князья выстроили свои войска в долине и царь верхом, окруженный свитой, делал им смотр, вдали показался отряд всадников, стремительно мчавшийся к армянскому лагерю. Когда они подъехали ближе, князь Марзпетуни узнал арабское знамя и приказал Гору выехать со своим отрядом навстречу.

Велико было изумление юноши, когда, подъехав к всадникам, он среди воинов востикана увидел сюнийского князя Бабкена в прекрасном вооружении. Растерявшись от этой неожиданной встречи, Гор не успел выразить свое удивление, как князь подъехал к нему, обнял и расцеловал.

— Какой случай и какой ветер помогли твоему возвращению, князь?! — радостно воскликнул Гор.

Князь Бабкен в нескольких словах рассказал ему о цели своего приезда, а затем они оба в сопровождении остальных всадников поехали в лагерь. Сюнийский князь Смбат, узнав издали брата, подбежал и горячо обнял его. Встреча братьев была такой волнующей, что посланцы востикана вынуждены были остановиться. Затем князь Бабкен вместе с ними представился царю, который принял послов под открытым небом в присутствии всех князей.

— Востикан Нсыр приветствует через нас твое царское возвращение в престольный город шахиншаха, — заговорил, выступив вперед, глава посольства. — Вместе с тем, желая установить вечную дружбу с могущественным шахиншахом, эмир просит забыть все распри, которые были между вами, всю злобу и ненависть, которые возникли от злосчастных столкновений, и заключить мирный союз на пользу вашему народу и халифу. И вот, чтобы доказать свои добрые намерения, востикан освободил из темницы князей Сисакян. Один из них проводил нас сюда, а другой, князь Саак, живет в почете во дворце армянских царей в Двине. Эмир подносит шахиншаху достойные дары, которые просит принять как уверение в своих подлинно дружеских чувствах к армянскому народу и его царю.

Закончив свою речь, посол подал знак, и воины поднесли царю привезенные с собой дары.

Царь, недовольный неожиданной помехой своим планам, ради князя Бабкена любезно принял послов, поблагодарил их за добрые намерения и дары. Затем, пригласив послов в город, он обещал ответить на предложение Нсыра через несколько дней.

Эта новость была неприятна князьям и воинам. Войска рвались в бой. А князь Гор считал, часы, оставшиеся до вступления в Двинскую долину. Он мечтал проникнуть в крепость через известный только ему одному подземный ход и своими руками водрузить знамя над двинской цитаделью. В награду за это он надеялся получить поцелуй княжны, которая ждала его во дворце Еразгаворса.

Посольство коварного араба разрушило его надежды.

У царя состоялся совет. Вначале все были за наступление. Но когда князь Бабкен сообщил, что Нсыр в случае нападения царских войск на город грозит повесить на башне крепостной стены князя Саака, присутствующие растерялись.

— Хотя бы для того, чтобы не подвергнуть опасности жизнь брата, мы должны принять предложение востикана, — поспешно заговорил князь Смбат, словно боясь, что остальные воспротивятся этому.

— Ты поторопился, дорогой князь, — заметил, улыбаясь, царь. — Как бы ни было справедливо требование наших войск и князей относительно нападения на Двин, все же я не стану жертвовать жизнью воинов, если можно приобрести дружбу врага мирным путем. Хотя мы и сильнее востикана, но взять Двин, не пожертвовав при этом несколькими сотнями воинов, мы не можем. А этого мы должны остерегаться, у нас и без того слишком много жертв… Вначале на меня произвело неприятное впечатление предложение востикана, потому что и я был

охвачен общим воодушевлением, но затем, взвесив все обстоятельства, я пришел к убеждению, что лучше оставить Двин во власти арабов, чем жертвовать армянами. Вот почему я решил принять предложение востикана и заключить с ним мир. Мы займемся внутренними делами нашей страны и будем ждать, когда судьба поможет нам спасти князя Саака из рук его врагов.

С царским решением все охотно согласились, а сюнийские князья сердечно поблагодарили царя за заботу о своем брате. Только один князь Гор был недоволен. Принятое решение отнимало у него славу, которую он надеялся завоевать при взятии Двина.

Царь заметил это и, улыбаясь, сказал присутствующим:

— Кто из вас поможет мне возместить князю Гору утрату, которую он понес при этом примирении?

— Я, великий государь! — воскликнул сепух Ваграм.

— Говори, сепух, буду тебе благодарен, — сказал царь, продолжая улыбаться.

— Несколько месяцев тому назад, великий государь, мы в Гарни благословили обручение князя Гора с твоей приемной дочерью, княжной Шаандухт. Мы решили обвенчать их, как только арабы будут изгнаны из нашей страны и воцарится мир. Это условие сегодня выполнено. Правда, арабы еще не изгнаны из Армении, но их силы уже подорваны: они просят мира. Прикажи нам начать свадебные торжества, и потеря князя Гора будет возмещена.

— Будь здрав, сепух! Более мудрого совета нельзя было дать! — воскликнул царь. — При нашем дворе давно не было празднеств. Пусть с завтрашнего дня начнутся

приготовления. Тем более что сейчас в Еразгаворсе и дяди княжны, и сюнийское войско.

Князь Марзпетуни встал с места и поблагодарил царя. А Гор, зардевшись от смущения, опустился на колено и горячо поцеловал царю руку.

На следующее утро было подписано мирное соглашение. Скрепив своей печатью, царь передал его посланцам востикана вместе с дарами.

А через несколько дней в великолепном храме Спасителя, выстроенном царем Смбатом, происходило венчание князя Гора с княжной Шаандухт. На этом торжестве присутствовали царь, царица, вся царская семья и армянские князья. Согласно обещанию, данному в Гарни, крест над молодыми держал Ваграм. В своем блестящем вооружении и в праздничной одежде он производил величественное впечатление. Что касается князя Гора и княжны Шаандухт, то они были прекраснее всех собравшихся здесь юношей и девушек.

Свадебные торжества продолжались несколько дней. Весь Ширак вместе с войсками принял участие в веселье двора.

* * *

Шел 925 год, и благодаря мирному соглашению Армения вкушала полный покой.

Союзные князья вместе со своими войсками уехали из Еразгаворса. Один только князь Марзпетуни не возвращался в крепость Гарни, где давно уже находились Гор с молодой женой и матерью-княгиней.

— На предложение царя вернуться к семье князь ответил:

— Час моего покоя еще не настал.

— Как это понять? — спросил царь.

— Я еще не выполнил своего долга, — сказал князь.

— Ты сполна расплатился, — заметил царь. — Вот уже скоро два года, как ты в постоянных заботах. Ты освободил меня от преследования мятежников, ты трудился над объединением князей, ты создал заново войско, ты победил врагов, разогнал полчища арабов, примирил меня с Абасом, нагнал страх на двинского востикана и заставил его просить у меня дружбы. Что еще тебя тревожит?

— Самое главное, государь.

— Что же?

— Моя клятва.

— Какая клятва? — изумленно спросил царь.

— Та, которую я дал в Гарни на могиле святого Маштоца в присутствии воинов обета и населения Гарни.

— А именно?

— Не возвращаться в лоно своей семьи, не входить под свой кров, пока не изгоню последнего араба из страны.

— Зачем же тогда ты позволил мне примириться с востиканом, раз ты давал такую клятву?

— Я решил, что лучше быть изгнанником, чем жертвовать нашими воинами.

— Но ведь ты и раньше намеревался идти на Двин, — заметил царь.

— Тогда я надеялся на своих лазутчиков, которые вместе с католикосом должны были вступить в Двин.

Царь замолчал и задумался. Он знал князя. Знал, что, храбрый и непреклонный с врагами, Марзпетуни нежно привязан к своей семье. Каждый родитель ждет дня, когда его сын будет сочетаться достойным браком. Для князя настал такой день, но неумолимая судьба не разрешила ему вернуться в свой дом, видеть счастье сына и окружить его отеческой заботой.

Эти мысли взволновали царя. Он готов был на любую жертву, чтобы освободить своего любимца от клятвы. Но как это сделать? Единственным выходом было нарушить соглашение, заключенное с востиканом, но на это он не мог пойти.

Князь Геворг вывел его из затруднения.

— Мы не можем нарушить нашей дружбы с Нсыром, но мы вправе требовать от него возврата похищенного имущества, — сказал он царю. — Захват патриарших покоев не только грабеж, но и святотатство. Ничего подобного не позволяли себе ни персидские марзпаны[26], ни востиканы, бывшие до Нсыра. Если мы не мстим за это оскорбление, то вправе потребовать обратно хотя бы церковное имущество. Я готов поехать в Васпуракан и уговорить католикоса, чтобы он вернулся сюда и как глава церкви потребовал назад патриаршие покои. Его святейшество может не бояться сейчас востикана — мы сильны. Если востикан исполнит его требование, католикос вновь вступит в свой престольный город, а если нет, мы добудем мечом то, что принадлежит нам по праву. Ни один уважающий себя народ не согласится заключить соглашение с соседом, который попирает его священные права.

Государь нашел доводы князя разумными. Князь Геворг считал нужным заключить союз с Гагиком Арцруни, чтобы в случае войны он присоединился к араратскому царю. Князь попросил грамоту от Ашота, дабы явиться к Гагику в качестве царского представителя. Царь дал ему написанную собственноручно грамоту.

Через несколько дней князь Марзпетуни с телохранителями выехал из Ширака и направился в Васпуракан. Но не успел он достичь границы, как до него дошла весть о смерти католикоса Иоанна в Дзорском монастыре.

Весть эта очень огорчила князя: смерть католикоса могла быть чревата неприятными последствиями. Во-первых, это разрушало планы князя Геворга относительно взятия Двина и изгнания арабов. Во-вторых, патриаршие покои и церковные поместья оставались по-прежнему во власти Нсыра, и многочисленные монастыри и духовная братия лишались доходов. В-третьих, сам князь терял возможность освободиться от своей клятвы и возвратиться в лоно семьи. В-четвертых, патриарший престол закреплялся за Васпураканом. Из-за этого могли возникнуть долгие распри и смуты, могли образоваться новые патриаршие престолы, которые ослабили бы церковное владычество, и без того находившееся в упадке.

Но все же князь поспешил в Дзорский монастырь, чтоб присутствовать при погребении католикоса.

Вместе с многочисленным населением Васпуракана здесь собралась вся духовная братия монастырей и старейшие епископы. Здесь был и царь Гагик со свитой и придворной знатью. Князь Марзпетуни явился в Дзорский монастырь как представитель Араратского царства, и царь Гагик принял его с достойными почестями. После того как

тело католикоса было погребено в монастырском склепе, царь Гагик пригласил Марзпетуни в свою столицу Ван.

Здесь князь оставался некоторое время и, живя в царском дворце, благодаря своему уму и благородству стал любимцем не только царя, но и всего двора. Результатом этого было то, что царь Гагик принял предложение царя Ашота и заключил с ним союз, написав грамоту и скрепив ее своей подписью и печатью.

В это время духовная братия была занята вопросом избрания нового католикоса, и между несколькими крупными монастырями, как и предвидел Марзпетуни, начались споры.

В северных областях Армении духовенство хотело, чтобы патриарх был избран из местных епископов и пребывал в Востане. Между тем южные области выражали желание, чтобы он был из монахов Васпуракана и жил в Дзорском монастыре, там, где скончался прежний католикос. В этом споре приняли участие и союзные князья. Начались раздоры.

Князь Марзпетуни хорошо понимал, что эта смута может нанести вред вновь заключенному союзу, тем более что к сторонникам «южного» патриарха уже присоединились родственники царя Гагика. Он обратился с письмом к царю и, сообщив ему о грядущих опасностях, посоветовал исполнить желание васпураканцев, дабы польстить самолюбию царя Гагика. Тогда царские дома Арцруни и Багратуни сблизились бы теснее, а эта дружба принесла бы пользу в будущем и престолу и родине.

Такое же послание он направил царскому брату Абасу, прося его склонить царя к этому решению.

Ответ пришел немедленно. Царь и Абас предоставляли ему право разрешить этот вопрос по собственному усмотрению.

При первом же свидании с царем Гагиком князь спросил его, кого он хотел бы видеть католикосом и где бы желал учредить его престол. Царь Гагик ответил, что его избранник — епископ Степанос, а патриарший престол он хотел бы видеть на острове Ахтамар, где им выстроен великолепный храм и неприступный замок и куда скоро должен переехать двор.

Князь сказал, что царь Ашот и наследник Абас поручили ему как представителю Араратского царства выполнить в этом вопросе волю царя Гагика. Пусть государь соблаговолит избрать наследником патриаршего престола, кого он захочет. На это избрание дадут свое согласие все крупнейшие монастыри северных областей.

Это известие доставило большое удовлетворение царю Гагику.

— Царь Ашот и престолонаследник Абас меня очень обязали своим великодушным предложением! — воскликнул он радостно. — Отныне дом Арцруни будет неразлучным союзником царей Багратуни. Их враги будут моими врагами.

Вскоре всеобщий собор, собравшийся в столице Арцруни, избрал католикосом епископа Степаноса.

Царь Гагик с большой торжественностью доставил новоизбранного католикоса на остров Ахтамар. Миропомазание произошло в новом храме Христа, после чего католикос остался там как всеармянский патриарх. Чтобы выразить свою благодарность царю Ашоту, царь Гагик послал ему ценные дары, одарив также и князя Марзпетуни.

Но князь Геворг радовался не этим дарам, а тому, что дружба, которой он заручился в Васпуракане, должна была в будущем стать залогом многих побед.

Истории с избранием католикоса князь не придавал столь большого значения, как Гагик Арцруни, который считал для себя великим почетом иметь патриарший престол на Ахтамаре и видел в том свое преимущество перед Араратским царством. Марзпетуни же считал, что войска васпураканских князей принесут больше пользы престолу, чем сидящий в столице католикос. Среди армянских епископов князь не видел ни одного, кто мог бы оказаться достойным наследником патриархов Геворга или Маштоца.

Такого же мнения были царь и великий князь Абас. Поэтому они искренне благодарили Марзпетуни за то, что он так мудро пожертвовал малым для приобретения великого.

Князь Марзпетуни вернулся в Еразгаворс, довольный своим путешествием. Он привез дружественное соглашение с царем Гагиком, что было гораздо ценнее, чем если бы католикос Иоанн был жив и вернулся с ним в столицу.

Отдохнув при дворе, князь снова отдался думам о взятии Двина. Теперь, когда Гагик был в союзе с царем, можно было действовать смелее. Армяне могли взять Двин приступом, если бы даже осада затянулась надолго. Князь решил воспользоваться зимними месяцами для необходимых приготовлений, а весной выступить в поход.

Но неумолимая судьба решила иначе. Не успел он сделать нужных распоряжений и привести в порядок дела, как пришло известие из Утика, что Цлик-Амрам, соединившись с гугарским и тайским князьями, передает три северные области Армении абхазскому царю Беру. (В

это время отец Бера Гурген, тесть Абаса, уже скончался, и вместо него Абхазией правил Бер.)

Это известие сильно поразило двор, но особенно огорчило царя и князя Марзпетуни.

Когда князь вошел к царю, чтобы узнать его мнение по поводу новой измены Амрама, он нашел его грустным и больным.

— Эта измена, — сказал царь, — продолжение прежней. Сепух, как я уже тебе говорил, враг не народа, а мой личный враг. Вся его злоба направлена против меня. Он успокоился, потому что я бежал от него и бесславно жил на Севане. Мое несчастье удовлетворило его, и огонь мести угас в его сердце. Но сейчас, когда я вернулся на престол, старая злоба и месть вновь вспыхнули в нем, и он задумал новую измену. Этот человек думает, что судьба мне опять благоприятствует, что для меня взошла заря нового счастья, и снова хочет причинить мне боль. Он передает армянские области Беру, нашему давнему врагу… Если бы он знал, что мое сердце смертельно ранено, быть может, он по-человечески пожалел бы меня и перестал совершать зло…

— Я передам дела великому князю Абасу и поеду в Утик. Быть может, я сумею предотвратить опасность, пока абхазский царь еще не явился за своей добычей, — сказал князь Геворг.

— Съездить в Утик? Да, это было бы хорошо. Но ты очень устал. У армян нет второго Марзпетуни, ты должен беречь себя.

— Все Марзпетуни были бы ничтожными людьми, если бы сидели сложа руки. Прикажи мне, государь, завтра же ехать в Утик. Возможно, что я еще успею помочь делу, — повторил князь.

Царь несколько минут молча смотрел на Марзпетуни, словно не решаясь говорить.

— Может быть, есть какая-нибудь помеха? — спросил его князь.

— Нет, поезжай; надеюсь, на этот раз ты убедишь его… Но где ты рассчитываешь найти Амрама?

— Объеду весь Утик.

— Нет, поезжай прямо в Тавуш, вероятно, он еще там.

— В Тавуш? Превосходно. Но прежде всего я направлюсь в Гугарк.

— Когда ты намереваешься выехать?

— Хоть завтра. Меня здесь ничто не удерживает.

— Завтра? Так скоро?

— Чем скорее, тем лучше.

Сердце царя замерло. Вместе с грустью какое-то радостное беспокойство овладело им. Он забыл северные области, забыл Бора, Цлик-Амрама… Его мысль унеслась в Тавуш, проникла во внутренние темницы замка, ища там несчастную узницу, красавицу княгиню, чьи огненные глаза зажгли роковую любовь в его сердце и стали причиной стольких зол… Сколько времени он не видел ее, сколько времени не имел от нее известий!.. Умерла она или жива еще? Любит ли его или проклинает?.. Он ничего не знал.

Еще тогда, когда он с егерскими войсками вступил в Гугарк, он узнал, что Амрам заключил свою жену в темницу и держит там как приговоренную к смерти… Больше о ней он ничего не слыхал. А теперь, когда князь Геворг едет в

Тавуш, он, конечно, привезет какое-нибудь известие о княгине Аспрам… О, как бы он хотел поручить ему, приказать!.. Нет, просить его, умолять, чтобы он вошел в келью, в эту мрачную темницу, где заперта жертва несчастной любви, поговорил бы с ней, сказал, что армянский царь, Ашот Железный, не забыл ее, что он по-прежнему любит ее… Что он жестоко страдает, думая о ее несчастной судьбе, видя пред собой ее измученное лицо, заплаканные глаза…

Но разве можно дать такое поручение Марзпетуни, этому добродетельному герою, который признает в мире только две святыни — родину и семью?

Царь знал это и поэтому ничего не сказал князю. Он довольствовался и тем, что князь в Тавуше услышит что-нибудь о княгине и расскажет ему.

На следующий день князь Марзпетуни со своими телохранителями выехал из Еразгаворса и направился в Гугарк.

4. Конец старых печалей

Несмотря на то что снег уже покрыл Гугарские горы и дороги из крепости Тавуш были занесены сугробами, в княжеском замке многочисленные слуги были заняты укладкой вещей, перевязыванием тюков и приготовлением запасов. Одни вели в поводу мулов, другие навьючивали их, третьи седлали лошадей. Во всем замке не было видно ни одной женщины. Даже одежду и утварь укладывали слуги, хотя это всегда было делом служанок, — как будто какой-то бич изгнал из замка всех женщин.

В одном из верхних покоев, где в большом камине горел огонь, прохаживался сепух Амрам. Лицо его было грустно, лоб весь в морщинах, взгляд угас. Пышная борода, спускавшаяся до пояса, уже серебрилась, резко выделяясь

на черной одежде. Стан сепуха не опоясывал серебряный пояс, и на перевязи не висел выложенный золотом меч. В руках у Амрама были четки, которые он перебирал, медленно шагая по залу.

Вдруг он остановился перед узким окном и стал внимательно вглядываться в ущелье Тавуша, по склону которого быстро поднимался отряд всадников. Как он ни напрягал зрение, все же не мог разглядеть едущих.

Когда отряд подъехал к крепостным воротам, он узнал князя Марзпетуни и, выйдя на каменный балкон, приказал немедленно открыть ворота.

«Зачем он приехал? Что ему надо от меня?» — подумал сепух, возвращаясь в комнату.

Князь Геворг, заметив во дворе приготовления к отъезду, прошептал:

— Мы опоздали, он уезжает.

Поднимаясь в верхние покои замка, князь увидел полное разорение. Ковры и украшения были сняты, диваны убраны, светильники спущены, — словом, замок опустел.

«Почему так спешно, зимней порой?..» — подумал князь и не смог ответить.

Когда он вошел к сепуху, тот сидел у камина, перебирая четки.

— Князь Марзпетуни, ты в Тавуше?! — воскликнул сепух, направляясь к гостю с какой-то рассеянной улыбкой, не смягчающей его хмурого лица.

— Как видишь, великий сепух, я здесь. Приехал в гости к тебе в замок, а ты как будто нарочно обнажил его!

— Это бог обнажил его, дорогой князь. Он отнял у меня лучшее украшение моего замка! — ответил сепух дрожащим голосом и, пожав руку князю, предложил ему сесть перед камином.

— Сядь, погрейся! Холод, наверно, пробрал вас в дороге? Наше Тавушское ущелье славится буранами, — продолжал он, помешивая щипцами угли.

— Да, досталось нам в горах! Если бы не накидки, мы бы совсем замерзли!

— Почему ты вспомнил меня в такую стужу, князь? — спросил сепух, не выдержав даже того времени, какое полагалось для вежливых расспросов.

— А почему ты в такую стужу уезжаешь из своей страны? — мягко спросил князь.

— Я отдал свои земли абхазскому царю, а взамен получил берега Чороха… Еду принимать новые владения, — ответил сепух.

— Я знал это… Но почему же зимою?

— Здесь каждый лишний день подобен для меня смерти. В покоях этого замка живут адские чудовища, которые день и ночь преследуют меня. Я спасаюсь от них.

— Что за чудовища? — недоумевая спросил Марзпетуни.

— Да… Ты никогда не встречал их, ни разу не видел?..

— Я? Нет, — ответил князь, и ему показалось, что сепух сошел с ума.

— Счастливый человек. И я был когда-то таким же, но мое счастье разрушил твой царь…

— Великий сепух…

— Кстати, что делает этот несчастный? Устраивает придворные праздники? Мечтает о взятии столицы и забыл думать о своем преступлении?

— Я голоден, сепух. Прикажи накормить меня, — прервал его князь, желая переменить разговор.

Амрам помолчал минуту, а затем сказал:

— Прости меня, князь, я невежлив… но… что поделать? Душа и сердце мои покрыты язвами, рассудок больше не подчиняется мне…

Он встал и хлопнул в ладоши. Вошел слуга.

— Скажи, чтобы накрыли стол, — приказал сепух.

Слуги сейчас же принесли воду. Князья омыли руки, а затем сели за обед.

После обеда сепух стал занимать гостя посторонними разговорами, чтобы больше не волноваться самому и не портить настроения князю.

Но на следующее утро он попросил Марзпетуни поведать о цели своего приезда.

— Я должен, — сказал сепух, — как можно скорее уехать из Тавуша.

— В столице мы узнали, — начал князь, — что ты вместе с гугарским и тайским князьями решил отдать абхазскому царю северные области. Это известие произвело очень неприятное впечатление на двор, а меня ужаснуло. Я приехал помешать этой распродаже родины по частям.

— Ты опоздал, — заметил холодно сепух.

— Как опоздал?

— Мы уже все закончили.

— Как?

— Упомянутые тобой области мы отдали царю Беру, закрепив передачу грамотой. Взамен мы получим владения в Абхазии.

— По какому же праву вы это сделали?

— По праву, полученному нами от армянского царя.

— Он вас назначил только наместниками над этими областями.

— Но мы восстали, завладели этими областями, и царь не мог их отнять у нас.

— Все-таки они не ваша собственность, вы их захватили вероломно.

— Да, это так: мы силой овладели этими областями. Не будь Цлик-Амрама, Гугарк и Тайк не отделились бы от армянского царства. Я устроил этот раздел. Все это тебе известно. Известна и причина, которая заставила меня поступить именно так, а не иначе.

— Но ведь ты уже отомстил. Ты лишил царя его владений, заставил бежать и долгие месяцы скрываться на Севане, и в конце концов в битве с Беширом он получил смертельную рану, которая рано или поздно сведет его в могилу. Чего же ты еще хочешь? Зачем ты за одну обиду хочешь воздать стократ? И наконец, чем виноваты армяне этих областей, что ты их отдаешь на растерзание чужеземцу?

— Князь, когда ты говоришь, мне кажется, что я виновен. Но когда я вспоминаю прошлое или думаю о настоящем, тогда все, что я сделал, кажется мне ничтожным. Царь Ашот похитил самое бесценное мое сокровище… Мне казалось, что я не утолю своей мести, пока не обрушу ему на голову грозные скалы Арарата. Но мое восстание, захват Утика, а затем бегство Ашота и пребывание его на Севане погасили пламя мести. Я думал: «Я разбил врага, а теперь забуду его», — и начал забывать… Нет, я уже забыл, примирился со своим несчастьем. Но… Не хочу вспоминать… Это так ужасно!

— Что же тебе помешало?

— О князь, если б я мог совсем не говорить…

— Что случилось?

— Нет, больше ничего не случилось…

При последних словах сепух побледнел и отвел от Марзпетуни свой горящий взгляд.

— Что же произошло? Говори, — настаивал князь.

— Что произошло?.. Небо рухнуло, представляешь? Небо. Нет, тебе этого не понять. Ад со всеми своими ужасами спустился на землю, чтоб истерзать мое сердце и душу.

— Великий сепух, я тебя не понимаю, — со страхом сказал князь.

— Что ж, буду говорить яснее. Вспомню еще раз этот ужас… — сепух выпрямился на диване, затем, прислонившись к спинке и перебирая четки, продолжал:

— После того как я узнал поразившую меня тайну, я загорелся гневом и приказал заковать в цепи мою жену и бросить ее в мрачную темницу замка… О, почему бог дал острые клыки только зверям? Разве человек не превосходит их в своей жестокости?.. Да, я запер ее в темнице, приказал не посещать совсем, не передавать и не получать от нее никаких вестей. Ей носили только пищу. Я хотел, чтобы она мучилась за свои грехи… Затем я оставил Тавуш и поднял восстание, начало и конец которого тебе хорошо известны.

По возвращении в Тавуш я приказал вывести из темницы мою бедную жену. Закованная в цепи, дрожащая, пришла она и стала предо мною… О, почему в эту минуту я не ослеп! Как мог я смотреть на нее и еще упорствовать? Она исхудала, ее прекрасное лицо побледнело, огненные глаза померкли… Она посмотрела на меня, хотела заговорить, но я запретил. Почему десница божья не покарала меня в эту минуту?.. Быть может, она хотела оправдаться предо мной, привести доказательства своей невиновности… А я, безжалостный, отказал ей… Я окинул ее яростным взглядом и сообщил о поражении царя, о позорном бегстве ее возлюбленного. И после этого — единственная милость, которую я ей оказал, — велел снять железные цепи и запереть ее в одном из верхних покоев замка.

Амрам глубоко вздохнул и, закрыв лицо руками, замолчал. Казалось, он не мог больше произнести ни слова. Князь просил его не продолжать.

— Горе заставляет… — заговорил вновь сепух, поднимая голову. — Сколько времени я молчал!.. Сколько времени мой замок слышал только стоны и мои горькие рыданья!.. О, как тяжко и невыносимо это состояние!.. Оно суждено только нам, жалким смертным… Но мне кажется, наши печали не терзали бы нас так безжалостно, если б окружающие могли заглянуть нам в душу и видеть все, что там происходит… Скажи мне, князь, как бы ты поступил в моем положении?

— В каком положении?

— Если б ты вдруг узнал, что любимый человек изменил тебе?

— Я никого не считаю совершенным. Каждый из нас имеет свои слабости. Поэтому я всегда снисходителен к людям, которые причиняют мне зло.

— Но разве не бывает преступлений, которые невозможно простить, за которые надо вешать, сжигать в огне, топить?..

— Есть и такие…

— Что же это за преступления? Говори, я хочу знать.

— Измена родине.

— Только это?

— Только это преступление нельзя простить.

— А если бы тебе изменил любимый человек? Но что я говорю? Разве ты поймешь? Я уже сказал, что печали были бы не страшны, если бы люди научились понимать друг друга.

— Говори, я пойму тебя.

— Скажи мне, что бы ты сделал, если бы узнал, прости за дерзость, что княгиня Гоар изменила тебе?.. Вернись к прошлому, вспомни свою молодость, вспомни страсть и огонь, что жгли и волновали твое сердце.

— Не знаю, мне незнакома ревность…

— Незнакома? О, какой ты счастливец! Вот почему властелин дома Марзпетунцев со спокойным сердцем трудился для славы отечества и заботился о процветании своего очага, вот почему он всюду прославился как человек, беззаветно преданный родине. А Цлик-Амрам, сердце которого тоже билось любовью к родине, стал предателем и изменником… О, если бы на час, хоть на одну минуту ты мог понять мое горе, ты простил бы меня за то, что я заточил ее, мою Аспрам, которую любил так, как не могут любить десять сердец вместе взятых… Я запер ее в башне, но если бы ты знал, как я мучился, видя ее, лишенную солнца, одинокую в своем горе. Сколько, сколько раз мне хотелось подняться к ней, войти туда, где страдала несчастная женщина, прижать к груди и сказать: «Аспрам, прощаю тебя!» Но мысль, что она может чувствовать себя более счастливой в своем заточении, чем в моих объятиях, сковывала меня…

Так прошли месяцы; гордость не позволяла мне пойти к преступнице и выразить словами то, что давно сказало сердце. Но душа моя терзалась. Бывали минуты, когда печаль так угнетала и душила меня, что я горько рыдал.

Однажды я увидел, что служанка возвращается из башни с нетронутым блюдом. На мой вопрос, почему княгиня не ела, служанка ответила: «Не пожелала кушать и приказала больше не приносить еды». Это встревожило меня. «Не хочет ли она уморить себя голодом?» — подумал я, и мне стало мучительно тяжело. Прежние мысли овладели мной, снова я решил пойти к ней, освободить и

простить. Но я упорствовал и еще долго оставался в своей комнате. Прошло много часов. Звонарь замковой церкви зазвонил в колокол, сзывая людей на молитву. Это вывело меня из оцепенения. «Что же я медлю, пора наконец освободить несчастную», — подумал я и вскочил с места. О, что это была за минута, почему меня тут же не убило молнией?!

— Что ж произошло? — спросил испуганно князь.

— Быстрыми шагами поднялся я на башню и приказал привратнику открыть дверь. Боже!.. Тело моей жены, моей любимой Аспрам, качалось в воздухе…

— Она повесилась?! — в ужасе воскликнул князь.

— Да, да… Она сняла железную лампаду и повесилась на цепи. Боже!.. Небо обрушилось на меня, и окружили духи ада… Я зарычал, как раненый лев, голос мой загремел эхом под сводами замка. Сбежались люди, а я схватил ее, прижал к груди и как сумасшедший сбежал с башни. На один миг мне показалось, что она еще жива, что сейчас заговорит со мною и откроет свои лучистые глаза. Увы, это было безумие… Аспрам была мертва, ее прекрасное лицо посинело, глаза угасли, губы сомкнулись, и сердце уже не билось. Я увидел это, почувствовал всем существом и, обняв бездыханное тело, зарыдал как безумный.

Что было со мной дальше, я не помню. Несколько дней я не приходил в сознание. Только в последнюю минуту, когда ее гроб опускали в могилу, мое сердце вновь сжалось и я стал оплакивать свою супругу…

Сепух тяжело вздохнул и, опустив голову, замолчал.

Князь, глубоко потрясенный, попытался утешить сепуха Амрама, но его слова оказали обратное действие.

— Не жалей меня, князь! — воскликнул взволнованно сепух. — Ты не можешь утешить человека, который потерял самое дорогое в жизни, чье сердце окоченело и кто живет только для страданий… Если хочешь утешить, то лучше скажи, как мне отомстить моему врагу — царю? Только месть, только беспощадная губительная месть может меня смирить. Моя душа возликует, когда я увижу Ашота страдающим в аду… Ты, кажется, сказал, что он умирает. Боже упаси, я совсем не хочу, чтоб он умер. Разве в загробной жизни он испытает те муки, которые я ему прочу? Нет, пусть он живет, пока Цлик-Амрам сам не уготовить ему ад.

— Великий сепух, ты взволнован… Но все же позволь задать тебе вопрос. Час тому назад ты сказал, что после бегства царя ты примирился со своим несчастьем, зачем же ты сейчас снова распаляешь свой гнев?

— Да, я примирился со своим горем, но ведь за этим последовало несчастье, еще более ужасное…

— И поэтому ты отдал Беру армянские области?

— Да, поэтому. Я не мог больше оставаться в Тавуше. Этот замок стал для меня кромешным адом. Здесь поселились привидения. Каждый угол в нем напоминает Аспрам, а из башни, где она повесилась, до меня доносятся дьявольские голоса… О, это ужасное место… Вот почему я бегу отсюда.

— Ты мог уехать из Тавуша, но зачем было отдавать свою область Беру?

— Чтобы после меня Ашот не завладел ею.

— Неужели ты думаешь, что Бер удержит эту страну?

— Он будет воевать с Ашотом, нарушит его покой, разорит его край… Мне только этого и надо…

Князь, видя, что в сепухе говорит только месть и что никакие увещевания не помогут, пожалел о своем приезде и прекратил расспросы.

Через два дня Цлик-Амрам со всем имуществом и приближенными уехал, передав свои владения абхазскому царю, доверенные которого уже находились в Тавуше.

Уехал и князь Марзпетуни, но он не вернулся в столицу, а направился к князьям Гугарка и Тайка, чтобы уговорить их отказаться от обещаний, данных царю Беру.

Перед отъездом из Тавуша князь написал царю послание, в котором сообщал причину новой измены Амрама. Находясь под впечатлением рассказа Амрама, князь в своем письме резко осуждал царя. Он не задумался над тем, как губительно может оно повлиять на больного государя.

Через несколько дней после отъезда гонца князь пожалел, что написал такое письмо. Но было уже поздно.

Марзпетуни в том же послании просил царя послать в Утик сепуха Ваграма с несколькими полками, чтобы до прихода абхазцев запять Утик, Гугарк и Тайк.

Не прошло и десяти дней, как Ваграм вступил в Утик и, не ожидая распоряжений Марзпетуни, стал занимать крепость за крепостью, изгоняя оттуда абхазских доверенных. Народ, не желая платить дани чужеземцам, всеми силами помогал царским войскам. То же самое повторилось и в Гугарке.

Затем, повернув на юго-запад, Ваграм вступил в Тайскую область, где и встретился с Геворгом Марзпетуни.

Князь сообщил ему, что гугарские и тайские наместники со своими приближенными выехали в Абхазию, а их крепости, лежащие близ границы, уже заняты абхазскими войсками.

Стояла зима. Для взятия Тайка необходимо было предварительно запять несколько крепостей, а для этого понадобилось бы вызвать новое войско из Востана. Военным действиям мешал и суровый климат этих областей. Поэтому князь и Ваграм решили расположиться лагерем в ущелье Панаскерта, на границе Гугарка и Тайка, и ждать здесь до весны.

Взятие Двина и изгнание арабов из Армении приобретало для Марзпетуни все большее значение и сделалось вопросом жизни или смерти. Поэтому он не мог допустить, чтобы северные области остались в руках абхазцев. Вот почему, как ни сурова была зима в Тайке и как ни трудно было оставаться здесь, князь все же решил не уводить войска, пока не освободит Тайк от чужеземцев.

Князь не сидел без дела в зимние месяцы. Он вел тайные переговоры с небольшими княжествами этой области и прилагал все усилия, чтобы приобрести их дружбу. Князья, оставшиеся верными престолу, охотно вступали в союз против абхазцев.

Наконец настала весна, воздух потеплел; начало таять, и дороги расчистились. Князь Марзпетуни со своим соратником повел войско прежде всего на Панаскерт. Начальник крепости, заранее договорившись с князем, сдал крепость и село без боя.

Князь оставил его на прежней службе, поручил ему сторожевой отряд, а сам с войском вступил в Утик, где находились абхазские войска.

В Утике столкновение было неизбежно, поэтому князь заранее послал гонца к царю с просьбой прислать ему

войско через араратский Басен. Марзпетуни рассчитывал, что, выступив из Басена в Тайк, он встретится с царским войском у источников Чороха, откуда они вместе двинутся на Утик.

Но не успел уехать гонец, как прибыл из столицы гонец от царя и вручил Марзпетуни послание великого князя Абаса. Прочтя его, князь побледнел. Абас сообщал, что царь безнадежно болей, и просил князя вернуться в столицу.

— Какой-то злой рок преследует нас, — сказал князь сепуху Ваграму. — Ты оставайся здесь со своими полками и охраняй границы захваченных областей. Я же поеду в столицу и узнаю, какое несчастье еще нас ожидает.

— Поезжай, — ответил сепух. — Я отступлю в Панаскерт, где войска будут в безопасности. Если понадобится моя помощь, шли гонца; я сейчас же направлюсь в Ширак.

Марзпетуни поблагодарил сепуха и, простившись с ним, проехал в Басен, а оттуда в Ширак.

Когда Марзпетуни приехал в Еразгаворс, царь был уже при смерти. Все же он очень обрадовался приезду своего верного друга.

— Позовите его сюда, — приказал царь, и князь сейчас же предстал пред ним.

— Единственным моим желанием было видеть тебя еще раз перед смертью, — сказал царь, протягивая ему дрожащую руку. — Подойди ко мне, князь, и скажи, что прощаешь меня.

— За что прощать тебя, государь! — воскликнул князь, опускаясь на колени и целуя царю руку.

— Грехов у меня много, счесть их я не в силах… Скажу только, что я — причина всех твоих бед… Прости меня, прости своего государя…

— Великий государь, мы боремся с внешними бедствиями, они приходят к нам издалека…

— Нет, причина их тоже во мне. Твое тавушское послание гласило истину. Благодарю тебя. Оно дало мне отпущенье… Если бы ты только знал, как я рад, что скоро навеки избавлюсь от страданий, терзающих мне душу.

Князь понял намек царя и, хотя был уверен, что государь действительно радуется смерти, все же всей душой скорбел, что его послание ускорило конец.

— Это ты должен меня простить, государь, — сказал князь. — Своим неосторожным письмом я усилил твои страдания.

— Ничуть! Твое послание завершило великие услуги, оказанные тобой престолу. Ашот Железный — грешник Онан. Из-за него бушует море родины. Все труды Марзпетуни не могут успокоить его, пока грешник находится на корабле. Возьмите меня, бросьте в пучину волн, и корабль избавится от опасности…

Царь на минуту умолк и, открыв глаза, посмотрел вокруг. Он увидел у изголовья скорбную царицу, а рядом с ней брата Абаса.

— Я скоро уйду… — продолжал он слабым голосом. — Жизнь со всеми ее печалями и радостями остается вам. Постарайтесь пользоваться ею мудро и не походить на меня, расточавшего ее без пользы… Тебе я завещаю престол, мой возлюбленный Абас, тебе оставляю родину, обремененную печалями. Наследуй престол и заботься о благе родины. Ты счастлив в семейной жизни, будешь

счастлив и в царствовании… Ибо кто является примерным отцом своим детям, тот будет примерным отцом и для своих подданных. А тебе, моя несчастная царица, я оставляю только горе, слезы и горькие воспоминания… Хотел бы я, чтобы ты забыла меня, но, увы, это невозможно. Лишь не кляни меня, не кляни своего супруга и царя… ибо я буду вдвойне мучиться в геенне, если твое проклятье дойдет до престола предвечного.

Через несколько дней царь скончался. Царский лекарь утверждал, что он умер от старой раны. В это верил и народ. Но при дворе говорили, что самоубийство княгини Аспрам ускорило смерть государя. Несчастный царь не мог перенести угрызений совести; душа погибшей и слезы живой царицы преследовали его, и он решил умереть. Но никто так и не узнал, какой ангел принес ему смерть…

5. Старый враг и новый царь

Весть о смерти царя быстро облетела страну. Армянские князья и нахарарские дома, каждый со своим личным полком, поспешили в Еразгаворс, чтобы присутствовать при погребении.

Сюда съехались владетель Багарана Ашот Деспот, васпураканский царевич Ашот Дереник, князь Туруберана, владетель Агдзни, князь Могса, сюнийские князья, агванский сепух, владетель Гардмана Давид, остальные меньшие князья и правители областей. Отсутствовал только сепух Ваграм, находившийся в северной области.

Вместе с васпураканским царевичем прибыл и католикос Теодорос (в это время Степанос уже умер, и на острове Ахтамар в сане католикоса восседал Теодорос).

Тело царя вывезли из Еразгаворса торжественно и пышно, чтобы похоронить его в усыпальнице Багратуни в Багаране.

Царский гроб, сделанный из нетленного дерева, был украшен золотом и серебром. Его поставили на золоченую колесницу, которую везли шесть белых мулов. Колесница была покрыта дорогой парчой с кистями, блестевшими на солнце, как золотые слитки. Перед гробом ехал католикос, окруженный старейшими епископами, монахами, священниками и хором певчих. За гробом, окруженный свитой, следовал брат царя Абас, верхом на коне, покрытом траурной попоной. Затем царица Сааканyйш и княгиня Гургендухт на траурных носилках в сопровождении свит и княгинь. За ними двигались Ашот Деспот, Ашот Дереник и остальные князья в порядке старшинства. Их сопровождал хор гусанов[27] и трубачи.

Дальше вели царских коней в золотой броне, покрытых траурными попонами. В самом конце процессии шли войска, состоявшие из араратского, придворного и сепухского полков, — отряд басенцев, отряд столичных воинов, ванандская конница и остальные вольные отряды. Во главе всех войск ехали князь Геворг Марзпетуни и сын его Гор. Таков был приказ царевича Абаса, который находил, что в эти дни особенно важно, чтобы войско было в надежных руках.

За войском следовала огромная толпа народа, которая все увеличивалась по мере продвижения к Багарану. Изо всех сел и деревень к ней по пути присоединялись все новые и новые люди. Таким образом, погребальная процессия прибыла в Багаран в сопровождении нескольких тысяч человек.

Тело царя было погребено в кафедральном соборе, где покоились отец его царь Смбат и брат Мушег.

Царица оплакала супруга великим плачем вместе с сопровождавшими ее княгинями и хором гусанов. Горестно

рыдали над прахом царя брат Абас и остальные члены царской семьи.

Но горше всех плакал Геворг Марзпетуни, его друг и соратник. Он провел с ним всю жизнь: в детстве как товарищ по играм; в юности как друг; в молодости как соратник; после вступления на престол как единственный верный союзник. Долгие годы он помогал ему, воевал вместе с ним, побеждал и терпел поражения, разделял его радости и печали, смеялся и плакал вместе с ним… Перед мысленным взором князя пронеслось в эту минуту все прошлое. Бурным и полным событий было царствование Ашота Железного. Вспомнилось, как восхищался он геройскими подвигами государя, его дерзкими нападениями на врагов, ударами его меча… Было время, когда счастье улыбалось царю, когда он, князь, радовался его успехам, надеясь, что Ашоту суждено стать спасителем отечества, освободить его от чужеземного ярма и стяжать высокую славу, вернув престолу родины прежнее величие. Но, увы, ничтожный червь любви погубил большое сердце. Теперь, бездыханный, лежит он в холодной земле. Сердце его не чувствует ничего, любовь и слезы его не трогают… Но он унес с собой в могилу великие надежды и ожидания. Огромная страна, большая семья в несколько миллионов человек, лишилась из-за его слабости многих благ. Отечество и поныне находится в опасности. Ему угрожают и явные враги, и лицемерные друзья. Все было бы иначе, если б единственный человек, в чьих руках была судьба родины, не пожертвовал ради личного блага самым святым — любовью к отечеству…

Такими мыслями был охвачен князь в скорбный час, когда тело царя предавали земле. Эти мысли заставили его горько плакать.

А рядом стоял другой человек, у которого смерть царя вызвала совсем иные чувства: ему казалось, что земля,

покрывшая труп царя, должна породить для него новую жизнь, новую славу… Это был Ашот Деспот, в груди которого еще не угасло желание стать самодержавным властителем страны, царем всей Армении… Видя бесчисленное множество людей, заполнивших Багаран и его окрестности, он решил прежде всего воспользоваться этим, чтобы показать войскам и народу свое богатство и щедрость и тем привлечь их на свою сторону. Заручившись таким путем любовью народа, он предполагал после окончания траурных дней предъявить свои права на престол. Обстоятельства этому способствовали. Войска были далеко от столицы, наследник и князья находились в Багаране. Он мог без труда овладеть царским дворцом с его богатствами и задержать Абаса в Багаране.

Несколько дней подряд он щедро угощал не только царственных гостей и княжеские семьи, но также воинов и весь народ. Кроме того, он раздарил много милостыни нищим как бы для спасения души покойного государя. Все это действительно произвело на войско и народ благоприятное впечатление. А некоторые из князей были совсем очарованы им.

Видя такую удачу, Деспот осмелел и стал готовиться к достижению своей «главной цели». Он послал гонца к Нсыру и, ознакомив его со своими планами, просил в случае надобности прислать войско. Нсыр, искавший повода для осуществления давней мести, охотно принял предложение Деспота.

Затем Ашот приказал своему войску, находившемуся в Ерасхадзоре, осторожно продвигаться по направлению к Еразгаворсу. Кроме того, он решил задержать в Багаране Абаса с его приближенными. А чтобы склонить на свою сторону царское войско, роздал большую сумму денег своим приближенным для подкупа начальников.

Распорядившись таким образом, Ашот Деспот стал выяснять у князей мнение о будущем царе. Он надеялся найти среди них недовольных и привлечь их на свою сторону. Но ему пришлось разочароваться, так как князья в один голос указали на Абаса как на единственного законного наследника престола.

— Абас — единственный законный царь, и народ ждет его! — заявили они.

Мало того, они даже настаивали на скорейшем воцарении Абаса.

Католикос тоже советовал короновать Абаса как можно быстрее во избежание возможных осложнений.

Деспот, глубоко уязвленный всеми этими разговорами, скрывал свое недовольство до отъезда князей из Багарана.

После первых дней траура в Багаране остались царица с приближенными женщинами, Абас со своей свитой, владетель Гардмана Давид и князь Марзпетуни с сыном Гором.

Впрочем, Гор находился за городом, где командовал войсками, разбившими лагерь на берегу Ахуряна.

Для князя Геворга время тянулось невыносимо медленно. Он с нетерпением ждал, когда Абас по окончании траура вернется в Еразгаворс и распорядится о порядке наследования им престола. Рассуждая так же, как и католикос, он полагал, что, пока враги не начали в стране смуту, надо как можно скорее короновать Абаса: во время междуцарствия каждый изменник готов вынести на арену свои старые счеты и нарушить мир в стране. Об этом Марзпетуни уже говорил с верными князьями и в случае надобности, ждал от них помощи.

Но как он был изумлен и встревожен, когда сюнийский князь Смбат известил его, что по выезде из Багарана он встретил отряды Ашота Деспота, которые из Ерасхадзора шли в Еразгаворс. Смбат сообщал, что он находит это передвижение подозрительным, и советовал Марзпетуни принять меры предосторожности, чтобы предотвратить опасность.

Князь получил это известие в лагере. Он еще раздумывал над ним, когда к нему подошел верный Езник и сообщил другую новость.

— Господин, вот уже два дня, — сказал он, — как несколько багаранцев раздают даром продукты нашим войскам, уверяя, что каждый армянский воин в Багаранской области может пользоваться житницами спарапета. Кроме того, они все время расхваливают спарапета, говоря, что он платит хорошо войскам и что его десятники богаче наших сотников.

Услыхав эго, князь изменился в лице. Он сейчас же вызвал к себе Гора и, сообщив ему эту новость, сказал:

— По всем признакам Деспот собирается начать старую игру. Я не думал, что он окажется столь низким человеком и воспользуется даже траурными днями. Я сейчас же еду в город, чтобы заставить царицу и великого князя немедленно покинуть Багаран. А ты будь осторожен, следи внимательно за нашими войсками и за тем, что происходит в городе. Мне кажется, что нас ждут неприятные события.

Сказав это, князь сел на коня и помчался в город.

Езник последовал за ним.

Марзпетуни подъехал ко дворцу как раз в ту минуту, когда Деспот и Абас готовились подняться в цитадель, чтобы осмотреть новый замок Ашота. Перед дворцом стоял

отряд воинов, готовых выполнить любое приказание Деспота.

— Куда вы направляетесь, великий князь? — обратился Марзпетуни к Абасу, многозначительно глядя на него.

— Дядя хочет рассеять мою тоску и предлагает подняться в цитадель, чтобы осмотреть его новый замок, — простодушно ответил Абас.

— Может быть, и ты не откажешься присоединиться к нам? — любезно предложил Деспот. — Буду очень рад, если князь Марзпетуни одобрит мое творение.

— Ты забыл, князь, что я уже видел его, когда там жил католикос Иоанн, — холодно ответил князь Геворг.

— Ничего, осмотри еще раз. Погода прекрасная, — настаивал Ашот.

— Светлейший князь, твой замок красив и прочен. Князю князей он, наверно, понравится, но мы не должны огорчать царицу, — возразил князь.

— Я тебя не понимаю, — сказал удивленно Абас.

— Мы еще в трауре, и нам рано думать о развлечениях, — ответил Марзпетуни.

— Живых не хоронят вместе с мертвыми, князь Геворг, — заметил Деспот, лицемерно улыбаясь.

— Но об умерших не следует так быстро забывать.

— Князь Марзпетуни! Не тебе учить великого князя, он теперь твой царь, — строго заметил Деспот.

— Да, он мой царь. Да здравствует Абас, армянский царь! — воскликнул князь, снимая шлем и сурово глядя на спарапета.

— Что это значит? — недоумевая спросил Абас, чувствуя какую-то тайну.

— Скажи, князь, ты сам выразил желание подняться в замок? — спросил Марзпетуни Абаса, не отвечая на его вопрос.

— Нет, дядя предложил мне, а я поблагодарил его за внимание.

— Да, это я предложил! А вот ты, князь Марзпетуни, ты, видимо, забыл, что передо мною, тоже царем, твои выкрики совсем неуместны! — вскричал Деспот, окинув Марзпетуни гневным взглядом.

Князь не ответил ему и, обращаясь к Абасу, спокойно сказал:

— Мой господин, твой слуга умоляет тебя: вместо того, чтоб подниматься в замок, соизволь спуститься в лагерь, если хочешь рассеять свою печаль. Берега Ахуряна сейчас куда приятнее, чем замок, да и солнце греет там жарче.

Абас не успел еще ответить, как Деспот воскликнул:

— Почему ты не отвечаешь на мой вопрос, князь Марзпетуни?

— Прежде чем ответить тебе, я сам должен спросить тебя: зачем твои войска передвигаются из Ерасхадзора в Еразгаворс?

— Мои войска? — изменившись в лице, спросил Деспот.

— Из Ерасхадзора в Еразгаворс? — взволнованно переспросил Абас.

— Пока мы здесь спокойно сидим, наш гостеприимный хозяин готовит нам ловушку… — продолжал князь.

— Ты лжешь! — воскликнул Деспот.

— Лжет твое царское величество! — возмущенно ответил Марзпетуни.

— Как ты смеешь? — продолжал Деспот и, обращаясь к стражам, приказал: — Задержите этого несчастного!

Несколько воинов вышло вперед.

— Не родился еще тот человек, который осмелится задержать живого Марзпетуни! — грозно воскликнул князь и, обнажив меч, обратился к воинам:

— А ну, попробуйте свою силу, багаранские храбрецы!

Воспользовавшись замешательством, Езник вскочил на коня и помчался в лагерь. Воины остались пригвожденными к месту.

— Что это значит, светлейший князь? Неужели потомок Багратуни мог дойти до такой низости? — взволнованно сказал Абас.

— Как? Ты говоришь о низости в присутствии моих воинов?! — воскликнул Деспот.

— Ты попираешь святой обычай гостеприимства; ты оскорбляешь память покойного государя. Как же иначе я могу назвать твой поступок?

— Так ты повторяешь свое оскорбление?

— Я могу сказать больше: ты изменник, — возмущенно ответил Абас и, обращаясь к Марзпетуни, сказал: — Князь, попроси царицу от моего имени приготовиться к отъезду. Мы сегодня же уедем отсюда.

— Отсюда никто не уедет! — оборвал его Деспот.

— Отъезд зависит от нашей воли, — заметил Абас.

— А разрешение — от моей! — ответил Ашот.

— Разрешение? Ты что же, берешь нас в плен?! — воскликнул Абас, дрожа от гнева.

— О нет, я только хочу, чтобы вы подольше у меня погостили! — сказал Деспот, насмешливо улыбаясь.

— Так ты с этой целью вел меня в замок? Ты хотел меня пленить? — спросил в негодовании Абас.

— Тебе угодно верить подозрениям?

— Это не подозрение, а истина. Князь Марзпетуни угадал твое намерение.

— В таком случае пусть это будет истиной! Никто больше не выйдет из этого дворца! Исполни свой долг, — обратился он к начальнику стражи и повернулся, чтобы войти во дворец.

— «Савл, Савл… трудно тебе идти против рожна!» — воскликнул Абас и, обнажив меч, преградил Деспоту дорогу. — Куда? Остановись и повтори приказ! — крикнул он грозным голосом. — Ты не смеешь оскорблять наследника багратунского престола! Стой и скажи, кто ты такой!

— Я царь армянский, а ты мой подданный, — ответил Деспот и, снова обращаясь к стражам, крикнул: — Что же вы медлите?

— И в самом деле, что ж вы стоите?! — воскликнул Марзпетуни и обнажил меч.

Воины окружили его и хотели обезоружить. Увидев это, Абас устремился на помощь.

— Вперед! Исполним свой долг! — вскричал он, нанося удары.

Во дворце поднялся ужасный шум. Сбежались телохранители Абаса и, увидя его в опасности, бросились на заговорщиков. Начался бой.

К счастью, столкновение происходило далеко от женской половины. По распоряжению Деспота выход оттуда был закрыт. Поэтому в покоях царицы шума не было слышно. Число заговорщиков росло. Еще немного, и Абас и Марзпетуни были бы обезоружены. Но в тот момент, когда несколько сильных рук уже схватили князя Геворга, пытаясь отнять у него меч, перед дворцом загремели трубы, и Гор с обнаженным мечом бросился на заговорщиков.

— Что вы делаете, исчадия ада? — вскричал он и стал рубить противников отца.

За юным князем последовали его телохранители, затем придворный полк и ванандцы. Через несколько минут дворцовая площадь наполнилась воинами, которые, сверкая мечами и размахивая копьями, казалось, готовы были сокрушить все, что окажется на пути.

Вскоре подоспели и другие войска, которые оцепили дворец со всех сторон.

Что касается Деспота, то он исчез, как только услышал звуки труб.

Царский брат и Марзпетуни, избавившись от непосредственной опасности, поспешили на женскую половину, чтобы успокоить царицу и остальных женщин, встревоженных звуками труб.

— Уедем отсюда, уедем скорей, — взмолилась царица. — Я не хочу проклясть город, которому я завещала тело своего любимого.

— Уедем сегодня же, — ответил Абас. — Но дай мне время задержать изменника. Змея будет жалить до тех пор, пока не размозжишь ей голову…

— Оставь его, дорогой Абас, бог сам накажет преступника, если он достоин наказания… Ашот изменил своим гостям, но гости не должны платить неблагодарностью хозяину.

— Говорите «изменнику»! — воскликнул Марзпетуни.

— Называйте его как угодно, но оставьте его в покое, — твердила царица.

О том же просили княгини Гургендухт, Гоар, Шаандухт и другие знатные женщины.

Свита Абаса, наоборот, требовала мести.

Абас, избегая будущих смут, уступил просьбе царицы.

В тот же вечер великий князь Абас со свитой, царица со своими приближенными и Марзпетуни с царскими войсками оставили город заговорщиков и направились в Еразгаворс.

Владетель Гардмана сепух Давид провожал сестру-царицу до столицы.

Войска Ашота Деспота, которые по его приказу шли в Еразгаворс, чтобы занять город и дворец, услыхав, что планы Деспота были сорваны, сейчас же повернули в Ширакашат, чтобы на обратном пути в Багаран не столкнуться с царскими войсками.

Каково же было удивление Абаса и его воинов, когда у речки Ромос они увидели арабскую конницу, возвращавшуюся из Еразгаворса!

Заметив армянские войска, всадники хотели скрыться, но передовые отряды по приказанию Марзпетуни окружили арабов.

Те даже не пытались оказать сопротивление.

На вопрос Абаса, кто они и что делают на его земле, начальник конницы ответил:

— По приказу эмира Нсыра мы прибыли в Еразгаворс для помощи войскам багаранского царя. Узнав о вашем возвращении, багаранцы бежали, а мы решили вернуться в Двин.

Абас сильно разгневался и чуть было не отдал приказ перебить всех арабов, но князь Марзпетуни успокоил его, сказав;

— Бог нам помогает, светлейший князь. Если бы мы нарушили наше соглашение с востиканом, мы вызвали бы гнев халифа. Но вот Нсыр первый изменяет своей клятве, и мы вправе идти на Двин.

Абас нашел довод князя разумным. Он приказал отнять у арабов оружие и коней и отпустить их пешими.

— Отправляйся и передай Нсыру, что мы скоро придем свести с ним счеты… — сказал он арабскому начальнику и отъехал.

Прибыв в Еразгаворс, Марзпетуни первым делом послал гонца в Васпуракан — напомнить царю Гагику о заключенном с покойным царем союзе и просить его приехать с католикосом в Еразгаворс венчать Абаса на царство.

Гагик, отговариваясь старостью, попросил Абаса приехать самому в Васпуракан и короноваться в древней столице Арцруни.

«Если внешние и внутренние враги угрожают нам, — говорил он в своем послании, — они могут помешать даже во время коронации. Поэтому я предлагаю устроить это священное торжество в Ване, куда я приглашу всех князей и где армянский царь может вкушать покой в безопасности столько времени, сколько пожелает».

Абас и Марзпетуни нашли это предложение благоразумным и немедленно сообщили свое согласие Гагику.

Тогда царь Гагик отправил во все армянские области и провинции гонцов с приглашением, чтобы князья и нахарары приехали в столицу Ван венчать Абаса в цари багратунского престола.

Весть о заговоре Деспота возмутила всех князей, поэтому они поспешили в Ван, чтобы выразить наследнику армянского престола свою дружбу и верноподданнические чувства.

* * *

Настала весна 928 года. Берега озера Бзнуни покрылись зеленью. Сипан и Вараг, Артос и Гргур[28] погнали к древнему озеру растаявшие снега. На полях закипела работа, сады убрались в зеленый наряд. Но самое чудесное зрелище представлял собою восточный берег озера, где на высоком холме покоилось прекрасное владение Семирамиды. Огромная скалистая гряда тянулась с востока на запад и вздымалась ввысь, как дивное творение природы, которому людские руки придали грандиозный вид. В ее каменном лоне были скрыты многочисленные тайники, вырытые с незапамятных времен. Они служили владетелям города сокровищницами, темницами и обителями спасения. На этом гигантском массиве находилась неприступная крепость. С севера и запада ее окаймляло несколько рядов стен и бастионов, с юга и востока ее защищали скалы.

Южнее был расположен город, который занимал все подножье холма. Среди его многочисленных строений выделялись великолепные дворцы, украшенные колоннами дачи, каменные церкви и часовни. Но величием и роскошью всех их затмевал дворец царя Гагика со своими арками, колоннами, террасами и многочисленными залами, которые были украшены золотом и резьбой. Улицы города окаймляли густые деревья, им несли влагу ручейки, протекающие среди тесаных камней. Все это было окружено стеной с высокими башнями, перед которой зиял широкий ров.

В восточной же части города тянулись бесконечные сады и виноградники, где журчали ручьи и били прохладные ключи.

Стояли теплые весенние дни, когда в великолепную столицу Арцруни стали стекаться армянские родовитые князья, нахарары и сепухи со своими семьями и свитами. Сюда прибыл и католикос с высшим духовенством. Позже

всех приехал Абас со свитой и придворной знатью, княгиня Гургендухт с приближенными женщинами и прислужницами и князь Марзпетуни с войсками Араратского царства.

Ашот Дереник вместе с членами семьи арцрунского рода и князьями Васпуракана встретил Абаса еще на границе Тоспа и торжественно препроводил знатных гостей в престольный город своего отца — Ван. У городских ворот престолонаследника встретил сам царь Гагик. С ним была его свита, приглашенные нахарары и князья, которые торжественно проводили Абаса до великолепного дворца Гагика.

Город был украшен флагами, пестрыми тканями и коврами. Царский дворец ослепительно сиял. Его колонны были перевиты гирляндами зелени и цветов, арки и своды убраны пурпурными тканями с золотыми кистями. Пол в залах был устлан коврами, бархатом и шелком, а мебель, изготовленная большей частью из слоновой кости и перламутра, щедро инкрустирована золотом и серебром. Все сверкало здесь царской роскошью.

Царь Васпуракана был бесконечно тщеславен. Он убрал свой дворец не только в честь араратского царя, но и для того, чтобы похвалиться перед высокими гостями своим богатством. Многих из гостей царь Гагик действительно поразил. Но князь Марзпетуни и сюнийские родственники царя знали, какой ценой приобрел Гагик все это и сколько горя стоило народу его царское величие. Только обстоятельства заставили их прибегнуть к помощи старого предателя и в его столице венчать Абаса на царство.

Когда сюнийский князь напомнил об этом Марзпетуни, тот ответил:

— Мы выбрали меньшее из зол…

Через несколько дней католикос Теодорос в великолепном ванском храме св. Иоанна в присутствии царя Гагика, придворных и всей приглашенной знати венчал на царство Абаса и его супругу княгиню Гургендухт.

Итак, верховным правителем Армении и царем царей стал Абас. Гагик Арцруни и все армянские князья сердечно приветствовали его и поклялись в верности и нерушимой дружбе. Царь Абас одарил князей, присутствовавших на коронации, ценными подарками. Но самую высокую награду получил Геворг Марзпетуни: царь назначил его спарапетом над всеми войсками, даруя его роду право пользоваться этой честью из поколения в поколение.

6. Взятие Двина

Гагик Арцруни оставил на несколько недель у себя в гостях царя Абаса и всех приглашенных. Все это время он развлекал их загородными прогулками, показывая чудеса природы и творения человеческих рук. Гости осматривали созданные царем Гагиком укрепления, пещеры с тайными ходами, каменные часовни и водоемы. Любовались видами, сидя на каменных скамьях, высеченных амфитеатром на горном склоне со стороны озера. Отсюда был виден город с многочисленными строениями, озеро, чуть вздыбленное волнами, и скалистые острова. Вдали простирались прибрежные сады и рощи, зеленые поля и цепи гор, окружающие озеро со всех сторон: Сипан — с севера, Артос — с юга, Вараг — с востока и Гргур с Индзакисаром[29] — с запада.

Гагик возил гостей по прекрасным лесам, тянувшимся по южному берегу озера, где были разбросаны селения и княжеские дачи. Во всех примечательных местах, у журчащих родников, под тенистыми деревьями царь устраивал веселые пиршества с обильным угощением, плясками и песнями гусанов, которыми славился его двор.

Он сопровождал своих гостей на каменистые склоны Варага, развлекая их охотой на зверей. Гости посетили монастыри Васпуракана, славившиеся своими школами и просвещенной братией: царю хотелось показать, как процветают наука и религия в его стране. Он устраивал прогулки на лодках, во время которых гости осматривали прибрежные укрепления и острова Лим, Ктуц, Артер, а также прекрасный Ахтамар. Здесь жил католикос всех армян. Царь Гагик выстроил на Ахтамаре чудесный храм, великолепный дворец, крепость и замок, в котором проводил летние месяцы. Все это Гагик показывал знатным гостям и радовался, слыша похвалы своему зодчеству.

Во время этих прогулок внимание царя Абаса особенно привлекали военные укрепления Гагика Арцруни, благодаря которым страна не подверглась разорению, хотя через нее прошли и востикан Юсуф, и его преемники. К тому же Васпуракан был защищен и прекрасными природными укреплениями; даже не такой опытный воин, как Гагик, мог положиться на них. Царь каждое васпураканское ущелье, каждый холм и горный склон, обитель и пустырь превратил в бастионы, а крепости и замки сделал неприступными. Вот почему народу в Васпуракане жилось лучше, монастыри были богаче,

духовенство просвещеннее, чем в Араратском царстве. И Абас мечтал по возвращении приложить все усилия, чтобы так же укрепить свое царство.

Геворг Марзпетуни был занят иными мыслями. Он думал об укреплении союза между Араратским и южными царствами и о том, чтобы убедить собравшихся здесь князей объединенными силами двинуться на Двин. Заняв столицу, князья раз и навсегда изгнали бы чужеземцев из родной страны. В этом он постоянно убеждал и владетелей Агдзни и Могса, и князей сюнийских, а чаще Гагика Арцруни и наследника Ашота — Дереника.

Его труды увенчались успехом: все армянские князья приняли решение пойти походом на Двин.

Востикан был озабочен. Он знал, что Абас в Васпуракане венчался на царство и что большинство армянских князей на стороне нового царя. Приняв участие в заговоре Ашота Деспота и изменив своей клятве, востикан тем самым нарушил условия мирного соглашения с Абасом и мог в любое время ждать нападения. Ему сообщили об угрозе Абаса. Надо было готовиться к защите.

Прежде всего он вступил в союз с Ашотом Деспотом и взял с него обещание прийти на помощь в случае нападения Абаса. Затем он попросил войска у халифа, заявив, что арабские области находятся в опасности. Но халиф, занятый смутами в своей стране, оставил без внимания просьбу Нсыра. Тогда Нсыр вступил в союз с месопотамским и курдистанским независимыми эмирами и, получив от них войска, стал укреплять Двин и его окрестности.

Он обеспечил сильными сторожевыми отрядами крепости Двин и Арташат, которые сообщались между собой подземным ходом, — чтобы в случае опасности

укрепиться в одной из крепостей. Затем, разбив свои войска на несколько больших отрядов, он поручил одним защиту внутренних городских стен и башен, другим — охрану внешних бастионов, третьим — городской ров и управление передвижными мостами, четвертым — защиту знаменитого арташатского моста Таперакан, по которому противник должен был идти на Двин. Кроме того, разделив свою конницу на четыре части, он послал ее охранять дороги, ведущие к городу. Одна из них начиналась в юго-западной стороне Хлата; вторая, Нахиджеванская, шла с юго-востока; третья, в восточной стороне, тянулась от Бердка, а четвертая, Когбапора, с севера. Что касается дороги в Карин, востикан оставил ее без охраны. Отсюда он ждал прибытия войска своего союзника Ашота Деспота. По его предположению, по Хлатской или Нахиджеванской дорогам должен был пройти Абас, по дороге Бердка — сюнийцы, а со стороны Когбапора — сепух Ваграм, который все еще находился в Гугарке.

Но, несмотря на все эти приготовления, востикан, зная миролюбивый характер армян, все же надеялся уладить дело мирным путем. Ему казалось, что он сможет снова задобрить царя и возобновить с ним дружбу. Поэтому он отправил посланцев с дарами в Васпуракан поздравить царя Абаса с восшествием на престол. Кроме того, Нсыр предлагал ему заключить союз.

— Скажите эмиру, что армянский царь примет в Двине его поздравления, — ответил Абас и, не приняв даров, отослал обратно арабских посланцев.

Этого было достаточно. Востикан понял, что царь не верит ему. Нсыр начал деятельно готовиться к войне.

Армия царя Абаса, состоявшая из араратских полков и войск Арцруни, продвигалась медленно. По заранее принятому решению владетель могцев и князь агдзинцев

должны были присоединиться к царю в долине Шарура. Сюнийские князья после вступления в Мазаз должны были вместе с гарнийскими и гехскими отрядами спуститься в Урцадзор. А сепух Ваграм, который больше не сталкивался с абхазцами, запугав их, намеревался со своими войсками вступить в Ширак и, соединившись с полками, находящимися в Еразгаворсе, направиться к Двинской долине. Союзные князья решили общими силами осадить Двин и взять его приступом.

В Двине шли лихорадочные приготовления. Арабы собирали у городских стен боеприпасы, наполняли хранилища легко воспламеняющимися веществами. На случай подкопов готовились материалы для их засыпки. Бастионы окружили железными крюками и стенобитными машинами. В башнях собирали гранитные обломы, чтобы разбивать ими лестницы и катапульты.

Окончив приготовления, Нсыр приказал наполнить ров водою. Сотни арабских воинов направились к Арташатскому каналу, чтобы разрушить плотины и направить воду в Двин.

Канал этот был построен за двести лет до нашей эры, в дни владычества Арташеса[30], по плану знаменитого карфагенского полководца Ганнибала. Когда Ганнибал, изгнанный из родной страны, скитался по Армении, Арташес охотно приютил его и, воспользовавшись пребыванием в своей стране многоопытного полководца, по его совету основал город и крепость Арташат над Ерасхом. А так как место, где был заложен город, с трех сторон было окружено реками Ерасх и Мецамор, то с четвертой стороны вырыли канал, и, окружив таким образом город со всех сторон водой, сделали его неприступным.

Но знаменитый Арташат давно уже перестал быть столицей. Его славу и пышность унаследовал Двин, и старинный канал Арташата снабжал водой двинский ров. После падения Арташата армянские цари, начиная с Хосрова Второго, выстроившего Двин и перенесшего туда свой престол, и вплоть до преемников Багратуни, все свои заботы отдали Двину и сильно укрепили его. С этого времени канал служил только Двину.

Шли дни, а войска царя Абаса не показывались. Конница, охранявшая Нахиджеванскую дорогу, сообщила, что Абас еще стоит в Шаруре. Поэтому арабы беспечно предавались пиршествам, и даже воинов, работающих на канале, охватила лень. В течение нескольких дней они разрыли лишь небольшую часть плотины.

А между тем войско царя Абаса, к которому присоединились уже агдзинцы и могцы, давно покинуло Шарур.

В Шаруре были оставлены пустые шатры с несколькими отрядами, которым приказано было для обмана арабской конницы, охраняющей дорогу, создавать впечатление, что армяне не снялись с места. Армянские же полки, разбившись на части, малоизвестными дорогами направились к Двину.

Союзные войска уже встретились друг с другом, когда Марзпетуни донесли, что арабы разрушают плотину, чтобы отвести воду в ров. Наполненный водою ров являлся серьезным препятствием. Прежде всего войска не смогли бы подойти к стенам крепости, и, следовательно, задуманный приступ не удался бы. Понадобилось бы много усилий и труда, чтобы закрыть выход из канала и хотя бы я нескольких местах засыпать ров щебнем. Кроме того, во время этих работ от вражеских стрел могло погибнуть множество армян.

Имея в виду все это, спарапет сообщил царю, что необходимо послать несколько отрядов к Арташату, чтобы воспрепятствовать разрушению канала. Предложение Марзпетуни нашли разумным и союзные князья.

По приказанию царя для этого дела были выделены ванандские и сюнийские отряды под начальством князя Бабкена, хорошо знакомого с окрестностями Арташата.

Был вечер, когда князь Бабкен со своими воинами вступил в долину реки Азат и стал продвигаться к Двину. Дорога, по которой они ехали, проходила через лес Хосрова, и продвижение войска осталось незамеченным для арабских отрядов, стоявших в долине Двина.

С наступлением темноты армяне перешли Мецамор и по ее течению направились к Арташату. Несмотря на усталость воинов, князь не хотел терять времени на отдых: каждый потерянный час грозил опасностью. За несколько парасангов до Арташата он вынужден был остановиться в ожидании разведчиков, отправленных заранее для обследования канала. Если арабы уже успели разрыть канал и наполнить ров водой, продвижение в Арташат было бессмысленно. Князь мог только подвергнуть опасности свое малочисленное войско и дать знать врагу о приближении царя.

Разведчики вернулись с сообщением, что плотина еще не прорвана, но там работают сотни рук.

— Медлить нельзя! — воскликнул князь Бабкен и помчался вперед. Воины стремглав понеслись за ним.

И действительно, до разрушения плотины оставалось несколько часов. Работами распоряжался Бешир, к ночи должны были спустить воду в ров. Несмотря на наступившую темноту, Бешир верхом на коне бросался то в одну, то в другую сторону, подгоняя людей.

Вдруг со стороны Арташата с громкими криками налетели на арабов армянские воины и стали направо-налево нещадно разить мечами и копьями. Нападение было так неожиданно и стремительно, что арабы, побросав свои лопаты и мотыги, в ужасе кинулись бежать по направлению к Двину. Бешир, обнажив саблю, принялся ободрять их, но его никто не слушал. Несколько десятков людей, пытавшихся лопатами и саблями обороняться от армян, остались на месте. Увидя это, Бешир ударил лошадь и поскакал в Двин. Армяне с криками бросились за арабами и преследовали их до границ города, а затем вернулись и заняли канал.

Бешир требовал войск от востикана. Но более дальновидный и осмотрительный Нсыр не разрешил ему выводить войска из города.

— Силы армян нам неизвестны, и мы не знаем, где они сосредоточены. Лучше не подвергать войско опасности. Утром мы увидим силы противника и тогда примем решение, — сказал он Беширу. Тот вынужден был признать разумным совет востикана.

Однако арабы, проснувшись поутру, были поражены, увидев, что войско, занявшее канал, состоит всего из нескольких отрядов. Стыд и гнев овладели Беширом, как только он убедился, что бежал от такого малочисленного противника.

— Немедленно уничтожу всех до единого, ни один армянин не уйдет от меня! — крикнул он и, вызвав отряды самых свирепых воинов, собрался выступить с ними за стены Двина.

Востикан, стоявший в это время на минарете своего дворца и следивший за тем, что происходит вокруг,

заметил, что по Каринской дороге, где не было сторожевой охраны, движется конница.

— Идут войска нашего союзника! — крикнул он Беширу, который перед дворцом еще отдавал распоряжения.

— Обойдемся и без них! — высокомерно ответил военачальник и, приведя в порядок свои отряды, выехал из Двина.

Положение князя Бабкена было не легким. Его отряд состоял только из пятисот человек. И хотя это были отборные армянские храбрецы, все же противостоять долго большому войску они бы не могли. Кроме того, они находились на открытом поле между Двином и Арташатом. Арабы могли окружить их и перебить на месте. Единственным спасением было бегство. Но тогда канал опять перешел бы в руки врага.

Царь Абас, посылая сюда князя, обнадежил его обещанием прислать на следующее утро союзные войска. Но вот уже солнце взошло, и не только армии, но даже передовых отрядов не было видно… Разведчики князя Бабкена, наблюдавшие с арташатских холмов за окрестностями, вернулись и сказали, что по Каринской дороге движется конница, которая скоро будет у стен Двина. На остальных же дорогах, кроме арабских сторожевых отрядов, не видно никого.

— По Каринской дороге может двигаться только войско Ашота Деспота, — сказал Бабкен. — Мы должны ждать подмогу из Двинской долины.

— И спасение с неба, — заметил один из его соратников.

— Если богу будет угодно, — добавил князь и умолк.

В это время открылись южные ворота Двина, и арабские отряды под звуки труб стали выходить, направляясь к Арташатскому каналу.

Между тем князь Бабкен привел в порядок свой небольшой отряд. Он расставил его треугольником, приказав в случае нападения врезаться в ряды противника, расколоть их на две части и начать бой. Таким образом он надеялся ослабить силу натиска и обеспечить свободу действия.

Услыхав звуки труб, князь пришпорил коня, проехал вперед и, обнажив меч, воскликнул:

— Дорогие мои храбрецы! Нас мало, а противник силен. Но наше дело правое. Бог помогает праведным, и его десница могущественна. Встретьте противника бесстрашно, не поворачивайте назад. Бог вам поможет истребить врага еще раз, а если кому-нибудь из нас и суждена смерть, пусть он знает, что умирает за родину и за тот крест, который с высоты Двина осеняет нас.

Он выхватил меч и с криком «вперед!» помчался навстречу врагу. Сюнийские и ванандские воины бросились за ним.

Наконец противники встретились и ринулись друг на друга. Засверкали мечи и копья, яростные удары посыпались со всех сторон. Нападение было таким стремительным и удар столь мощным, что ряды и тех и других сейчас же расстроились. Ванандцы отделились от сюнийцев, а сюнийцы друг от друга. Арабы тоже не могли сохранить своего строя. Часть армян отбросила назад правое крыло арабов, а те в свою очередь оттеснили левое крыло армян. Таким образом, бой завязался в нескольких пунктах. Это было выгодно армянам; они получили свободу действий. Но востикан, следивший с минарета за боем,

заметив сопротивление армян, послал на подмогу Беширу новые отряды. Армяне, приняв на себя новый натиск, стали отступать. Каждый отряд был окружен целым полком арабов. Момент был критический. Князь Бабкен, яростно бившийся с врагами, отступил на несколько шагов и, посмотрев на Двинский собор, проникновенным голосом воскликнул:

— Неужели ты, о крест Просветителя, допустишь наше поражение и пошлешь победу мерзкому врагу, который надругается над твоей святыней? Покажи, о четырехкрылый, что мы не напрасно надеялись на тебя и что всемогуща твоя десница!..

Сказав это, он с обнаженным мечом помчался навстречу наступавшему врагу и с необыкновенным мужеством стал защищать слабеющее крыло отряда своих воинов. Но геройские усилия князя и его воинов не могли принести победу над арабскими полками, которые все пополнялись. В некоторых местах армяне стали поддаваться. Еще немного, и арабы протрубили бы победу… Но в этот момент послышались громовые крики армянских воинов, и сепух Ваграм с мечом в руке молнией врезался в ряды арабов. За ним следовали гугарские, басенские и ширакские храбрецы. Как ураганный вихрь, налетели они на врага и стали беспощадно рубить, крошить и топтать копытами коней.

Князь Бабкен остолбенел: откуда вырос вдруг сепух? Где укрывалось его войско?

Движущаяся по западной дороге Двина конница, на которую с надеждой смотрел востикан и которая внушала тревогу Бабкену, оказалась войском сепуха Ваграма. По приказу царя, он поспешил на помощь князю Бабкену. Сепух, избегая арабских сторожевых отрядов, обогнул Двинскую долину и, проехав лес Хосров, вступил на Каринскую дорогу.

Появление сепуха с его войском изменило картину боя. Арабы растерялись, а ободренные сюнийцы и ванандцы стали еще яростнее биться с противником. Снова закипел бой, вновь столкнулись отряды. Тысячи мечей сверкали и рубили, копья вонзались, дробили шлемы, рвали латы, ломали щиты… От криков победителей, стонов раненых, лязга оружия гремели воздух и равнина.

Звезда победы явно была на стороне армян. Арабы при виде новых отрядов смешались и стали отходить. Бешир, чтобы спасти остальную часть армии, приказал трубить сигнал к отступлению. Но арабы, услыхав звуки труб, вместо того чтобы отступать шаг за шагом, бросились бежать в Двин.

Армяне кинулись за ними и стали рубить беспощадно. Вскоре ворота Двина открылись и приняли беглецов.

При виде этого у сепуха возникла дерзкая мысль ворваться в город вслед за арабами. Но более дальновидный князь Бабкен запретил ему, говоря, что в городе войско может подвергнуться опасности.

Они удовлетворились одержанной победой и, собрав войска, вернулись в долину.

К вечеру прибыл царь с Геворгом Марзпетуни, союзными князьями и царской армией.

Войска, по распоряжению спарапета, окружили город со всех сторон.

Увидя двинский ров еще сухим и услыхав о сражении с арабами и одержанной победе, царь в знак благодарности расцеловал князя Бабкена и сепуха Ваграма. Затем он приказал с особой пышностью осветить в эту ночь лагерь.

В старом двинском лесу были вырублены сотни тополей и кедров. Воины сложили огромные костры в лагере и вокруг городских стен.

С наступлением темноты эти гигантские костры зажглись, и Двин при их свете превратился в сказочный город. Сотни огненных языков взвились в воздух, осветив окрестности, стены и башни столицы ярким заревом. Издали можно было подумать, что весь город горит. Высокие дворцы с колоннами, купола церквей с блестящими крестами, высокие минареты мечети и дворца востикана с золотыми полумесяцами вспыхивали во мраке ночи то ярким пламенем, то шафранным отсветом, придавая городу тревожный и таинственный вид.

А с высот Двина открывалась иная картина. Царская армия, окружившая город, грозная при дневном свете, в ночной тьме казалась еще страшнее. Пламя костров увеличивало вдвое и втрое количество войск; крики ликования пляшущих вокруг костров воинов и звуки победных песен сотрясали воздух, наполняя тревогой сердца осажденных арабов.

Двинские армяне, не осмеливаясь открыто выражать свою радость, втайне ликовали. Мысль, что скоро кончится владычество чужеземцев, что надменный араб склонится наконец перед победным царским знаменем, наполняла их сердца безграничной радостью. Все уста шептали молитвы, — дети и старцы, женщины и мужчины молили бога, чтобы он еще раз прославил свое имя, послав победу армянскому кресту и григорианской вере.

Востикан видел с минарета огромные костры, игры и пляски армянских воинов, слышал их ликующие песни и был вне себя от ярости. Он вспоминал одну за другой свои неудачи, приписывая все это неразумию и беспечности военачальника и войска, и ругал и проклинал их.

— Мы могли на день раньше открыть канал и наполнить водою ров… — говорил он сам с собою. — Из-за своей беспечности мы потеряли лучшее укрепление и стали виновниками избиения своих войск… А мои сторожевые отряды… Где они? Почему до сих пор с четырех сторожевых постов не прибыл ни один воин, чтобы сообщить о приближении неприятеля?..

Но напрасно востикан роптал на сторожевые отряды. Не невнимательность сторожевой конницы была причиной того, что он вовремя не узнал о приближении неприятеля, а осторожность многоопытного армянского спарапета. Он разбил войско на мелкие отряды и провел его такими дорогами, что арабские сторожевые отряды не могли их выследить. Даже палатки, оставленные армией в Шаруре, стали разбирать только тогда, когда войско начало уже спускаться в Двинскую долину.

Востикан вызвал к себе Бешира на совещание.

— Армяне, по-видимому, осадили нас такими крупными силами, что мы не сможем выдержать натиска, — сказал он военачальнику. — Мне кажется, что есть только одна-единственная возможность предотвратить столкновение и заставить Абаса примириться с нами.

— Какая же это возможность? — спросил Бешир, который стал менее надменным после понесенного поражения.

Мы объявим армянскому царю, что повесим на башне находящегося у нас заложником сюнийского князя Саака, его двоюродного брата, если он не примет предложенного нами мира и не отведет свои войска от Двина.

— Если бы Абас хотел мира, он не вернул бы твоих послов из Васпуракана. Он откажется от твоего предложения.

— Тогда я повешу князя Саака; пусть его братья Смбат и Бабкен воюют с нами. До того как овладеть Двином, они обнимут труп своего брата.

— А если они возьмут Двин?

— Пусть берут, если это удастся им. От судьбы не уйдешь. Но по крайней мере убийством князя я раню сердца его близких.

— Нет, — господин мой, это очень опасное решение, — ответил Бешир. — Армяне народ не жестокий. Когда они берут город, они не убивают жителей, как мы. Захватив Двин, они не тронут ни нас, ни наших войск, если только ты не дашь волю своему гневу. Но если ты убьешь князя Саака, тогда нам не ждать уже пощады. Ты не знаешь сюнийцев, но я часто сталкивался с ними и знаю их безудержную ярость. Они не потерпят оскорбления, которое ты им нанесешь, казнив их князя.

На востикана подействовали слова военачальника, и он, склонив голову, впал в раздумье.

— Что же нам делать? — спросил он наконец, устремив задумчивый взгляд на Бешира и поглаживая свою редкую бороду.

— Мы будем защищаться, сколько можем и как можем, — решительно ответил Бешир.

Придя к такому решению, востикан и военачальник расстались.

В армянском лагере ждали утра, чтобы выяснить, брать ли город приступом или осадой.

Поздней ночью сторожевые воины дали знать спарапету, что по Нахиджеванской дороге к лагерю

движется многочисленный отряд конницы. Это был посланный ранее востиканом сторожевой отряд, который, узнав наконец об уходе армян из Шарура, спешил преградить им путь и сообщить об этом востикану.

Спарапет понял, что они идут, чтобы ударить с тыла, и сейчас же приказал сепуху Ваграму встретить их со своим полком. К сепуху присоединились и могские храбрецы.

В одной из долин Веди сепух настиг арабских всадников и приказал им разоружиться.

Арабы, не определив в темноте численности армян, вместо ответа напали на них.

Тогда загремел грозный голос сепуха, и армяне с громкими криками бросились на неприятеля.

Произошло кровавое столкновение. Но оно длилось недолго. Арабы тотчас же почувствовали, как многочислен враг, и после недолгого сопротивления запросили пощады.

Сепух Ваграм приказал прекратить бой и, разоружив всадников и отняв у них коней, забрал их в плен.

На следующий день спарапета осведомили о сторожевых отрядах на дорогах Хлата, Бердка и Когбапора. Князь Марзпетуни, получив разрешение государя, послал туда несколько отрядов. Армянские воины под командой сепуха Ваграма, князя Смбата и владетеля могцев напали на арабских всадников и после недолгого боя отогнали их в сторону Атрпатакана и Кордуа, а часть пленили и доставили в лагерь.

Ашот Деспот, узнав о прибытии в Двин царя Абаса с союзниками, а также об одержанных ими победах, нарушил свой договор с Нсыром и, отозвав свои войска, укрепился в Багаране.

Между тем царь Абас, отрезав все пути сообщения с Двином, созвал на совет князей, чтобы решить, как вести наступление.

Геворг Марзпетуни, высоко ценивший жизнь каждого армянского воина, посоветовал царю прежде всего предложить Нсыру сдать город без боя.

— Если он согласится — хорошо, если нет — мы начнем наступление, — сказал спарапет.

— Узнав, что он лишен всякой помощи, Нсыр примет наши условия. Это будет выгодно и нам и ему, — добавил князь Смбат.

Царь одобрил это предложение, и союзные князья присоединились к нему.

В тот же день князь агдзинцев и несколько других князей направились в Двин для переговоров с Нсыром.

Эмир Нсыр торжественно принял их в одном из роскошных залов своего дворца и выразил готовность выслушать предложение царя.

— Царь Абас приказал мне сказать светлейшему эмиру, — начал агдзинский князь, — что Двин является столицей Армении. Его основали и им владели армяне, и до последних лет он принадлежал армянскому царству. Востиканы халифа могли пребывать в Двине как в столице страны и собирать доходы халифа. Но они не имели права занимать его и властвовать над страной, потому что этой страной управляет армянский царь, а ее судьбы вершит сам народ. Юсуф и его предшественники часто покушались на свободу Двина и при этом бессовестно грабили население. Но это происходило во времена, когда армянские князья не проявляли должной покорности своему царю или злостно ему изменяли. «А теперь, — говорит царь, — когда они

объединены вокруг престола и мои войска верны мне, я силен и не позволю, чтобы преемник Юсуфа тиранил мой народ. Я уже не говорю о том, что эмир Нсыр заключил мирное соглашение с покойным царем, а затем изменил своей клятве и вступил в заговор с изменниками армянского престола; я не говорю уже о том, что он незаконно захватил армянские патриаршие покои и изгнал католикоса из столицы, за что я, как защитник церкви, обязан достойно наказать Нсыра. Но все же, не желая стать причиной кровопролития, я предлагаю востикану мирно сдать мне город, после чего я разрешу ему свободно жить в его дворце. В противном случае я возьму Двин силой. Тогда пусть востикан знает, что в первый же день я истреблю его войско и войска всех двинских эмиров, которые имеют усадьбы в столице и дворцы на площадях Двина… Я не пощажу и самого востикана. Вместе с тем я не стану врагом халифа, а только накажу его подданного, дерзко возмущающего мою страну…»

Востикан, вначале спокойно слушавший князя, при последних словах вскочил и воскликнул с негодованием:

— Твой новый царь еще более дерзок, чем его предшественник! Скажи ему, что я не принимаю ни одно из его условий, и что я по праву владею городом, который двести лет тому назад был покорен арабским мечом. Пусть он попробует силой взять Двин, если сможет. Но пусть он не забывает, что воюет с божественным халифом арабов, а не только с его востиканом.

Князь-посол со своими спутниками вернулся и сообщил царю ответ Нсыра.

— Хорошо. Тогда мы покажем этому арабу, что его угрозы не могут нас запугать, и мы не откажемся от наших прав, — сказал царь и приказал спарапету готовиться к приступу.

Из Еразгаворса постепенно привозили на арбах орудия, нужные для приступа: стенобитные сооружения, баллисты, пращи, стрелометные и огнеметные снаряды и железные лестницы. Все это было заказано князем Марзпетуни еще во время пребывания царя Абаса в Васпуракане. По его распоряжению опытные в военном деле мастера строили деревянные передвижные башни, которые предполагалось подвести к стенам крепости, чтобы разрушить их и открыть войскам дорогу в город.

Но так как широкий и глубокий ров мешал передвижению стенобитных машин, а для заполнения его требовалось время, царь приказал начать первый приступ без них.

Так и сделали. Чтобы рассеять силы осажденных, армяне напали на город сразу со всех сторон, и арабы вынуждены были ослабить защиту бастионов.

Армяне под прикрытием щитов сначала осыпали арабов градом стрел, а затем, постепенно подходя к крепости, начали взбираться на стены. Арабы всеми силами боролись с теми отрядами, которые пытались приставить к стенам лестницы. Кроме длинных железных шестов с крюками на концах, которые угрожали смертью, немало беспокойства причиняли осаждающим арабские стрелки.

Жаркая схватка разгорелась у главных ворот Двина, где несколько бастионов охраняли железные ворота и внешнюю стену. После взятия бастионов можно было легко разрушить первую стену и этим ослабить защиту города. Здесь действовал сильный армянский отряд.

Но град стрел, сыпавшихся сверху, и потоки горящей смолы, лившейся со стен, не позволяли армянам приставить лестницы. Тогда на помощь пришли огнеметчики. С охапками хвороста и сена, держа над

головой щиты, они быстро перебежали ров и, подойдя к стенам, разожгли костры. За ними подоспели другие воины, несущие дрова, и в несколько минут огромные столбы пламени запылали под стенами и башнями.

Жар и дым скоро согнали арабов с бастионов. Тотчас к уцелевшим от пламени проемам армяне приставили лестницы и стали подниматься по ним.

Увидя это, арабы стремительно бросились на смельчаков, но армянские воины продолжали карабкаться вверх. Несмотря на то что от жара и дыма люди задыхались, все же наверху происходили свирепые схватки. Рубились мечами, копья пронзали тела, крошились щиты, и трупы, подобно осенним листьям, падали направо и налево с башенных высот. И все же долгое время обе стороны оставались непобежденными. Но так как арабов становилось все меньше и меньше, а число армян росло, то арабы вынуждены были отступить. Наступающие заняли внешние бастионы и прорвались на вторую стену. Здесь между армянами и арабами, защищавшими простенки, опять произошла схватка. Последние, не получив помощи, потерпели поражение. Армяне, заняв линию внешних стен, стали разрушать их и постепенно заполнять ров.

Эта удача, обрадовавшая царя и его союзников, вынудила Марзпетуни довольствоваться одержанной победой и, чтобы сохранить силы, прекратить наступление.

Большая часть войска вернулась в лагерь, остальные еще работали над внешней стеной. К вечеру они разрушили ее на довольно большом пространстве и заполнили ров так, что на следующий день можно было подвести к внутренним стенам машины и деревянные башни.

Но так как и у армян были значительные потери, то по приказу царя новое наступление отложили на несколько

дней. Все это время лесорубы рубили в двинском лесу деревья и заполняли ими ров. Часть деревьев складывали под стенами, чтобы в нужный момент поджечь их.

Через несколько дней царь и спарапет решили начать второй приступ. С самого утра были пущены в ход стенобитные машины: к крепости подводились тараны, которыми собирались пробить в стенах проходы, и тяжелые баллисты, обслуживаемые сотнями людей. Легкие стрелометы, не имеющие такой защиты, как тараны и баллисты, были расставлены далеко, чтобы стрелы из крепости не долетели до них. Башни со скрипом катили на колесах; те же, что были тяжелее, передвигали на полозьях.

Осажденные осыпали армян стремительным градом стрел, метали камни и огонь из пращей. Хотя потери у армян, которые действовали осторожно, под надежной защитой, были незначительны, все же продвижение шло медленно.

По вечерам стены охранялись армянскими отрядами, чтобы ночью арабы не повредили стенобитных сооружений.

Наконец царь приказал идти в наступление.

Было майское утро, одно из тех, которые придают окрестностям Двина такой приятный вид до восхода солнца. Но как только солнце поднимается над горизонтом, оно сжигает и обугливает все живое.

Армянские войска заканчивали последние приготовления к приступу, а союзные князья выехали обследовать пункты нападения, когда Марзпетуни донесли, что в Арташате арабы спускаются из цитадели в город. Это означало, что властители Двина решили неожиданно напасть на армян с двух сторон — со стороны Двина и Арташата. Для нападения был выбран удачный момент:

если бы армяне, оставив лагерь, повели наступление на Двин, они были бы атакованы с тыла арташатскими отрядами. Но спарапет понял эту хитрость. Он приказал войскам выступить из лагеря в полной готовности, но при этом распорядился, чтобы могский князь и сепух Ваграм оставались в тылу и при появлении противника со стороны Арташата были готовы к отпору. При этом условии передовые полки могли спокойно окружить арабов, выступивших из Двина.

Сепух выслушал это распоряжение с радостью. У него сложился дерзкий план: ворваться в город на плечах побежденного врага. Он очень обрадовался, когда могский князь, такой же бесстрашный, как он, но более предприимчивый, согласился с ним. По той же причине к сепуху присоединился и князь Гор с отрядом своих молодцов.

И действительно, не успели армяне оставить лагерь и спуститься с вала, как открылись ворота Арташата, и арабы, хлынув в поле, с дикими криками понеслись на них. Армянские отряды, которыми командовали Гор, сепух Ваграм и могский князь, только этого и ждали. Повернув назад, они ринулись навстречу врагу.

Арабы, никак не ожидавшие такого сопротивления, были застигнуты врасплох. Они поняли, что противник предугадал их намерения, но все же продолжали наступление, пока, встретившись с армянами, не схватились с ними. Армяне, которых было больше, окружили врага с трех сторон. Начался жестокий бой.

Схватка продолжалась недолго. Арабы дрались храбро, в надежде, что раскроются ворота Двина и войска востикана выйдут к ним на подмогу. Однако время шло, армяне продолжали наступать, а со стороны Двина помощи не было.

Причина заключалась в следующем: востикан и Бешир, видя, как часть армянских войск неожиданно повернула и бросилась на арташатцев, а другая осталась на месте, поняли, что армяне их перехитрили. Выводить войска из города было уже опасно.

Арабы из Арташата, видя, что двинцы не выполняют своего обещания и им одним приходится вести бой, повернули назад и бросились бежать к городу.

Армянские полководцы приказали войскам ворваться в крепость. Пример подали Гор и сепух. Неприятель, потеряв голову и думая только о собственном спасении, не смог им помешать. Когда начальник крепости, приняв беглецов, приказал запереть городские ворота, он с ужасом увидел, что железные затворы уже сломаны армянами и уже в самом городе идет бой.

Отчаяние овладело арабами, особенно когда они увидели, что над арташатской цитаделью уже развевается армянское победное знамя — туда пробрался Гор со своими воинами. Цитадель была оставлена без защиты, и Гор, перебив находившуюся там немногочисленную стражу, водрузил знамя над старинным замком.

Арабы, поняв, что потерпели поражение, запросили мира. Армяне немедленно прекратили бой и, обезоружив противника, заняли город и крепость.

Весть о победе дошла до царя. Со взятием Арташата пало единственное укрепление, которое могло препятствовать успешному наступлению.

На следующее утро царские войска подошли к стенам Двина, и спарапет Геворг вместе с сепухом Ваграмом, сюнийским, могским и агдзинским князьями двинулся на второй грозный приступ.

Солнце уже позолотило высоты Геха, когда начался бой.

Отряды лучников осыпали арабов градом стрел, из пращей летел огонь, баллисты метали камни, а разрушительные снаряды и тараны долбили стены. Что касается воинов на передвижных башнях, то они сметали сторожевые отряды, опускали мосты на стены, разрушая их там, где это удавалось.

Бой был яростным. Осажденные несли большие потери. Деревянные сооружения то и дело загорались, укрепления падали. Но арабы отважно защищались. Их копьеносцы и стрелки щедро платили армянам за понесенный урон. Арабы сожгли у армян одну башню, испортили несколько таранов и, сбросив вниз, уничтожили железными шестами и крюками множество лестниц и лесов.

И все же сила их сопротивления постепенно слабела, так как им приходилось защищать город со всех сторон.

В нескольких пунктах напор был таким сильным, что арабы вынуждены были отступить к внутренним укреплениям, бросив внешние стены без защиты, чем армяне сейчас же воспользовались.

Кроме того, воинам спарапета удалось сломать метательными снарядами городские ворота, после чего армяне принялись разрушать крепостные своды. Достаточно было убрать насыпанные здесь щебень и песок, и вход в город был бы открыт.

Видя все это, Бешир поспешил во дворец востикана с сообщением, что противник вот-вот ворвется в город. Он советовал укрепиться в цитадели и, пока еще не поздно, перебросить туда войска.

Эмир Нсыр, помня угрозы царя перебить их всех в случае взятия Двина, пришел в смятение.

— Замок нас не защитит, раз уж городские стены и бастионы разрушены, — сказал он Беширу. — Если бы Арташат не был взят, мы могли бы положиться на цитадель и оттуда через подземный ход пробраться в Арташат. Но теперь это невозможно. Армяне возьмут крепость или уморят нас голодом при долгой осаде. Мы только разъярим врага, и, взяв цитадель, он не пощадит ни наших воинов, ни нас.

— Враг уже у ворот. Что же нам делать? — спросил Бешир.

Востикан не ответил. Опустив глаза, он размышлял.

— Что же нам делать, господин мой? Медлить нельзя, — повторил военачальник.

— Знаешь, что нам остается сделать?

— Прикажи.

— Мы должны добровольно сдать город армянам.

— Как? А все наши жертвы?! — воскликнул Бешир.

— Тот поступает мудро, кто бережет остаток сил, — серьезно ответил эмир. — Если мы будем упорствовать, то потеряем все…

— Что же делать?

— Сдать царю столицу, чтобы спасти самих себя и войско.

Бешир молча склонил голову.

Через час с башни главных городских ворот спустили зеленый флаг в знак того, что осажденные предлагают мир и просят прекратить приступ.

Немного погодя ворота открылись, и показались послы Нсыра, которые несли ключи от городских ворот для вручения их армянскому царю.

Спарапет сейчас же приказал трубить сигнал к перемирию.

На следующий день состоялся победный въезд армянских войск в Двин.

Первым вступил в город араратский полк Геворга Марзпетуни со спарапетским знаменем. За ним следовали союзные князья со своими полками и княжескими знаменами. Затем во главе конницы ехал сепух Ваграм, а за нею двигались царская конница с царским знаменем и сам Абас, окруженный знатными телохранителями. Шествие замыкал Гор с тыловыми полками, которые несли знамя дома Марзпетуни.

После взятия города спарапет поспешил узнать, где находится сюнийский князь Саак. Получив сведения, что Саак в цитадели, спарапет с одним из отрядом немедленно отправился туда и, войдя в старинный замок, освободил пленника и торжественно привез его к царю.

Увидя своего двоюродного брата целым и невредимым, царь, горячо обняв князя, сказал:

— Только ради тебя я прощаю востикана. Пусть он живет в своем дворце и пользуется благами Двина.

Сюнийские родственники встретились друг с другом со слезами радости на глазах. Вместе с ними радовались и остальные князья.

После этого царь в сопровождении спарапета Геворга, всех князей и войска направился в храм св. Григория, чтобы возблагодарить бога за победу, которую он им ниспослал.

Государя встретило торжественным крестным ходом все духовенство Двина.

По выходе из собора Абас проехал во дворец Тикнуни, который по приказанию спарапета был уже готов к приему царя.

На следующий день армяне освободили и патриаршие покои, изгнав оттуда арабских служащих. Одновременно были отобраны у арабских эмиров и другие царские дворцы и крупные здания, захваченные ими.

Когда Геворг Марзпетуни впервые вошел в большой зал дворца католикоса, где обычно стоял патриарший трон, он от волнения прослезился.

— Вот наконец освободили и патриаршие покои! — воскликнул он дрогнувшим голосом. — Но где же католикос? Где его престол? Почему этот человек не уповал на божью помощь?

Он говорил о покойном католикосе Иоанне; из-за его робости и слабоволия пришлось перенести патриарший престол на далекий Ахтамар.

Но все же народ ликовал, потому что столица наконец была взята руками армянских воинов.

7. Пятнадцать лет спустя

Прошло пятнадцать долгих лет. Все это время в Армении мирно царствовал Абас.

Народ позабыл о прежних нашествиях, грабежах, опустошениях и прочих бедствиях. Крестьянин спокойно пахал и засевал поля, садовник возделывал лозы и деревья, не опасаясь, что внезапное нападение врага уничтожит плоды его трудов. Пустынные земли, разоренные виноградники, запущенные сады вновь зазеленели и

украсились дарами природы. И так как в стране воцарился прочный мир, то не только вернулись армяне, когда-то покинувшие родину, но и множество людей из соседних стран переселилось в Армению. Разрослись села, благоустроились города, расцвели ремесла, оживилась торговля.

Жизнь забила ключом. Начался новый расцвет науки и искусства. Армянские монастыри, которые во времена смут опустели и были разорены, снова стали благоустраиваться. Разбежавшиеся и изгнанные монахи вернулись в свои обители, восстановили разоренное, отстроили разрушенное, собрали братию и, прилежно трудясь, стали насаждать в монастырях науку и письменность. Армянские монастыри со времен Нерсеса Великого и св. Саака, кроме забот о духовных нуждах народа, опекали больных и убогих, давали приют странникам. Теперь все это возобновилось. Во многих монастырях были открыты сиротские приюты, больницы и подворья. Этому покровительствовал сам царь Абас, ссужая одних из царской казны, другим жалуя поместья.

При царе А басе в области Аршаруни возник монастырь Камурджадзора, в котором обитало более трехсот монахов. В той же области получил известность монастырь Капутакар, монахи которого отличались высокой ученостью. В Шираке прославились монастыри Ромос, где нуждающимся давали не только пищу, но и одежду, и обитель Диреванк, в которой процветали науки и письменность. В Харбердской области получил известность монастырь Мовсесаванк, в Карине — пустынь Индзут, в ущелье Вайотц — обитель Цахяц. Наконец в провинции Рштуни был основан Нарекский монастырь, из которого вышли Ананий Нарекаци, опровергший тондракийскую ересь[31], и великий лирик Григор Нарекаци.

Но мирные годы не ослабили воинский дух царя. Уделяя много внимания благоустройству страны, он не прекращал заботиться о защите государства от внешних врагов. Он знал, что его страна соседствует с варварскими племенами, которые всегда могут на нее напасть.

С этой целью царь занялся подысканием удобного места для столицы. Еразгаворс был лишен необходимых укреплений, а Двин, расположенный на открытой местности, требовал больших сил для защиты.

Царь, не забывая ни на минуту о неприступной Ванской крепости, решил создать подобную ей мощную твердыню, чтобы избежать бедствий, перенесенных его предшественниками.

Он посоветовался с Геворгом Марзпетуни, человеком многоопытным в военном деле и хорошо знавшим свою страну. Марзпетуни указал ему на город Карс Ванандской области. По словам князя, Карс можно было превратить в неприступную и мощную твердыню.

Этот город-крепость в давние времена принадлежал храбрым ванандским родоначальникам. Время основания его относилось к незапамятному прошлому. Карс находился в центре Ванандской области, на реке Карутц. С запада и севера его окаймляла глубокая река со скалистыми берегами, которые прекрасно защищали город. С востока и юга поднимались стены и остроконечные башни.

На северо-западе города находилась цитадель. Высясь на неприступных скалах, она была защищена с двух сторон глубокой рекой, с двух других — скалистыми утесами.

Избрав этот город местом своей столицы, царь Абас стал прежде всего укреплять цитадель.

Он окружил ее грозной стеной с зубчатыми бастионами. Для наблюдения за окрестностями царь выстроил в восточном углу высокую гранитную башню. Вход в крепость он замкнул железными воротами, а перед ними воздвиг каменные преграды. Внутри крепостных стен были выстроены склады для оружия и припасов. Посредине же царь приказал вырыть огромный водоем с тремястами каменными ступенями. Таким образом, вопрос о запасах воды, недостаток которой часто служил причиной падения крепостей, был разрешен.

Окончив работы в цитадели, царь стал укреплять город. Восточную и южную стороны он окружил второй стеной с четырехугольными башнями и приказал окопать город рвом, который соединялся с рекою на западе и севере, делая город почти островом. Карс с трех сторон был окружен холмами, скалами и глубокими ущельями. Царь построил вокруг множество башен и небольших крепостей, которые оборонялись войсками и сторожевыми отрядами.

Покончив с этим, царь взялся за благоустройство города. Он выстроил великолепный дворец, а в цитадели прекрасный замок, после чего перенес свой престол из Еразгаворса в Карс и объявил его столицей. Затем он стал украшать город великолепными зданиями, соборами, новыми улицами и сводчатыми мостами, построил бани и водопровод.

В короткий срок столица наполнилась многочисленным населением. Открылись разного рода мастерские, возникло ткацкое производство, оживилась торговля. Карс превратился в многолюдный и богатый город.

Настал 943 год. Исполнилось пятнадцатилетие царствования Абаса. В этом году он заканчивал одну из главных построек Карса, начатую тринадцать лет назад.

Это была великолепная церковь св. Апостолов, которую благочестивый царь основал в 930 году в ознаменование своего вступления на престол. Храм — совершенный образец зодчества того времени — был воздвигнут у подножья цитадели, на живописном холме. Снаружи он был богато украшен резьбой, внутри имел вид креста с восемью закругленными концами; в нем было двенадцать ниш, и каждую украшал лик апостола. Конусообразный купол покоился на сводах, не поддерживаемых колоннами.

Все пятнадцать лот царствования Абаса страна и народ наслаждались миром, и царь пожелал в ознаменование этого устроить торжественный праздник освящения нового храма.

Он послал католикосу, князьям и потомкам нахараров, армянской знати, духовенству и царственным соседям приглашения в престольный город Карс на освящение нового храма.

Этим решил воспользоваться князь Марзпетуни, чтобы освободиться от клятвы, данной им в замке Гарни. Несмотря на то что родина уже давно вкушала мир, а престол был в безопасности, он все еще считал себя связанным обетом.

Хотя арабы были уже разбиты и изгнаны, хотя Двин находился в руках армян, а арабские властители не решались больше тиранить армянский народ, все же в Двине еще сидели арабские эмиры, а в армянских областях жило арабское население, которое нельзя было изгнать из опасения вызвать этим гнев арабского халифа. Вот почему князь Марзпетуни все еще не возвращался в Гарни, считая, что, поскольку бог не помог ему изгнать из Армении всех арабов, значит, он не желает его возвращения в лоно семьи.

Все это время он жил при царском дворе, сперва в Еразгаворсе, а последнее время в Карсе. Его навещали и княгиня Гоар, и невестка Шаандухт, и сын Гор. Но сам он никогда не переступал порога своего замка.

Князь состарился, в последнее время у него все чаще и чаще появлялось желание испросить у католикоса освобождение от клятвы, чтобы после смерти иметь право быть похороненным в крепости Гарни рядом с могилой св. Маштоца.

Царь Абас, узнав, что его дорогой спарапет хочет во время освящения вновь выстроенной церкви получить освобождение от данного им обета, поспешил послать приглашение католикосу, чтобы доставить удовольствие благодетелю родины.

В Карсе уже готовились к торжествам, когда неожиданный случай помешал намерениям царя и спарапета.

От тайского князя пришло известие, что абхазский царь Бер с большим войском вступил в Тайскую область и оттуда продвигается в Гугарк.

За пятнадцать лет, в течение которых абхазцы жили в мире и спокойствии, они сумели снова подготовиться к войне, и царь Бер, вспомнив о соглашении с Цлик-Амрамом, в силу которого северные области Армении некогда достались ему, собрал снова войска и перешел границу.

Известие об этом взволновало миролюбивого царя Абаса. Он высоко ценил и щадил жизнь своих воинов. Кроме того, Бер был его шурином: царь все же надеялся уговорить его отозвать войска и вернуться в свою страну.

Посоветовавшись со спарапетом Геворгом, Абас написал послание Беру.

«Если не особая причина, — писал Абас, — заставила тебя нарушить покой наших стран, то вспомни, что я твой зять и твой сосед-христианин. Следовательно, дружба со мной тебе выгоднее, чем вражда. Подумай об этом серьезно. Перестань лелеять мечты завоевателя и знай, что народ, который заставил тебя молчать пятнадцать долгих лет, заставит тебя умолкнуть навсегда, если ты не захочешь по доброй воле вернуться в свою страну».

Царь вручил это письмо князю Гору с тем, чтобы в случае отрицательного ответа абхазского царя Гор ознакомился с военными силами абхазцев и затем вернулся в Карс.

До встречи с Гором абхазский царь прошел уже Гугарк и, вступив в провинцию Ардаган, разбил свой стан на правом берегу реки Куры, к северу от крепости Ардаган.

Князь, приехав в абхазский стан, представился царю.

Бер не был уже прежним стройным юношей; он располнел, лицо у него огрубело, взгляд стал холодным. Густые усы и борода придавали ему суровый и внушительный вид.

Бер принял Гора очень надменно и, взяв у него письмо армянского царя, передал своему писцу, приказав читать вслух при абхазских князьях.

Во время чтения письма на лице его играла презрительная усмешка. Когда писец дошел до последних строк, где Абас предупреждал Бера, что «армяне заставят его умолкнуть навсегда», Бер рассвирепел.

— Вернись и скажи своему царю, что я не считаю нужным объяснять ему, зачем вступил в его страну. Скажу только, что я слышал, будто он выстроил новый великолепный храм в Карсе и собирается освятить его.

Скажи, что я пришел, чтобы освятить этот храм по нашему обряду, и, пока я не вступлю в Карс, он не посмеет устраивать никаких торжеств…

— Очень хорошо, грозный царь, в таком случае мы сами встретим тебя и с почетом проводим в нашу столицу, — ответил насмешливо Гор.

Гор вернулся в Карс и, представ перед царем Абасом, сообщил ему ответ Бера и дал отчет о выполненном поручении.

Выслушав Гора, царь воскликнул:

— Молодец! Ты ответил ему, как подобает послу армянского царя и сыну храброго спарапета. Мы встретим этого наглеца и, если бог поможет, научим его, как освящать наши церкви по чужеземным обычаям.

Затем царь объявил спарапету свою волю — идти скорей на Гугарк и отрезать Беру дорогу в Ванад.

Князь Марзпетуни, который до возвращения сына уже привел в боевую готовность войска, узнав от Гора, что к абхазцам присоединилось несколько кавказских племен, послал гонца к сюнийским князьям, чтобы они поспешили со своими войсками в Гугарк. Сам же, разделив армию на четыре отряда, военачальником первого назначил царевича Ашота, который был уже взрослым юношей и учился у него, военному делу, военачальником второго — Гора, третьего — сепуха Ваграма. Командование четвертым отрядом князь Марзпетуни взял на себя.

Царь Абас, не желая оставлять спарапета одного, присоединился к нему со столичными полками.

Абхазский царь все еще находился в Ардагане. Узнав о том, что армянские войска стекаются в Вананд, он не

решался перейти Куру. Ему хотелось разведать силы противника и тогда уже избрать ту или иную тактику.

Через несколько дней армянская армия вступила в Ардаган и стала продвигаться к северу. Приблизившись к абхазскому лагерю, она разбила свой лагерь на левом берегу Куры.

Уже состарившийся спарапет Геворг, увидев вражеский стан, словно помолодел и преисполнился сил, Дав воинам покой на несколько часов, он оседлал коня, поднял войско на ноги и стал приводить его в боевую готовность. Он опасался неожиданного нападения абхазцев.

Старый князь, думавший в последнее время только о смертном часе и об освобождении от своей клятвы, вдруг ожил, увидев лагерь исконного врага Армении… Дух мести заговорил в старике, и он поклялся или умереть, или окончательно разбить векового врага.

Он имел право дать такую клятву. В этот час он чувствовал, что годы не властвуют над ним, что он владеет мечом, как прежде, и пронзает копьем так же метко, как тридцать лет назад.

И действительно, верхом на горячем коне он, как юноша, носился по полю, отдавая приказания. Белоснежные волосы и борода придавали ему величественный вид, а голос был тверд, как десятки лет назад. Воины обожали своего старого полководца.

В первый же день спарапет и другие военачальники собрались к царю на совет.

Князь Марзпетуни, как самый опытный, посоветовал начать наступление в ту же ночь или на рассвете.

— Это очень важно, — говорил он, — ведь абхазцы надеются на то, что мы устали от перехода и постараемся избегнуть схватки. Они не сумеют оказать сильного сопротивления.

— Да, чтобы смутить неприятеля и одержать победу при небольших потерях, это самый лучший способ, — сказал царь. — Но как переправить нашу армию через Куру?

— Кура в этом месте неглубока, — ответил Марзпетуни, — пока это только речка, спускающаяся с Карсских гор. Конница может легко ее перейти вброд, а пехота должна помогать нам с берега.

— Кто поведет конницу? — спросил царь.

— Я и сепух Ваграм; царевич и Гор останутся на берегу и будут ждать твоих распоряжений, государь, — ответил спарапет.

Царь согласился на предложение князя и приказал на заре выступать.

Перед рассветом армянская армия была уже готова к наступлению.

Царевич и Гор расставили свои пешие отряды на берегу Куры на один аспарез дальше от лагеря, как раз напротив абхазцев, и ждали сигнала к нападению. Геворг Марзпетуни с конницей переправился на противоположный берег Куры. Чтобы не быть замеченным абхазцами, он отошел на несколько парасангов от лагеря и там переправился через реку.

Когда заалел восток, спарапет приказал войскам ускорить шаг.

В абхазском станс было спокойно. Царь и князья еще спали, а большая часть войска находилась в шатрах. Как только рассвело настолько, что можно было разглядеть противоположный берег реки, караульные абхазцы увидели, что армянские войска выстроены рядами против них. Они сейчас же дали знать своим начальникам. В лагере начался переполох. Абхазцы сами намечали наступление на этот день, но не в столь ранний час. Военачальники приказали сейчас же взяться за оружие. Абхазцы еще готовились, когда армянская конница, с грозными криками, как ураган обрушилась на них.

Абхазцы, растерявшись, выскочили из шатров и тщетно старались построиться. Многие из них были безоружны, а некоторые даже полуодеты. Армяне, не дав им опомниться, ринулись на них. Голоса военачальников ободрили смешавшихся воинов, и они наконец составили сплошной фронт. Скоро подоспели новые вооруженные отряды, которые, присоединившись к товарищам, стали храбро сопротивляться армянам. Но все же натиск армянской конницы был настолько силен, что абхазцы, хотя и бились геройски, не смогли остаться в черте лагеря. Армяне прогнали их с укрепленных позиций, и бой разгорелся в открытом поле.

В это время показался царь Бер, окруженный телохранителями, и стал подбадривать своих воинов. Абхазцы, которые уже начали отступать, воспрянули духом и оказали врагу яростное сопротивление.

Армяне за это время успели оттеснить их к берегу, ближе к своим лучникам, которые осыпали врага таким сильным градом стрел, что абхазцы смешались. Они не знали, сражаться ли им с конницей или защищаться от лучников, которые не давали им времени даже прикрыться щитами.

Несмотря на геройское сопротивление, абхазцы вскоре поняли, что они не в силах отогнать армян, которые били их с двух сторон. Оставив поле битвы, они бросились бежать. Ни окрики царя, ни угрозы военачальников не смогли вернуть воинов, которые в ужасе устремились прочь от врага.

Армяне с криками бросились за ними. Пехота перешла реку вброд и, выйдя на берег, тоже стала преследовать убегающих.

Отогнав врага на довольно большое расстояние, армяне собрали добычу и вернулись в свой лагерь.

В тот же день спарапет послал гонца в Сюник, чтоб известить князей Сисакян об одержанной победе и сообщить им, чтоб они не выводили своих войск из Сюника. Но гонец встретил сюнийские войска уже в пути, на границе Ардагана. Князья Саак и Бабкен, считавшие себя обязанными царю Абасу, хотели лично представиться ему и поздравить с победой. Поэтому они продолжали продвигаться к Ардагану.

Царский лагерь с приходом князей Сисакян принял еще более праздничный вид. Целых два дня продолжался праздник, воины жгли костры и предавались веселью, не предполагая, что абхазцы могут вернуться и неожиданно напасть на них.

На третье утро, в тот же самый час, когда на них напали армяне, абхазцы ударили по армянскому лагерю.

Царь Бер, разгневанный позорным поражением, вновь собрал армию, вооружил ее и повел против победителей. Перейдя ночью Куру, его войска подошли к армянскому стану в час утренней молитвы. Если бы они напали в полной тишине, то могло произойти большое

кровопролитие. Но абхазский царь, желая устрашить противника, приказал трубить в трубы.

Эти неожиданные звуки заставили содрогнуться армян, не ожидавших нападения.

Начальники выбежали из шатров и, встав во главе сторожевых отрядов, устремились к валу, чтобы не допустить противника в лагерь. А спарапет, пришпорив коня, помчался вперед и стал строить войска в боевой порядок.

Абхазцы в это время оцепили армянский стан и с громкими криками устремились на него. Часть из них поднялась на вал и стала вытеснять оттуда стражей, а другая окружила шатры.

Армяне дрались не на жизнь, а на смерть. Абхазцы собирались обезоружить их и теснили к шатрам. Армяне же силились прорваться сквозь абхазские полки. Бой разгорался все сильней и сильней. Обе стороны бились яростно и не отступали.

Царь Абас, уверенный в опытности спарапета, с минуты на минуту ждал, что он прорвет линию противника и отгонит его в поле, но, видя, что силы абхазцев прибывают, а армяне оттеснены к шатрам, он быстро вооружился, вскочил на, коня и, обнажив сверкающий меч, помчался на врага.

— Вперед, мои храбрецы! — воскликнул он, и голос царя вселил бодрость в армян.

Воины, увидев, что государь сражается в их рядах как простой воин, воодушевились и яростно бросились на противника. Царский меч проложил им дорогу, и абхазцы стали отступать. Столкновение происходило в лагере, где у

армян не было свободы действий, и отогнать абхазцев было трудно. Но одно обстоятельство помогло армянам.

Князья Сисакян, стоявшие со своими войсками на расстоянии одного аспареза от лагеря, узнав о внезапном нападении абхазцев, сейчас же привели в готовность свои полки. Разбив их на две части, они бросились на врага с двух сторон.

Абхазцы, столкнувшись с новым противником, вынуждены были биться на два фронта. В результате они стали кое-где отступать, а затем их постепенно начали оттеснять все дальше в поле. Таким образом, счастье стало вновь склоняться на сторону армян. Снова закипел яростный бой. Обе стороны сражались, не зная страха. Это была яростная битва двух царей, и с каждым из них были храбрые военачальники.

Но в этом бою могло бы погибнуть множество народа, если бы спарапет не прибегнул к старой парфянской хитрости. Он приказал Гору и царевичу бежать с ноля битвы и увлечь за собой абхазцев. Гор и царевич велели трубить отступление, и полки лучников стали убегать.

Абхазская конница, отделившись от лагеря, бросилась их преследовать.

Тогда армяне напали на оставшихся в лагере абхазцев и отбросили их к Куре.

Убегавшие армянские полки, увидев, что конница преследует их, мгновенно повернули назад и стали осыпать своих преследователей градом стрел.

Абхазцы оказались между двух огней. Им уже нельзя было идти ни вперед, ни вернуться в лагерь, потому что армяне преградили им дорогу. Оставался единственный выход — бегство.

Абхазцы, сражавшиеся в лагере, продолжали отступать к реке, надеясь собрать свои силы на другом берегу.

Оставив поле битвы, они, полк за полком, спешили к переправе. Но армяне не давали им возможности переправиться. Продолжая бой, они преследовали абхазцев до самой реки, а спасавшихся от меча топили в воде. Берег покрылся трупами, а река обагрилась кровью.

Царь Бер во главе своего отряда свирепо бился, но, заметив отступление остального войска, решил тоже прекратить сражение, так как упорствовать было уже бесполезно. В эту минуту его окружил полк сепуха Ваграма.

Видя грозящую ему опасность, Бер зарычал и, размахивая огромным мечом, стал рубить направо и налево, расчищая себе дорогу. За ним следовали его телохранители. Но перед ним были ванандцы, грозные и сильные воины, которыми предводительствовал сепух Ваграм.

Разгорелась яростная схватка. Убитых воинов сменяли новые, и все же абхазский царь оставался невредим. Еще немного, и он прорвал бы цепь ванандцев, если бы на него с ужасающей силой не опустилась плеть сепуха Ваграма и не сбросила царя-великана с коня.

Бер поднялся с земли, попытался вскочить на коня, но спешившиеся ванандцы задержали его. Они отняли у него меч и поволокли к шатрам. Такая же судьба постигла и телохранителей царя.

Весть о пленении Бера молнией облетела абхазцев. Не медля больше, они оставили поле боя и обратились в бегство. Армяне преследовали убегающих и многих истребили, дабы меньше оставалось врагов отечества.

8. Конец последнего врага

На следующее утро царь устроил смотр войскам, чтобы видеть, какой ценой он одержал победу, венцом которой было пленение вражеского царя. Он с грустью обнаружил, что упорная и яростная битва отняла у него около пятисот воинов. Огромные потери врага не утешили царя, ибо все мертвые абхазцы не могли ему заменить одного живого армянина.

Абас приказал привести к себе абхазского царя.

В просторной долине вокруг царского шатра были выстроены армянские войска. Количество их достигало нескольких тысяч. По обе стороны шатра стояли придворные и княжеские полки. За ними сепухский, араратский, басенский, сисакянский, утикский, тайский и другие. Перед каждым полком находился военачальник в праздничном вооружении.

Царя, стоявшего около шатра, окружали спарапет, царевич, сепух Ваграм, сюнийские князья и царская свита. Все ждали плененного царя.

И вот в конце лагеря показался князь Гор на коне, с обнаженным мечом. За ним вели закованного в цепи абхазского царя и его князей. Их окружал отряд ванандцев, вооруженных копьями.

Пленного царя провели мимо длинного строя войск и поставили перед царем.

— Привет тебе, абхазский витязь, — заговорил спокойно царь.

— Привет, зять!.. — надменно ответил Бер.

— Ты еще осмеливаешься меня так называть? — спросил Абас.

— Да.

— Но ведь с тобой говорит царь-победитель…

— Он похититель моего наследства, и больше никто! — дерзко прервал его Бер.

— Я думал, что найду в тебе смирившуюся душу и кающееся сердце, — начал медленно царь. — Я думал, что ты покоришься и попросишь прощения за те злодеяния, которые совершил, за те потери, которые нанес и своему, и моему войску, бессовестно и жестоко предав мечу тысячи людей. Но ты упорствуешь и не раскаиваешься, ты говоришь со мной так же дерзко, как говорил с моим послом. Может быть, тебе надоела жизнь и ты ищешь смерти? Или ты забыл, с кем говоришь?

— Абхазскому царю, который властвовал над обширной страной, обладал несметным богатством, великолепными дворцами и прекрасными наложницами, жизнь не может надоесть. Это должно быть известно моему зятю. А с кем я говорю, я тоже знаю. Ты армянский царь, победил абхазцев и взял в плен их храброго царя. Скажу, это большая слава для тебя; но я не удвою этой славы, смирившись пред тобой и прося прощения. Пусть цепи сковывают мне ноги, но им не сковать мой гордый дух. Я — твой враг и останусь им навсегда. Не думай, что неудачи заставят меня когда-нибудь склонить пред тобой голову.

— Если так, то и я обойдусь с тобой как с врагом, а не как с родственником. Гордись, сколько хочешь, но знай, что твоя спесь не убавит ни одного звена из твоих цепей и не увеличит моего уважения к тебе. Свободолюбивый царь не покушается на свободу друга. А ты не только возымел такое желание, но захватил мои земли, посягнул на свободу моего народа и угрожал освятить армянскую церковь по чужеземному обряду… Ты тиран и, что самое преступное,

враг моего престола. Бог против тиранов и уничтожает их, он предал тебя в мои руки. Насильника я мог бы еще пощадить, но щадить врага моей родины я не имею права.

Сказав это, он обратился к Гору:

— Ты обещал, князь, проводить царя Бера до нашей столицы. Выполни свое обещание, и пусть этот храбрец увидит храм, который собирался освятить по чужому обряду.

Царь вошел в шатер, не удостоив Бера взглядом, а ванандцы увели пленных.

Через несколько дней престольный Карс принял праздничный вид. Его многочисленные здания, княжеские дворцы, балконы, даже башни и бастионы украсились пестрыми тканями, коврами и флагами. На пути от городских ворот до царского дворца в нескольких местах были воздвигнуты триумфальные арки, увитые гирляндами зелени и цветов и украшенные гербами. На улицах и площадях складывались костры для ночных празднеств.

Улицы были полны народу, всюду царило оживление. На крышах, балконах и у окон стояли женщины и девушки, которые обычно не показывались открыто на улицах, и с нетерпением вглядывались в даль.

Все готовились к радостной встрече возвращавшегося с победой царя Абаса и его войск.

Толпы народа высыпали на дворцовую дорогу, поднялись на крепостной вал и на холмы, чтобы лучше видеть проходящие войска.

Весть о победе армян и пленении абхазского царя и его князей уже дошла до города. Все горели нетерпением

увидеть дерзкого врага, который угрожал войти в Карс и освятить царский собор по своему обряду.

Но вот наконец послышались звуки труб и показалось знамя передовых отрядов. Народ, движимый какой-то неведомой силой, подался вперед и огласил воздух радостными криками. Наконец показались пешие полки, за ними конница, и вскоре вся восточная долина Карса заполнилась войсками.

Когда они приблизились к черте города, народ окружил их, казалось не желая пропускать дальше. Когда же прошли передовые полки и появилось царское знамя, воздух задрожал от громовых возгласов: «Да здравствует царь!» Немного погодя показался и сам царь, гордый и величественный, одетый в золотые доспехи. Белоснежное перо развевалось над золотым орлом, украшавшим его шлем. Он сидел на коне, покрытом золоченой броней, окруженный знатными телохранителями. Подъехав ко все возраставшей толпе, волновавшейся как море, царь с ласковой улыбкой на устах кивал в ответ на громкие приветствия.

За царем шла ванандская пехота, которая вела царя Бера и его князей, закованных в цепи.

При виде пленных в толпе раздались крики ликования, а наиболее ретивые из зрителей стали насмехаться над пленниками. Но спарапет, ехавший за ванандцами, поднял руку, и насмешки прекратились.

— Когда царь въехал в городские ворота, его встретило крестным ходом духовенство и проводило в собор. А войска, вступив в город, заполнили все улицы и площади. Мужчины приветствовали победителей радостными криками, а женщины осыпали их цветами.

Царица Гургендухт, окруженная свитой и княгинями, ждала царя в соборе. Все кругом радовались, лица всех сияли. Только одна царица была печальна. Торжественный праздник и доносящиеся снаружи ликующие крики были вызваны несчастьем, постигшим ее родного брата, ее родину. Как могла она радоваться, зная, что в эту минуту родина ее в тяжком горе?

Но как армянская царица она должна была, скрыв свою печаль, выйти к народу и не омрачать радости других. Царские обязанности брали верх над родственными чувствами: царица приказывала сестре забыть о несчастье брата и радоваться победе мужа и царя… Только тонкая женская душа могла скрыть такое горе под приветливой улыбкой.

После того как духовенство отслужило молебен в присутствии царя, спарапета, придворных и всех князей, царица подошла к царю и поздравила его с победой.

Царь, горячо любивший жену, прочтя в ее глазах печаль, сказал:

— Бог и святая церковь свидетели, что армянское войско поступило справедливо. Твой брат Бер угрожал моему престолу и нашей родине. Армянские воины защищали эти святыни.

— Тот, кто угрожает твоему престолу и родине, не может быть моим братом, — произнесла царица торжественно.

— И если бог накажет его, ты не должна убиваться, — добавил царь, — ибо он воздает должное.

От этих слов сердце царицы сжалось. Она поняла, что брату грозит какое-то новое несчастье, но в присутствии придворных, князей и княгинь не решалась спросить.

Подозвав к себе княгиню Гоар, она прошептала ей на ухо:

— Узнай от спарапета, где находится брат.

— Он здесь, в городе, — ответила Гоар.

— Я знаю, но куда его поместили?

— Говорят, что его отвели в храм святых Апостолов.

— В храм святых Апостолов? Зачем? — спросила испуганно царица.

— Не знаю.

— Спроси спарапета. Узнай, что они намереваются сделать с ним. Слова государя не предвещают ничего хорошего. Я боюсь, у меня сжимается сердце… Пойди, княгиня, узнай!.. Если они приняли какое-нибудь ужасное решение, нам надо помешать этому…

— Сейчас, моя повелительница, сейчас, — сказала княгиня и направилась к Гору.

Носилки царицы и знатных женщин уже удалялись от церкви, когда княгине наконец удалось увидеться со спарапетом.

— Князь, куда увели Бера и что с ним собираются делать? — спросила она у Марзпетуни.

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь, дорогая княгиня?

— Я хочу знать…

— Мы его отправили в церковь святых Апостолов.

— Зачем?

— Чтобы он молился.

— Ты шутишь? — воскликнула княгиня.

— А ты?

— Я спрашиваю серьезно.

— И плохо делаешь. Ты должна знать, что князь Марзпетуни до сего дня ни одной женщине не говорил о своих намерениях… Ты можешь спросить меня только о совершившемся.

— Но…

— Что такое? Говори.

— Сама царица желает знать.

— Царица?.. О, ты этого могла не говорить… Я так и предчувствовал… Но раз ты сказала, я обязан ответить. Пойди и скажи царице, что на поле боя мы потеряли пятьсот храбрых воинов и ни одна сестра не пришла узнать, где ее брат и что с ним сделали.

Сказав это, спарапет отошел от княгини.

«Я это знал… Я предчувствовал… Мы не можем приказать сердцу сестры не страдать. Поторопимся же, чтобы женские чары и мольбы не испортили дела», — прошептал про себя спарапет, следуя за царем.

Что же происходило в церкви святых Апостолов?

За несколько дней до этого, когда войско еще стояло лагерем в Ардагане, царь собрал на совет князей, чтобы решить участь пленного Бера.

Некоторые из князей советовали казнить его, другие — заключить в темницу, а спарапет потребовал, чтобы его ослепили.

Царь, не желая причинять горя царице, стоял за заключение в тюрьму, и в то же время ему не хотелось отказывать спарапету, которому он стольким был обязан.

— Ослепление такой же грех, как убийство. Если я ослеплю Бера, то это преступление будет тяготеть над тобой. А я не хочу, чтобы это помешало тебе выполнить твое сокровенное желание.

— О чем ты говоришь? — спросил спарапет.

— Ты хотел освободиться от клятвы и вернуться в Гарни, в свой дом. Имей в виду, что после ослепления Бера католикос не освободит тебя от клятвы.

— Пусть я никогда не вернусь в свой дом, пусть мой прах не будет покоиться в родной земле, но родина избавится от лютого врага! — воскликнул Марзпетуни. — Если бы я был уверен, что, получив свободу, Бер оставит наши границы в покое, я бы первый просил о пощаде. Но он — змеиное отродье и не успокоится, пока его не раздавят. Неужели ты думаешь, что заключением в темницу ты избавишься от него? Нет темницы, двери которой не открыл бы подкуп, а низкие люди всегда найдутся. Этого человека надо взять в Карс, показать ему храм, над которым он хотел надругаться, и перед этим храмом ослепить, чтобы он и его близкие почувствовали силу армянской церкви. Это наказание жестокое, но если Каиаффа мог сказать про невинного Христа, что лучше, «если один человек умрет ради народа, но не погибнет весь род», — не будет ли справедливым применить эти слова к преступнику, который стал причиной гибели множества воинов? Сколько бедствий принес нашей стране отец его,

князь Гурген! Мы надеялись с его смертью избавиться от постоянного врага на северных границах, но сын пошел по стопам отца… Бог предал его в наши руки. Если мы сейчас не ослепим его, он нарушит мир новыми войнами. Тогда нас проклянут народ и души тех воинов, которые пали по прихоти этого изверга…

На царя подействовали слова спарапета, и, не в силах больше противиться его требованию, тем более что и другие князья согласились с Марзпетуни, он обещал ослепить Бера.

Но спарапет, боясь, что царь по возвращении в Карс может уступить мольбам царицы, испросил разрешение наказать Бера сразу же по вступлении в город.

Вот почему Бера отвели в церковь св. Апостолов и все поспешили туда же.

Когда царь со своей свитой прибыл в новый собор, там уже собралась огромная толпа народа. Там был и Бер с пленными князьями. Их охраняли ванандцы, вооруженные копьями.

Царь избегал взгляда царицы, стремясь поскорее осуществить принятое решение. Сойдя с лошади, он подошел к Беру и, взяв его за руку, сказал:

— Иди же, осмотри церковь, которую ты собирался освятить по своему обычаю…

Он привел царя Бера в храм и, указывая на внутренность храма, сказал:

— Посмотри, как хорош он! Он выстроен на четыре крыла и разделен на двенадцать ниш. В каждой из них ты видишь лик одного из апостолов. Смотри на купол, как он красив! Он покоится на сводах, не поддерживаемых

колоннами. Смотри на алтарь, как он высок! Смотри во все глаза, потому что ты никогда больше не увидишь этого.

Сказав это, царь вывел Бера и, показывая церковь снаружи, сказал:

— Видишь, храм уже готов, мы должны были освятить его, но ты нам помешал, потому что хотел освятить его по своему обычаю. Господь этого тебе не позволил, ибо он против злодеев. Но в освящении нашей церкви ты все же примешь участие. У нас в обычае перед освящением церкви приносить богу жертву. Вот этой жертвой будешь ты, чтобы хоть немного искупить свое преступление…

С этими словами он оставил Бера и, повернувшись к Марзпетуни, сказал:

— Спарапет! Вот человек, который был причиной гибели твоих пятисот воинов. Воздай ему должное!

Затем царь сел на коня и со свитой отъехал от церкви.

Спарапет подошел к Беру.

— Есть законы, о абхазский царь, — сказал он, — которые служат счастью и благоденствию народа. Презревших эти законы постигает небесная кара… Ты в своей жизни попрал немало таких законов и у многих отнял благо и счастье. И если сегодня тебя постигнет божья кара, проклинай не нас, а того, кто стал причиной твоего несчастья, — проклинай Бера, именовавшего себя «абхазским царем»…

Сказав это, он велел позвать главного палача.

Палач повел Бера в ближайшую темницу и там выколол ему глаза.

Когда царь Абас вернулся во дворец, царица, с трепетом ожидавшая его, вышла к нему навстречу.

— Где брат мой, преславный государь?

— Мы оставили его в застенке, — ответил царь, стараясь не смотреть на нее.

— Что вы с ним сделали? — воскликнула царица в ужасе.

— Ослепили, — был ответ царя.

Царица громко вскрикнула и без чувств упала на руки прислужниц.

Прошло несколько недель. Абхазские князья узнали о несчастье, постигшем их царя. С ценными дарами они пришли к царю Абасу с просьбой освободить Бера и пленных князей.

Абас назначил не только большой выкуп, но и потребовал возмещения всех убытков, которые причинил ему Бер.

Абхазские князья исполнили его требование. Они выплатили выкуп, возместили военные убытки и заключили вечный мир. Затем, взяв слепого царя и князей, вернулись в Абхазию.

Это немного утешило царицу. Ее брат, хоть и слепой, вернулся на свой престол, а страна получила сполна за понесенные убытки.

Так закончился спор о северных границах, поднятый Цлик-Амрамом. В Армении, обезопасившей себя и с этой стороны, снова на долгие годы воцарился мир.

9. Смерть героя

После описанных нами событий царь Абас занялся внутренними делами своей страны, стараясь укрепить союз с князьями и привлечь на свою сторону недовольных. Для этого представился удобный случай — торжественное освящение нового кафедрального собора, которое состоялось осенью 943 года.

На нем по приглашению царя присутствовали: католикос Ананий, который только что вступил на ахтамарский престол, старейшие епископы Армении, царь Васпуракана Ашот Дереник, владетели агдзинцев, могцев и Туруберана, князья Сюника, Гугарка, Тайка и другие, сын Саака Севада — Давид, много именитых людей и несметное количество народа.

После освящения собора и празднеств, которые продолжались несколько дней, по предложению князя Геворга Марзпетуни был заключен всеобщий союз армянского государства. В силу этого союза, все армянские князья, нахарары и царские дома объединялись и клятвенно обещали, в случае нападения врага на одну из областей Армении, вооружиться и действовать по приказу араратского царя. Этот договор огласил в только что освященном соборе сам католикос Ананий. Под ним подписались араратский и васпураканский цари и все армянские князья, поклявшись при этом свято и нерушимо хранить союз, который должен был служить усилению мощи родины и благоденствию армянского народа.

Царь Абас одарил ценными подарками своих высоких гостей и дружески с ними расстался.

Кроме того, некоторых князей царь удостоил особых милостей. Так, например, владетелям агдзинцев и могцев, которые всегда помогали своими войсками царской армии, даровал новые земли и титул великих князей. Сюнийским родственникам, доказавшим свою верность престолу, царь

передал несколько граничащих с их областью провинций. Сепух Ваграм, самоотверженно участвовавший во всех боях, был назначен полномочным наместником над землями Утика и Агвана, и ему были предоставлены все права и доходы, которыми пользовался Цлик-Амрам при Ашоте Железном.

Князя Давида, сына Саака Севада, царь утвердил в правах владетеля Гардмана, вручив ему княжескую власть над этой страной, чтобы тем самым положить конец раздорам, которые начались там со времени царствования Ашота Железного. Царица Сааканyйш из Еразгаворса переехала на свою родину в Гардман, чтобы провести остаток своих дней с братом. Из уважения к ней царь Абас подарил князю Давиду еще несколько провинций страны Агван.

Что касается Геворга Марзпетуни, то царь не знал, как отблагодарить своего достойного соратника, патриотизму которого был обязан упрочением своего престола, а родина — благоденствием.

— Во всем моем царстве нет такого сокровища, которым я мог бы вознаградить тебя, — сказал он Марзпетуни в присутствии всех князей. — Единственной и достойной наградой тебе будет титул «Благодетеля Родины», который я отныне и присваиваю тебе.

Сказав это, царь взял руку Марзпетуни и горячо ее поцеловал.

Старый князь был глубоко тронут. Обняв царя, он поцеловал его в голову.

— Бог уже вознаградил меня, — сказал он. — Я вижу свою родину мирной и счастливой, царский престол в безопасности, армянских князей в единении, врагов изгнанными. Сейчас я могу со спокойным сердцем сказать:

«Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, яко видесте очи мои спасение Израиля».

Что делал после того Благодетель Родины? Убеленный сединами, он, как и прежде, оставался жить при дворе, не считая возможным для себя вернуться в Гарни.

Он продолжал носить звание спарапета царских войск, хотя его обязанности выполнял Гор.

При дворе, начиная с царя и кончая последним придворным, все его любили и оберегали. Народ обожал его. Имя Геворга Марзпетуни стало для армян священным. Когда он выезжал на прогулку или представал перед войсками, всюду встречали его криками радости. Каждый хотел его видеть, беседовать с ним. Старый спарапет, потрудившийся много на своем веку, неустанно призывал к деятельности молодых. Он будил в них дух любви к родине, дух единения, разжигал патриотические чувства.

— Каждый из вас может превзойти меня, — часто говорил он собиравшейся вокруг него молодежи. — Надо только искренне любить родину, действовать самоотверженно, невзирая на опасность. Когда в дни бедствий я вышел на поле брани, со мной было всего двадцать человек. Иные меня считали безумцем, другие смеялись надо мной. В их числе были и те князья, которые со своими войсками заперлись в замках… Но я положился на бога и на свою волю и, как вам известно, преодолел все трудности. Я доказал миру, что может сделать только один человек, когда его вдохновляет благороднейшее из чувств — любовь к родине.

Пусть каждый из вас вооружится той же верой в родину, которая жила во мне, той любовью, которую я питал к своим братьям, той надеждой, с которой я положился на бога, и он увидит, что невозможное станет

возможным, препятствия исчезнут сами собой и опасности перестанут угрожать. Больше всего любите единство, потому что это сила, рассекающая горы, сметающая все преграды, останавливающая течение рек. Научитесь жертвовать во имя единения самым дорогим для вас в мире, и оно принесет вам и вашим детям то счастье, которого ищут многие, но находят далеко не все.

* * *

Прошло еще несколько мирных лет, жизнь Благодетеля Родины клонилась к закату. Когда он почувствовал близкую кончину, он позвал своего сына Гора и невестку Шаандухт, имевших уже детей, и дал им свое последнее наставление.

— Могущество народа — в семье, — сказал он. — Силен тот народ, который имеет крепкие семьи, живущие согласно, мирно и добродетельно. Крестьянские хижины, неприметные домики, в которых живут одетые в лохмотья бедняки, презираемые богачами, — в них-то и заключена подлинная сила отечества.

Тот, кто хочет видеть свой народ сильным и родину победительницей, должен прежде всего оберегать семью. Так заботливый садовник, чтобы укрепить дерево и получить плоды, печется о корнях, скрытых в земле, которые не видимы людям. Эти корни дают жизнь дереву. И как растение не может жить с высохшими или подточенными червем корнями, так не может существовать народ, в семьях которого царит порок.

Если для народа и родины такую опасность представляют развратники из простонародья, то тем более опасной и губительной может стать развращенность тех, кто правит народом. Вот вам пример: семья Ашота Железного. Сколько страданий и горя доставила этой семье его слабость и сколько бедствий принесла она родине!..

Ведая обо всем этом, мои любимые дети, выслушайте мой последний завет и свято выполняйте его. Он заключается в нескольких словах: любите друг друга! Любовь осчастливит вас и ваших детей. Она будет источником радости под вашим семейным кровом, и божье благословение снизойдет на дом Марзпетуни, наследниками которого вы являетесь.

Старый князь умолк. Гор и Шаандухт опустились перед ним на колени и горячо поцеловали ему руку, обещая свято выполнить заветы любимого отца.

Царь Абас, услышав, что князь день ото дня слабеет, навестил его, желая узнать, где бы он хотел быть похороненным.

— Моя клятва запрещает мне быть погребенным в Гарни, — сказал князь Марзпетуни. — Похороните меня в любом уголке моей родины.

— Я хотел бы, чтобы твой прах покоился в Багаране, в родовой усыпальнице Багратуни, — сказал царь.

— В Багаране? Да, возьми меня туда, но не хорони в склепе твоих предков. Правда, там лежит твой отец, царь-мученик, и герой брат, но там погребен и Ашот Деспот. Жизнь разлучила меня с этим изменником, пусть же и смерть нас не соединит.

— Каково же твое желание? — спросил царь.

— Похорони меня перед цитаделью, на скалистых высотах, откуда я мог бы следить за могилой Ашота Деспота… чтобы он не изменил святым, погребенным рядом с ним… — ответил князь слабеющим голосом.

Через несколько дней Благодетель Родины отдал богу свою праведную душу.

Весь двор, престольный Карс и араратские страны оплакивали его смерть, а Абас устроил ему царские похороны.

Тело князя Марзпетуни похоронили перед цитаделью Багарана, на грозном утесе, у подножья которого бились волны Ахуряна, вечным гимном славя подвиги несравненного героя.

Затем царь передал должность спарапета Гору как достойному наследнику великого патриота, а на могиле Марзпетуни велел заложить церковь св. Геворга, которая и поныне стоит там невредимая среди развалин исчезнувшего Багарана.

Конец